

Альбер Собуль

ПЕРВАЯ РЕСПУБЛИКА 1792-1804

перевод с французского *А.О.Зелениной* и *Д.Л.Каравкиной*
под редакцией *Н.В.Рудницкой*
по изданию:
Albert Soboul
La 1re REPUBLIQUE. 1792-1804
Paris: Calman-Lévy. 1968

Вступительная статья профессора *Альберта Захаровича Манфреда*
М.: Прогресс. 1974. 393 с.

Веб-публикация: **Vive Liberta**, ССХХI год Свободы

Все материалы, посвященные Великой французской революции, в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Материалы об Альбере Собуле и ссылки на другие его работы:
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#asb>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья

ВВЕДЕНИЕ

Основание Республики (август 1792 — январь 1793 года)
Значение событий 10 августа
Свержение монархии
Жирондисты и монтаньяры
Партии и голова короля

Часть первая. НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА (1793—1795 годы)

I. Первое банкротство либеральной Республики (январь—июнь 1793 года)

1. Кризис революции (январь—март 1793 года)

Дороговизна и натиск народных масс
Поражение и измена Дюмурье
Вандея

2. Конец Жиронды (март — май 1793 года)

Первые меры общественного спасения
События 31 мая — 2 июня 1793 года

II. Установление диктатуры общественного спасения (июнь—декабрь 1793 года)

1. Умеренные, монтаньяры и санкюлоты (июнь—июль 1793 года)

Меры примирения
Наступление контрреволюции
Ответный удар революционеров

2. Комитет общественного спасения и народный натиск
(август—сентябрь 1793 года)

Всенародное ополчение (23 августа 1793 года)

Народный натиск и движение 4—5 сентября 1793 года
Успехи народного движения и консолидация правительства (сентябрь—октябрь 1793 года)
3. Организация якобинской диктатуры общественного спасения
(октябрь—декабрь 1793 года)

Террор

Дехристианизация и культ мучеников свободы

Первые победы (сентябрь — декабрь 1793 года)

Декрет об организации Революционного правительства 14 фримера II года (4 декабря 1793 года)

III. Величие и крушение демократической Республики (декабрь 1793 года — июль 1794 года)

1. Борьба фракций и торжество Комитета общественного спасения
(декабрь 1793 года — апрель 1794 года)

«Заговор иностранцев» и дело Ост-Индской компании (октябрь—декабрь 1793 года)

Наступление «снисходительных» (декабрь 1793 года — январь 1794 года)

Контрнаступление крайних (февраль 1794 года)

Вантозский кризис и падение фракций (март—апрель 1794 года)

2. Якобинская диктатура общественного спасения

Революционное правительство

«Сила принуждения» и террор

Управление экономикой

Социальная демократия

Республиканская мораль

Национальная армия

3. 9 термидора II года (27 июля 1794 года)

Победа Республики (май—июль 1794 года)

Политический кризис: примирение невозможно (июль 1794 года)

Развязка: неудавшееся восстание

IV. Буржуазная реакция и конец народного движения (июль 1794 года — май 1795 года)

1. Наступление термидорианской реакции

Распад Революционного правительства и конец террора (лето 1794 года)

Политический конфликт: умеренные, якобинцы и санкюлоты (август—октябрь 1794 года)

Преследование якобинцев и санкюлотов (октябрь 1794 года — март 1795 года)

Реакция в области нравов: прежние и новые богачи, щеголихи и щеголи

Реакция в области религии и амнистия вандейцам

2. Экономический кризис и денежная катастрофа 174

Возврат к экономической свободе (август—декабрь 1794 года)

Крушение ассигната и его социальные последствия

3. Последние народные восстания (жерминаль и прериаль III года)

Народная оппозиция в Париже (зима 1794/95 года)

Восстание в жерминале III года (апрель 1795 года)

Восстание в прериале III года (май 1795 года)

Часть вторая. РЕСПУБЛИКА НОТАБЛЕЙ (1795—1799 годы)

I. Термидорианское наследие (1795 год)

1. На следующий день после прериала: белый террор и Киберон
(май—июль 1795 года)

2. Победоносный мир (1795 год)

Термидорианская дипломатия

Договоры 1795 года

Армия и война III года

3. Организация власти буржуазии

Права нотаблей

Организация власти

Первые шаги нового режима

II. Вторичное банкротство либеральной Республики (октябрь 1795 года — сентябрь 1797 года)

1. Крах внутренней стабилизации (1795—1797 годы)
Учреждение Директории
Сторонники Директории, якобинцы и роялисты
Конец выпущенных во время революции бумажных денег (1796 год)
Бабёф и «Заговор во имя равенства» (1795—1796 годы)
2. Завоевательная война (1796—1797 годы)
Армия при первой Директории (1795—1797 годы)
Бонапарт в Италии (1796—1797 годы)
3. Наступление роялистов и переворот в фрюктидоре (1796—1797 годы)
Роялистское наступление (1796—1797 годы)
Выборы V года и реакция
Государственный переворот 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 года)

III. Республика Директории между демократией и диктатурой (сентябрь 1797 года — ноябрь 1799 года)

1. Репрессии и реформы (1797—1798 годы)
«Террор Директории»
22 флореаля VI года (11 мая 1798 года) и репрессии против якобинцев
Реформаторская деятельность второй Директории
2. Вторая Директория и Европа
«Великая нация» и дочерние республики
Армия в VII году и весенняя кампания 1799 года
3. Последний революционный кризис (1799 год)
События 30 прериаля VII года (18 июня 1799 года)
Неоякобинский натиск и умеренная реакция
18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 года)

Часть третья. РЕСПУБЛИКА БОНАПАРТА (1799—1802 годы)

I. Консульская республика. Диктатура и стабилизация (ноябрь 1799 года — август 1802 года)

1. Организация диктатуры (1799—1800 годы)
Социальный фундамент или сила вещей
Наполеон Бонапарт
Конституция VIII года и государственная организация
2. Всеобщее умиротворение (1800—1802 годы)
Восстановление мира (1800—1802 годы)
Кризис IX года и ликвидация оппозиции
3. Социальная стабилизация и усиление диктатуры (1802 год)
Религиозная реакция и конкордат
«Организация нации»
Пожизненный консулат (1802 год)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ВОЙНА И ИМПЕРИЯ (август 1802 года — декабрь 1804 года)

1. Разрыв Амьенского мира (1802—1803 годы)
2. Конец Республики (1804 год)

Библиография

Указатель имен

Мне нет необходимости представлять советским читателям автора настоящей книги — профессора Альбера Собуля: его имя известно в нашей стране не только специалистам-историкам, но и широким читательским кругам. В разное время в переводе на русский язык были опубликованы две его книги¹, в том числе его основной труд — оригинальное обширное исследование о парижских санкюлотах в 1793—1794 годах, то есть на высшем этапе Великой французской революции. Имя Альбера Собуля не раз встречалось на страницах «Французских ежегодников», журналов «Новая и новейшая история», «Вопросы истории» как автора интересных и оригинальных статей, посвященных преимущественно одной большой теме — проблемам Великой французской буржуазной революции конца XVIII века.

Альбера Собуля как ученого и как писателя можно по справедливости назвать автором монотемы. Все его работы — а им опубликовано за 20 с лишним лет работы пятнадцать книг, не считая множества статей, — посвящены одной-единственной теме, — истории первой Французской революции XVIII столетия.

Пятнадцать книг по одной лишь теме! Быть может, это породит у читателей недоумение, даже какую-то неясность. Ведь Великая французская революция отнюдь не принадлежит к страницам истории, обойденным молчанием. Со времен Минье и вплоть до последних прославленных французских историков — Олара, Жана Жореса, Альбера Матъеза, Жоржа Лефевра — сколько выдающихся исторических трудов по этой проблематике было создано! И после этого — еще пятнадцать книг на ту же тему! Не перебивает ли старых авторов и самого себя Собуль? Заслуживают ли его работы вообще внимания? Такие вопросы или близкие к ним сомнения могут возникнуть у читателей, и своеобразие ситуации требует, по-видимому, объяснений.

В самой общей форме ответ на подобные недоуменные вопросы мог быть дан в ссылке на практику. важнейшие работы Альбера Собуля переведены на основные, распространенные в мире языки; его книги издавались во многих странах, и по справедливости Аль-

¹ А. Собуль, Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции, М., 1960; «Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры», М., 1966.

© Издательство «Прогресс», 1974

бера Собоуля надо признать ученым, имеющим действительно мировое имя. Сказанное отнюдь не означает, понятно, будто Собоуль совершил какой-то переворот в науке или сделал открытие, близкое к эйнштейновскому открытию, или дал принципиально новое истолкование истории Великой французской революции. Этого нет, и не об этом, следовательно, идет речь. Но очевидно и неоспоримо иное. Если книги Собоуля действительно расходятся во многих странах в переводе на разные языки — а это так и есть, — то, следовательно, эти книги нужны, они отвечают какой-то потребности, они вызывают несомненный интерес читателей.

Самоограничение научных интересов и литературных работ Альбера Собоуля одной темой — историей Великой революции XVIII века — имеет, очевидно, более прочные основания. В числе многих своеобразных черт, присущих развитию науки в наше время, должна быть отмечена и все более узкая специализация. От больших отраслей науки отпочковываются специальные отрасли — более узкие, требующие дальнейшего углубленного изучения. Деление, например, исторической науки на древнюю, средневековую, новую и новейшую истории также — на достигнутом уровне — стало недостаточным. Закономерно выросли и сложились менее широкие, охватывающие ограниченный круг проблем научные специальности. В их числе и история Великой французской революции. Внешним подтверждением закономерности этих процессов служит хотя бы длительное, исчисляемое рядом десятилетий, существование специальной кафедры и Института истории Великой французской революции при Парижском университете, нескольких научных обществ, международной комиссии, специального журнала, посвященных целиком той же проблематике.

Под этим углом зрения рассматриваемая с точки зрения современного уровня и задач исторической науки узкая специализация профессора Альбера Собоуля представляется не чем-то исключительным, а закономерным и вполне оправданным методом научной работы. Более того, я позволю себе высказать мысль, что широкое признание, которое заслуженно получили труды Альбера Собоуля, было бы невозможно, если бы Собоуль всю жизнь и с таким усердием, с такой увлеченностью не занимался бы только этой научной проблемой.

К сказанному мне хотелось бы также добавить, что эта преданность Собоуля монотеме объясняется не только современными требованиями науки, но и верностью научным принципам его учителя — Жоржа Лефевра. Альбер Собоуль как историк сформировался и вырос под непосредственным руководством профессора Жоржа Лефевра. Ровесник Альбера Матьеза и в какой-то мере его единомышленник, Жорж Лефевр, как и его собрат по профессии,

всю свою большую и долгую научную жизнь целиком отдал изучению разных, преимущественно социальных аспектов истории Великой французской революции; этого хватило лишь на то, чтобы стать, по общему мнению, лучшим знатоком и крупнейшим научным авторитетом этих никогда не тускнеющих страниц истории Франции, истории европейского общества нового времени.

Альбер Собоуль шел по стопам своего учителя. Он был ему верен и в смысле преданности на всю жизнь одной большой исторической проблеме, и в смысле преимущественного внимания к социальной истории революции, и, наконец, в смысле техники исторического исследования — внимания к архивным источникам, точности и тщательности изучения документальных материалов, умения переходить от частных к широким историческим обобщениям.

Но Собоуль отдавал себе отчет в том, что от него как ученика и в какой-то мере продолжателя своего учителя требуется нечто большее, чем простое повторение уже пройденного. Он должен был сделать шаг вперед даже по сравнению с достигнутым Жоржем Лефевром. Политически этот шаг вперед был сделан прежде всего тем, что в отличие от Жоржа Лефевра, оставшегося всю жизнь убежденным демократом, противником реакции, тяготевшим, однако, более к социалистической партии, Альбер Собоуль уже со студенческой скамьи связал себя с коммунистическим движением.

С начала тридцатых годов Альбер Собоуль, как студент Сорбонны, принял участие в работе студенческих, комсомольских и коммунистических организаций. С 1939 года он член Французской коммунистической партии. В годы второй мировой войны и оккупации Франции немецко-фашистскими завоевателями Собоуль — активный участник движения Сопротивления. Позже, после войны, Альбер Собоуль сосредоточился целиком на научной работе. В 1945 — 1960 годах он преподавал в лицеях Парижа, работая одновременно над подготовкой своего фундаментального исследования «Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры», опубликованного в 1958 году и защищенного им в качестве докторской диссертации. В 1960—1967 годах Собоуль — профессор университета Клермон-Феррана. В 1967 году Альбер Собоуль был избран заведующим кафедрой истории Великой французской революции Парижского университета и соответственно директором Института истории Великой французской революции, которые он возглавляет до настоящего времени. Профессор Альбер Собоуль — первый французский историк-коммунист, руководящий одной из самых важных кафедр Сорбонны, кафедрой, во главе которой стояли такие крупные ученые с мировым именем, как Альфонс Олар, Альбер Матьез, Жорж Лефевр.

Однако Собуль пошел вперед не только в политической области, но и непосредственно в самом предмете исследований. Следуя за Жоржем Лефевром, Собуль сосредоточил свое внимание также на изучении революции «снизу», то есть на анализе роли и конкретных форм участия в революции народных масс. Но тогда как Жорж Лефевр изучал главным образом положение крестьян и крестьянские движения в годы революции¹, Собуль обратился к темам, остававшимся до того как бы «белыми пятнами», — чрезвычайно слабо изученному вопросу о роли городских низов, о роли санкюлотов на высшем этапе Французской революции.

Монография, опубликованная Собулем в 1958 году и подводящая итог его многолетним исследованиям, открыла, по существу, новые страницы в изучении плебейских движений 1793—1794 годов. Здесь нет ни возможности, ни необходимости останавливаться подробно на этом крупном научном труде; читатель найдет оценку его в предисловии к русскому переводу книги Альбера Собоуля². Все же следует сказать, что, хотя отнюдь не все в этом труде профессора Собоуля может быть признано бесспорным, ныне и понимание и тем более изучение истории Великой французской революции, и в особенности якобинской диктатуры, уже невозможно без учета работ Альбера Собоуля, и прежде всего его монографии о парижских санкюлотах.

Все минувшие с тех пор пятнадцать лет профессор Альбер Собоуль продолжал интенсивно работать над проблемами истории Французской революции, расширяя постепенно хронологические рамки своих изысканий. Он выходит за пределы традиционных, в своем роде классических рубежей революции: 1789—1794 годов, то есть времени развития революции по восходящей линии. Его научные интересы шли, если их можно в какой-то мере суммировать, в основном по двум направлениям. Он стремился проникновеннее постигнуть глубокие, коренные причины революции, ее основные исторические предпосылки. Его работа в этой сфере исследований нашла выражение в нескольких книгах³. Наибольшее значение среди них имел обширный, тщательно выполненный обобщающий труд о кризисе старого порядка.

¹ G. Lefebvre, Les paysans du Nord pendant la Révolution française, Paris, 1924; «Questions agraires au temps de la Terreur», Strasbourg, 1932; «Études orléanaises», t. I—II, Paris, 1962—1963.

² См. А. Собоуль, Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры, М., 1966.

³ Albert Soboul, Les Campagnes montpelliéraines à la fin de l'Ancien Régime, Paris, 1958; «La France à la veille de la Révolution». I Economie et société, Paris, 1966; «La Civilisation et la Révolution française», I La crise de l'Ancien Régime, Paris, 1970.

Наряду с работами проблемного характера, исследующими классические годы революции в их глубинном разрезе, но занимающими сравнительно меньшее место в его творчестве¹, Альбер Собоуль стремился раздвинуть хронологические границы своих исследований и в ином, противоположном направлении. Это значит, другими словами, что его интересовали не только предпосылки Великой французской революции, но и ее ближайшие последствия.

На протяжении последних шести-семи лет Альбером Собулем было опубликовано несколько книг обобщающего характера, посвященных периоду Директории и Консульства, то есть ближайшему десятилетию после свержения Революционного правительства в результате контрреволюционного переворота 9 термидора — 27 июля 1794 года².

«Первая республика» Альбера Собоуля, издаваемая ныне в переводе на русский язык, принадлежит к циклу этих последних работ выдающегося французского историка. О ней следует поговорить более обстоятельно.

*

«Первая республика» Альбера Собоуля, как это обозначено в ее подзаголовке, охватывает 1792—1804 годы, то есть двенадцатилетний период функционирования официально провозглашенного республиканского строя во Франции.

Эти двенадцать лет, едва ли не самых драматических в истории Франции, дают чрезвычайно яркую картину резко сменяющих друг друга политических цветов. За сравнительно недолгий срок здесь чередуется почти весь спектр красок. Первоначально смена красок идет в строго закономерном порядке. Народное восстание 10 августа 1792 года и свержение тысячелетней монархии. Это мощная интродукция. Монархии уже нет, король в заключении, но республика еще не провозглашена. Она утвердится и вступит в свои права лишь на другой день после созыва Конвента и знаменитой победы при Вальми 21 сентября 1792 года, а еще через несколько дней, 25 сентября 1792 года, Конвент единодушно примет звучавшее непререкаемо и ставшее классическим определение: «Французская республика едина и неделима».

Но это только начало. До конца июля 1794 года смена красок будет совершаться в строго определенной последовательности: будут

¹ Albert Soboul, Paysans, Sans-Culottes et Jacobins, Paris, 1966; «Le Procès de Louis XVI», Paris, 1966.

² Albert Soboul, Le Directoire et le Consulat, Paris, 1967; «Le premier empire», Paris, 1973.

непрерывно нарастать и усиливаться красные цвета. От бледно-розового цвета, господствующего в период недолгого торжества жирондистов, цветовая гамма будет переходить к все более густым, глубоким, насыщенным ярко-красным тонам. В период монтаньярской Республики, якобинской революционно-демократической диктатуры багровый стяг революции развевается над всей страной.

Так будет длиться до июля 1794 года, до 9 термидора. В этот день, точнее говоря, в эту короткую летнюю ночь, красный стяг революции был повержен, и с утра следующего дня незаметно, первоначально почти неуловимо, спектр меняющихся цветов очень медленно начнет передвигаться в противоположную сторону.

В первое время это оставалось почти незаметным. Могло казаться даже, что все остается по-прежнему, никаких изменений: разве красный фригийский колпак не остается по-прежнему олицетворением Республики и республиканских добродетелей? И лишь постепенно, через полгода, через год, в дни термидорианского Конвента стали замечать, что красный цвет понемножку блекнет, линяет, что он все явственнее становится рыжим. Прошло еще какое-то время, и в годы упадка Директории, а затем после переворота 18 брюмера, в годы Консульства, эта смена политических цветов — и все в одном направлении: слева — направо — стала уже очевидной для всех. Провозглашение в мае 1804 года пожизненного консула Наполеона Бонапарта императором французов подвело черту под этой длившейся десять лет непрерывной сменой доминирующих политических цветов.

В истории Первой республики, следовательно, неизменным остается лишь один признак, важный, существенный, конечно, но все же до какой-то степени внешний, если угодно, даже формальный, — на протяжении всех этих двенадцати лет, с 1792 до 1804 года, Франция оставалась Республикой¹. Но классовое ее содержание, во всяком случае, с 21 сентября 1792 по 27 июля 1794 года и затем с 9 термидора по май 1804 года не было одинаковым; в еще большей мере это относится к политическому ее содержанию: оно менялось почти непрерывно. Можно и даже должно различать жирондистскую Республику и якобинскую Республику; затем термидорианский режим, «буржуазную оргию Директории», брюмерианскую Республику, консулат Бонапарта. Это все формально, юридически — история Первой республики, но как различны, как существенно отличаются друг от друга отдельные ее периоды.

¹ Строго говоря, первоначально после провозглашения Наполеона Бонапарта «императором французов» Франция еще продолжала именоваться Республикой, но это настолько противоречило всему авторитарному строю, что вскоре и от этого словесного прикрытия пришлось отказаться.

Нетрудно понять мотивы, побудившие французское издательство предпринять издание истории Первой республики. За этой книгой Соболя должны были последовать работы, посвященные истории Второй республики, Третьей республики, Четвертой республики и, наконец, нынешней, Пятой республики. Некоторые из них уже увидели свет, и оправданность создания для французских читателей такой серии исторических книг не вызывает сомнения. Но каковы бы ни были побудительные мотивы издательства и автора, согласившегося взяться за этот труд, он получился, безусловно, интересным.

Необычайная насыщенность событиями большого исторического значения двенадцатилетней истории Первой республики, динамизм, драматизм стремительно развертывавшихся крупных исторических процессов, острота ситуаций и коллизий политической борьбы, когда исход ожесточенных классовых сражений оставался неясным в течение многих часов и чаша весов продолжала колебаться, склоняясь то в одну, то в другую сторону, — все это придает истории Первой республики во Франции не только особую познавательную ценность, но и исключительный интерес. Это действительно глава истории, приковывающая к себе внимание; начав следить за календарем событий, развертывающихся на политической сцене, читатель-зритель не может уже от него оторваться.

К сказанному надо добавить, что в советской исторической литературе, да в значительной мере и мировой, этот период принадлежит к числу наименее изученных и описанных. Большинство крупных, значительных работ относится (не считая этапа якобинской Республики, о которой существует большая литература) главным образом к периоду термидорианской реакции и последних народных выступлений. Здесь должно быть названо выдающееся, яркое исследование Е. В. Тарле о народных выступлениях весной 1795 года¹ работы покойного К. П. Добролюбского о тех же годах² и интересное, содержательное исследование Теннессона³. Все эти работы, в общем, не идут дальше 1795 года. Вся последующая история Республики Директории, то есть, по существу, той же термидорианской Республики, остается известной лишь в своих общих, суммарных чертах и то преимущественно в ее узкополитическом аспекте.

¹ Е. В. Тарле, *Жерминаль и прериналь*, 1937.

² К. П. Добролюбский, *Термидор. Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794—1795 гг.*, 1949; «Экономическая политика термидорианской реакции», 1930.

³ К. D. Tønnesson, *La dé faite des sans-culottes Mouvement populaire et réaction bourgeoise en l'an III*, Oslo — Paris, 1959.

Альбер Собуль был первым из прогрессивных историков Запа- да, кто взялся за систематическое освещение этого мало изучен- ного периода истории Франции. Он не ставил своей задачей ис- следовать тему по первоисточникам, обращаясь к неисчислимым ар- хивным материалам; преследуемая им цель была скромнее: он хотел дать обобщающий труд научно-популярного характера, опирающийся в основном на опубликованные источники и литературу вопроса. Как читателю нетрудно заметить, авторский текст не сопровождается научным аппаратом. Книга рассчитана на широкий круг читателей, а не на узкий круг специалистов, и само назначение ее во многом предопределило и самый характер изложения.

При всем том создание такого сводного, обобщающего труда представляло немалые трудности. Они были порождены не только динамизмом, крайней сложностью исторических событий, о которых идет речь, и их относительно слабой изученностью. Главную труд- ность для Собуля как историка-марксиста, несомненно, представ- ляло осмысление классового, социального содержания всех пере- пятий этой двенадцатилетней истории или, говоря иными словами, создание целостной научной концепции социальной истории Первой республики. Я особо подчеркиваю важность изучения и выработки концепции социальной истории Первой республики, потому что поли- тическая, или, если угодно, парламентская история этого периода была еще семьдесят с лишним лет тому назад достаточно полно освещена Альфонсом Оларом в его широкоизвестном труде «Поли- тическая история Французской революции»¹. Но содержание эконо- мических процессов, изменений в распределении собственности, крупных социальных сдвигов, совершавшихся в последнее десяти- летие XVIII века и в городе и в деревне, новых форм классовой борьбы, развертывавшейся в буржуазном обществе, в буржуазной Республике термидорянцев, а затем брюмерянцев,— все это оста- валось для Олара книгой за семью печатями.

В своей «Первой республике» Альбер Собуль смело пошел на- встречу всем многочисленным трудностям и опасностям, подстере- гавшим его на каждом шагу. В главном он, несомненно, достиг намеченной цели. Его основное внимание было обращено на анализ социального содержания, на раскрытие классовых пружин сложных форм политической борьбы, и в этом он во многом шел по непро- торенным путям. Не следует преуменьшать преград, которые при- ходилось преодолевать автору: ведь надо было создать целостную научную концепцию одного из самых сложных и запутанных пери-

¹ Книга А. Олара, в переводе на русский язык Н. Кончевской, вышла впервые в 1902 году. Последнее, четвертое издание на рус- ском языке вышло в 1938 году

одов истории Франции, и такая задача была по плечу лишь исто- рику прогрессивного направления.

В целом Альберу Собулю удалось создать яркую, увлекатель- ную, читаемую с неослабевающим интересом и в то же время научно обоснованную историю Первой республики во Франции. Со- ветскими читателями она будет прочитана, несомненно, с внимани- ем, живым интересом и пользой.

Не все в книге профессора Альбера Собуля представляется бес- спорным, и некоторые его положения вызывают возражения или порождают сомнение. Когда речь идет об исторических событиях или процессах, еще недостаточно полно изученных, к тому же от- даленных от наших дней двумястами без малого годами, такое расхождение во мнениях представляется вполне естественным. Пло- ха была бы книга, которая не пробуждала бы ни мыслей, ни спо- ров, оставляя всех равнодушными.

Сомнения начинаются с периодизации истории Первой респуб- лики, предлагаемой А. Собулем. Я не буду здесь останавливаться на дробном членении внутри главных периодов и на вопросе о том, насколько удачны выбранные автором те или иные названия для отдельных подразделов этих главных периодов. Внимание при-влекают прежде всего основные рубежи. Собуль делит историю Первой республики на три большие части: 1 — Народная Республи- ка; 2 — Республика нотаблей; 3 — Республика Бонапарта. Повторю еще раз, что нет смысла спорить о преимуществах того или иного обозначения: сказать Республика нотаблей или буржуазная Рес- публика Директории — в конечном счете более или менее одно и то же. Деление на части, употребляемое Собулем, в общем, соот- ветствует непреложным фактам и общепринятой в соответствии с этими фактами схеме.

Возражение вызывает иное — не названия, а хронологические границы, устанавливаемые автором в его работе. Народная Рес- публика определяется у Собуля 1793—1795 годами. Начальной датой второго этапа — Республики нотаблей он устанавливает тот же 1795 год.

А 9 термидора? Где же находится этот переломный рубеж, которому до сих пор историческая литература придавала такое значение? К немалому удивлению, он оказывается введенным авто- ром в рамки истории народной Республики; он представляет ее по- следнюю главу.

В марксистской исторической литературе до сих пор было обще- принято считать предельной границей Великой французской револю- ции, во всяком случае ее развития по восходящей линии, 27 июля 1794 года, то есть 9 термидора. В этот день народной Республи- ке — и я рукоплещу Собулю за его превосходное краткое опреде-

ление: *народная Республика*, лучше не скажешь, — был нанесен смертельный удар. Республика продолжала существовать, но она перестала быть народной. Она превратилась из народной Республики в буржуазную Республику термидорианцев. Суть переворота 9 термидора и заключалась в переходе *власти* от народа, представленного Революционным правительством, к термидорианской буржуазии. Отправив без суда на эшафот Робеспьера, Сен-Жюста, Кутона и свыше семидесяти других революционных руководителей, термидорианцы тем самым выступили как буржуазные контрреволюционеры, обезглавившие народную Республику, чтобы вырвать власть у народа и передать ее буржуазии. То обстоятельство, что среди участников термидорианского переворота было немало людей, добросовестно заблуждавшихся (и вскоре жестоко поплатившихся за свою близорукость), ничего не меняло в классовой сущности переворота; именно поэтому подавляющее большинство историков прогрессивного направления определяют этот переворот как контрреволюционный. Народная Республика перестала существовать вследствие контрреволюционного переворота 9 термидора; с этого переломного рубежа развитие событий во все убыстряющемся темпе движется в противоположном направлении, по нисходящей линии: слева — направо.

Конечно, развитие науки допускает и даже предполагает возможность пересмотра тех или иных положений, считавшихся общепринятыми. Но такой пересмотр возможен лишь при должном основании, когда в научный спор вводятся либо новые, неизвестные ранее факты, либо веские, новые аргументы. Сказать по правде, профессор Собуль не располагает ни тем, ни другим. Он оперирует давно хорошо изученными фактами народных выступлений в жерминале и прериале. Он рассматривает их как переломный рубеж, на котором кончается народная Республика и начинается Республика нотаблей. Но разве власть была весной 1795 года в руках у народа? Какая же это народная Республика, когда народ, восставший под лозунгом «Хлеба и Конституции 1793 года!», то есть возврата к утраченному, расстреливала картечью господствующая буржуазная власть термидорианцев! Мне представляется несомненным, что прежнее истолкование событий жерминаля — прериала как арьергардных боев уже потерявшего всякое влияние на ход правительственной политики голодающего, отчаявшегося народа в значительной мере соответствует правильному пониманию процессов посттермидорианской Франции, чем новое решение, предлагаемое профессором Альбером Собулем.

Как было выше только что сказано, проф Собуль в развитии своих взглядов на характер и природу якобинского этапа Французской революции сделал, на мой взгляд, важный, существенный шаг

вперед, способствуя более глубокому и верному ее пониманию. Определение якобинской власти как народной Республики в наиболее лапидарной форме выражает это более проникновенное и в наибольшей мере соответствующее духу историзма определение характера якобинского правительства. Не приходится сомневаться, что новая, более глубокая и верная трактовка вопроса о природе якобинской власти, данная известным знатоком Великой французской революции в его последней работе, окажет полезное, плодотворное влияние на последующую разработку историками этих старых и вечно новых проблем.

Вместе с тем с сожалением приходится констатировать, что наряду с этими новыми, продвигающими вперед науку мыслями и историческими характеристиками в «Первой республике» Альбера Собуля сохранились и некоторые спорные или даже вызывавшие возражения утверждения из его старой, основной работы «Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры», на которые мне приходилось указывать во вступительной статье к его книге. Таковы не очень отчетливые определения характера якобинской партии, отношений между якобинским правительством и санкюлотами, вызывающая возражения трактовка вантозского законодательства как тактического маневра и т. п.

По-прежнему уязвимым пунктом в историческом изложении, и особенно в анализе движущих сил революции и соответственно общих судеб революции, остается вопрос о крестьянстве. На мой взгляд, роль крестьянства в ходе и исходе революции и в новой работе Собуля, как и в его первой монографии, недостаточно учтена. Альбер Собуль настолько увлечен своей главной темой исследования — санкюлотством, в изучение которой он действительно внес очень много нового и ценного, что оно — санкюлотство — заклоняет у него невольно остальные трудящиеся массы, и прежде всего крестьянство. А ведь Франция XVIII века была по преимуществу крестьянской страной, и в ходе событий революционной эпохи роль крестьянства была огромной. Альбер Собуль недостаточно принял его во внимание в своем первом большом труде, это сказалось и в его новейшей работе.

Несомненно, что некоторые моменты, связанные с освещением вопроса об исторических условиях переворота 18 брюмера, установления режима Консульства, понимаются нами, то есть мной и Собулем, не во всем одинаково. Но это сравнительно частные и всегда возможные, даже почти неизбежные расхождения в мнениях между историками, и нет необходимости останавливать на них внимание читателей.

В целом «Первая республика» Альбера Собуля при всех высказанных оговорках остается, вне всякого сомнения, весьма интерес-

ным, содержательным, как всегда, живо и увлеченно написанным историческим повествованием о драматических событиях, последовавших непосредственно вслед за Великой французской революцией.

Советский читатель, уже знакомый с прежними работами французского прогрессивного историка — лучшего знатока истории Великой французской революции, прочтет, я уверен, с интересом и пользой и эту, одну из последних его книг, посвященных Первой французской республике, рассмотренной на протяжении всей ее недолгой двенадцатилетней истории

Профессор А. З. Манфред

ВВЕДЕНИЕ

ОСНОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ

(август 1792 — январь 1793 года)

Неужели вы хотели бы революции без революции?

Робеспьер, 4 ноября 1792 года

Основание Первой Французской республики 21 сентября 1792 года неразрывно связано с войной, объявленной 20 апреля того же года, с нависшей над нацией опасностью и с восстанием 10 августа, которое опрокинуло трон и низвергло монархию: казнь Людовика XVI 21 января 1793 года сделала провозглашение Республики свершившимся фактом. Позиция партий в эти последние месяцы 1792 года, в частности в дни суда над королем, определялась той ролью, какую они играли в народном восстании 10 августа, и тем — признавали они или оспаривали его значение для Революции; и в конечном счете тем, какое место они отводили в новой Республике народу; должна ли эта Республика быть народной или буржуазной, узколиберальной или широко демократической?

1. Значение событий 10 августа

Бегство Людовика XVI утром 21 июня 1791 года убедительно доказало, что он никогда не примирится с революцией 1789 года и с гражданскими завоеваниями либеральной буржуазии: Варенн «сорвал все покровы с этой тайны». Тогда позиция конституционной буржуазии предвосхитила позицию Жиронды в первые месяцы Республики и во время суда над королем: Людовик XVI был признан невиновным, Национальное собрание избрало дело так, будто он был похищен. В своей пыл-

кой речи, произнесенной 15 июля 1791 года, Барнав привел тому самые веские доводы, не утратившие своего значения и в 1792 году: «Будем кончать революцию или начнем ее сначала?.. Еще один шаг был бы актом гибельным и преступным, еще один шаг по пути свободы означал бы ниспровержение королевской власти, а по пути равенства — уничтожение собственности». Именно стремление затормозить дальнейшее развитие революции побудило также и жирондистов пощадить короля: Республика должна быть либеральной и буржуазной. Но, объявив 20 апреля 1792 года войну, Жиронда поставила себя в двусмысленное положение, из которого не в силах была найти выход: как вести войну, не прибегая к помощи народа? Как спасти нацию, не придав новой Республике демократического содержания? Из страха перед народом Жиронда в конце концов пошла на компромисс.

Война, угодная как придворным кругам, так и Жиронде, в конечном итоге не оправдала расчетов ни тех, ни других. Она способствовала подъему национальных чувств, вдохнула новую жизнь в революционное движение: королевская власть стала его первой жертвой. Что до жирондистов, то война подняла их престиж, который даже последовавшие затем катастрофы не смогли сильно подорвать, но она же привела их к окончательной гибели, и не потому, что они желали войны, а потому, что оказались неспособными ее вести.

Смысл борьбы, которая началась весной 1792 года и велась Республикой до самого ее конца, не вызывает никаких сомнений. Патриоты 1792 года защищали социальные и политические завоевания 1789 года, которые определяли характер новой нации. Этой нации аристократы противопоставляли короля; они с нетерпением ожидали вторжения врага, если не сражались сами в его рядах. Король являлся их сообщником. И снова уверенность в существовании заговора аристократии вызвала огромное возбуждение в умах народа, тем более что «бывшие» открыто радовались неудачам французов на фронтах и удвоили свои интриги. Людовик XVI между тем надеялся продержаться до прихода пруссаков: силы, которые еще были на его стороне; подкупы, к которым он широко прибегал; колебания жирондистов — все это сулило ему некоторые шансы на успех.

Жиронда и в самом деле теперь колебалась. Пойдя на самые крайние меры, призвав санкюлотов надеть красные колпаки и вооружиться пиками, объявив 11 июля 1792 года отечество в опасности, Жиронда вдруг испугалась. Революционное движение народных масс приобретало социальный аспект, который еще больше, нежели в 1789 году, встревожил буржуазию. Используя кризис, Жак Ру в Париже, Пьер Доливье в провинции Бос, Ланж в Лионе начали пропаганду таксации и регламентации, всегда столь дорогих сердцу народа. Тесная связь с буржуазией, безграничная приверженность к экономической свободе ускорили эволюцию жирондистов в сторону консерватизма. После того как они страстно разоблачили измену короля и направили массы парижан против монархии, они сделали теперь крутой поворот. Верньо, Гаде, Жансонне связались с королем, тайно передав ему через художника Боза 20 июля 1792 года письмо. «Из атакующих, — писал Жорж Лефевр, — жирондисты внезапно переродились в защитников трона».

Когда парижские секции и федераты из департаментов вознамерились положить этому конец, жирондисты постарались им воспрепятствовать. 31 июля 1792 года секция Моконсей, «принимая во внимание, что опасность, грозящая отчизне, растет с каждым днем из-за неслыханной измены исполнительной власти... принимая во внимание, что Людовик XVI потерял доверие нации», объявила, что отныне не признает его больше королем французов и требует его низложения. «Она готова скорее похоронить себя под развалинами свободы, нежели подчиниться деспотизму королей». 4 августа Верньо добился в Законодательном собрании отмены постановления секции Моконсей.

Так произошел разрыв между народом и Жирондой, как раз в тот момент, когда политика жирондистов пришла к своему логическому завершению. Жирондисты испугались восстания, опасаясь, как бы народные массы, которые они сами привели в движение, не вышли из их повиновения, не захлестнули их. Они опасались, что будут поколеблены, если не основы собственности, то, уж во всяком случае, власть богатства. Но, вступив в переговоры с Людовиком XVI после того, как они сами разоблачили его, отступив в минуту, когда следовало отважиться на решительный шаг, жирон-

дисты не только не спасли короля, но обрекли и себя на гибель, осудив одновременно на гибель и Республику, такую, во всяком случае, какую они мечтали основать.

После победы народного восстания Законодательное собрание издало 10 августа 1792 года декрет не о низложении короля, как того требовали парижские секции, а о *временном отрешении главы исполнительной власти*. Французский народ призвали создать Национальный Конвент, избранный путем всеобщего голосования, который выскажется «по поводу мер, которые он сочтет нужным принять для обеспечения суверенитета народа, для воцарения свободы и равенства».

Восстание 10 августа 1792 года лишь подвело под новую Республику народный фундамент. Сколько-нибудь серьезный спор между защитниками и противниками короля стал фактически невозможен: они исходили из противоположных принципов. Легалистской концепции об ответственности королевской власти, исходящей из неприкосновенности священной особы короля, которая была провозглашена Конституцией 1791 года — и это был не просто юридический аргумент, — противостояла концепция народного суверенитета, составлявшая весь смысл Республики II года.

Восстание является крайней мерой, к которой прибегает суверенный народ. Хотя Учредительное собрание и не вписало это право в Декларацию прав от 26 августа 1789 года, оно, во всяком случае, отметило сопротивление угнетению среди неотъемлемых прав человека. Чтобы узаконить восстания 10 августа 1792 года и 31 мая — 2 июня 1793 года, а также чтобы оградить народ от угнетения, Конвент утвердил право на восстание в Декларации от 24 июня 1793 года. Но здесь важны не столько слова, сколько черты коллективного мышления.

Активисты парижских секций и санкюлоты никогда не рассматривали право на восстание как простое теоретическое подтверждение их суверенитета. Проникнутые сознанием своих прав, оцупью осуществляя на практике прямое управление, они, естественно, решили вновь взять в свои руки осуществление своего суверенитета, когда сочли, что их избранники нарушают их суверенные права. Вернув себе путем восстания осуще-

ствление своих прав, народ сосредоточил в своих руках всю суверенную власть: он мог издавать законы, творить суд, нести функции исполнительной власти, изменять форму правления. С того мгновения, как народ восстал, он один только властен распоряжаться. Во время сентябрьских дней 1792 года народ взял в свои руки осуществление правосудия, как один из важнейших атрибутов своего суверенитета; после 10 августа он смог применить это право и по отношению к королю.

Продемонстрировав восстанием всемогущество суверена, народ сложил оружие и вновь передал осуществление своего суверенитета уполномоченным, облеченным его доверием. Парижская секция Санкюлотов, бывшая секция Ботанического сада, заявила в своем адресе во время восстания 31 мая 1793 года: «Если в час, когда народ восстал, наша секция еще обращается к вам, то она это делает в надежде, что, когда [народ] сложит оружие и вновь доверит вам осуществление его суверенитета, вы употребите его на благо народа». Законодательное собрание, склонившись перед восстанием и «выполняя суверенную волю народа», в тот же день, 10 августа, сместило главу исполнительной власти и созвало Национальный Конвент: поскольку оно было делегировано сувереном, новое Собрание не могло не пользоваться неограниченными полномочиями, в том числе и правом судить короля и установить Республику.

Оно обладало этими полномочиями также потому, что было облечено прерогативами учредительной власти: согласно статье 2 декрета от 10 августа, Конвент был созван, «дабы обеспечить суверенитет народа». В революционной концепции, которую Сиейес уточнил еще в 1789 году в своей знаменитой брошюре «Что такое третье сословие?», народ с той минуты, как перестала существовать конституция, обретает неограниченную суверенную власть и его делегаты осуществляют всю власть, ибо только конституция разграничивает власть и регламентирует ее осуществление. «Чрезвычайное представительство (обладающее учредительной властью) никак нельзя сравнивать с обычным законодательным органом. Полномочия последнего четко определены. Он может действовать только в тех формах и в тех условиях, которые ему предписаны. Первое не связано никакой определенной формой; оно собирается и обсуждает дела, как это сделала бы сама нация, если бы, состоя

из небольшого числа людей, она захотела дать своему правительству конституцию». Передав свою суверенную власть Учредительному собранию, народ наделил его, следовательно, неограниченными правами, включая право судить короля и решать его судьбу, не считаясь с конституцией, упраздненной самим восстанием, а также право на установление Республики. Если в последнем вопросе легко было добиться единогласия, то суд над королем оказался сложной проблемой: он восстановил людей и партии друг против друга. Речь шла не только о судьбе человека: от характера суда над ним и его осуждения зависела социальная ориентация новой Республики и само ее существование.

2. Свержение монархии

20 сентября 1792 года Законодательное собрание уступило место Национальному Конвенту, который собрался после полудня, в тот самый момент, когда заканчивалась битва при Вальми. Несмотря на прошлые столкновения и уже упорную враждебность, установилась *пермирия партий*, несомненно продиктованное неминуемой опасностью и величием стоящих перед ними задач. В течение нескольких дней Конвент был единодушен.

21 сентября 1792 года на открытом заседании в Манеже Конвент по предложению Дантона («Откажемся здесь от всяких крайностей!») единодушно осудил диктатуру и «аграрный закон». «Не может существовать иной конституции, кроме той, которая принята народом. Личность и собственность находятся под охраной нации». Все это нужно было, чтобы успокоить имущих и либеральные круги.

В тот же день в конце заседания Колло д'Эрбуа, председатель избирательного собрания Парижского департамента, которое дало своим избранникам категорический наказ свергнуть монархию, поднимается с места; он ставит на обсуждение вопрос о том, что представители не могут «медлить ни одной минуты, не изменяя воле народа — свергнуть монархию». Его слова встречены всеобщим одобрением. Грегуар разразился страстной филиппикой против королевской власти, «этого магического талисмана». «Короли в моральном отно-

шении представляют собой то же самое, что уроды в физическом; двор — это мастерская преступлений, очаг разврата и логово тиранов; история королей — это мартиролог нации». Все члены Конвента, судя по протоколу, поднялись в стихийном порыве. Декрет был принят: «Национальный Конвент единогласно постановляет, что королевская власть во Франции упраздняется». Декрет был немедленно разослан по департаментам, по армиям и в тот же вечер провозглашен в Париже при свете факелов.

До этого момента вопрос о республике не ставился. Конвент не произнес решающего слова, к этому принудил его народ. Судя по газетам, он с ликующими возгласами: «Да здравствует Республика!» — встретил на улицах Парижа вечером 21 сентября декрет о свержении монархии. Тем временем начали выражать свою волю парижские секции; так, граждане секции Четырех наций пришли к барьеру Конвента заявить, что они будут счастливы заплатить своей кровью за *Республику*, которую «провозгласили» их представители. Волонтеры из департамента Сена и Уаза сочли для себя «честью принести клятву спасти Республику». Такова же была реакция установленных властей, в частности Исполнительного совета. Монж, морской министр, заявил, что «члены первой исполнительной власти Французской республики» сумеют, если понадобится, умереть «достойными республиканцами». Министр внутренних дел Ролан того же 21 сентября писал в циркуляре, направленном административным органам: «Вы провозгласите Республику, господа; провозгласите же братство; ведь это одно и то же».

22 сентября Бийо-Варенн после оглашения протокола внес предложение, чтобы «начиная со вчерашнего дня датировать четвертый год свободы Первым годом Французской республики». Началась беспорядочная дискуссия. Но в результате Конвент единогласно принял декрет о том, что «начиная с 20 сентября 1792 года время будет датироваться первым годом Республики».

Все еще сохраняя единодушие, Конвент, по предложению Кутона, депутата от департамента Пюи-де-Дом, принял 25 сентября после длительных дебатов знаменитую формулу: *Французская республика едина и неделима*. Тем самым Конвент отверг проекты федерализма, вынашиваемые жирондистами. 16 декабря 1792 года,

дополняя этот декрет, Конвент ввел смертную казнь для каждого, кто попытается «нарушить единство Французской республики».

На этом, однако, единодушие кончилось. Перемирие было нарушено в конце сентября. Если борьба партий выражает определенные социальные потребности и различные политические точки зрения, то особенно резко это выявилось, когда начался суд над королем.

3. Жирондисты и монтаньяры

Разрыв перемирия был делом рук Жиронды, которая благодаря поддержке центра имела большинство, в то время как Гора обладала еще малым влиянием. Борьба между сторонниками 10 августа и теми, кто не сумел ему помешать, продолжалась до 2 июня 1793 года, то есть до исключения жирондистов из Конвента и их осуждения. Она имела роковые последствия и привела Республику на край пропасти.

Перейдя 25 сентября 1792 года в наступление в лице Ласурса, депутата от департамента Тарн («Необходимо свести влияние Парижа до одной восьмидесят третьей доли, какую имеют все остальные департаменты»), а затем Ребекки, депутата от департамента Буш-дю-Рон («Партия, намеревающаяся установить диктатуру,— это партия Робеспьера»), Жиронда постаралась нанести удар по руководителям Горы, которых она опасалась более всего, а именно по триумvirату Марат — Дантон — Робеспьер. Тщетно Дантон призывал к единству: «Услыхав о нашем трогательном согласии, австрийцы будут объаты трепетом». Исполненная враждебности, Жиронда упорствовала.

25 сентября 1792 года Жиронда выдвинула против Марата обвинение в стремлении к диктатуре. В ответ Друг народа выступил с защитой своей политической линии, напомнив о «трех годах тюрьмы и мучений, вынесенных ради спасения отечества». На этом дебаты были прекращены.

С Дантоном, готовым тем не менее пойти на примирение, Жиронда поступила более коварно: она потребовала у него отчета. На следующий день после того, как 9 октября 1792 года Дантон в министерстве юстиции

был заменен Гара, он должен был представить финансовый отчет. Он отчитался в чрезвычайных расходах, но не смог оправдать расход в 200 тыс. ливров на секретные нужды. 18 октября Ребекки вернулся к этому вопросу. Дантон смешался и в конце концов признал, что на «большинство этих расходов» он не может представить «официальных расписок». 7 ноября жирондисты возобновили дебаты, проявив полную нетерпимость. В итоге Конвент отказался признать счета. Эти дебаты, подорвав политическое влияние Дантона, ожесточили его; политика примирения оказалась неосуществимой.

25 октября 1792 года Луве, депутат от департамента Луаре, с неслыханной резкостью обвинил Робеспьера в честолюбии и стремлении к диктатуре. «Я тебя обвиняю, наконец, в том, что ты явно добивался высшей власти». Робеспьер ответил 5 ноября, перенеся дебаты на их подлинную почву: он воздал хвалу 10 августа, революционному действию и народным истокам Республики. «Все эти дела были противозаконными, как противозаконными были свержение трона и разрушение Бастилии, как противозаконна сама свобода. Нельзя желать революции без революции». Авторитет Робеспьера после этих дебатов возрос, он стал признанным главой монтаньяров.

Главным следствием этих нападок было то, что они окончательно восстановили Гору против Жиронды. Они способствовали в то же время образованию *третьей партии*, стоящей между Жирондой и Горой,— *партии флегматиков*, по выражению Камиля Демулена в «Трибюн дэ патриот», «настоящих спекулянтов, пристроившихся между Бриссо и Робеспьером, подобно аббату д'Эспаньяку, играющему то на повышении, то на понижении». Независимые депутаты, прибывшие из департаментов, предубежденные, однако, против Парижской коммуны и Горы, были обеспокоены непрерывными изобличениями со стороны Жиронды и ее обвинениями, касавшимися прошлых событий.

Анахарсис Клоуте, долгое время находившийся в рядах жирондистов, ушел от них со скандалом, опубликовав памфлет: «Ни Марат, ни Ролан», но направленный своим острием исключительно против бывших друзей. Образование *третьей партии* было завершено в начале ноября 1792 года. Жиронда уже не могла безраздельно господствовать в Конвенте, 16 ноября она

потеряла председательское кресло: в этот день председателем был избран независимый конституционный епископ Грегуар.

Поскольку Конвент был избран меньшинством, полным решимости спасти нацию и революцию, в нем не найти было ни одного роялиста, сторонника старого порядка или конституционной монархии. Санкюлоты, главные участники революционных выступлений и поборники социальных и экономических мер, которые могли бы облегчить участь народа, тоже не были в нем представлены; но вскоре они заняли господствующее положение в парижских секциях, благодаря которым они в 1793 году увлекли за собой само Собрание. В Конвенте не было организованных партий, скорее, это были течения неопределенных очертаний, следовавшие за двумя главными штабами: жирондистов и монтаньяров.

Жиронда, партия законности, питала отвращение к революционным мерам, инициатором которых выступала Парижская коммуна, в которую входили монтаньяры и активисты секций. Жиронда представляла торговую и промышленную имущую буржуазию, намеренную защищать собственность и экономическую свободу от ограничений, которых требовали санкюлоты. В политической области Жиронда была противницей всех исключительных мер, необходимых для общественного блага; она развязала войну, но отказывалась от мер, необходимых для ее победного завершения. В противовес концентрации власти и неукоснительному подчинению административных властей Жиронда поддерживала власти на местах, где преобладали умеренные нотабли. В экономической области Жиронда, связанная с деловой буржуазией, особенно буржуазией портовых городов, была ревностной защитницей экономической свободы, свободы предпринимательства и свободы прибыли и упорной противницей регламентации, таксации, реквизиции, принудительного курса ассигнатов — словом, всех мер, сторонниками которых, наоборот, выступали санкюлоты. Воспитанные в духе социальной иерархии, которую они стремились сохранить и укрепить, считая право собственности неприкосновенным естественным правом, полностью разделяя интересы собственнической буржуазии, жирондисты испытывали по отношению к народу инстинктивное чувство отчуждения, считая его неспо-

собным управлять государством. Монополию на управление государством они оставляли за нотаблями.

Гора представляла среднюю буржуазию и народные массы — ремесленников и лавочников, потребителей, страдавших от войны и ее последствий, дороговизны жизни, безработицы, низкой заработной платы. Будучи сами выходцами из буржуазии, монтаньяры, однако, понимали, что тяжелое положение страны требует чрезвычайных решений, которые могут стать эффективными только при поддержке народа. Они связали свою судьбу с санкюлотами, которые низвергли трон и в результате восстания включились в политическую жизнь. Более близкие к народу и его нуждам, они реалистичнее смотрели на вещи, меньше занимались теориями и умели поставить общественное благо выше личных интересов. Ради блага народа, в конечном счете единственной верной опоры революции, они были готовы пойти на ограничение частной собственности и индивидуальной свободы. Вожди монтаньяров, в большинстве депутаты от Парижа, хорошо понимали, какую решающую роль сыграло население столицы в первом революционном выступлении 1789 года, а также во втором — 10 августа. Они восставали против намерений жирондистов, желавших из страха перед революционными массами ограничить влияние Парижа «одной восьмью третью долей», как того требовал Ласурс 27 сентября 1792 года.

Бриссо в своем выпущенном в октябре 1792 года «Воззвании ко всем республиканцам Франции по поводу парижского общества якобинцев», указывая на монтаньяров и якобинцев, разоблачал этих «анархистов, которые распоряжаются парижским обществом и позорят его». «Эти дезорганизаторы намерены все уравнять — собственность, достаток, цены на продовольствие, все услуги, оказываемые обществу». Робеспьер ответил на это еще раньше, в первом номере «Писем к своим доверителям», 30 сентября 1792 года: «Монархия ниспровергнута, дворянство и духовенство исчезли, начинается царство равенства». Он нападал на лжепатриотов, которые «желают построить Республику только для себя, которые собираются править страной только в интересах богачей и общественных должностных лиц». Он противопоставлял им истинных патриотов, «которые будут стараться основать Республику на принципах равенства и всеобщего блага».

Руководители монтаньяров, особенно якобинцы, пытались придать национальной действительности содержание, способное объединить народные массы. Показательна в этом смысле эволюция Сен-Жюста. В своей работе «Дух революции и конституции Франции», опубликованной в 1791 году, Сен-Жюст, еще не совсем освободившийся от влияния Монтескье, писал: «Там, где нет законности, нет и родины; вот почему народы, живущие под игом деспотизма, не имеют ее, разве только это выражается в том, что они презирают и ненавидят другие народы». Выйдя за пределы этой темы, банальной для XVIII века, а именно об идентичности родины и свободы, Сен-Жюст в своей речи по продовольственному вопросу 29 ноября 1792 года идентифицировал, опять-таки не слишком оригинально, родину и счастье: «Народ, который несчастлив, не имеет родины». Но он идет еще дальше, подчеркивая необходимость для основания Республики «вывести народ из состояния неуверенности и нищеты, которое его разлагает». Осудив «беспорядочный выпуск знаков», то есть ассигнатов, он заявил членам Конвента: «... вы можете в единый момент дать [французскому народу] родину»; для этого необходимо приостановить разорительную инфляцию, обеспечить народу пропитание и таким образом «тесно связать его счастье с его свободой». Робеспьер высказался еще более определенно 2 декабря 1792 года в своей речи относительно хлебных волнений в департаменте Эр и Луар: поставив право на существование выше права собственности, он заложил теоретический фундамент понятия нации, включив в него широкие народные массы. «Авторы теорий рассматривают самые необходимые для жизни продукты питания как обычный товар, они не делают никакого различия между торговлей хлебом и торговлей индиго; они больше толкуют о торговле зерном, чем о пропитании народа... Они очень высоко ценят прибыли торговцев и собственников и почти ни во что не ставят жизнь людей... Первейшее право — это право на существование. Первейший социальный закон, стало быть, — это тот, что гарантирует всем членам общества средства к существованию; все прочие законы подчиняются этому».

В то время как потребности войны и национальное чувство толкали монтаньяров к санкюлотам, классовое сознание отдаляло от последних жирондистов, более

чем когда-либо запутавшихся в своих противоречиях. Жиронда объявила войну, но она опасалась, как бы помощь народа, необходимая для победы над аристократией и коалицией, не привела в конечном счете к подрыву господствующего положения собственников. Она отказалась от каких-бы то ни было уступок. 8 декабря 1792 года Ролан добился восстановления свободы торговли зерном, после чего Барбару обрушился на тех, «кто стремится провести законы, посягающие на собственность». 13 марта 1793 года Верньо еще резче подчеркнул классовый характер жирондистской политики, выступив против народной концепции свободы и законности. «Равенство для социального человека — это только равенство прав». Верньо продолжал: «Не может быть равенства в богатстве, как нет его во внешности людей, в их силе, уме, энергии, в их мастерстве и трудоспособности». Это означало подтверждение главенства собственности и богатства. Что это — тоска жирондистов по ценовому характеру государства?.. По меньшей мере — недоверие к народу.

Соперничество между Жирондой и Горой в конце концов обрело аспекты классового конфликта. Правда, большинство монтаньяров, как и жирондисты, были выходцами из буржуазии. Но необходимость защиты нации и революции заставила их проводить политику в интересах масс: для одних из них то была политика принципиальная, для других — политика, вынужденная обстоятельствами. Террор, введенный и узаконенный монтаньярами, был, по выражению Маркса, всего лишь плебейским [скажем, *народным*] способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом; в нем было спасение буржуазной революции. Следует, однако, продолжить этот анализ и прежде всего уточнить социальное положение монтаньярской буржуазии, порой буржуазии крупной, которую, например, довольно хорошо представлял такой человек, как Камбон, руководивший финансами Конвента и примкнувший к монтаньярам. Политика, превращавшая необходимость в добродетель?.. Скорее, то были непримиримые буржуа, отказывавшиеся от каких бы то ни было компромиссов, не признававшие для нации и для своего класса иного пути спасения, кроме победы, и примирившиеся с требованиями этой политики. Буржуа непримиримые еще потому, что они извлекли выгоды из революции, осо-

бенно при распродаже национальных имуществ; они прекрасно знали, что все потеряют в случае победы и возвращения аристократии, но при этом кое-кто из них, торопясь воспользоваться приобретенными преимуществами, быстро пресытился методами принуждения и террора: так случилось с Дантоном и «снисходительными». С другой стороны, политику защиты нации и революции навязывали Конвенту извне, а именно санкюлоты и якобинцы. Руководящим элементом этого союза, который привел к власти Революционное правительство, была, бесспорно, средняя якобинская буржуазия, олицетворением которой являлся Робеспьер. Она представляла собой необходимое связующее звено между живыми силами народа — санкюлотами и той группой буржуазии, которая намерена была довести до конца революцию. Эта политика не лишена была противоречий; в значительной мере она повинна в конечном провале робеспьеристской попытки. Она обусловливалась социальным положением этой якобинской средней буржуазии, которую так хорошо олицетворял столяр Дюпле — квартирохозяин Робеспьера, добрый якобинец; хотя он и связан был еще своими корнями с миром труда, это не мешало ему извлекать ежегодно от десяти до двенадцати тысяч ливров дохода путем сдачи квартир. Фактически Дюпле был предпринимателем в столярном деле с довольно солидным достатком: он-то и воплощал якобинскую двойственность.

Центр Конвента, находившийся между Жирондой и Горой, состоял из неустойчивой массы искренних республиканцев, полных решимости защищать революцию (в понятиях 1789 года). Это была *Равнина*, или *Болото*, будущие термидорианцы, сторонники Директории или брюмерианцы, нотабли и буржуа, поборники экономической свободы, в глубине души боявшиеся народных масс. Но этим людям, искренним республиканцам, казалось невыносимым в тот момент, когда революция находилась в опасности, порвать с народом, восторжествовавшим 14 июля и 10 августа; они в конце концов согласились с мерами, которых требовал народ, но лишь на время и до победы. Вначале они склонялись на сторону Жиронды: ее враждебная позиция, ее неспособность предотвратить опасности заставили их отвернуться от Жиронды. Часть из них присоединилась к Горе и к ее по-

литике общественного спасения: так поступили Барер, Камбон, Карно, Ленде. Масса же образовала ту *третью партию*, контуры которой определились в ноябре 1792 года и которая в конечном счете признала руководство Горы.

Суд над королем и его осуждение продемонстрировали присоединение Равнины к Горе; оно позволило основать наконец Республику.

4. Партии и голова короля

Как только Конвент собрался, голова короля не замедлила сделаться ставкой в борьбе партий. Жиронда своими наступлениями против Парижской коммуны и Горы, казалось, ставила под сомнение законность народного восстания и его последствий. Восстание сделало неизбежным осуждение короля Людовика XVI, разве могла Гора отречься от событий 10 августа?

Суверенный Конвент имел право судить Людовика XVI, и последний считался виновным, но подобало ли все же судить его, организовав процесс по всей форме?

Монтаньяры считали, что нет. Наиболее логичная аргументация была выдвинута Робеспьером в его речи 3 декабря 1792 года. Вести процесс против короля значило бы передать на суд трибунала восстание 10 августа. «Суд над тираном — это восстание, его осуждение — это крушение его власти; его наказание — это наказание, которого требует свобода народа». Эта политическая аргументация имела в виду и Конвент: осуждение восстания было равносильно осуждению Конвента. По какому праву он заседал? По какому праву он упразднил королевскую власть? «Конституция [1791 года] запрещает вам все то, что вы сделали. У вас не было никакого права держать [короля] в заточении; он же имеет право требовать от вас своего освобождения из тюрьмы и возмещения понесенного им ущерба. Конституция вас осуждает. Ступайте, падите к ногам Людовика и молитесь ему о милосердии». Уже самим тем фактом, что Конвент собрался в результате восстания 10 августа, он объявил короля виновным в государственной измене. Остается лишь определить наказание. Ни один представитель не опроверг доводов Робеспьера, но никто

за ним не последовал. То ли в целях пропаганды, то ли озабоченный общественным мнением, Конвент решил провести процесс по всем правилам.

Получив дело на рассмотрение 16 октября 1792 года, Законодательный комитет долго изучал предстоящую процедуру суда над королем. 7 ноября Мэль представил обстоятельный доклад с заключением, что Конвент может судить Людовика XVI. Были открыты дебаты по этому докладу. В то время как руководители жирондистов уклонились от выступлений, Сен-Жюст в своей речи 13 ноября перевел дебаты на политическую почву. «Тут требовался новый человек,— пишет Мишле,— которого не мог стеснить никакой филантропический поступок в прошлом, который ни разу в жизни не произнес слова снисходительности или жалости». Король можно было судить, его должно было судить, и не как простого гражданина, а как врага, ибо речь шла о Республике. «Я никогда не упускаю из виду, что в том же духе, в каком будут судить короля, будут и создавать Республику». «Тем же людям, которые будут судить короля, предстоит основать Республику: те, кто придают какое-то значение справедливому наказанию короля, никогда не создадут Республику».

Когда 20 ноября 1792 года вскрыли железный шкаф, тайник, устроенный в одной из стен дворца Тюильри по приказу Людовика XVI, там были обнаружены документы, раскрывшие все упорство, изворотливость, хитрость короля в его длительном противоборстве с революционным движением: откладывать процесс стало невозможно. 3 декабря Робеспьер повторил доводы Сен-Жюста: осудить короля—это значит укрепить Республику. Невзирая на маневры жирондистов, Конвент назначил 6 декабря 1792 года комиссию, на которую была возложена подготовка «акта, излагающего все преступления Людовика Капета».

Суд над королем начался 11 декабря 1792 года чтением обвинительного заключения, подготовленного Ленде; то было нечто вроде исторического документа, освещающего двуличие Людовика XVI во все критические моменты революции. 26 декабря де Сез, адвокат короля, произнес изящную и тщательно составленную защитительную речь, отстаивая тезис о неприкосновенности особы короля, провозглашенной Конституцией 1791 года. Жирондисты, которым не удалось помешать

процессу короля, предприняли еще один маневр, чтобы спасти Людовика: они потребовали обращения к народу. Верньо доказывал, что неприкосновенность была дарована королю Конституцией 1791 года и, следовательно, только народ может лишить Людовика XVI этой неприкосновенности. Это значило забыть о цензовом характере этой конституции. Робеспьер ответил 28 декабря 1792 года: «По какому роковому стечению обстоятельств вопрос, который наиболее легко должен был объединить все голоса, все интересы представителей народа, послужил лишь сигналом к распрям и бурям? Почему основатели Республики не едины в вопросе о возмездии тирану?» Робеспьер разъяснил, какую опасность может представить обращение к народу и созыв первичных собраний: это значило бы «понапрасну поколебать основы Республики». Он повторил эти доводы в начале января 1793 года в одном из «Писем к своим доверителям» относительно «суверенитета народа и порядка привлечения к суду Людовика Капета»: «Народ уже дважды высказал свое мнение о Людовике: первый раз, когда он взял в руки оружие, чтобы сбросить короля с трона, прогнать его... Второй раз, когда он возложил на вас священную обязанность осудить его самым решительным образом во имя спасения отечества и в назидание всему миру... Подвергнуть государство таким опасностям, рисковать кризисом правительства, которое еще должно родиться, перед лицом объединившихся против нас врагов, что это как не желание вернуть нас к монархии путем анархии и раздоров».

Против обращения к народу 4 января 1793 года решительно выступил Барер, депутат от департамента Верхние Пиренеи. Это Равнина высказалась его устами в замечательной речи, несомненно составленной лучше всех речей, которые были произнесены за время этого длительного процесса. Барер умело собрал все аргументы, которые с точки зрения революционного права, а также политической необходимости требовали, чтобы за Конвентом была сохранена суверенная власть и чтобы обращение к народу было отвергнуто. Своим верным политическим чутьем (что бы об этом ни говорили) он понял, в какой тупик устремилась Жиронда, и указал все еще колеблющейся Равнине цель и путь; его выступление явилось тем поворотным моментом, когда большинство членов Конвента перешли на сторону монтаньяров.

Вопрос о приговоре королю был поставлен на обсуждение 14 января 1793 года. В этот день Конвент поставил три вопроса, на которые должны были ответить депутаты: «Виновен ли Людовик Капет в заговоре против общественной свободы и в покушении на свободу нации? Нужна ли апелляция к народу по поводу вынесенного королю приговора? Какого наказания заслуживает Людовик?»

Виновность короля была подтверждена единогласно, за исключением нескольких воздержавшихся. Обращение к народу было отвергнуто 424 голосами против 287. То было уничтожающее поражение для Жиронды, каково она не ожидала. Гора одержала верх 137 голосами, а вместе с ней восторжествовал и тезис о сосредоточении суверенной власти в руках собрания представителей нации. За смертную казнь проголосовали 387 депутатов против 334 в процессе бесконечного поименного голосования, которое, начавшись вечером 16 января, закончилось только через сутки. Однако 26 представителей высказались за смертный приговор при условии рассмотрения вопроса об отсрочке казни, хотя не было и речи о каких-либо условиях. 19 января Конвент поставил на голосование вопрос: «Будет ли отсрочено исполнение приговора над Людовиком Капетом?» Баррер закончил эти дебаты, приведя следующие доводы: «А вы не боитесь оживить все попытки мятежников и превратить принятие конституции в средство свержения Республики? Республики рождаются только в усилиях; уничтожив веру в божественную природу королевской власти, мы должны быть готовы к борьбе с европейскими правительствами». Отсрочка была отклонена 380 голосами против 310.

Казнь Людовика XVI состоялась 21 января 1793 года, на площади Революции. «В 10 часов 10 минут,— писала газета «Револьюсьон де Пари»,— голова была отделена от его тела и затем показана народу; в эту минуту со всех сторон раздались возгласы: «Да здравствует Республика!»

На страну это произвело огромное впечатление. Был подорван традиционный, чуть ли не религиозный, престиж королевской власти Людовика XVI казнили как обыкновенного человека. С божественным правом было покончено. Вся Европа была потрясена и изумлена. Сре-

ди жирондистов царило смятение; 23 января Ролан, министр внутренних дел, подал в отставку. У монтаньяров к чувству горького примешивались страх и тревога. Жертвы 10 августа были наконец отомщены, аристократии нанесен смертельный удар, но сколько опасностей для Республики? «Итак, мы наконец причадили к берегам острова свободы, и мы сожгли судно, доставившее нас к нему»,— писал Марат в своем «Журнале для Республик франсэз». А Робеспьер в одном из «писем к своим доверителям» заявил: «Этот великий акт справедливости привел в отчаяние аристократию, уничтожил веру в божественную природу монархии и основал Республику».

В Конвенте казнь короля окончательно изменила соотношение сил. Люди Равнины, голосовавшие за смерть короля, считали, что они пошли на это ради спасения Республики. Еи они пожертвовали своими личными интересами, «учитывая обстоятельства», как писал своим землякам в Тьер Рюдель, депутат от департамента Шюи-де-Дом, старейший член Конвента (он родился в 1719 году), юрист весьма умеренных взглядов. Смерть Лепелегье де Сен-Фаржо, убитого вечером 20 января парижским гвардейцем за то, что он голосовал за казнь короля, послужила как бы подтверждением этого: отныне каждый, кто проголосовал за казнь короля, чувствовал занесенный над собой нож убицы. «Но,— писал в шалонский клуб Моро, другой умеренный депутат от департамента Сона и Луара,— наша совесть чиста: мы руководствовались только интересами народа и мы ничего не боимся». Равнина примкнула к Горе.

Между тем в области внешней политики последствия казни короля сказались немедленно: она сделала невозможной тактику проволок и компромиссов, проводившуюся до той поры жирондистами. «В наших дебатах,— заявил Бриссо,— мы недостаточно считаемся с Европой». На что Робеспьер ответил 28 декабря 1792 года: «Победа решит, являетесь ли вы бунтовщиками или благодетелями человечества». Жирондисты, упорно стремившиеся спасти короля, надеялись тем самым смягчить конфликт с Европой. Они, стало быть, сознательно или нет, склонялись к компромиссу с аристократией: непоследовательная позиция со стороны людей, которые в ноябре 1792 года ратовали за пропагандистскую войну. Казнь короля положила конец проволоч-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

(1793—1795 годы)

кам За границей она послужила сигналом для врагов революции. Питт отказался предоставить какие бы то ни было средства для спасения Людовика XVI, но, получив известие о его казни 21 января, двор лицемерно объявил траур; французский представитель Шовелен был выслан из страны, и правительство постановило значительно укрепить свои военные силы. 1 февраля 1793 года по докладу Бриссо Конвент объявил Англии войну. Всеобщая война началась почти сразу после казни Людовика XVI.

*

«Вот и началось! — написал Леба, депутат от департамента Па-де-Кале, 20 января 1793 года, — мосты за нами сожжены, волей-неволей мы должны идти вперед, и как раз теперь мы вправе сказать: жить свободными или умереть». Таков и на самом деле был девиз Республики, окончательно установленной после казни Людовика XVI.

Создавая Республику, революция не могла простить королевской власти «этой узурпации», этого «вечного преступления», подчиняющего одному человеку весь народ, это покушение, по словам Сен-Жюста, «которое даже ослепление всего народа не смогло бы оправдать». Простить Людовика XVI, найти для него смягчающие обстоятельства — это значило бы оправдать обращение к иноземным державам, захват французской территории, раздираемую на части отчизну. Простить короля — это значило бы осудить нацию и основать Республику на шаткой основе. В членах Конвента, которые, проявив немалое мужество, презрев опасность, осудили Людовика XVI, мы, как и Мишле, чтим основателей Республики: «героические люди, ваши благодарные потомки сквозь века протягивают вам руку...»

Казнь Людовика XVI, даже если она послужила только предлогом, способствовала расширению конфликта между революционной Францией и европейской аристократией. Часть буржуазии отдавала себе отчет, что она не в силах спасти Республику без поддержки народа: Гора соединилась с санкюлотами. Но это вторжение масс на политическую арену уже само по себе показалось страшной угрозой для интересов крупной буржуазии, которая устами Бриссо обличала эту «гидру анархии». Чтобы защитить свое социальное и политическое главенство, либеральная буржуазия не колеблясь стала играть на руку контрреволюции и сторонникам старого порядка. «Нашей собственности грозит опасность», — заявил Петион в конце апреля 1793 года, взывая к богачам. 2 июня Жиронда рухнула под ударами парижских санкюлотов. С этого часа народное движение приобрело большой размах. Творцом всех великих революционных выступлений был народ; он же поднялся на защиту границ. Отныне он был намерен за все свои жертвы потребовать обеспечения своего существования. «Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может безнаказанно морить голодом другой класс, — заявил один из «бешеных» Жак Ру 25 июня 1793 года с трибуны Конвента. — Равенство — лишь пустой призрак, когда богатый благодаря монополии распоряжается жизнью и смертью себе подобных».

Чтобы дать возможность существовать санкюлотам и обеспечить спасение Республики, которая отныне стала демократической, монтаньяры создали такую экономическую организацию, которая путем реквизиций, установления твердых цен и национализации посягала на права имущих: то была подлинная классовая политика, продиктованная обстоятельствами, но отвечающая потребностям и сокровенным чаяниям санкюлотов. «Примите решение, — бросил Жак Ру монтаньярам. — Санкюлоты со своими пиками проведут в жизнь ваши декреты».

На II году Республики перед Революционным правительством, которое навязали Конвенту монтаньяров народные массы, встало два ряда проблем. Проблема политического характера: как примирить действия, характерные для санкюлотов, с требованиями революционной диктатуры и с нуждами национальной обороны? Иными словами, как разрешить проблему взаимоотношений между народной демократией и Революционным правительством? И проблема социального порядка: как примирить экономические устремления и требования санкюлотов с требованиями буржуазии, которая остается ведущим элементом революции? Иными словами, как разрешить проблему взаимоотношений между народными массами и имущими классами?

Между тем устранение в конце лета 1793 года «бешеных», а затем, весной 1794 года, Эбера и группы кордельеров, которые умели выражать смутные чаяния народных масс, делало все более затруднительным этот братский союз парижских санкюлотов с якобинской средней буржуазией, который был характерной особенностью Республики II года. Усилия Робеспьера и Сен-Жюста («В обездоленных вся соль земли»), направленные на социальное обновление, которое бесповоротно привязало бы народ к революции, остались тщетными. Они наталкивались на равнодушные дезориентированных масс, на открытую враждебность буржуазии, на противоречия, которые они не в силах были преодолеть. 9 термидора (27 июля 1794 года), в час опасности, народные массы слабо откликнулись на призыв восставшей робеспьеристской Коммуны: «Революция застыла», — сказал незадолго до этого Сен-Жюст. Навязав врагам нового порядка «деспотизм свободы», народ обеспечил победу над контрреволюцией аристократов и европейской коалицией. Но победа ускользнула от него, и нотабли вздохнули.

Термидорианской буржуазии потребовалось еще несколько месяцев, чтобы развалить Республику II года, устранить Революционное правительство, разрушить управляемую экономику, а затем на основе свободы экономики и свободы прибыли восстановить привилегию богатства и собственности. Пораженные до глубины души падением робеспьеристов, парижские санкюлоты все же продолжали ожесточенную арьергардную борьбу и еще в течение нескольких месяцев пядь за

пядью отстаивали свое право на существование и свое место в жизни нации. Драматические события прерияля III года (май 1795 года) ознаменовали поражение парижских масс, конец той демократической Республики, установление которой было обусловлено свержением короля 10 августа 1792 года. С этой точки зрения события прерияля III года даже более, нежели события 9 термидора II года, обозначили конец революции; силы ее были окончательно подорваны.

ПЕРВОЕ БАНКРОТСТВО ЛИБЕРАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ

(январь — июнь 1793 года)

После 10 августа и ниспровержения короля либеральная буржуазия дала себя опередить народу в политике национальной обороны и защиты революции. В Конвенте в лице Жиронды она еще торжествовала, но окажется ли она на высоте своих задач?

Военное поражение оказалось роковым для либеральной Республики, какую хотели создать жирондисты. Пока армии побеждали, они удерживали власть; они погибли в тот день, когда начались неудачи. Будучи партией войны, Жиронда ради политического маневра либо ради революционного идеализма пожелала превратить Францию в освободительницу всех угнетенных народов; тем самым она объединила против Франции всю монархическую Европу. Но она не сумела довести войну до победного конца; поражения в марте 1793 года и нависшая в результате этого над нацией опасность предрешили судьбу либеральной Республики.

1. Кризис революции

(январь — март 1793 года)

Революционная пропаганда и французские завоевания представляли собой угрозу интересам государств старого порядка; казнь Людовика XVI явилась для них предлогом для создания всеобщей коалиции.

Раньше всех произошел разрыв с Англией. После занятия Бельгии английское правительство, возглавляемое Питтом, начало понемногу отходить от своей политики нейтралитета. 16 ноября 1792 года французский Временный исполнительный совет объявил свободным [для навигации] устье Шельды, нисколько не считаясь с Мюнстерским договором, по которому оно было за-

крытым: новый довод для поборников войны в Англии. Декрет, обещавший помощь и поддержку восставшим народам, окончательно восстановил английских правителей против Франции; казнь короля послужила лишь предлогом для разрыва. 1 февраля 1793 года по докладу Бриссо Конвент объявил войну одновременно Англии и Голландии. Тут сыграли роль не только политические интересы; коммерческое и колониальное соперничество между Францией и Англией крайне обострилось к концу существования старого порядка.

Всеобщая война не замедлила разгореться. После 21 января 1793 года премьер-министр Испании Годой отказался принять французского поверенного в делах Бургуена, который 22 февраля покинул Мадрид. 7 марта Конвент вотировал без голосования объявление войны Испании. «Еще один враг Франции, — заявил Барер, — только умножит лавры свободы». За этим последовал разрыв с итальянскими государями: с папой — после того как 13 января, во время волнений, спровоцированных духовенством, был убит французский дипломатический агент Басвиль; затем с Неаполем, Тосканой и, наконец, с Венецией. За исключением Швейцарии и Скандинавских стран, Франция находилась в состоянии войны со всей Европой. «Все это — тираны Европы, — заявил Бриссо, — и вам предстоит отныне сражаться с ними на суше и на море».

Англия сколотила первую коалицию, последовательно заключив в период с марта по сентябрь 1793 года серию союзов со всеми врагами Франции. Революция могла рассчитывать только на свои силы. Итак, она оказалась тотчас в смертельной опасности: коалиция иностранных держав и военное поражение, контрреволюция аристократов и гражданская война, экономический кризис и натиск народных масс — все это слилось воедино и довело кризис до его высшей точки, сделав борьбу между жирондистами и монтаньярами непримиримой.

Дороговизна и натиск народных масс

Социально-экономический кризис представляет собой первый аспект этого общего кризиса революции, когда весной 1793 года едва не погибла Республика. Он длил-

ся с самого начала деятельности Конвента, усугубляемый чисто негативной политикой Жиронды, поставившей своей единственной целью защиту привилегий имущих классов. Жиронда рассчитывала преодолеть экономический кризис путем эксплуатации завоеванных стран. Ее расчеты не оправдались.

Финансовый кризис обострился из-за непрерывного выпуска все новых ассигнатов, который повлек за собой быстрый рост дороговизны. В своей речи от 29 ноября 1792 года Сен-Жюст советовал прекратить эмиссию ассигнатов, оздоровить финансы, считая это единственным лекарством от дороговизны. «Порок нашей экономики состоит в чрезмерном выпуске знаков [имеются в виду ассигнаты], мы должны стараться не увеличивать их количества, дабы не обесценить их еще больше. Необходимо ограничить количество денег, сколько только возможно; но, чтобы достичь этого, надо уменьшить долги государственной казны, либо передавая земли нашим кредиторам, либо внося ежегодные взносы в счет их уплаты, не прибегая к выпуску новых ассигнатов». Сен-Жюста не послушались. Камбон, возглавлявший Комитет финансов, продолжал политику инфляции. В начале октября 1792 года масса находящихся в обращении ассигнатов достигла суммы около двух млрд.; 17 октября Камбон распорядился о новой эмиссии, которая увеличила эту сумму до 2400 млн. Падение курса ассигната продолжалось, его усиленно споспობовали казнь короля и всеобщая война: в начале января он еще составлял 60—65% своей номинальной стоимости; в феврале стоимость его упала до 50%.

Вследствие всего этого усугубился и продовольственный кризис. Наемный рабочий зарабатывал в среднем в день 20 су в деревне и 40 су в Париже, в то время как хлеб в некоторых местах стоил до 8 су за фунт, цены на все другие продукты, особенно колониальные товары, также повысились. Хлеб был не только дорог, его трудно было достать. Урожай 1792 года был хорош, но зерна в продаже не было. В своей речи 29 ноября Сен-Жюст раскрыл механику этого искусственно создаваемого голода: «Земледелец, отнюдь не желающий класть в кубышку бумажки, с сожалением продает свое зерно. В любой другой отрасли торговли необходимо продавать свой товар, чтобы жить на доходы с него. Земледелец, наоборот, ничего не покупает, а потому он

не заинтересован в торговле. Этот класс привык каждый год тезаврировать в виде денег часть продукта земли; сегодня он предпочитает сохранять зерно, а не копить бумажки». В крупных городах не хватало хлеба, поскольку землевладельцы и арендаторы не торопились везти на рынок свое зерно в обмен на обесцененные бумажные деньги.

Регламентация, введенная в течение лета при помощи первого террора, безусловно, помогла бы превозмочь злую волю производителей съестных припасов, поскольку она предусматривала взятие на учет зерна и разрешала реквизицию. Ролан, министр внутренних дел, ответственный в качестве такового за экономику, поборник неукоснительного соблюдения либеральных принципов, ничего не сделал для применения этого вызванного обстоятельствами законодательства, даже наоборот. 8 декабря 1792 года Конвент отменил введенную в сентябре регламентацию и снова объявил о «полной свободе» торговли зерном и мукой, только запрещение экспорта этих продуктов оставалось в силе; предусматривалась смертная казнь для лиц, которые посмели бы препятствовать обращению продовольствия или организовывать сборища. В действительности зерно уже не перевозили, цены на него в разных местностях были неодинаковыми: в октябре 1792 года сетье¹ зерна стоил 25 ливров в департаменте Об, 34 — в департаменте Верхняя Марна и 47 ливров — в департаменте Луар и Шер. В Париже хлеб стоил всего лишь 3 су за фунт; Коммуна ввела на него твердую цену за счет налогоплательщиков; Ролан не переставал возмущаться подобным расточительством. Жиронда, убежденная в том, что свободная конкуренция является универсальным средством от всех бед, оставалась равнодушной к страданиям народных масс. •

Социальный кризис все более усиливался. С осени 1792 года начали вспыхивать серьезные волнения в деревне и городах. В Лионе ткачи бастовали из-за отсутствия сбыта шелковых тканей; комиссары Конвента усилили жандармерию и приступили к арестам. В Орлеане грабили дома. В октябре волнения имели место также в Версале, Рамбуйе, Этампе. Хлебные бунты

¹ Старинная мера сыпучих тел.— Прим. ред.

охватили в ноябре всю провинцию Бос и соседние департаменты. Сторонники таксации цен отправлялись на рынки целыми толпами 28 ноября их было в Вандоме 3 тыс., а 29-го на оптовом рынке в Курвиле, департамент Эр и Луар, — 6 тыс., причем вооруженных. Они носили на шляпах веточки дуба и собирались под лозунгом: «*Да здравствует нация! Зерно должно подешеветь!*» И тут Жиронда продемонстрировала свою классовую политику: порядок в Босе был энергично восстановлен.

В Париже Коммуна и секции тщетно требовали 29 ноября 1792 года введения таксации. Это требование было выдвинуто народными вожаками и активистами секций Аббат Жак Ру из секции Гравилье произнес 1 декабря пламенную речь «о суде над Людовиком последним, о преследовании биржевых спекулянтов, скупщиков и предателей» Варле, почтовый служащий из секции Прав человека, довольно обеспеченный человек, потребовал 6 августа 1792 года введения принудительного курса ассигната и принятия мер против скупки продовольствия; он продолжал свою пропаганду на площадях города с высокой передвижной трибуны. В Лионе Шалье и Леклерк, в Орлеане Табуро пропагандировали те же лозунги: твердые цены на продовольствие, реквизиция зерна, регламентация работы булочных, помощь неимущим и семьям вдовцов. Пропаганда этих борцов, «бешеных», имела большой успех в парижских секциях: обострение экономического кризиса благоприятствовало их пропаганде. 12 февраля 1793 года депутация от сорока восьми секций Парижа явилась к барьеру Конвента «Недостаточно объявить нас французскими республиканцами, надо еще, чтобы народ был счастлив, нужно, чтобы у него был хлеб, ибо там, где нет хлеба, там нет законов, нет свободы, нет Республики». Петиционеры разоблачили «полную свободу торговли зерном» и требовали введения твердых цен 25 февраля начались беспорядки в квартале Ломбар, центре торговли колониальными товарами, они приняли широкий характер и продолжались несколько дней; бунтовщики, впереди — женщины, за ними — мужчины, силой вставляли отпускать им товары по назначенной ими же цене, сахар, мыло, свечи «Бакалейщики, — говорил Жак Ру, — всего лишь возвратили народу то, что они перебрали у него лишнего за долгие годы». Но Робеспьер,

как же как и Марат, осудил «эти козни, которые строят против самих же патриотов»; у народа и без того слишком много дела, чтобы ему бунтовать «из-за каких-то жалких припасов»; «народ должен подняться не для того, чтобы раздобывать сахар, а чтобы сразить грабителей».

Пусть усилия «бешеных» добиться таксации и не увенчались успехом, проблему они все же поставили. Монтаньяры реагировали точно также, как жирондисты. Но углублявшийся политический кризис принудил Гору в целях борьбы против Жиронды и спасения Республики пойти на уступки народной программе. 26 марта 1793 года Жанбон Сент-Андре писал Бареру. «Настоятельно необходимо дать возможность жить бедняку, если вы хотите, чтобы он помог вам завершить революцию. В исключительных случаях надо считаться только с великим законом общественного блага». Дороговизна ускорила закат Жиронды.

Поражение и измена Дюмурье

Политический кризис еще больше обострился, и дуэль между Жирондой и Горой приняла особенно ожесточенный характер, когда в марте 1793 года создалось угрожающее положение на границах.

В начале 1793 года республиканские армии утратили свое численное превосходство над врагом. Плохо одетые, плохо накормленные из-за казнокрадства поставщиков, покровительствуемых Дюмурье, многие волонтеры, пользуясь правом, которое предоставлял им закон, после кампании возвращались домой¹. В феврале 1793 года французские армии насчитывали не более 228 тыс. человек вместо 400 тыс. в декабре 1792 года. Одна из главных слабостей армии состояла в том, что линейные полки и батальоны волонтеров располагались рядом, в то время как организация и устав у них были разные. Волонтеры носили синюю форму, отчего и получили название «васильки», они сами избирали своих офицеров и получали более высокое жалованье, дисциплина у них была не такая строгая, их обязательства ограничивались

¹ Волонтеры записывались в армию на один год. — *Прим. ред.*

одной кампанией. Солдаты линейных войск носили белую форму, почему их и называли «белыми задницами», они записывались на военную службу на долгий срок и подчинялись очень суровой дисциплине, начальники у них назначались сверху. Стычки между двумя видами войск случались очень часто, линейные презирали волонтеров и в то же время им завидовали.

Закон об амальгаме (слиянии), изданный 21 февраля 1793 года, положил конец этой двойственности в армии, создав единую национальную систему. Эту меру предложил Дюбуа-Крансе в своем докладе Конвенту 7 февраля: два батальона волонтеров будут объединены с одним линейным батальоном, образовав полубригаду. Волонтеры передадут линейным войскам свой пыл и свою гражданскую доблесть; в свою очередь они позаимствуют у линейных опыт, мастерство, дисциплину. Солдаты будут избирать своих офицеров, только одна треть будет замещаться по старшинству. 12 февраля Сен-Жюст настойчиво поддержал проект Дюбуа-Крансе: «Вы должны ожидать победы не только от количества и дисциплины солдат: вы добьетесь ее только тогда, когда в армии восторжествует республиканский дух». И продолжал: «Единство Республики требует единства в армии; у Родины только одно сердце». Амальгама была вотирована, несмотря на оппозицию жирондистов. Однако потребности войны заставили отложить ее осуществление до зимы 1793/94 года; но с лета 1793 года форма, жалованье, устав были унифицированы; линейные войска были приравнены к волонтерам.

Призыв в армию 300 тыс. человек, объявленный декретом от 24 февраля 1793 года, разрешил вопрос с нехваткой численного состава армии. Конвент безуспешно пытался задержать волонтеров в армии, взывая к их патриотизму. «Граждане солдаты, закон разрешает вам уйти, но зов Отечества запрещает вам это». От имени Комитета общественной обороны Дюбуа-Крансе представил 25 января 1793 года обширный доклад, обсуждение которого завершилось 21 февраля принятием принципиального решения, дополненного и уточненного декретом от 24 февраля: Конвент постановил призвать в армию 300 тыс. человек, распределив набор по департаментам. В принципе добровольный характер набора был сохранен; в случае если этого набора окажется не-

достаточно, «граждане обязаны безотлагательно пополнить их [волонтеров] ряды, избрав для этого большинством голосов наиболее подходящий путь» (ст. II). В то время как призывы 1791 и 1792 годов проходили в атмосфере энтузиазма, призыв 1793 года натолкнулся на самые серьезные трудности. Повинен в этом был отчасти сам Конвент, не пожелавший уточнить способ формирования пополнения: положившись на местные власти, он отдал дело рекрутского набора в руки соперничавших между собой личностей. Во избежание досадных случаев жеребьевки или же мажоритарной системы голосования в департаменте Эро 19 апреля 1793 года было издано постановление о прямой и личной реквизиции: комитет, назначенный комиссарами Конвента, будет по предложению местных властей намечать «граждан, кои признаны наибольшими патриотами и наиболее способными в силу своего мужества, характера и физического развития принести пользу Республике». Одновременно был объявлен принудительный заем в 5 млн. у богачей, чтобы было чем платить жалованье солдатам, покрыть расходы на их экипировку и оказывать помощь *классу бедняков*. Этот способ реквизиции имел то большое преимущество, что осуществление призыва оказалось в руках революционных властей; он был принят повсеместно. Призыв по декрету от 24 февраля 1793 года дал, однако, лишь половину намеченного числа людей; только всенародное ополчение и реквизиция позволили решить проблему личного состава армии. Но при этом не обошлось без новых неудач.

Начало кампании 1793 года ознаменовалось провалом наступления в Голландии. Несмотря на совершенно явную слабость французской армии, начертанный Дюмурье план наступления был принят. 16 февраля 1793 года, выйдя из Антверпена, он вступил в Голландию с 20 тыс. солдат и 25 февраля взял Бреду. Но 1 марта австрийский главнокомандующий герцог Кобургский напал на Бельгийскую армию, рассеянную в районе Рура. Это была катастрофа; 2 марта Экс-ла-Шапель, а затем Льеж были оставлены в обстановке крайнего беспорядка. В Париже эти поражения вызвали подлинную лихорадку патриотизма и повлекли за собой первые мероприятия общественного спасения. 9 марта типографии жирондистских газет «Кроник де Пари»

и «Патриот франсэ» были разгромлены; на следующий день была предпринята попытка народного восстания, но, не встретив поддержки со стороны Коммуны и якобищев, она потерпела неудачу. 10 марта был основан Революционный трибунал для суда над агентами врага. «Я не знаю никого, кроме врага, давайте бить врага», — вызвал Дантон.

Вскоре последовала потеря Бельгии. Во время отступления войска Дюмурье были разгромлены у Неервиндена 18 марта 1793 года; 5 апреля Дюмурье перешел на сторону врага. Вскоре французы потеряли левый берег Рейна, пруссаки осадили Майнц. Кюстин отступил к Ландау. И вновь коалиция перенесла войну на территорию Франции.

Поражение обострило политическую борьбу. Жиронда обвинила Дантона в сообщничестве с Дюмурье. Посланный в миссию в начале марта Дантон был свидетелем первых катастроф и тем не менее поддерживал Дюмурье и еще 10-го пытался успокоить Конвент на его счет; 26 марта, накануне своей измены, Дюмурье еще встретился в Турне с тремя весьма подозрительными якобинцами: Дюбюиссоном, Перейра и Проли, связанными с Дантоном. Дантон смело повернул обвинение против Жиронды, выступив 1 апреля 1793 года под аллюди-сменты монтаньяров. Измена Дюмурье ускорила падение Жиронды.

Вандея

Призыв в армию 300 тыс. человек вызвал, однако, много волнений. 9 марта 1793 года Конвент был вынужден направить 82 депутата в департаменты, чтобы проследить за ходом набора. Наиболее серьезные волнения вспыхнули в западных департаментах. В Иль и Виллен имели место многолюдные собрания, сопровождавшиеся криками: «Да здравствует король Людовик XVII, дворяне и священники!» В Морбиане мятежники захватили два главных города дистрикта — Ла-Рош-Бернар и Рошфор — и окружили Ванн. 23 марта представители в миссии, в их числе Бийо-Варенн, писали из Ренна в Конвент: «Белое знамя еще оскверняет землю свободы, белую кокарду вновь надели... Главные агенты загово-

ра — это священники и эмигранты». Мятеж в Бретани был подавлен в зародыше.

Хотя в департаменте Мен и Луара, на границах с Анжу и Пуату, в районе Мож, где давно уже вели подрывную работу священники и дворяне, набор 300 тыс. человек и не был подлинной причиной восстания, он, во всяком случае, послужил для него поводом. 2 марта 1793 года, в базарный день в Шоле, крестьяне устроили против набора манифестацию, операция была перенесена на следующий день; 3-го молодежь устроила драку. Сцены, происходившие в Шоле, повторялись почти повсюду. В воскресенье 10 марта, в день, назначенный для жеребьевки в Сен-Флоран-ле-Вьей, прозвучал набат; крестьяне, вооружившись вилами, косами и цепями, разогнали национальных гвардейцев. Так родилась Вандея.

Восстание в Вандее было наиболее опасным проявлением встреченного революцией сопротивления и недовольства крестьянских масс. Нищета, в сетях которой они бились, заставила их отозваться на призыв реакции, восстать против городских буржуа, очень часто выступавших в роли *крупных арендаторов* в этих краях, где преобладала испольщина, против торговцев зерном и скупщиков национальных имуществ. Религиозный кризис тоже волновал эти западные департаменты, где вера была сильна и где еще с конца XVII века людей наставляла в вере конгрегация миссионеров (Mulotins), обосновавшихся в Сен-Лоран-сюр-Севр, в сердце Бокажа. Неприсягнувшие священники, весьма многочисленные, использовали религиозные чувства крестьян, подстрекая их против революции. Роялистская партия тоже подняла голову, как только война охватила многие страны. Крестьяне Вандеи, однако, не поддержали дворянский мятеж в августе 1791 года; они и пальцем не шевельнули в 1792 году, чтобы спасти своих *добрых* пастырей от высылки.

Рекрутский набор 300 тыс. человек не мог не вызвать недовольства крестьян, которым он слишком хорошо напоминал прежние ополчения и обязанность поставлять по жеребьевке рекрутов для пополнения линейных войск: то был институт старого порядка, наиболее ненавистный деревне. Закон давал возможность для произвола: доверив подчиненным заботу о том, кого именно брать в армию, он отлавал дело вербовки рекрутов в

руки пристрастных местных властей. С возгласами: «Мира! Мира! Долой жеребьевку!» — крестьяне восстали 10 марта 1793 года и в последующие дни на всем протяжении от побережья до Брессюира и Шоле. Такое одновременное начало восстания в разных местах заставляет предполагать, что оно было координировано заранее. Крестьяне, хотя и подстрекаемые священниками, не были все же ни роялистами, ни приверженцами старого порядка, но они отказывались идти сражаться вдали от своих деревень. Дворяне, вначале удивленные этим восстанием, не преминули, однако, использовать его в своих целях.

Вначале вандейцы добились больших успехов. Завладев Брессюиром, Шоле, Партенэ, они захватили 5 мая 1793 года Туар, а 9 июня Сомюр, но 29 июня они потерпели поражение под Нантом. Побережье, однако, удалось удержать благодаря упорному сопротивлению буржуазии портовых городов: в Ле-Сабль-д'Олон были отбиты две атаки — 23 и 29 марта. Вандея не могла связаться с Англией. 19 марта Конвент единогласно принял декрет, согласно которому каждого бунтовщика, захваченного с оружием в руках, ожидала смертная казнь и конфискация имущества. Но только в мае Исполнительный совет решил направить против Вандеи регулярные войска, отозвав их с фронтов; были укомплектованы две армии: одна в районе Бреста под командованием Канкло и другая в районе Ла-Рошели под командованием Бирона. Республиканские генералы были, однако, разбиты: Вестерман — 5 июля, а Сантер — 13 июля. До октября 1793 года Вандея оставалась не усмирённой.

Последствия были непоправимы. Гражданская война ожесточила республиканцев и привела их к монтаньярам, которые, будучи единственными поборниками общественного спасения, предстали как партия защиты революции. Но для того чтобы одолеть контрреволюцию и разбить коалицию, Горе нужна была поддержка народа. Она была вынуждена пойти на уступки массам: 10 марта был создан Революционный трибунал, 21-го — наблюдательные комитеты; принудительный курс ассигнатов был установлен декретом от 11 апреля, максимум на зерно — 4 мая. Все эти чрезвычайные меры приходилось вырывать у жирондистов. Вандея, доведя до пароксизма кризис революции, ускорила падение Жиронды.

В своем письме от 26 марта 1793 года Жанбон Сент-Андре, депутат от департамента Ло, писал Бареру: «Общественному делу грозит гибель, и мы почти уверены, что лишь самые безотлагательные и самые решительные меры могут его спасти... Сегодняшний опыт доказывает, что революция еще далеко не закончена, и следует совершенно открыто заявить Национальному Конвенту: "Вы представляете собой революционное собрание... Наши судьбы самым тесным образом связаны с судьбой революции... и мы обязаны довести государственный корабль до гавани или же погибнуть вместе с ним"»

2. Конец Жиронды *март — май 1793 года*

Перед лицом двойной опасности — внешней и внутренней — народное движение заставило принять первые меры общественного спасения. Поскольку выяснилась неспособность Жиронды отвести угрозу, монтаньяры, полные решимости спасти революцию, постепенно стали проводить программу, выдвигаемую народными борцами. Так, с весны 1793 года вопреки воле жирондистов намечилось создание революционного правительства и утвердился «деспотизм свободы».

Первые меры общественного спасения

Перипетии кризиса сопровождались натиском народных масс и революционными мерами.

Революционный трибунал был создан 10 марта 1793 года. Поражения в Бельгии вызвали в Париже такую же лихорадку патриотизма, такой же взрыв у народных масс, как и наступление пруссаков в августе минувшего года. Многие секции требовали создания Чрезвычайного трибунала для суда над агентами врага внутри страны. Дантон, терзаемый воспоминанием о сентябрьских днях, 9 марта повторил свое предложение: «Мы должны учиться на ошибках наших предшествен-

ников; мы должны сделать то, чего не сделало Законодательное собрание: будем же грозными, чтобы избавить от необходимости быть таковым народ». 10 марта Конвент, несмотря на сопротивление Жиронды, вопившей о диктатуре, принял декрет об учреждении Чрезвычайного трибунала, без права апелляции и кассации, «который должен знать о любых контрреволюционных замыслах, о любом покушении на свободу, равенство, единство и неделимость Республики, на внутреннюю и внешнюю безопасность государства, обо всех заговорах с целью восстановления монархии». Конвент оставлял за собой право назначать судей, присяжных заседателей, а главное — право привлечения к суду.

Революционные наблюдательные комитеты были основаны по декрету 21 марта 1793 года, после поражения у Неервиндена. Таким образом, Конвент распространил на всю страну народный институт, получивший широкое распространение в парижских секциях. В каждой коммуне или в каждой секции в крупных городах на эти комитеты была возложена задача наблюдения за иностранцами. Очень скоро они расширили круг своей деятельности, взяв на себя выдачу свидетельств цивизма (о гражданской благонадежности), проверку документов у военных, арест лиц, не носивших трехцветную кокарду. Вскоре им было поручено составление списков подозрительных и выдача ордеров на их арест. Составленные из надежных, преданных патриотов, в основном из санкюлотов, революционные комитеты представляли собой организацию, боровшуюся против жирондистов, умеренных и аристократов; они были одним из главных орудий режима общественного спасения.

28 марта 1793 года были кодифицированы и усилены законы об эмигрантах. В качестве эмигрантов рассматривались французы, которые, покинув пределы родной страны после 1 июля 1789 года, не вернулись до 9 мая 1792 года, а также все те, кто не мог удостоверить свое непрерывное пребывание во Франции после 9 мая 1792 года. Эмигранты изгонялись навечно с французской территории, они были осуждены на гражданскую смерть, их имущество переходило к Республике; нарушение закона об изгнании каралось смертью.

Комитет общественного спасения был создан 5—6 апреля 1793 года взамен Комитета общественной обороны, который был создан 1 января и деятельность которого

оказалась неэффективной. Он состоял из девяти членов, избираемых Конвентом и смещаемых каждый месяц, совещания его проходили в полной секретности; в его обязанности входило наблюдать за деятельностью администрации, находившейся в ведении Временного Исполнительного совета, и требовать от нее более энергичных действий, он имел право в неотложных случаях принимать меры общественной обороны; его постановления должны были *без промедления* проводиться в жизнь Исполнительным советом. И опять жирондисты завопили о диктатуре. Марат им ответил: «Свободу должно насаждать силой, и сейчас настал момент, когда надо немедленно организовать деспотизм свободы, дабы смести с лица земли деспотизм королей». Дантон вошел в новый комитет наряду с такими людьми, как Барер и Камбон, примкнувшими к Горе.

Институт народных представителей, посылаемых с миссией в армии, был основан 9 апреля 1793 года. Еще 9 марта Конвент послал 82 депутата в департаменты для организации и ускорения набора 300 тыс. человек. По декрету от 9 апреля в каждую из одиннадцати армий Республики направлялось по три народных представителя. Облеченные неограниченными полномочиями, они должны были осуществлять «самое пристальное наблюдение за деятельностью агентов Исполнительного совета, всех поставщиков и подрядчиков армий, а также за поведением генералов, офицеров и солдат». Они должны были поддерживать в армиях республиканский дух. Недовольный такой организацией, Конвент 30 апреля отменил ее и принял новый декрет, еще более расширявший права представителей в миссии в армиях, но обязывавший их согласовывать свои действия. Они получили право арестовывать генералов. Каждый день они обязаны были посылать в Комитет общественного спасения отчет о своих действиях, а каждую неделю — доклад Конвенту, который сохранял за собой руководство всеми армиями и контроль над ними.

За политическими мероприятиями последовали социально-экономические мероприятия в интересах народных масс, когда в апреле—мае обострилась борьба между Жирондой и Горой. Принудительный курс ассигната был установлен декретом от 11 апреля 1793 года: практика двойных цен и спекуляция звонкой монетой были запрещены, за отказ принимать в уплату ассигнаты

полагалось наказание. Массы продолжали упорно требовать введения таксации: 18 апреля об этом заявили различные власти Парижского департамента, 30-го — секции Сент-Антуанского предместья. Конвент уступил 4 мая 1793 года, установив по департаментам максимальные цены на зерно и муку; дистрикты должны были приступить к их учету и реквизиции, чтобы снабдить этими продуктами рынки, за пределами которых торговля ими была запрещена. 20 мая 1793 года Конвент наконец принял решение о миллиардном принудительном займе у богатых. Чтобы привлечь к себе народ, Конвент принимал в случае надобности меры, носившие классовый характер. 8 мая 1793 года в Якобинском клубе Робеспьер призвал «непчислимую армию санкюлотов» восстать против *золотоштанников*: «Вы должны спасти свободу. Провозгласите права свободы, проявите всю вашу энергию. В вашем распоряжении огромная армия санкюлотов, сильных и чистых душой, они не могут бросить свою работу, заставьте же богачей оплачивать ее!»

События 31 мая — 2 июня 1793 года

Дуэль между Жирондой и Горой и впрямь вступила в заключительную фазу: Горе необходима была поддержка народных масс. Позиции Жиронды в Конвенте были все еще сильными. Правда, правительство уже не было целиком в ее руках. Ролан подал в отставку еще 22 января 1793 года, его заменил в министерстве внутренних дел осторожный Гара; в министерстве юстиции Гойе тоже боялся себя скомпрометировать; но в военном министерстве полковник Бушот, истинный министр-санкюлот, сменил 4 апреля Берновиля; 10-го Дальбард, друг Дантона, был назначен морским министром вместо Монжа; оставалось всего два министра-жирондиста: Лебрен в министерстве иностранных дел и Клавьер в министерстве финансов. В Конвенте Равнина голосовала за все мероприятия общественного спасения, предлагаемые Горой; но, не доверяя Парижской коммуне, она отказывалась следовать за Горой в ее борьбе с Жирондой и хотела встать над партиями.

Робеспьер начал атаку 3 апреля 1793 года. «Я заявляю, что первой мерой общественного спасения, которую

следует принять, является декрет о предании суду всех тех, кого обвиняют в сообщничестве с Дюмурье, в частности Бриссо». 10 апреля он вновь изобличал контрреволюционную политику вождей Жиронды и их преступную снисходительность в отношении Дюмурье. Верньо ответил ему, не побоявшись представить свою партию как партию умеренных: «Да, мы — умеренные... Со времени ниспровержения королевской власти я слышал много разговоров о революции. И я сказал себе: «Сейчас возможны только две революции: такая, которая уничтожит собственность или установит аграрный закон, или же такая, которая вернет нас к деспотизму». Я принял твердое решение бороться против той и другой... Старались завершить революцию террором, я же хотел бы завершить ее любовью. Наша умеренность спасла Республику от страшного бича — гражданской войны».

5 апреля 1793 года Якобинский клуб, на заседании, где председательствовал Марат, принял решение направить в филиалы общества в провинции циркуляр, призывая их потребовать отзыва и смещения «апельлянтов», то есть членов Конвента, голосовавших за обращение к народу с целью спасения короля. 13 апреля по предложению Гаде и после бурных дебатов 226 голосами против 93 и при 47 воздержавшихся Конвент принял решение о предании суду Марата за то, что он в качестве председательствовавшего на заседании клуба подписал циркуляр от 5 апреля. Преданный суду Революционного трибунала, Марат предстал перед ним «как апостол и мученик свободы»; 24 апреля он был с триумфом оправдан. 15 апреля 35 парижских секций из 48 направили в Конвент петицию, обвинявшую 22 наиболее видных жирондистских депутатов.

Чтобы вернуть себе влияние на общественное мнение, Жиронда напрягла все силы и перенесла дебаты на социальную почву. В конце апреля 1793 года Петион обратился с «Письмом к парижанам», призывая всех имущих к бою. «Ваша собственность находится под угрозой, а вы закрываете глаза на эту опасность. Разжигают войну между имущими и неимущими, а вы ничего не предпринимаете для ее предупреждения... Парижане, очнитесь наконец от вашей летаргии и заставьте этих ядовитых насекомых бежать в свои щели!» В то же самое время, 24 апреля 1793 года, Робеспьер зачитывал

в Конvente проект Декларации прав, подчинявший собственность общественной пользе. «Вы составили множество статей, чтобы обеспечить наибольшую свободу для осуществления права собственности, но вы не сказали ни единого слова, чтобы определить ее законные границы; выходит, ваша Декларация написана не для всех людей, а только для богачей, скупщиков, спекулянтов и тиранов». Робеспьер предложил определить понятие собственности как «право каждого гражданина пользоваться и располагать той долей имущества, которая гарантирована ему законом». Собственность, согласно Декларации прав 1789 года, была естественным правом, теперь же она стала социальным институтом. Нельзя, однако, не отметить тактический характер позиции, занятой Робеспьером: чтобы одолеть Жиронду, необходимо было заинтересовать санкюлотов в победе, внушив им надежду на социальную демократию.

Между тем в департаментах Жиронда в поисках спасения стала играть на руку аристократам и контрреволюционерам, поддерживая *секционное движение*, которое нередко возглавляли роялисты. Если секции в Бордо, где господствовала торговая буржуазия, удовлетвовались 9 мая 1793 года угрожающим адресом, направленным против *анархистов* Горы, то это означало, что Вандея близка. То же происходило в Нанте. В Марселе, где в секциях хозяйничали жирондисты, они, объединившись с аристократами, изгнали 29 апреля представителей в миссии; был сформирован Генеральный комитет секций, начавший преследование санкюлотов и якобинцев. В Лионе контрреволюция утвердилась совершенно открыто. Завоевав большинство секций, умеренные и роялисты сбросили 29 мая монпаньярский муниципалитет; мэра Шалье бросили в тюрьму; 17 июля 1793 года его казнили. То был третий *мученик свободы*. Спротивление жирондистов во всех департаментах тормозило деятельность представителей в миссии. Местный партикуляризм восставал против центральной власти, укреплялись федералистские тенденции. При пособничестве Жиронды, часто весьма активном, классовые интересы возобладали над нуждами национальной обороны; буржуа, оставшиеся монархистами и приверженцами старого порядка, парализовали революционную оборону.

Чтобы восторжествовать окончательно, Жиронда ступила на путь борьбы против цитадели монпаньяров —

Парижской коммуны. Отвечая на «Историю бриссотинцев, или Фрагмент тайной истории революции» Камилля Демулена, представленную 17 мая в Якобинском клубе, Гаде на следующий день изобличил в Конvente парижские власти, «власти анархистские, жадные и до денег и до власти», и предложил немедленно сместить их. Тут же была образована следственная комиссия из двенадцати человек, состоявшая исключительно из жирондистов. Комиссия двенадцати распорядилась 24 мая арестовать Эбера за выпуск № 239 газеты «Пер Дюшен»: «Великое разоблачение *Пер Дюшен*, обращающегося ко всем санкюлотам департаментов по поводу заговоров, которые устраивают бриссотинцы, жирондисты, роландисты, бюзотинцы, петионисты и вся эта проклятая шайка сообщников Капета и Дюмурье с целью истребить честных монпаньяров, якобинцев и Парижскую коммуну, чтобы нанести последний удар свободе и восстановить монархию». Были арестованы и другие народные вожаки — Варле и Добсан, председатель секции Сите. Эти репрессии и повлекли за собой окончательный кризис.

25 мая Коммуна потребовала освобождения Эбера, заместителя прокурора Коммуны. Инар, председатель Конвента, разразился резкой филиппикой против Парижа, напомнившей манифест герцога Брауншвейгского: «Если бы в результате этих непрерывно повторяющихся мятежей случилось так, что было бы совершено покушение на народное представительство, то заявляю вам это от имени всей Франции: Париж был бы уничтожен, скоро на берегах Сены стали бы разыскивать то место, где стоял Париж!» На следующий день в Якобинском клубе Робеспьер призвал народ к восстанию. «Когда народ угнетен, когда ему остается надеяться только на себя, трусом был бы тот, кто не призвал бы его восстать. Когда попраны все законы, когда деспотизм достиг вершины, когда топчут ногами честность и чистоту помыслов, то народ должен восстать. И этот миг настал». Якобинцы объявили себя в состоянии восстания.

28 мая секция Сите призвала все остальные секции собраться на следующий день в епископском дворце для организации восстания. 29 мая делегаты 33 секций образовали Повстанческий комитет из 9 членов, среди них — Варле, бывший, бесспорно, его вдохновителем, и Добсан, освобожденные накануне по приказу Конвента, где оста-

лись заседать только Гора и Равнина. 30 мая парижские департаментские власти примкнули к движению¹.

31 мая 1793 года восстание началось под руководством комитета, заседавшего в епископстве; были использованы методы, примененные 10 августа. Ударили в набат, бьют всеобщий сбор, стреляют из пушки, подавая сигнал тревоги. Около пяти часов пополудни депутации из секций и от Коммуны появляются у барьера Конвента, в то время как толпа манифестантов окружает подступы к нему. Они представляют целую программу мер революционной обороны и социальных мероприятий: изгнание вождей Жиронды, роспуск Комиссии двенадцати, арест подозрительных, чистка административных властей, создание Революционной армии, предоставление права голоса исключительно санкюлотам, установление твердой цены на хлеб в 3 су за фунт за счет налога на богатых, выплата государственных пособий старикам, инвалидам и родителям защитников отечества. Несмотря на пылкое выступление Робеспьера, обратившегося к Верньо («Да, я сделаю вывод и против вас!»), Конвент проголосовал только за роспуск Комиссии двенадцати. Восстание не добилося успеха. «Отечество не удалось спасти!» — заявил в тот же вечер в Якобинском клубе Бийо-Варенн. — Надо было принять важнейшие меры общественного спасения; именно сегодня следовало нанести последний удар заговорщикам».

2 июня в воскресенье движение возобновилось. По приказу Повстанческого комитета 80 тыс. национальных гвардейцев под командованием Анрио окружили Конвент, «с тем чтобы можно было арестовать главарей преступной фракции в тот же день, если Конвент не выполнит требований граждан Парижа». Посланная депутация потребовала немедленного ареста вождей Жиронды. После беспорядочной дискуссии Конвент в полном составе, следуя за своим председателем Эро де Сешелем, вышел, пытаясь пройти сквозь заслон. Анрио командовал: «Капониры, к орудиям!» Конвент, не в силах справиться с массами, вернулся в зал заседаний, подчинился и постановил арестовать 29 жирондистских

депутатов, а также министров Клавьера и Лебрена. Так закончилась дуэль между Жирондой и Горой, длившаяся со времени Законодательного собрания

*

Так погибла Жиронда. Она объявила войну, но не сумела ее вести; она изблщила короля, но испугалась его осуждения; она обратилась к народу за поддержкой против монархии, но отказалась вместе с ним управлять страной; она способствовала обострению экономического кризиса, но отвергла все требования народа. Вместе с Горой, для которой высшим законом было общественное благо, санкюлоты пришли к власти. В этом смысле события 31 мая — 2 июня имели не только политический характер: то был национальный рефлекс и революционный взрыв, защитная реакция на новые проявления заговора аристократов и возмездие. Развитие *секционного движения* в департаментах заранее сообщило этим событиям их значение: под маской жирондистской оппозиции дворянская контрреволюция перешла в наступление.

В своей «Социалистической истории Французской революции» Жорес отрицал классовый характер событий 31 мая — 2 июня: конечно, если рассматривать их в политическом и парламентском аспекте, и жирондисты, и монтаньяры являлись выходцами из буржуазии (правда, следовало бы уточнить нюансы). Но устранение крупной буржуазии, выход на сцену санкюлотов придают этим дням особое социальное значение: Жорж Лефевр в праве был говорить *о революции 31 мая*.

¹ Наряду с Повстанческим комитетом, заседавшим в епископстве, возник другой революционный центр — собрание всех представителей власти Парижского департамента, созванное в Якобинском клубе. В последние дни мая оба центра объединяются — *Прим. ред.*

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

(июнь — декабрь 1793 года)

Изгнав жирондистов, Конвент, возглавляемый теперь монтаньярами, очутился между двух огней. С одной стороны, контрреволюция получила новый толчок благодаря федералистскому мятежу, с другой стороны, движение народных масс, доведенных до отчаяния дороговизной, усилило свой нажим. Однако правительственная организация обнаруживала свою неспособность овладеть положением, Дантон, в Комитете общественного спасения, вел переговоры, вместо того чтобы сражаться. В июле 1793 года Республика, казалось, была на грани расчленения.

Но в то время как Гора колебалась в плену своих противоречий, народные массы, толкаемые вперед нуждой и ненавистью, настаивали на принятии решающих мер общественного спасения, первой из которых и было объявленное 23 августа 1793 года всенародное ополчение. Тем более необходимо было для нее создать революционное правительство, чтобы упорядочить народные натиск и сохранить союз с буржуазией, которая одна могла поставить необходимые кадры. Именно на этой двойной социальной базе — с одной стороны, санкюлоты, с другой — монтаньярская или якобинская буржуазия — шаг за шагом с июля по декабрь 1793 года организовывалось Революционное правительство, его наиболее дальновидные руководители любой ценой хотели сохранить революционное единство бывшего третьего сословия, иными словами единство нации. Но в их ли силах было преодолеть противоречия, присущие подобной коалиции? Опасность, грозившая нации, заставила на время умолкнуть эти разногласия. Можно было предвидеть, что, когда победа будет закреплена, они вновь выйдут наружу.

1. Умеренные, монтаньяры и санкюлоты

(июнь — июль 1793 года)

Хотя Гора осилила Жиронду только с помощью парижских санкюлотов, она отнюдь не намерена была уступать давлению последних. В течение недель, следовавших за событиями 2 июня, перед ней встала проблема, как затормозить народное движение, не вызвав в то же время реакции, благоприятной для Жиронды. Озабоченные тем, как привлечь к себе ту часть буржуазии, которая во время конфликта с жирондистами оставалась нейтральной, монтаньяры намеревались привлечь имущих и умеренных. В их расчеты совершенно не входило целиком и полностью осуществить выдвинутое 31 мая народными борцами из Повстанческого комитета социально-политическую программу: арест жирондистов, а также удаление из Конвента всех *апеллянтов*, организация оплачиваемой Революционной армии, которая должна арестовывать подозрительных и обеспечить снабжение Парижа продовольствием; осуществление максимума на зерно и распространение таксации на все продукты первой необходимости, чистка армии и административных органов, в частности путем отзыва дворян. Гора старалась успокоить буржуазию, отвергая террор, защищая право собственности и удерживая народное движение в тесных рамках; такое равновесие трудно было сохранить, и оно было нарушено в июле в связи с обострением кризиса.

Меры примирения

В течение всего июня Гора занимала выжидательную позицию, 8 июня 1793 года Робеспьер добился отклонения Конвентом предложения об упразднении наблюдательных комитетов, которое было внесено Барером и Дантоном двумя днями ранее («Надо помнить, что под предлогом свободы можно убить саму свободу», — заявил Жанбон Сент-Андре во время дискуссии), никаких позитивных мер не приняли. Революционная армия не была сформирована, дискуссия о принудительном займе была прервана, доклад Сен-Жюста 8 июля об аресто-

ванных или бежавших депутатах-жирондистах был весьма умеренным «Свобода не будет ужасной для тех, кого она разоружила и кто подчинился законам» Речь шла о том, чтобы объединить департаменты, успокоив их и рассеяв их страх перед диктатурой парижских санкюлотов

В социальной области изданием трех законов попытались удовлетворить требования крестьян Законом от 3 июня 1793 года о порядке продажи земель эмигрантов предусматривалось, что эти земли будут разделены на мелкие участки, которые смогут приобретать бедные крестьяне с уплатой в рассрочку на десять лет Закон от 10 июня о передаче крестьянам общинных земель разрешил их раздел в факультативном порядке, раздел должен был производиться на равные части, по числу постоянных жителей, причем участок каждого определялся жребием Закон от 17 июля о феодализме завершил полную его ликвидацию, отменив без всякой компенсации все сеньориальные повинности и феодальные права, даже основанные на первоначальных грамотах, эти грамоты, представленные в канцелярию суда муниципалитетов, подлежали сожжению Таким образом, падение Жиронды означало для крестьян окончательное освобождение земли

В политической области путем быстрого принятия конституции Конвент надеялся снять с себя обвинения в диктатуре и умиротворить департаменты Так называемая Конституция 1793 года, принятая 24 июня по докладу Эро де Сешеля после недолгих прений, определяла основные черты режима политической демократии

Предшествовавшая ей Декларация прав, идя дальше Декларации прав 1789 года, провозглашала в своей первой статье, что «целью общества является всеобщее счастье» Она утверждала право на труд, на помощь, на образование «Общественная помощь — это священный долг Общество обязано заботиться о пропитании немощных граждан либо путем предоставления им работы, либо путем обеспечения средств к существованию тем, кто не в состоянии работать» (статья 21) «Образование — это потребность каждого Общество обязано всеми силами способствовать развитию общественного разума и сделать образование доступным для всех граждан» (статья 22) И наконец, Декларация прав 1793 года признавала не только право на сопротивление

угнетению (статья 33), подобно Декларации прав 1789 года, но и право на восстание «Когда правительство попирает права народа, восстание является для народа и для каждой части народа наиболее священным и наиболее настоятельным долгом» (статья 35) Но в Декларации прав не было и речи об изменении понятия собственности, как то предлагал Робеспьер 24 апреля «Право собственности — это право каждого гражданина пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом и своими доходами, плодами своего труда и своего производства» (статья 16) Экономическая свобода, о которой в Декларации прав 1789 года не упоминалось, решительно утверждается в статье 17 «Никакая отрасль труда, культуры, торговли не может быть запрещена для деятельности граждан» Монтаньяры отказывались открыто ступить на путь социальной демократии

Конституционный акт имел своей целью обеспечить главенство народного представительства, важнейшей основы политической демократии Метод двухступенчатых выборов, предусматривавшихся жирондистским проектом Кондорсе, был отвергнут Прямые выборы народа должны были обеспечить главенство законодательной власти над исполнительной, представителей народа над администрацией Законодательное собрание избиралось путем всеобщих прямых выборов, поименной баллотировкой, абсолютным большинством на один год Исполнительный совет из 24 членов выбирался Законодательным собранием из числа 83 кандидатов, определяемых департаментами путем всеобщего голосования, таким образом, министры были подчинены народному представительству Осуществление народного суверенитета было расширено введением института референдума, который фигурировал еще в проекте Кондорсе конституция подлежит ратификации народом, так же как и законы в некоторых, точно определенных обстоятельствах

Переданная на утверждение народа, Конституция 1793 года, которой предстояло сделаться для всех республиканцев первой половины XIX века символом политической демократии, была одобрена более чем 1800 тыс. голосами против примерно 17 тыс., более 100 тыс. готовивших принять конституцию, но с поправками умеренного толка Итоги плебисцита были объявлены 10 ав

густа 1793 года, в годовщину падения монархии, на празднике Единства и Неделимости Республики. Но применение конституции, текст которой, заключенный в «священный ковчег», поместили в зале заседаний Конвента, было отложено до наступления мира.

Наступление контрреволюции

Фактически умеренная и примирительная политика монтаньярского Конвента не могла воспрепятствовать развитию гражданской войны. В департаментах, где жирондисты были сильны, они восстали против Конвента: федералистский мятеж ширился, меж тем как силы Вандеи возрастали и на всех фронтах войска отступали под ударами коалиции.

Федералистский мятеж принял эстафету у *секционного движения* майских дней. Известие о парижском восстании и об исключении жирондистов из Конвента ускорило мятеж в Лионе и в Бордо и способствовало его расширению. Жирондистские вожди, обреченные декретом на арест, но успевшие бежать, а также те из 75 правых депутатов, кто подписал протест против восстания 2 июня и теперь присоединился к ним, подняли восстание в департаментах. В Бретани и Нормандии, на Юго-Западе и на Юге, во Франш-Конте, департаментские власти отказались признавать центральные власти. Вожаки *секционного движения*, превратившись в федералистов, организовали комитеты и чрезвычайные трибуналы для суда над патриотами, закрыли клубы, пытались вызвать бунт в войсках. Кан стал столицей жирондистского Запада; Бордо, Ним, Марсель, Тулон попали под власть мятежников, уже державших в своих руках Лион, где 16 июля был казнен Шалье. К концу июня около 60 департаментов подняли открытый мятеж против Конвента. Но роялистская Вандея оказалась между Нормандией и Бретанью, с одной стороны, и Юго-Западом — с другой. Тулуза в конце концов отказалась последовать за Бордо, мешая соединению Аквитании и Нижнего Лангедока. Между провансальским Югом и Лионом Дром, воодушевляемый якобинцем Жозефом Пейаном, сделался бастионом патриотов. И наконец, пограничные департаменты остались верны Конвенту.

Социальное содержание *федерализма* было более

ярко выражено, чем его политическая направленность. Частично он, конечно, объясняется пережитками регионального партикуляризма, но в гораздо большей мере — солидарностью классовых интересов. 15 мая 1793 года Шассе, депутат от департамента Рона и Луара, писал: «Речь идет прежде всего о жизни, а потом уже об имуществе», после событий 2 июня он явился в мятежный Лион и возглавил движение; объявленный вне закона, он эмигрировал и вернулся только в IV году Республики. Это восстание было в основном делом рук буржуазии, заправлявшей в департаментской администрации и опасавшейся за свою собственность; оно получило поддержку всех приверженцев старого порядка. Муниципалитеты, более демократические по своему составу, отнеслись к восстанию враждебно. Рабочие и ремесленники не желали сражаться ради богачей; к рекрутским наборам, начатым по распоряжению мятежных департаментских властей, население относилось равнодушно или враждебно. Впрочем, среди главарей восстания вскоре произошел раскол. Искренние республиканцы неохотно шли за роялистами. Их беспокоило иностранное вторжение и восстание в Вандее, они не хотели сыграть на руку реакции. На Юго-Востоке, напротив, роялисты сразу стали во главе мятежа, особенно в Лионе, где Преси добился того, что король Сардинии начал наступление в районе Альп.

Конвент со всей энергией взялся за подавление восстания, стараясь наносить удары главным образом по вожакам и шадя рядовых людей. Наиболее серьезная опасность грозила из Нормандии, ибо там ни одна армия не прикрывала Париж. Но 13 июля 1793 года в Паси-сюр-Эр, увидев появление нескольких тысяч людей, собранных парижскими секциями, жирондистские колонны разбежались; их начальники — Бюзю, Петсион, Барбару — бежали из Кана, а затем из Бретани — в Бордо. Робер Ленде, посланный в Нормандию, быстро навел порядок в крае, сведя репрессии до минимума. Департаменты Франш-Конте подчинились без сопротивления, но Бордо упорствовал дольше, город удалось взять только 18 сентября. На Юго-Востоке одно время опасались объединения сил мятежников, марсельцев и немцев, с Лионом. Но Дром оставался верен Горе, Пон-Сент-Эспри, попавший в руки немцев, был взят обратно; марсельцы, которые форсировали Дюрансу и овладели

Авиньеном, были отброшены назад. 27 июля войска генерала Карто вступили в Авиньон, а 25 августа — в Марсель. Однако 29-го роялисты сдали англичанам Тулон и передали им средиземноморскую эскадру. Между тем Лион все еще упорствовал. Чтобы вернуть эти города, пришлось решиться на регулярную осаду: Лион пал 8 октября, Тулон продержался до 19 декабря 1793 года; репрессии там были жестокими. К концу августа опасность, казалось, была предотвращена. Но в июле Республика была почти на грани расчленения.

Последствия федералистского мятежа оказались идентичными последствиям вандейского восстания: мятеж ускорил эволюцию в сторону усиления центральной власти, он привел к укреплению контроля народных организаций над гражданами, подозреваемыми во враждебном или прохладном отношении к революции. Жирондисты не колеблясь пошли на союз с роялистами, в свою очередь связанными с внешним врагом. Поскольку они опирались на имущие классы, последние тем самым тоже стали вызывать подозрение. Гора и массы санкюлотов, как никогда прежде, отождествляли себя с Республикой.

Тем временем восстание в Вандее добивалось все новых успехов. Мятежники, овладевшие Сомюром 5 июня 1793 года, разбили 18 июля республиканские войска в Вье (департамент Мен и Луара); взяв 27-го Пон-де-Се, они стали угрожать Анжеру.

Опасность иностранного вторжения тоже стала явной. С тех пор как Дантон пришел к власти, став членом Комитета общественного спасения, он, вместо того чтобы сражаться, вел переговоры. Но когда Бельгия и левый берег Рейна оказались в руках коалиции, у Франции не осталось больше козырей; возможно, Дантон, как его в том подозревали, думал использовать в своих целях королеву и ее детей. Между тем статья 121 Конституции 1793 года гласила: «Французский народ не заключает мира с врагом, оккупирующим его территорию».

На северном фронте армия герцога Йоркского готовилась приступить к осаде Дюнкерка. Австрийская армия герцога Кобургского 10 июля захватила Конде, 28-го — Валаансьенн, после чего осадилась Ле-Кенуа и Мобеж. На Рейне прусская армия герцога Брауншвейгского взяла 23 июля Майнц. В районе Альп Савойя была

оккупирована, а Ницца находилась под угрозой. На пиренейском фронте испанцы приближались к Байонне и Перпиньяну.

Республиканские армии отступали на всех фронтах. Войска из-за плохого командования переживали подлинный моральный кризис. Командование, дурно организованное, переходило из рук в руки. Аристократ Кюстин с презрением относился к военному министру — санкюлоту Бушоту, простому подполковнику. В Вандее царил неразбериха. Представители в миссии, которым было поручено наблюдать за генералами, плохо ладили друг с другом. Придя в столкновение с Бироном, одним из «бывших», который командовал в Ниоре, одни поддерживали генералов-санкюлотов Ронсена и Россиньоля, другие на них нападали; все старались свалить друг на друга ответственность за провал. Положение казалось безнадежным.

Убийство Марата 13 июля 1793 года наглядно показало всю серьезность грозившей опасности: в самом сердце революционного Парижа Шарлотте Корде, юной роялистке из Нормандии, удалось убить Друга народа. В его лице она хотела поразить одного из вождей революции. Но ее поступок лишь придал новые силы Горе и подхлестнул революционное движение. Марат был чрезвычайно популярен среди санкюлотов, об участии которых он пекся с глубокой добротой и человечностью. Его убийство вызвало сильное возмущение; санкюлоты требовали не только мести, но и принятия мер общественного спасения. 15 июля Париж устроил Марату грандиозные похороны, на которых присутствовали все члены Конвента; сердце Марата подвесили под сводами Клуба кордельеров. *Мученик свободы* Марат вместе с Лепелетье, убитым 20 января, и Шалье, обезглавленным 16 июля 1793 года, стал одной из святынь революционного Пантеона.

Ответный удар революционеров

Экономический и социальный кризис еще более осложняли задачу монтаньярского Конвента, но он в то же время толкал народные массы на революционные действия.

Кризис в снабжении продовольствием и товарами первой необходимости оставался главной причиной недовольства народа. Максимум на зерно, введенный 4 мая 1793 года, не проводился в жизнь; Конвент, признавая провал этого декрета, разрешил в июле департаментским властям и представителям в миссии приостановить его действие. Правда, парижские санкюлоты не страдали от дороговизны хлеба, поскольку Коммуна благодаря правительственной субсидии сохранила на него цену по 3 су за фунт. Но из-за нерегулярности подвоза запасы постепенно иссякали, у дверей булочных стали скапливаться очереди, народом овладела тревога. Дороговизна распространилась на другие продукты; между тем мятежи в департаментах, последовавшие за событиями 2 июня, вызвали кризис доставки мяса, которая становилась все более редкой. В июне 1793 года фунт телятины по сравнению с июнем 1790 года вздорожал на 90%, говядины — на 136%. Почти повсюду вспыхивали волнения, вызванные дороговизной. 21 июня в Сент-Антуанском предместье арестовали человека, кричавшего: «Когда-то мыло стоило только 12 су, а сегодня оно стоит 40. *Да здравствует Республика!* Сахар стоил 40 су, а сегодня 4 ливра. *Да здравствует Республика!*»

Обесценение ассигната усугубляло последствия продовольственного кризиса. Инфляция продолжалась, вызывая все больший рост цен. Со времени казни короля и создания всеобщей коалиции бумажные деньги, не переставая, обесценивались, в июле они едва составляли 30% своей номинальной стоимости. Падение доверия к этим деньгам повлекло за собой утечку капиталов за границу, развитие спекуляции, скупку товаров, усиление роста цен.

«Бешеные» использовали это, разжигая всеобщее недовольство, упрекая Конвент в бездеятельности в экономической и социальной областях. 8 июня 1793 года в Генеральном совете Коммуны Варле зачитал свою *Торжественную декларацию прав человека в социальном состоянии*: «Справедливыми мерами должно уничтожить диспропорцию в распределении богатств», «богатства, нажитые за счет общественного блага путем воровства, спекуляции, монополий, скупки товаров, должны стать национальным достоянием». 15 июня секция Прав человека потребовала всеобщей таксации и закона против

скупщиков. 25-го Жак Ру зачитал в Конвенте полную угрозу петицию. «Конституционный акт вот-вот будет представлен на утверждение суверена; запретили ли вы в нем спекуляцию? Нет. Установили ли смертную казнь для скупщиков? Нет. Определили ли вы, в чем состоит свобода торговли? Нет. Запретили ли вы торговлю звонкой монетой? Нет! Так вот! Мы заявляем вам, что вы не сделали всего, что необходимо для счастья народа. Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может безнаказанно морить голодом другой. Равенство — лишь пустой призрак, когда богатый благодаря монополии распоряжается жизнью и смертью себе подобных. Республика — лишь пустой призрак, когда контрреволюция совершается изо дня в день путем взвинчивания цен на продукты питания, которые три четверти граждан не могут приобретать, не проливая слез... Примите же решение еще раз. Санкюлоты со своими пиками проведут в жизнь ваши декреты». На следующий день во всех парижских портах вспыхнули мыльные бунты, длившиеся три дня (26—28 июня): прачки разгружали суда с мылом и делили товар между собой, установив на него предварительно цену. Массы санкюлотов шли впереди и наконец увлекли за собой Гору.

Обновление Комитета общественного спасения 10 июля 1793 года было вызвано серьезностью создавшегося кризиса. Народные борцы в своем рвении предлагали меры защиты нации и революции в соответствии с ростом опасности. Кроме того, необходимо было избежать крайних мер, которые могли отвратить от Республики революционную буржуазию, до сих пор ее поддерживавшую. Возникла необходимость в создании такого правительства, которое было бы в силах дисциплинировать народное движение. Комитет общественного спасения, созданный в апреле, оказался неспособным это сделать. Он не сумел ни отразить иностранное нашествие, ни предотвратить федералистский мятеж, ни разрешить проблему ассигната и продовольственный кризис. Он плелся в хвосте событий, не сумев овладеть ими, что имело своим результатом резкое ухудшение положения. 10 июля Конвент обновил состав своего Комитета общественного спасения: Дантон был из него исключен.

Новый комитет, избранный поименным голосованием, насчитывал девять человек. Трое из них были вскоре удалены: Гаспарен, до конца оставшийся приверженцем Кюстина, Эро де Сешель, любовник дамы из «бывших», вскоре попавший в подозрительные, а также Тюрио — друг Дантона. Монтаньярское ядро комитета состояло из Кутона, Сен-Жюста, Жанбона Сент-Андре и Приёра из Марны. К ним присоединились Барер и Ленде, примыкавшие ранее к Равнине. Они были убеждены, что революция может победить только силами санкюлотских масс, следовательно, надо было удовлетворить их требования — накормить население городов, страдавшее от голода и дороговизны, а также направить всю энергию народа против аристократов и коалиции.

Убийство Марата 13 июля 1793 года сделало еще более жесткой политику монтаньяров ввиду обострившегося политического кризиса. Эбер и «бешеные» оспаривали друг у друга наследство Друга народа. 16 июля Жак Ру поторопился опубликовать продолжение газеты Марата: «*Публисис де ля Републик франсез, издаваемая тенью Марата, Друга народа*». 20 июля появилась в свою очередь газета Леклерка — «Ами дю пёпл пар Леклерк» («Друг народа, издаваемый Леклерком»). Между тем 21 июля в Якобинском клубе Эбер воскликнул: «Если нужен наследник Марата, если нужна еще одна жертва аристократии, она готова — это я». Среди народных газет началось настоящее состязание, нередко носившее демагогический характер. Часть партии монтаньяров, в которой особенно выделялись Эбер и Шометт, чтобы не отрываться от парижских санкюлотов, переняла программу «бешеных». И те, и другие с возросшей энергией изобличали «торговую аристократию», «аристократию буржуазную и торгашескую». Когда к концу июля голод усилился и многие булочные должны были закрыться из-за отсутствия муки, секция Мэзон-Коммюн ввела с 21 июля систему продовольственных карточек; петиции множилось, очереди у дверей булочных становились очень шумными. «Бедные парни — санкюлоты слишком долго страдают и выбиваются из сил, — писал Эбер в № 263 своей газеты «Пер Дюшен», — а ведь они совершили революцию, дабы стать счастливыми». Новый Комитет общественного спасения едва приступил к своим обязанностям, как его существование оказалось под угрозой.

В такой обстановке 26 июля 1793 года был проведен декрет о спекулянтах: он представляется тактической уступкой со стороны Конвента. Бийо-Варенн предложил поистине ловкую увертку: лекарством от голода будет не таксация, а наказание скупщиков; угроза смертной казнью заставит их снизить цены. 26 июля по докладу Колло д'Эрбуа Конвент принял декрет о смертной казни для скупщиков, то есть для торговцев, не подавших декларацию о своих запасах предметов первой необходимости и не оповестивших об этих запасах в объявлении, прикрепленном к их двери. Закон этот мог показаться серьезной уступкой программе «бешеных», поскольку он ставил торговлю под контроль секционных комиссаров по борьбе со спекуляцией. На деле закон проводился в жизнь крайне медленно: очень скоро выяснилось, что он был лишь символическим удовлетворением, которое дали санкюлотам.

27 июля 1793 года в Комитет общественного спасения был назначен Робеспьер, ставший его защитником. Авторитет комитета в Конвенте еще далеко не утвердился: закон против скупки был проведен без консультации с ним; в Конвенте нарастало глухое раздражение против первых решений комитета, в частности против ареста Кюстина в ночь с 21 на 22 июля, Робеспьер поддерживал комитет против его противников; он вошел в него 27 июля. Затем 14 августа в него были избраны Карно и Приёр из департамента Кот-д'Ор, а 6 сентября — Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа. Различаясь как по своим взглядам (Карно и Ленде проявляли себя как консерваторы, меж тем как Бийо и Колло тяготели к санкюлотам), так и по своему темпераменту, но будучи людьми честными, работающими, пользующимися авторитетом, объединяемыми одним желанием добиться победы, они сумели сохранять единство в течение года, до победы. То был великий комитет II года.

Робеспьер, пользовавшийся репутацией революционера, заставил Конвент и якобинцев принять политику комитета. Прозорливый и мужественный (он доказал это, когда один пошел против общего течения, приведшего к объявлению войны), красноречивый и бескорыстный, Неподкупный (единственная личность в истории Франции, заслужившая такую характеристику), он пользовался доверием санкюлотов. Твердо придерживаясь

своих принципов, он умел, однако, применяться к обстоятельствам и маневрировать, как подлиный государственный деятель. Конвент для него был олицетворением всей революционной власти, выражением национального суверенитета. Но чтобы быть сильным и дееспособным, правительство должно опираться на народ и всегда сохранять с ним тесную связь. В дни восстания 31 мая — 2 июня Робеспьер пометил в своей записной книжке: «Нужна единая воля... Для того чтобы она была республиканской, нужны республиканские министры, республиканское правительство. Внутренняя опасность исходит от буржуазии; чтобы победить буржуазию, надо объединить народ... Необходимо, чтобы народ присоединился к Конвенту и чтобы Конвент опирался на народ». 13—21 июля Робеспьер зачитывал в Конвенте план Лепелетье де Сен-Фаржо о национальном общественном воспитании. «Революции, свершенные за последние три года, сделали все для других классов общества и пока еще почти ничего для наиболее, быть может, необходимого — для пролетариев, единственная собственность коих заключается в труде. Феодализм уничтожен, но не для них, потому что они ничем не владеют в освобожденной деревне. Налог распределен более справедливо; но в силу самой их бедности они почти не подлежали обложению... Равенство граждан установлено, но им не хватает образования и воспитания... Вот что такое революция для бедняков...»

Если Робеспьер и члены комитета хорошо понимали создавшееся положение, то они были не столь уверены в том, к каким средствам следует прибегнуть. Широкие меры по национальной обороне и защите революции, всенародное ополчение, террор, управление экономикой — все эти меры были навязаны извне, в результате августовского кризиса 1793 года, под давлением народного движения.

2. Комитет общественного спасения и народный натиск (август — сентябрь 1793 года)

Новый комитет решил со всей энергией взяться за дело национальной обороны, неотделимой для него от защиты революции. Но он не намерен был позволить

захлестнуть себя народному движению, и особенно пропаганде «бешеных». Управляемая экономика и всенародное ополчение представлялись народным борцам единственным средством, способным обеспечить оборону. Какое-то время всенародное ополчение казалось комитету химерой, особенно враждебно он относился к таксации и к управлению экономикой, которых упорно добивались санкюлоты; он испытывал отвращение к террору; и, наконец, прямая демократия, ошущую осуществляемая парижскими секциями, казалась ему несовместимой с эффективным управлением. Весь август комитет маневрировал, идя от уступки к уступке, и окончательно уступил перед народным натиском 4 — 5 сентября 1793 года.

Робеспьер вступил в борьбу с «бешеными» в начале августа. Он поставил себе целью очистить правительство и Конвент от оппозиции «бешеных». 6 августа 1793 года он разоблачил в Якобинском клубе *новых людей, новоявленных патриотов*, стремящихся очернить в глазах народа самых старых его друзей. «Два человека, подкупленных врагами народа, два человека, которых разоблачил еще Марат, стали, вернее, воображают, что стали, наследниками этого писателя-патриота»; Робеспьер обвинял Жака Ру за его нападки на торговцев; что касается Леклерка, то это не кто иной, как интриган. Эти люди расточают похвалы Марату, дабы «иметь возможность с тем большей яростью обрушиться на живых патриотов». Желая лишить «бешеных» главного из их аргументов, комитет вплотную занялся продовольственным вопросом, направив в соседние с Парижем департаменты энергичных представителей, которые мобилизовали рабочую силу и заставили обмолотить зерно. 9 августа 1793 года по представлению Барера Конвент издал декрет об устройстве в каждом округе «складов изобилия» (государственных зернохранилищ. — *Ред.*), хотя то была лишь показная уступка народным требованиям, ибо закупка зерна округами не могла повлиять на дороговизну. Париж все же получил продовольствие; «бешеные» на некоторое время потеряли свой главный козырь, с помощью которого они воздействовали на санкюлотов.

С особой силой Робеспьер ополчился на умеренных, которые требовали проведения в жизнь одобренной народом конституции и новых выборов в надежде, что это

приведет к падению Горы. Требование это было тем более опасным, что его совершенно неожиданно, незадолго до 10 августа, поддержал Эбер в № 219 своей газеты «Пер Дюшен». Однако Комитет общественного спасения считал, что правительство должно оставаться революционным до заключения мира и конституция не может пока вступить в силу. 11 августа 1793 года по предложению Делакруа, депутата от департамента Эр и Луара, одного из будущих «снисходительных», был принят декрет о переписи населения, имеющего право голоса, в предвидении всеобщих выборов в соответствии с конституцией; Робеспьер утверждал, что это коварное предложение имело лишь одну цель: заменить членов Конвента, прошедших чистку, агентами Питта и герцога Кобургского. Ввести в действие конституцию до того, как подавлены мятежи внутри страны и одержана победа на фронтах, — это значит поставить на карту судьбу всей революции. В тот же день делегаты первичных собраний принесли в Конвент *священный* акт, который был помещен в *ковчег* из кедрового дерева. Уже не было речи о том, чтобы его оттуда извлечь, хотя об отсрочке применения конституции до заключения мира было ясно заявлено только 10 октября 1793 года.

*Всенародное ополчение
(23 августа 1793 года)*

Внешняя опасность и внутренняя контрреволюция продолжали, однако, возбуждать народное движение; ему удалось навязать Комитету общественного спасения и Конвенту решение о всенародном ополчении.

Всенародное ополчение отвечало революционному умонастроению санкюлотов; идея эта была популярна в парижских секциях и клубах. Обеспечивая численное превосходство войскам революции, она позволяла надеяться, учитывая небольшой численный состав неприсяжных армий, на быструю победу: Жемапп служил тому порукой. Идея всенародного ополчения возникла еще во время июльского кризиса 1793 года, когда Рес-

публике, рубежи которой уже подверглись нападению, стал угрожать федералистский мятеж. 6 июля секция Люксембурга предложила, чтобы парижские секции всей массой выступили против мятежного департамента: «Все без различия граждане в возрасте от 16 до 50 лет должны находиться в состоянии постоянной мобилизации и образовать эту вооруженную силу». 28 июля это предложение повторил один из борцов секции Единства Себастьян Лакруа в речи, в которой уже чувствуется эпическое дыхание декрета от 23 августа: «...приостановить немедленно частные работы всех тележников, столяров и деревообделочников, с тем чтобы они занимались только изготовлением ружейных прикладов, лафетов, зарядных ящиков, повозок; прекратить работу всем слесарям, кузнецам, инструментальщикам, всем мастерам по обработке железа, заставив их изготовлять исключительно пушки... Пусть друзья отечества вооружаются, формируют многочисленные батальоны; пусть те, у кого нет оружия, займутся доставкой военного снаряжения; пусть женщины подвозят продовольствие или же месят тесто; пусть сигналом к бою послужит песня о родине, и восемь дней энтузиазма сделают для отечества больше, чем восемь лет войны!» Поражения в конце июля дали мощный толчок идее всенародного ополчения, которую теперь развивала народная пресса. «Пусть одновременно будут призваны все мужчины, способные двигаться и носить оружие,— писал Эбер в № 265 своей газеты «Пер Дюшен»,— и пусть они без промедления со всех сторон ринутся туда, где возникнет опасность».

Предъявленное 29 июля 1793 года в Якобинском клубе народное требование о всенародном ополчении было повторено 4 августа Коммуной, 7-го — делегатами первичных собраний, прибывшими в Париж для принятия конституции. Их оратор Руайе потребовал 12 августа в Конвенте, чтобы народ поднялся весь как один. Комитет общественного спасения проявлял сдержанность. Что делать со всей этой огромной массой людей, этой толпой, которая соберется в результате всенародного ополчения? Как ее вооружить? Прокормить? 14 августа в Якобинском клубе Робеспьер заявил, что «эта благородная, но, возможно, чрезмерно восторженная идея всенародного ополчения бесполезна», и до-

бавил: «Нам не хватает не людей, это нашим генералам не хватает патриотических добродетелей». Под давлением парижских борцов и делегатов первичных собраний Конвент 16 августа в принципе принял всенародное ополчение, и наконец 23-го Комитет общественного спасения решился предложить по докладу Барера средства для его осуществления.

«С этой минуты и до той, когда неприятель будет изгнан за пределы Республики, все французы находятся в состоянии мобилизации для службы в армии. Молодые люди пойдут сражаться; женатые будут ковать оружие и доставлять продовольствие; женщины будут изготавливать палатки, шить одежду и работать в лазаретах; дети будут шипать из старого белья корпию; стариков будут выносить на общественные площади, чтобы они подогревали мужество бойцов, проповедовали ненависть к королям и единство Республики». Замена при мобилизации была запрещена. Рекрутский набор был в принципе всеобщим; но молодые люди от восемнадцати до двадцати пяти лет, холостые или вдовые без детей должны были составить призывной контингент первой очереди. Из них немедленно должны были быть сформированы батальоны под знаменем со следующим девизом: «*Французский народ, восставший против тиранов*».

Отвечал ли декрет о всенародном ополчении так уж точно воле санкюлотов? В таком виде, как они его себе представляли, то есть как поход на фронт в порыве энтузиазма, он был неосуществим. Этим и объясняются сдержанность Робеспьера, колебания Комитета общественного спасения и ограничения в самом декрете: если все ресурсы нации будут мобилизованы, если будет налажено чрезвычайное производство оружия, то будут призваны только мужчины от восемнадцати до двадцати пяти лет, не обремененные семьей. И в самом деле, проблемы вооружения и продовольствия оставались неразрешенными. «Пер Дюшен», излагая свой план кампании в начале сентября, задается вопросом: «Как отправить на войну одновременно несколько миллионов человек? Как их вооружить, накормить?.. Прежде всего необходимо точно определить все запасы продовольствия в Республике... Надо мобилизовать всех рабочих, специалистов по металлу, начиная с кузнецов и кончая золотых дел мастерами, устроить кузницы на всех об-

щественных площадях и день и ночь производить пушки, ружья, сабли и штыки...»

Эбер ясно поставил вопрос об экономической стороне ведения большой всенародной войны: чтобы вооружить и прокормить массу людей, которую даст набор семи очередей, совершенно необходима управляемая экономика. Проблема политическая и проблема экономическая были неразрешимо связаны с проблемой национальной обороны.

Народный натиск и движение 4—5 сентября 1793 года

К концу августа 1793 года ни для одной из насущных проблем дня не было найдено решения. Политическая проблема оставалась неразрешенной: если Комитету общественного спасения и удалось отразить атаки своих противников, то Революционное правительство еще далеко не было стабилизировано и организовано. Социальная и экономическая проблемы также не получили никакого эффективного решения: законы против спекуляции и о создании «складов избобилия» принесли лишь иллюзорное облегчение. И Конвент, и Комитет общественного спасения до сих пор откармливались от таксации и регламентации, от которых, собственно, зависела судьба ассигната, единственного финансового средства революции. В последние дни августа в связи с обострением продовольственного кризиса натиск народных масс усилился. В то же время в умах парижских активистов зрела мысль о необходимости нового движения, которое навязало бы правительственным властям волю народа.

Продовольственный кризис, смягченный на некоторое время, вновь усилился из-за засухи: мельницы работали вполсилы; народ снова стал толпиться у дверей булочных; подвоз муки достигал приблизительно 400 мешков, в то время как потребность Парижа составляла 1500 мешков в сутки. Голод давал Эберу в руки мощное средство политической агитации: он поставил вопрос о продовольствии во главу угла своей кампании, возводя на богачей и торговцев такие обвинения, которые, он знал, должны понравиться санкюлотам. «Отечество, черт возьми, — пишет он в № 279 своего

«Пер Дюшен», — у торговцев его нет. Пока они считали, что революция может принести им выгоду, они ее поддерживали; они протянули руку санкюлотам, чтобы уничтожить знать и парламенты, но они это сделали только для того, чтобы самим занять место аристократов. Вот почему, с тех пор как не существует более активных граждан [имевших право голоса на основе избирательного ценза — *Ред*], с тех пор как самый бедный санкюлот пользуется теми же правами, что и самый богатый вымогатель, все эти олухи и трусы повернулись к нам задом, они лезут из кожи вон, чтобы погубить Республику, они скупили все продукты, все продовольствие, чтобы перепродавать их нам на вес золота и обречь нас на муки голода..»

Народное движение в начале сентября 1793 года развернулось во всю мощь и во всем своем своеобразии. «Эбертистский натиск», — пишет Альбер Матез по этому поводу. Спору нет, народные листки, в том числе не только выпускаемые Эбером, но и Жаком Ру и Леклерком, помогли санкюлотам осознать свои политические цели, уточнить свои социальные требования, но нельзя утверждать, что их агитация послужила причиной движения. Следовательно, то был народный натиск, а не эбертистский; наоборот, именно под давлением санкюлотов Эбер, их звонкое эхо, писал и действовал, именно под их давлением всколыхнулись якобинцы, пришла в движение Коммуна, и Конвент и Комитет общественного спасения наконец уступили

Народное движение началось еще весной 1789 года. Истоки его следует искать в ухудшении материальных условий существования парижских лавочников, ремесленников и рабочих еще задолго до 1789 года. Это движение в периоды кризиса помогло буржуазной революции одержать победы, но оно от этой революции резко отличалось (как и в сентябрьские дни 1793 года), для него был характерен докапиталистический образ мышления, присущий санкюлотам и по сути своей идентичный мышлению крестьян, с ожесточением защищавших в связи с развитием капиталистического сельского хозяйства свою практику общинного землепользования. Санкюлоты с глубокой враждебностью относились к духу коммерческой и промышленной буржуазии, которая не успокоилась до тех пор, пока не добилась во

имя свободы, необходимой для процветания ее предприятий, отмены регламентации и таксации, столь дорогих сердцу лавочника и ремесленника.

Уже само понимание собственности санкюлотами и буржуа раскрывает резкую противоположность между ними. Собственность, согласно Декларации прав как 1793, так и 1789 года, есть естественное и абсолютное право, которое ничто не может ограничить. Но санкюлот признает только ту собственность, что покоится на труде и ограничена потребностями всех людей. 2 сентября 1793 года, когда народный натиск достиг апогея, парижская секция Санкюлотов, бывшая секция Ботанического сада, представила Национальному Конвенту адрес. Она требовала от Конвента «таксации цен на продукты первой необходимости, заработной платы, размеров прибылей промышленников и доходов торговцев. Как же так! — скажут вам аристократы, роялисты, умеренные, интриганы, ведь это значит посягать на собственность, которая должна быть священной и неприкосновенной. . . Иссомненно, но разве не знают они, эти злодеи. . . разве они не знают, что основой собственности могут быть только физические потребности человека?» И санкюлоты продолжают требовать *максимума* на продукты первой необходимости и на заработную плату «. 2. Все цены на продукты первой необходимости должны быть установлены без изменений на уровне цен прежних лет, то есть с 1789 до 1790 года включительно, соразмерно их различному качеству. 3. На сырье тоже должны быть установлены твердые цены, таким образом, чтобы прибыли от производства, оплата труда и доходы от торговли, ограниченные законом, давали рабочему человеку, земледельцу и торговцу возможность обеспечить себя не только предметами, необходимыми для поддержания их жизни, но и всем тем, что может к тому же доставить им удовольствие». Особенно настойчиво санкюлоты секции Ботанического сада требовали строгого ограничения права собственности: «. 8. Чтобы был установлен *максимум* состояний. 9. Чтобы одно и то же лицо могло владеть только одним таким *максимумом*. 10. Чтобы никто не имел права арендовать больше земли, чем можно обработать с помощью установленного числа плугов. 11. Чтобы один и тот же гражданин владел только одной мастерской, одной лавкой».

Эта социальная программа, полная противоречий в своем стремлении сохранить частную собственность и в то же время ограничить ее последствия, была диаметрально противоположна программе того класса, который руководил революцией, чтобы в конце концов одному воспользоваться ее выгодами, а именно класса буржуазии. Это противоречие и привело в термидоре к гибели Революционного правительства. Но в тот момент ненависть к общему врагу, к старому порядку, к привилегиям, к феодальной аристократии и огромная опасность со стороны контрреволюции цементировали союз санкюлотов с монпаньярской буржуазией. Гора не в силах была победить в одиночку, пришлось ей принять программу, выдвинутую народом; но еще надо было ее к этому принудить.

Кризис начался в первые дни сентября. Пока Эбер изобличал «усыпителей» внутри Конвента, в секциях росло лихорадочное брожение, они множили свои выступления и засыпали Конвент петициями. В этой лихорадочной атмосфере 2 сентября пришло известие еще об одной неслыханной измене: роялисты сдали Тулон англичанам. К беспокойству в связи с недостатком продовольствия присовокупились патристические тревоги, неотступная мысль о заговоре аристократов: не могло быть более благоприятной обстановки для развязывания террористического движения. Вечером 2 сентября во избежание худшего якобинцы решили действовать.

4 сентября 1793 года долго сдерживаемое брожение масс наконец прорвалось. С самого утра группы рабочих, особенно строителей и оружейников, стали скапливаться на Гревской площади, у здания Ратуши, требуя хлеба. Рабочее происхождение этого движения неоспоримо: оно зародилось в наиболее пролетарских слоях санкюлотов, в рядах тех тружеников, которым, поскольку они не были ни лавочниками, ни ремесленниками, чрезвычайно трудно было существовать на заработок, выплачиваемый в ассигнатах, которые с каждым днем все более обесценивались. Руководители Коммуны тщетно пытались успокоить манифестантов: «Нам нужны не посулы, а хлеб, и немедленно!» Шометт взобрался на стол: «Я сам был беден, а потому знаю, каково приходится беднякам. Здесь идет открытая война богатых против бедных: они хотят раздавить нас; ну и

что ж, мы должны их опередить; мы сами должны их раздавить; сила в наших руках!..» На следующий день была назначена массовая манифестация, чтобы продиктовать Конвенту волю народа.

5 сентября 1793 года секции выстроились в длинный corteж и направились к Конвенту под лозунгами: «Война тиранам! Война аристократам! Война скупщикам!» Конвент был осажден и занят весьма мирно: представители обсуждали свои дела на глазах у народа. После того как Паш от имени Коммуны и секций разоблачил маневры скупщиков и эгоизм собственников, Шометт зачитал петицию, требующую создания Революционной армии, дабы обеспечить реквизицию зерна в деревнях и его доставку в Париж. Бийо-Варенн перещеголял Шометта: он требует ареста подозрительных, что было важнейшей мерой в глазах санкюлотов. Не спросив мнения Комитета общественного спасения, Конвент уступил и издал декрет не только об аресте подозрительных, но и о чистке революционных комитетов, обязанных выявлять этих подозрительных: таким образом, террор был поставлен в порядок дня. По докладу Барера приняли решение о создании Революционной армии в составе 6 тыс. пехотинцев и 1200 всадников. И наконец, Конвент проголосовал еще за предложение Дантона: выплачивать возмещение в 40 су за каждое заседание тем гражданам, что будут присутствовать на собраниях секций, созываемых отныне только два раза в неделю.

Движение 4—5 сентября 1793 года явилось победой народа: санкюлоты заставили правительственные власти принять меры, которых они давно уже добивались. Победа эта, однако, была неполной: решения, принятые 5 сентября, носили в основном политический характер; 4-го же Конвент ограничился лишь обещанием ввести всеобщий максимум, что было между тем главным требованием народа. Парижские санкюлоты продолжали свой нажим на Конвент, и 11 сентября вырвали у него наконец закон о национальном максимуме на зерно и муку, а 29-го — закон о всеобщем максимуме. Вот как буржуазия, даже монпаньярская, боялась посягнуть на экономическую свободу.

То была победа народа, но и успех правительства: законность была соблюдена, законный террор восторжествовал над прямыми действиями. Комитет общест-

венного спасения устоял; он сумел уступить вовремя и в области, избранной им самим. Его авторитет от этого возрос, еще один шаг был сделан по пути укрепления Революционного правительства.

**Успехи народного движения и консолидации
правительства
(сентябрь — октябрь 1793 года)**

После событий 4—5 сентября наступление народа продолжалось, Конвент и Комитет общественного спасения лишь скрепя сердце ступили на путь террора и управляемой экономики. Народное наступление развивалось в двух направлениях, тормозя консолидацию Революционного правительства, занятого борьбой с сильной оппозицией, даже внутри самого Конвента: вожаки секций и клубов требовали усиления террора путем широкой чистки административных органов, устранения из общественной жизни подозрительных и усиления репрессий; неослабевающий продовольственный кризис объяснял, с другой стороны, их упорное требование полностью управляемой экономики и обещанной, но чеперывно откладываемой всеобщей таксации.

Комитет общественного спасения маневрировал в течение всего сентября, используя народное наступление, чтобы держать в руках Конвент, и Конвент, чтобы обуздывать народное движение, идя на необходимые уступки, но в то же время постепенно набирая силу. 6 сентября Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа, которые поддерживали требования народа, были назначены членами комитета. 13-го был обновлен состав Комитета общественной безопасности: отныне Комитет общественного спасения должен был представлять Конвенту список его членов. Аналогичное решение было принято и в отношении других комитетов. Так все больше усиливалась концентрация правительственной власти. Получив преобладание и право контроля над всеми остальными комитетами, которые до сих пор были равноправны, Комитет общественного спасения становится центром правительственной деятельности.

Террор, в принципе объявленный еще 5 сентября, постепенно вводился под давлением народа. Развернулось

широкое движение по чистке административных органов под контролем народа, особенно в канцеляриях военного министерства, где инициативу взял на себя генеральный секретарь министерства Венсан; Генеральный совет Коммуны обновил состав революционных комитетов, которые, таким образом, ускользнули из-под контроля секционных властей; собрания и комитеты самих секций изгоняли из своих рядов всех умеренных, *равнодушных* и безразличных. Конвент и правительственные комитеты не столько руководили этой чисткой, сколько терпели ее. Но репрессии в еще большей мере, нежели чистка, возбуждали народные страсти. Требования проведения террора делались еще более настойчивыми оттого, что правительственные власти никак не решались придать репрессиям широкий характер. В то время как революционные комитеты по настоянию Парижской коммуны уже приступили к аресту подозрительных, с середины сентября стали распространяться слухи о массовых избиениях: 8-го арестованные, которых вели в Аббатство, заявили, что они боятся возобновления событий прошлого года. Конвент почуял опасность, понял, что рискует быть обойденным. 17 сентября 1793 года во избежание произвольного толкования принятых им 5-го принципиальных мер Конвент вотировал по докладу Мерлена из Дуэ закон *о подозрительных*. Закон давал весьма широкое толкование понятию «подозрительный», что позволяло подвести под него всех врагов Республики. В число подозрительных попадали: родственники эмигрантов, если только они не доказали свою преданность революции; все те, кому было отказано в выдаче свидетельств о гражданской благонадежности; чиновники, временно отстраненные от должности или уволенные с работы. Подозрительными в более широком смысле считались те, кто своим поведением или своими связями, речами или писаниями проявили себя «приверженцами тирании или федерализма и врагами свободы», а также те, кто не мог объяснить, откуда он черпает средства к существованию (тут имелись в виду спекулянты). Революционным комитетам было поручено составлять списки подозрительных.

Управляемая экономика, одобренная в принципе 4 сентября, тоже была окончательно принята только под давлением народных масс Парижа. Введенный

11 сентября по всей стране максимум на зерно и на муку был признан недостаточным. Около середины сентября у дверей булочных вновь начали собираться толпы людей, посыпались петиции; 22 сентября секции, поддержанные Коммуной, подали в Конвент адрес: «Вы декретировали в принципе, что на все продукты первой необходимости будут установлены твердые цены... народ ждет вашего решения с нетерпением людей, страдающих от нужды». Занятый в тот момент борьбой с сильной оппозицией внутри Конвента и желая держать Собрание в руках, запугивая его натиском народных масс, требовая которых ради этого удовлетворялись, Комитет общественного спасения решил усилить руководство экономикой. 29 сентября 1793 года был принят закон о всеобщем максимуме. Законом вводилась таксация цен на продукты и заработной платы. Цены на продукты первой необходимости устанавливались в дистриктах по средним ценам 1790 года с повышением на одну треть; нарушители закона должны были включаться в списки подозрительных. Было бы нелогично устанавливать твердые цены на продукты, не проводя в то же время таксации поденной заработной платы; закон установил максимум заработной платы в коммунах по тарифам 1790 года с надбавкой в 50%. Трудности, вставшие на пути применения закона, были огромны; проведение в жизнь всеобщего максимума требовало неукоснительного соблюдения более строгой централизации; оно повлекло за собой значительное развитие террора и диктатуры.

Параллельно шло усиление Комитета общественного спасения: «бешеные» были устранены, оппозицию в Конвенте заставили умолкнуть.

Ликвидировать «бешеных» можно было, только расколов народные массы: Жак Ру, Леклерк, Варле выдвинулись вперед и стали легкоуязвимой мишенью для ударов правительственных властей, озабоченных лишь тем, как бы их не захлестнули народные массы. 19 сентября 1793 года официальная «Журналь де ля Монтань» писала: «Народные движения оправданы лишь тогда, когда их делает необходимыми тирания... Негодяи, которые, желая услужить нашим врагам или удовлетворить свои личные интересы, подстрекали к жестоким и беспорядочным выступлениям, всегда оказывались открытыми позором и преданными презрению». В интере-

сах эффективности своей политики Комитет общественного спасения не намерен был более терпеть эти *беспорядочные* движения, то есть наступление масс, порой стихийное. Жак Ру был арестован вторично 5 сентября 1793 года по доносу; на этот раз его уже не выпустили. Варле постигла та же участь. Его арестовали 18 сентября 1793 года по приказу Комитета общественной безопасности за то, что он возглавил оппозицию секции Прав человека против декрета, ограничивавшего собрания секций двумя в неделю. «Неужели вы хотите закрыть народу глаза, притупить его бдительность? И в какой обстановке? Когда грозящая отечеству опасность заставила его передать в ваши руки огромную власть, что требует активного надзора». Леклерк между тем продолжал свою антиправительственную кампанию в газете «Ами дю пёпль»; подвергшись обвинению в Якобинском клубе, опасаясь ареста, он приостановил 15 сентября выпуск своей газеты. Оставалось Общество революционных республиканок, руководимое актрисой Клер Лакомб; эта организация была распущена 30 октября 1793 года, и все женские клубы запрещены. Так логика событий привела Комитет общественного спасения к необходимости обуздать народные организации, что не могло со временем не вызвать охлаждения к властям, столь мало уважавшим суверенитет народа, такой по крайней мере, как его понимали санкулоты.

Оппозицию внутри Конвента заставили на время умолкнуть в результате одних из самых ожесточенных дебатов в Собрании. Сообщение Бушота 24 сентября 1793 года о смещении Ушара, командовавшего Северной армией и потерпевшего поражение в Менене после своей победы при Ондскоте, послужило сигналом к атаке. Тюрио, который подал в отставку и ушел из Комитета общественного спасения, 25 сентября выступил с резкой критикой политики правительства, обрушившись на управляемую экономику и чистку. В заключение он сказал: «Необходимо остановить этот бурный поток, который увлекает нас к варварству». Эта обвинительная речь, по существу, отвечала тайным намерениям Конвента, который встретил это выступление аплодисментами и включил в комитет представителя Бриеза, находившегося в миссии в Валансьенне во время капитуляции этого города. Робеспьеру пришлось употребить в деба-

Тах весь свой авторитет и все свое краспоречие: «...Я вам заявляю: тот, кто находился в Валансьенне, когда в него вступил неприятель, не может стать членом Комитета общественного спасения... Это может показаться жестоким, но еще более жестоко для патриота, что за два года 100 тыс. человек были уничтожены из-за измены и слабости; именно слабость по отношению к изменникам и губит нас». Конвент, покоренный им, выразил свое доверие Комитету общественного спасения.

Отныне ни в Конвенте, ни в народе не раздавалось больше возражений против усиления власти комитета. 10 октября 1793 года по докладу Сен-Жюста Конвент объявил, что «правительство Франции останется революционным вплоть до заключения мира». Фундамент Революционного правительства, то есть координация чрезвычайных мер единственно под руководством Комитета общественного спасения, был заложен в сентябре. Экономические пужды и практическое применение всеобщего максимума требовали теперь окончательной организации такого правительства. Декрет от 10 октября 1793 года явился первым шагом в этом направлении. «Законы у нас революционные,— заявил Сен-Жюст,—но те, кто их проводит в жизнь, отнюдь не революционны... Республика будет основана лишь тогда, когда воля суверена подавит монархическое меньшинство и восторжествует над ним по праву победителя... Теми, кем нельзя управлять при помощи закона, приходится управлять при помощи меча... Революционные законы невозможно выполнять, если само правительство не построено на революционной основе». Итак, правительство провозглашено революционным до заключения мира; министры, генералы, установленные власти поставлены под надзор Комитета общественного спасения, который будет непосредственно связан с дистриктами, главной пружиной новой организации. Авторитарный принцип восторжествовал над элективным.

Словом, в результате народного наступления террор был поставлен в порядок дня, в политическом плане это нашло выражение в законе о подозрительных, а в экономическом — в законе о всеобщем максимуме. Из сентябрьского кризиса, давшего могучий импульс Революционному правительству, Комитет общественного спасения

вышел окончательно окрепшим. Главенство его утвердилось. Но пока оно окончательно упрочилось, не обошлось без новых потрясений.

3. Организация якобинской диктатуры общественного спасения

(октябрь — декабрь 1793 года)

Правительство, объявленное революционным до заключения мира, понемногу налаживало свою работу. Все его усилия были направлены на достижение победы на фронтах и на подавление внутренней контрреволюции. В политическом плане все усилия Комитета общественного спасения были направлены на то, чтобы упорядочить репрессии, удерживать террор в законных рамках и подчинить своему контролю народное движение. Между тем настойчивые требования народа не ослабевают, особенно требования политических и экономических репрессий; принятые в сентябре меры принесли санкюлотам некоторое удовлетворение, но не укротили их; влияние их достигло апогея в октябре—ноябре 1793 года. Но уже ощущается стремление правительства ограничить народное движение узкими рамками и удержать его в этих рамках. Внезапно дехристианизация дала новый толчок народному движению. Комитет общественного спасения пытался его обуздать; тем самым он усилил свой разрыв с санкюлотами. Декрет от 14 фримера II года (4 декабря 1793 года), который упрочил власть комитета и определил ее организацию, санкционировал эволюцию, начавшуюся 2 июня.

Террор

Террор, провозглашенный в сентябре 1793 года, начал проводиться в жизнь под давлением народного движения только в октябре. До сентября из 260 человек, преданных суду Революционного трибунала, 66 человек, то есть примерно одна четвертая часть, были осуждены на смерть. Победа санкюлотов открыла новый период в истории трибунала: 5 сентября он был разделен на четыре секции, из которых две действовали одновременно.

но; Комитет общественного спасения совместно с Комитетом общественной безопасности предлагал список судей и присяжных; Фукье-Тенвиль остался общественным обвинителем, а Эрман был назначен председателем.

Крупные политические процессы начались в октябре. 3 октября по докладу Амара суду трибунала были преданы жирондисты, а также по докладу Бийо-Варенна Мария-Антуанетта. Королеву гильотинировали 16 октября; ее казнь была «величайшей отрадой для папаша Дюшена». Процесс двадцати одного жирондиста начался 24-го; опасаясь, что прения затянутся до бесконечности, Конвент объявил, что после трех дней присяжные могут вынести свой приговор; жирондисты погибли 31 октября. Кампания Эбера, призывавшая к террору, продолжалась в течение всей осени, разжигая в санкюлотах жажду расправы. После казни герцога Орлеанского Филиппа-Эгалите, происшедшей 6 ноября, «Пер Дюшен» давал свои добрые советы трибуналу, «чтобы он ковал железо, пока оно горячо, и поскорее отправил под нож гильотины изменника Байи, подлого Барнава...». В № 312 газета славил добродетели *святой гильотины* и заранее восставала против всякого милосердия. Мадам Ролан была казнена 8 ноября, Байи — 10-го, Барнав — 28 ноября. За последние три месяца 1793 года из 395 обвиняемых 177 человек были осуждены на смерть, то есть 45%. Число содержащихся в парижских тюрьмах узников возросло с 1500 приблизительно в конце августа до 2398 ко 2 октября и до 4525 к 21 декабря 1793 года.

В департаментах применение террора зависело от угрозы мятежа и характера представителей в миссии. Области, не затронутые гражданской войной, большей частью вовсе его не познали, по крайней мере до конца 1793 года. В Нормандии после провала федералистского восстания никто не был осужден на смертную казнь, а Ленде призывал к всеобщему примирению. В западных департаментах, опустошенных вследствие вандейского мятежа, в главных городах — Ренне, Туре, Анжере, Нанте — заседали военные комиссии (в составе пяти человек), которые приговаривали к смерти мятежников, захваченных с оружием в руках, на основании простого установления их личности. В Нанте представитель в миссии Каррье ввел процедуру казни без суда: заключенных сбрасывали в Луару; в декабре — январе таким

образом погибло от 2 до 3 тыс. человек — неприягнувшие священники, подозрительные, *разбойники* и осужденные за уголовные преступления. В Бордо репрессиями руководил Тальен, в Провансе — Баррас и Фрерон, по приказу которых были проведены массовые казни.

Террор в Лионе соответствовал той опасности, какой подверг Республику мятеж в этом городе; чтобы взять его, потребовалась двухмесячная осада — с 9 августа по 9 октября 1793 года. 12 октября по докладу Барера Конвент принял решение о разрушении города; «все обиталища богачей будут снесены; останутся только дома бедняков, жилища патриотов, убитых или высланных... группа сохранившихся домов отныне получит название *Освобожденного города*». Если Кутон удовлетворялся приказом о разрушении нескольких зданий на площади Белькур, Колло д'Эрбуа и Фуше, прибывшие сюда 7 ноября, провели репрессии в широком масштабе; революционная комиссия, вынесшая 1667 смертных приговоров, заняла место Комиссии народного правосудия, которую сочли чрезмерно снисходительной; расстрелы из ружей и картечью дополнили чересчур медленную работу гильотины.

Террор, носивший в основном политический характер, нередко силой обстоятельств принимал социальный аспект, поскольку представители в миссии могли опираться исключительно на массы санкюлотов и на якобинцев. Хотя главной задачей представителей в миссии было руководить всенародным ополчением, многие из них принимали меры, необходимые для национальной обороны и внутренней безопасности. Другие придавали своей революционной деятельности ярко выраженное социальное содержание, облагая налогом богачей, организуя революционные армии, создавая мастерские и приюты, строжайшим образом осуществляя максимум. Так поступали Изоре и Шаль в департаменте Нор, Сен-Жюст и Леба — в Эльзасе, Фуше — в департаменте Ньевр. ...10 брюмера II года (31 октября 1793 года) Сен-Жюст и Леба издали постановление о принудительном займе у богачей Страсбурга 9 млн. ливров, из которых два предназначались на удовлетворение нужд неимущих патриотов. Докладывая в Якобинском клубе о миссии Сен-Жюста, Робеспьер заявил 1 фримера (21 ноября): «Как видите, раздели богачей, чтобы прикрыть и одеть бедняков. Это пробудило революционные

силы и энергию патриотов. Аристократов же гильотинировали».

Экономические аспекты террора проступали столь же отчетливо. В Париже Коммуна контролировала распределение продовольствия, в частности путем введения карточек на хлеб; она дала право комиссарам секций по борьбе со спекуляцией производить домашние обыски; она старалась репрессивными мерами заставить соблюдать таксацию. Отряды Революционной армии, созданной в начале октября по декрету от 9 сентября, объезжали производящие районы вокруг Парижа: земледельцы сдавали свое зерно. Однако правительственные органы придерживались установленных законов против спекуляции, отказываясь уступить давлению парижских секций: 23 октября 1793 года последние тщетно добивались от Конвента учреждения для борьбы со скупщиками специального суда присяжных, избираемого из среды неимущих граждан.

В департаментах применение максимума требовало крайней строгости. Террору удалось этого достигнуть с помощью одной угрозы; и в самом деле, по-видимому, на смертную казнь не осуждали по чисто экономическим мотивам. Большинство городов подражало примеру Парижа, вводя карточки на хлеб, идя подчас на передачу булочных муниципалитетам. Но распределение по карточкам требовало регулярного снабжения. Для координации товарооборота и для поощрения производства по приказу Комитета общественного спасения была создана 22 октября 1793 года Центральная продовольственная комиссия, наделенная самыми широкими правами, в ее ведении находились производство, торговля и доставка продовольствия. Вся хозяйственная жизнь страны проходила под контролем комитета: *сила принуждения*, какой располагали его агенты и представители в миссии, позволила им навязать управляемую экономику производителям и торговцам, которые ее не желали.

В тот самый момент, когда террор начал упорядочиваться, подчиняемый все более жестокому контролю Комитета общественного спасения, последнему пришлось столкнуться с новой формой народного движения, которое едва не подорвало его господствующее положение и не поставило под вопрос укрепление Революционного правительства.

Дехристианизация и культ мучеников свободы

Истоки дехристианизации следует искать как в отдельных аспектах религиозной политики начиная с 1790 года, так и в некоторых чертах умонастроения народа. В 1790 году неприсягнувшие священники встали на сторону аристократии. В 1792 году «конституционное» духовенство в свою очередь оказалось в глазах многих революционеров подозрительным; за исключением нескольких священников, примкнувших к народному движению, как, например, Жак Ру, большинство «конституционного» духовенства по убеждениям своим оставалось монархическим, сожалело о событиях 10 августа и еще горше о смерти короля. Эта эволюция особенно усилилась в 1793 году. «Конституционное» духовенство, умеренное по своим настроениям, естественно, тяготело к Жиронде и федерализму; это-то и усилило враждебность к нему народа. Многие политические деятели считали отныне бесполезным продолжать опыт гражданского состояния духовенства: в ноябре 1792 года Камбон предложил не платить больше духовенству жалованья. Но эти же люди плохо себе представляли, как государство может обойтись без церкви, а народ без религиозных церемоний. Начиная с 1790 года понемногу стал намечаться революционный культ, первым величественным проявлением которого был праздник Федерации 14 июля. Практика этой новой религии постепенно принимала определенные очертания, находя выражение в гражданских праздниках, мемориальных церемониях, подобных празднику 14 июля, погребальных почестях, какие были, например, оказаны Мирабо. До сих пор духовенство участвовало в этих манифестациях; но праздник Единства и Неделимости Республики, проведенный 10 августа 1793 года, был уже чисто мирским. К тому же времени родилось подлинное обожествление народом мучеников свободы — Лепелетье, Шалье и особенно Марата.

Принятие революционного календаря — самая антихристианская акция революции, по мнению Олара, — показало, что в этом вопросе чувства Конвента и революционной буржуазии полностью совпадали с чувствами авангарда народа. 5 октября 1793 года Конвент одобрил доклад Ромма о введении *республиканского летосчисления*.

ния начиная с 22 сентября 1792 года, то есть первого дня Республики; год делился на 12 месяцев по 30 дней (каждый месяц — на три декады) с 5 или 6 дополнительными днями в конце года, вначале названными *санкюлотидами*. Таким образом, декада развенчивала воскресенье, декадные праздники конкурировали с религиозными церемониями. 24 октября 1793 года последовал новый доклад о календаре, на этот раз составленный Фабром д'Эглантинем; автор песни «Дождь идет, дождь идет, пастушка» придумал новые поэтические названия для месяцев (*вандемьер, брюмер, фример, нивоз, плювиоз, вантоз, жерминаль, флореаль, прериаль, мессидор, термидор, фруктидор*). Эта попытка дехристианизации повседневной жизни была дополнена декретом от 15 брюмера (5 ноября), вводившим целый ряд гражданских праздников. «Освободившись от предрассудков, достойные представлять французскую нацию, — заявил докладчик Мари-Жозеф Шенье, — вы сможете основать на обломках поверженных суеверий единственную всемирную религию, не ведающую ни секретов, ни таинств, единственный догмат которой — равенство, глашатаями которой являются наши законы, а епископами — должностные лица, которая курит ладан только перед алтарем отечества, всеобщей матери и божества». Однако до сих пор католический культ продолжал существовать более или менее легально.

Дехристианизация, собственно говоря, утвердилась прежде всего в департаментах по инициативе некоторых представителей в миссии. 21 сентября 1793 года Фуше председательствовал в Неверском соборе на церемонии установления там бюста Брута; 26-го он заявил народному обществу Мулена о желании заменить «суеверный и лицемерный культ» культом Республики и естественной морали; и, наконец, 10 октября Фуше запретил все религиозные церемонии за пределами церкви, придал светский характер похоронным процессиям и кладбищам, у входа которых приказал поместить следующую надпись: «Смерть — это вечный сон». В Рошфоре Лекинью превратил церковь в храм Истины; в департаменте Сомма Дюмон запретил воскресные службы, заменив их декадными; Друэ приказал изъять в Мобеже церковные ценности, «украшения фанатизма и невежества»; некоторые представители поощряли вступление в брак священников.

Дехристианизация была навязана Конвенту извне. Шометт, совершивший в конце сентября поездку в Ньевр, на свою родину, и присутствовавший там совместно с Фуше на церемонии 21 сентября, советовал Парижской коммуне прибегнуть к аналогичным мерам: 14 октября она запретила религиозные церемонии за пределами церкви. И все-таки Коммуна действовала осторожно. Эбер лишь в конце октября взялся за *подв* в № 301 «Пер Дюшен». Толчок и тут последовал извне. 9 брюмера II года (30 октября 1793 года) коммуна Ри под Корбеем сообщила Конвенту, что она объявляет Брута своим покровителем вместо св. Блеза; 16 брюмера (6 ноября) делегация из Меннеси того же дистрикта заявила о своем отказе от католического культа, потребовала упразднения своего прихода и устроила у барьера Конвента антирелигиозный маскарад. По чьей инициативе действовали санкюлоты из Ри и Меннеси? Объяснялось ли это контрреволюционными кознями, направленными против «конституционных» священников? Или давлением комиссаров парижских департаментских властей или Исполнительного совета, которым была поручена реквизиция зерна в дистрикте Корбей, при поддержке отрядов Революционной армии? Того же 16 брюмера Конвент издал декрет, согласно которому каждая отдельная коммуна имела право отказать от отправления католического культа.

С этого момента дехристианизация пошла быстрыми темпами. Вечером 16 брюмера в Якобинском клубе депутат Леонар Бурдон произнес пламенную речь против священников; затем Центральный комитет народных обществ, где действовали такие экстремисты, как Дефьё, Перейра, Проли, зачитал проект петиции об отмене бюджета культов. В ночь с 16 на 17 брюмера инициаторы петиции в сопровождении депутатов Анахарсиса Клотса и Леонара Бурдона направились к Гобелю, парижскому епископу, и заставили его отречься от своего сана. 17 брюмера он появился вместе со своими викариями у барьера Конвента и торжественно сложил с себя сан. Шометт немедленно сообщил Коммуне об этой «достопамятной сцене, где фанатизм и фиглярство священников испустили последний вздох»; по его предложению было решено провести в бывшем архиепископском соборе Парижской богородицы празднество Свободы. Оно состоялось 20 брюмера (10 ноября 1793 года);

на хорах была сооружена символическая гора, где одна актриса олицетворяла Свободу. Конвент, присутствовавший на празднестве, тотчас же издал по ходатайству Шометта декрет о посвящении собора Парижской богоматери Разуму. За несколько дней волна дехристианизации захлестнула все секции Парижа. 17-го вечером по просьбе представителя Тюрио секция Тюильри отеклась от культа. 19-го то же самое сделала секция Гравиле по инициативе Леонара Бурдона. И тут выступили на сцену революционные комитеты и народные общества; 5 фримера все церкви столицы были посвящены Разуму. 3 фримера (23 ноября 1793 года) Коммуна санкционировала это положение вещей, постановив закрыть все церкви

Между тем параллельно с движением дехристианизации развивался культ мучеников свободы. Но в то время как инициаторами дехристианизации были люди, далекие от санкюлотских масс, культ мучеников свободы родился из благоговения народа перед Маратом. В момент кризиса летом 1793 года санкюлоты усматривали в нем утверждение их республиканских принципов, форму народной общности, возвеличивание их революционной веры. Пышность нового культа в какой-то мере возмещала им пышность традиционного культа, который все еще отправлялся, но надзор за ним становился все строже; вскоре его отправление было разрешено только в стенах церкви и наконец запрещено. В течение августа 1793 года многие парижские секции и народные общества провели пышные траурные церемонии, посвященные памяти Марата, или же торжественно открыли бюсты Марата и Лепелетье; так начали вырисовываться черты нового культа. В сентябре, когда санкюлоты окончательно одержали верх, культ распространился повсеместно; вскоре появились хоры и процессии, придавшие республиканским церемониям подлинно религиозную пышность. Гражданские процессии особенно участились в октябре в связи с образованием революционной триады, когда к именам Марата и Лепелетье прибавилось имя Шалье, гильотинированного 16 июля лионскими контрреволюционерами. Дехристианизация дала культу мучеников новый толчок: он воцарился во всех парижских секциях. После того как церкви были закрыты, он стал одним из элементов респуб-

ликанского культа, который народные борцы решили учредить на развалинах католицизма. Поклонение мученикам свободы стало составной частью культа Разума, божества слишком отвлеченного, даже когда оно выступало в облике некой мадемуазель из Оперы; изображения этих мучеников заменили в церквях, превращенных в храмы Разума, изображения католических святых. Но начиная с осени 1793 года правительственные власти стали усматривать в культе мучеников некоторую опасность, еще более подозрительно относились к нему некоторые группы монтаньярской буржуазии, ибо в образе Марата он прославлял революционные чувства в самых крайних их проявлениях. Это нашло выражение в контрнаступлении Комитета общественного спасения против дехристианизации.

Отпор был дан в начале декабря. Когда 21 брюмера II года (11 ноября 1793 года) депутация от Центрального комитета народных обществ потребовала, чтобы государство перестало оплачивать каких бы то ни было служителей культа, Конвент отказался это сделать. 27-го в своем докладе о внешнеполитическом положении Республики Робеспьер отметил опасность дехристианизации, которая угрожает оттолкнуть от революции нейтральные страны; 1 фримера (21 ноября) в Якобинском клубе он решительно высказался за свободу культов. Ему в самом деле казалось, хотя он и не был сторонником католицизма, что упразднение культа является политической ошибкой у Республики и без того достаточно врагов, чтобы еще восстанавливать против нее значительную часть народных масс, преданных религии по традиции. Указывая на «агентов иностранных держав», Дефьё, Перейра, Проли, этих «безнравственных людей», Робеспьер доказывал, что личности, которые низвергают алтари, легко могут оказаться контрреволюционерами, вырядившимися демагогами. «Тот, кто хочет помешать культу, такой же фанатик, как тот, кто творит мессу... Конвент не разрешит преследовать мирных служителей культа, но он будет их сурово карать каждый раз, когда они осмелятся злоупотребить своим положением, чтобы обманывать граждан и использовать против Республики предрассудки или роялизм». Возвращение в Париж Дантона, находившегося с октября в Арси и обеспокоенного раскрытием «заговора иностран-

цев», еще более укрепило позицию правительства в этом вопросе. 6 фримера Дантон резко выступил против антирелигиозных маскарадов, требуя, чтобы «этому был положен предел»; 8-го Робеспьер еще раз вернулся к вопросу об опасности дехристианизации. На следующий день, почуяв, что ветер изменился, Шометт добился того, что Коммуна подтвердила свободу культов; но, отменив выплату священникам жалованья, она тем самым отделила церковь от государства. 16 фримера II года (6 декабря 1793 года) Конвент в свою очередь торжественным декретом подтвердил принцип свободы культов. Но Собрание ограничило последствия своего декрета, уточнив 18-го по предложению Барера, что оно не собирается отменять уже принятые меры, в частности, народными представителями: закрытые церкви не будут открыты вновь. Дехристианизация продолжалась, но уже в замаскированном виде и неравномерно, в зависимости от обстановки в отдельных районах и от представителей в миссии. Весной 1794 года открытых церквей становилось все меньше и меньше.

Хотя успех Комитета общественного спасения был неполным, это все же была победа: он затормозил народное движение, не позволил приверженцам дехристианизации взять над собой верх. К тому времени положение на фронтах тоже улучшилось, что еще более способствовало укреплению позиций комитета.

Первые победы (сентябрь — декабрь 1793 года)

У Революционного правительства была лишь одна забота, одна цель — победа. Комитету общественного спасения не удалось бы утвердить свою власть, ни даже удержаться, если бы не его быстрые победы над врагом.

Комитет общественного спасения координировал ведение военных действий, он давал им могучий импульс; в этом ему активно помогал Бушот, министр-санкюлот. Карно и Приёр из Кот-д'Ор, кадровые офицеры, вошедшие в комитет 14 августа 1793 года, занимались главным образом военными делами; первый разрабатывал военные операции, второй ведал военным снабжением. Однако планы кампаний, назначение генералов обсуждали совместно всем комитетом. Робеспьер (о чем сви-

детельствуют пометки в его записной книжке) и Сен-Жюст играли важную роль в руководстве военными действиями. Жанбон Сент-Андре во время своих длительных поездок с миссиями проверял и форсировал работу литейных мастерских, оружейных мануфактур, мастерских по изготовлению селитры, строительство судов. Ленде в Продовольственной комиссии неустанно заботился о снабжении продовольствием армий и предприятий, занятых военным производством. Карно был, слов нет, «организатором победы», но только вместе со всем комитетом. Молва о том, что Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон не принимали никакого участия в повседневной организации победы,— это термидорианская легенда, состряпанная уцелевшими членами комитета, желавшими свалить на осужденных всю ответственность за террор и приписать одним себе славу людей, обеспечивших спасение Республики.

Мобилизация материальных ресурсов была организована летом 1793 года. До этого недостаток ощущался во всем, склады и арсеналы были пусты, а между тем в июле численный состав армии достигал уже 650 тыс. человек. Необходимо было добыть внутри страны все, что до сих пор покупали за границей. Комитет общественного спасения привлек к своей работе лучших ученых того времени; впервые научные исследования были поставлены на систематическую службу национальной обороне. Во главе этих ученых стоял Монж, многогранный талант: в брюмере II года он составил «Описание техники литья пушек»; вместе с Гассенфрацом он основал чрезвычайную оружейную мануфактуру в Париже, сыграл важную роль в революционном сборе селитры и в организации производства пороха. Химик Бертолле занимался изготовлением пороха; Вандермонд написал брошюру «Способы изготовления холодного оружия»; горный инженер Гассенфрац стал комиссаром по оружейным мануфактурам... В Париже для организации чрезвычайной оружейной мануфактуры были мобилизованы все металлосты, кузницы расположились в общественных садах и на городских площадях; производство ружей достигло к концу II года около 700 штук в день. В декабре 1793 года был брошен призыв о революционных методах добычи селитры: гражданам предлагали выкапывать у себя в погребках землю, содержащую селитру, муниципалитетам — создавать мастерские для

промывки этой земли и извлечения из нее путем выпаривания «пороха для уничтожения тиранов» Отныне добыча селитры стала выражением патриотического пыла санкюлотов Правда, эти огромные усилия принесли настоящие плоды только к весне 1794 года, не дожидаясь этого, комитет сумел быстро отразить атаки врага и остановить вторжение его во Францию

Немало этому способствовал и террор в армиях Если Комитет общественного спасения оказался в состоянии призвать, экипировать, вооружить и прокормить четырнадцать армий и привести их к победе, то это удалось ему только благодаря вснародному ополчению, реквизициям, максимуму, национализации военного производства, а также чистке командного состава и обучению генералов, все эти меры могли быть осуществлены и принести свои плоды только потому, что Революционное правительство обладало властью, подкрепленной террором Штабы и командование были подвергнуты чистке, появилось новое поколение офицеров, отобранных среди разнородных элементов бывшего третьего сословия, а также из среды бедного дворянства, поскольку комитет всегда отказывался прибегать как к общей мере к исключению дворян из армии и отстранению их от общественных должностей Журдан, родившийся в 1762 году, был назначен командующим Северной армией, Пишегрю, рождения 1761 года, — командующим Рейнской армией, Гош, родившийся в 1768 году, — командующим Мозельской армией Генералы находились под строгим контролем гражданской власти и должны были ей повиноваться Статья 110 Конституции 1793 года гласила «Генералиссимусов не существует» Революционной дисциплине в равной мере подчиняются все — генерал и солдат Генерал Ушар, одержавший победу при Ондскоте (6—8 сентября 1793 года), овладел Мененом, но вдруг вопреки указаниям комитета он отдал приказ об отступлении, которое превратилось в беспорядочное бегство Он был смещен, предан суду Революционного трибунала, осужден на смерть и гильотинирован 15 ноября 1793 года за то, что сорвал план кампании Не следует, однако, думать, что всех генералов стригли под одну гребенку когда Гош во главе Мозельской армии потерпел поражение в своем мощном наступлении на Кайзерслаутерн, Комитет общественно-спасения утешал и подбадривал его Войска вновь

поверили в свои силы, а представители в миссии старались подогреть в их рядах чувство патриотизма *Победа или смерть* — таков был лозунг республиканских армий.

Победа определилась осенью 1793 года Конец федералистского мятежа ознаменовался взятием 9 октября Лиона и 19 декабря — Тулона Вандейское восстание было подавлено в Шоле 17 октября, а в Ле-Мане, после ожесточенных уличных боев, — 13—14 декабря Осажденные города вдоль границ были освобождены Дюнкерк — после победы при Ондскоте (6—8 сентября), Мобеж — после победы при Ваттиньи (1—6 октября), Ландау — после победы при Виссембуре (29 декабря)

К концу 1793 года вторжение было повсеместно отбито Испанцев оттеснили к Бидассоа и за Теш Савойю освободил в октябре Келлерман К этому же времени сказались первые успехи мобилизации материальных ресурсов, массовый набор прошел с успехом, военное производство налаживалось, в начале ноября Конвенту представили первые ружья, сделанные в новых мастерских. Политика национальной обороны, проводимая Комитетом общественного спасения, оказалась эффективной.

Декрет об организации Революционного правительства 14 февраля 11 года (4 декабря 1793 года)

К началу декабря 1793 года народное движение, казалось, начало стабилизироваться Выступление правительства против дехристианизации привело в замешательство вожakov секций и клубов и сломило народный порыв, который Комитет общественного спасения после 2 июня всячески пытался умерить и подчинить своему руководству В то же время выяснилась необходимость упорядочить правительственную деятельность в департаментах Террор принимал самые разные формы Представители в миссии большей частью опирались на якобинцев, а народные общества — на местных санкюлотов Это порождало бесконечную борьбу за влияние согласно тенденциям тех и других и вызывало очень большое разнообразие в проведении террористических мероприятий Хотя представителям в миссии и якобин-

цам удалось сохранить национальное единство, их действиям недоставало дисциплины и согласованности. Двойственный характер административных органов, из которых одни были выборными, другие же революционного происхождения, вносил еще больший беспорядок. Возникла необходимость ограничить полномочия соответствующих властей и подчинить их центральной власти, решительно обратить стихийную революционность масс на достижение целей, поставленных Революционным правительством.

Подобные меры были тем более неотложны, что их настоятельно требовало экономическое положение. Введение всеобщего максимума дистриктами привело к большому неравенству, в связи с этим возникла необходимость уточнить ряд положений, о которых в декрете от 29 сентября 1793 года не было речи (цена перевозок, размеры прибылей оптовых и розничных торговцев...). В ряде районов, например на Юге, царил голод, в то время как в других было изобилие продуктов; отсюда и беспорядки и бунты. Комитет общественного спасения счел необходимым усилить административную централизацию в целях реорганизации управления экономикой, унификации максимума, национализации внешней торговли и установления таким образом справедливого распределения между всеми департаментами. Экономические нужды, как и политическая необходимость, заставили Комитет общественного спасения пойти на окончательное установление своей абсолютной власти над всей жизнью нации.

Декрет об организации Революционного правительства от 14 фримера II года (4 декабря 1793 года) отвечал этой цели. Временное устройство Республики на все время войны было подтверждено, централизация восстановлена. «Национальный Конвент является единственной движущей силой правительства» (статья 1); но «все установленные власти и общественные должностные лица в соответствии с декретом от 10 октября 1793 года поставлены под непосредственный надзор Комитета общественного спасения; что же касается всего, что относится к отдельным личностям, а также к общей и внутренней полиции, то особый надзор за ними возлагается на Комитет общественной безопасности, согласно декрету от 17 сентября 1793 года» (статья 2). Прокурор Коммуны становился *национальным агентом,*

простым уполномоченным революционного государства, подчиненным контролю правительственных комитетов; дистрикт, управляемый назначаемым, а не выбираемым национальным агентом, представлял собой отныне основную административную единицу, а департамент играл уже только второстепенную роль. Право направлять комиссаров предоставлялось исключительно правительству, установленным властям было запрещено сноситься между собой посредством комиссаров и создавать центральные собрания; то же относилось и к народным обществам. Хотя центральная Революционная армия была сохранена, однако департаментские армии были распущены, революционные обложения запрещены.

Логика событий привела к восстановлению централизации, стабильности администрации, к усилению власти правительства, — необходимым условиям той победы, которой столь упорно добивался Комитет общественного спасения. Но этим был положен конец свободе действий народного движения.

В то же время обстоятельства порождали сомнения в необходимости такой диктаторской централизации. Республика победила: 19 декабря был взят Тулон, 23-го у Савенэ разгромлены вандейцы, 26 декабря освобожден Ландау. Нельзя ли было в связи с этим ослабить террор, смягчить диктатуру? Все, кто жаждал мирной жизни, все, кто мечтал о возвращении к экономической свободе, желали, чтобы Комитет общественного спасения разжал тиски и ослабил пружины своей власти. Но продолжавшаяся война и возобновившаяся весенняя кампания предъявляли все те же требования. Мог ли Комитет общественного спасения, если бы он уступил нажиму «снисходительных», который все усиливался (и сам комитет, казалось, способствовал тому, нанеся удар дехристианизации), сохранить доверие санкюлотов, важнейшую предпосылку победы? Едва окрепнув, Революционное правительство столкнулось с двойной опозицией.

ВЕЛИЧИЕ И КРУШЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(декабрь 1793 года — июль 1794 года)

Подчиняя все исключительно нуждам национальной обороны, Революционное правительство не намерено было уступать ни требованиям народа в ущерб революционному единству, ни притязаниям умеренных в ущерб управляемой экономике, необходимой для ведения военных действий, или в ущерб террору, который обеспечивал всеобщее повиновение.

Комитет общественного спасения старался держать промежуточной позиции между *модерантизмом* и *экстремизмом*. Но к концу зимы продовольственный кризис резко обострился и положение в Париже ухудшилось. Растущая оппозиция и недовольство народа заставили народное правительство в вантозе выйти из состояния инертности. Оно избавилось от группы крайних. Но, осудив в лице руководителей кордельеров народное движение в его своеобразных формах, Революционное правительство оказалось во власти умеренных, которых оно намерено было разгромить. Нажав на все пружины, оно еще некоторое время могло противостоять их натиску. Но в конце концов оно погибло, не сумев обрести поддержки и доверия народа, став жертвой противоречий, которые с момента его образования тяготели над его судьбой.

1. Борьба фракций и торжество Комитета общественного спасения

(декабрь 1793 года — апрель 1794 года)

Ликвидация «бешеных», пресечение дехристианизации, попытки подорвать исподтишка народные организации, особенно секционные общества, свидетельст-

вовали о стремлении Комитета общественного спасения отмежеваться от народного движения, за которым он до сих пор скорее следовал, чем руководил им. Но тем самым он отдавал себя во власть Конвента и создавал благоприятные условия для наступления своих противников в Собрании и в сфере общественного мнения.

Дантон поддерживал Робеспьера против поборников дехристианизации не без задней мысли, из соображений личного и политического характера: он хотел спасти своих друзей, только что арестованных по делу о «заговоре иностранцев», а также тех, кто, подобно Фабру д'Эглантину, рисковал быть привлеченным по делу о ликвидации Ост-Индской компании. Дантон добивался большего: ослабить усилия Революционного правительства, внося раскол в Комитет общественного спасения, где Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа слыли сочувствующими санкюлотам. Политика Дантона по всем пунктам противоречила народной программе, поддерживаемой Эбером и его друзьями кордельерами: крайний террор, жесткий максимум, война до победного конца. Выступление правительства против дехристианизации положило начало реакции и благоприятствовало дантонистскому наступлению. Началась борьба фракций. Она имела самые серьезные последствия для Революционного правительства, а также для народного движения и в конечном счете для самой Республики.

«Заговор иностранцев» и дело Ост-Индской компании (октябрь — декабрь 1793)

Эти два дела, тесно связанные одно с другим как в отношении их главных участников, так и по своим последствиям, разрушили единство Горы и усилили распри в Конвенте.

О «заговоре иностранцев» донес 12 октября 1793 года Фабр д'Эглантин: порвав с экстремистами, назвав, в частности, Проли, Дефьё, Перейра и Дюбюиссона, друг Дантона обвинил их в пособничестве заговору, подстрекаемому иностранцами с целью погубить Республику посредством крайних мер. В революционных кругах, особенно среди тех, кто призывал к крайним мерам,

было много беженцев. Революция с самого начала проявила гостеприимство в отношении жертв деспотизма; она приняла многочисленных иностранцев. Некоторые из них даже заседали в Конвенте, как, например, Анахарсис Клоотс и Томас Пэн; другие, как Перейра, выдвинулись в Клубе кордельеров, в народных клубах и организациях. Эти иностранные беженцы вскоре начали играть заметную политическую роль, что вызвало тем большую тревогу Комитета общественного спасения, что лица эти были связаны с иностранными дельцами, чья деятельность была более чем двусмысленной. Такими были Уолтер Бойд, банкир Форин оффис, которому протезировал Шабо; банкир Перрего из Невшателя, бывший, следовательно, прусским подданным; еще один банкир — Проли, из Брабанта, следовательно, австрийский подданный, друг Дефьё, якобинского агитатора, а также многих депутатов-монтаньяров; представители деловых кругов — два брата Фрей, австрийские подданные, на молодой сестре которых 6 октября 1793 года женился бывший капуцин Шабо; еще один делец, Гусман, бывший испанский гранд... Эти иностранцы имели многочисленные связи с некоторыми монтаньярами; они толкали их на все крайние меры, на аннексии, дехристианизацию (Клоотс и Перейра были среди тех, кто заставил отречься от своего сана «конституционного» парижского епископа Гобеля); они наживались на военных поставках, спекулировали на понижении ассигна-
тата.

Тем временем началось дело Ост-Индской компании, довершившее раскол Горы. Декретом от 24 августа 1793 года были ликвидированы все акционерные общества и компании; декрет был принят в результате резких выступлений депутатов из среды деловых кругов — Делонэ из Анжера, Жюльена из Тулузы, Шабо, Базира, Фабра д'Эглантина, которые, изобличая акционерные общества, одновременно играли на понижении акций этих обществ. Кассы и документы Ост-Индской компании были опечатаны. 8 октября 1793 года Делонэ представил проект декрета, предоставлявший компании выгодные условия ее ликвидации: Фабр д'Эглантин провел поправку, согласно которой ликвидация должна была проводиться не самой компанией, а государством. Но когда окончательный текст декрета появился в

«Бюллетэн дэ луа», первоначальная редакция оказалась восстановленной: дело ликвидации передавалось в руки компании. Черновик декрета, подписанный Фабром д'Эглантином, был подделан при его соучастии, за что Фабр, Делонэ и их друзья получили от компании взятку в 500 тыс. ливров. Об этом донес Шабо 24 брюмера II года (14 ноября 1793 года) в Комитет общественной безопасности; подвергшись резким нападениям в Якобинском клубе за свои связи с братьями Фрей, за женитьбу на их сестре, подозреваемый в биржевых сделках, скомпрометированный участием в движении дехристианизации, Шабо решил обезопасить себя, выдав своих сообщников. Базир подтвердил его разоблачения.

Комитет общественного спасения поверил в реальность «заговора иностранцев», тем более что с махинациями депутатов из среды деловых кругов и иностранных беженцев были связаны роялистские происки барона Батца. Разоблачения Шабо, казалось комитету, подтверждали разоблачения Фабра. Комитет был озабочен не столько самим взяточничеством, сколько политической проблемой и ее национальным аспектом. А ведь эти же люди, ныне разоблаченные, нападали на комитет в Конвенте. Еще 20 брюмера (10 ноября) Базир, а за ним Шабо восставали против системы террора и обличали тиранию правительственных комитетов, тяготящую над Конвентом. В тот день Конвент издал декрет, согласно которому ни один депутат не может быть передан Революционному трибуналу, прежде чем его предварительно не выслушает Конвент. Прения показали, что существует сговор между депутатами из числа дельцов и группой «снисходительных», которые стали набирать силу. Если взять, например, Шабо и Тюрио, то первый был заподозрен в биржевых спекуляциях, второй — в модерантизме, и оба были поборниками дехристианизации. Декрет был отменен два дня спустя. Но комитеты, уже встревоженные Фабром д'Эглантином, который сделал свои разоблачения лишь для того, чтобы прикрыть себя, отныне видели руку иностранцев и золото Питта во всех интригах, направленных на раскол патриотов. На разоблачения Шабо они реагировали по-своему, велел 17 ноября арестовать и изобличенных и разоблачителей: Шабо, Базира, Делонэ и Жюльена из Тулузы. В своем докладе о положении *Республи-*

лики 27 брюмера II года (18 ноября 1793 года) Робеспьер обрушился «на чрезмерный модерантизм и в то же время систематический экстремизм лжепатриотов», «эmissаров, оплачиваемых иностранными дворами», которые «изо всех сил толкают колесницу революции на гибельный путь; конечная цель их — разбить ее вдребезги». 1 фримера (21 ноября) в Якобинском клубе Робеспьер разоблачил *агентов иностранных держав*, «презренных эmissаров тиранов», ответственных за движение дехристианизации; он добился исключения из клуба Проли, Дефьё, Дюбуиссона и Перейра.

«Заговор иностранцев» и скандал с Ост-Индской компанией вследствие значительности скомпрометировавших себя лиц, разоблачения продажности и связей между депутатами из деловых кругов и агентами неприятельских держав вызвали огромное волнение и имели серьезное политическое значение. «Доверие не представляет более ценности,— писал Сен-Жюст Робеспьеру 15 брюмера,— когда делишь его с людьми развращенными». Воцарившаяся отныне повсюду подозрительность ожесточала распри между партиями и разжигала ненависть. Навсегда расколов Гору, «заговор иностранцев» и дело Ост-Индской компании ускорили борьбу фракций.

*Наступление „снисходительных“
(декабрь 1793 года — январь 1794 года)*

В октябре Дантон уехал из Парижа; женившись прошедшим летом второй раз, он отдыхал в Арси-сюр-Об. Предупрежденный Куртуа, предчувствуя, что дело Ост-Индской компании, в котором оказались уже замешаны его друзья Базир и Фабр, может коснуться и его, он 30 брюмера (20 ноября 1793 года) спешно возвратился в Париж. Оппозиция умеренных, которая собирала силы, сразу же сплотилась вокруг Дантона. Маневру этому с самого начала способствовало желание Комитета общественного спасения, в частности Робеспьера, обуздать движение дехристианизации; в своей борьбе против *крайних* Революционное правительство опиралось на Дантона, не заметив сразу, что, используя группу экстремистов, «снисходительные» стремились

ликвидировать революционную организацию правительства и положить конец террору.

Наступление «снисходительных», руководимое Дантоном, было направлено против всех позиций, где продвинулись передовые революционеры. 2 фримера II года (22 ноября 1793 года) Дантон обрушился на антирелигиозную «травлю» и потребовал «сцадить человеческую кровь». 6 фримера он протестовал против антирелигиозных маскарадов, требуя «положить этому предел», и заявил, что комитеты должны подготовить доклад «о том, что именуют заговором иностранцев». 11 фримера Дантон пошел еще дальше. Когда Камбон предложил ввести принудительный обмен звонкой монеты на ассигнаты — мера, которой требовали санкюлоты и о чем просил Клуб кордельеров в поданной им в тот же день петиции,— Дантон выступил против этого и дал понять *никам*, что их роль кончена. «Напомним, что если ниспровергают с помощью пик, то возвести и укрепить общественное здание можно только с помощью компаса разума и знаний». Когда 13 фримера на него в свою очередь напали в Якобинском клубе, Дантон пошел на попятный, говоря, что у него не было ни малейшего намерения «разорвать революционный нерв»; ему пришлось защищаться; его поддержал Робеспьер, озабоченный сохранением единства монтаньяров; «дело патриотов едино... они все солидарны.»

Кампания «Вьё кордельера» («Старого кордельера») придала широкий размах дантонистскому наступлению и поставила на карту всю правительственную политику. Камиль Демулен, блестящий журналист и плохой политик, выпустил 15 фримера II года (5 декабря 1793 года) номер своей новой газеты: «О Питт! Я преклоняюсь перед твоим гением!» Если послушать Демулена, то все передовые революционеры были агентами Питта. Во втором номере, от 20 фримера, Камиль обрушился с бешеными нападками на Клоотса, ответственного за движение дехристианизации; но к нему он присовокупил еще и Шометта, прокурора Парижской коммуны. «Анахарсис и Анаксагор станут воображать, будто помогают разуму, меж тем как будут помогать контрреволюции». 25 фримера вышел третий номер «Вьё кордельера», в котором ставилась под сомнение вся система террора и само Революционное правительство; заимствуя материал у Тацита, он на примере преступлений первых

цезарей клеймил террористическую практику репрессий. «Комитет общественного спасения... вообразил, будто для установления Республики ему на некоторое время нужна юриспруденция деспотов». Этот номер имел огромный успех, он пробудил надежды контрреволюции, он привлек на сторону фракции всех, кто боялся террора. «Снисходительные» еще более осмелели, ободренные благосклонной нейтральной позицией, занятой Робеспьером. 27 фримера II года (17 декабря 1793 года) Фабр д'Эглантин, который столь ловко обвел вокруг пальца комитет, стал чернить в Конвенте двух наиболее видных вожakov передовых революционеров: Венсана, генерального секретаря военного министерства (однако через секретаря он целил в министра Бушота), и Ронсена, генерала Революционной армии; было внесено решение об их аресте. Неужели террор обратится против самих его поборников?.. Мнения правительственных комитетов не спрашивали; весь маневр имел целью подорвать их власть. 30 фримера (20 декабря), отвечая делегации из Лиона («Пусть царство террора уступит место царству любви») и очень многочисленной депутации женщин, Конвент постановил организовать *Комитет справедливости* для обследования мест заключения и освобождения арестованных по ошибке.

Однако к концу фримера события приняли иной оборот. 29 фримера (19 декабря) в опечатанных документах Делонэ был обнаружен фальсифицированный декрет о ликвидации Ост-Индской компании (черновик с подписью Фабра под текстом, содержание которого было прямо противоположно внесенной им поправке), и это поставило дантонистов в тяжелое положение. Передовые патриоты перешли в контратаку. Извещенный Колло д'Эрбуа неожиданно возвратился из Освобожденного города (Лиона). 1 нивоза (21 декабря) в сопровождении большой толпы народа, провожавшей его от Бастилии до Тюильри, а также делегации санкюлотов из Лиона, которые несли голову и прах Шалье, Колло появился в Конвенте; он оправдывал репрессии в Лионе опасностью, которая угрожала Республике; Собрание одобрило его доклад. Вечером в клубе Колло д'Эрбуа поучал якобинцев, упрекал их в мягкотелости, восхвалял энергию Ронсена, восставал против ложной жалости к жертвам репрессий. «Кто эти люди, у которых

еще остались слезы, чтобы оплакивать трупы врагов свободы, тогда как сердца патриотов разрываются?» Наконец, Комитет общественного спасения отказался от своей позиции благожелательного нейтралитета по отношению к натиску «снисходительных»: 3 нивоза (23 декабря) в Якобинском клубе Робеспьер занял надпартийную позицию.

Борьба фракций в департаментах действительно угрожала нарушить правительственное равновесие. Разрыв между Революционным правительством и народным движением, усилившийся после обуздания движения дехристианизации, повлек за собой во многих местах изменение политической ориентации. Многие представители в миссии порвали с санкюлотами и, освобождая подозрительных, повернули репрессии против *крайних*: так произошло в Седане, в Лилле, в Орлеане, где Табуро, «бешеный», был заключен в тюрьму; в Блуа в фримере; в Лионе, где Фуше обрушился теперь на бывших друзей Шалье; в Бордо, где Тальен, чтобы скрыть свое взяточничество, разоблачал *крайних*; в департаменте Гар, где Буассе сместил мэра-патриота Нима — Курби. Повсюду вспыхивали конфликты между умеренными и *крайними*, в которых представители в миссии сами принимали участие, вместо того чтобы решать споры. Осознав опасность, Комитет общественного спасения вмешался, чтобы укрепить свою позицию арбитра.

В ответ на 4-й номер «Въе корделье», распряженный 4 нивоза, Робеспьер на следующий день выступил с докладом о *принципах Революционного правительства*. В 4-м номере Камиль Демулен, выступив во имя свободы («Эта свобода, снизошедшая с небес, — отнюдь не нимфа из Оперы и не красный колпак, грязная рубашка или отрепья. Свобода — это счастье, это разум, это равенство, это справедливость...»), потребовал освобождения «двухсот тысяч граждан, которых вы называете подозрительными», заявив, что «он уверен, что свобода была бы укреплена и Европа побеждена, если бы у вас был *комитет милосердия*». 5 нивоза (25 декабря) Робеспьер выступил в защиту террора, оправдывая его состоянием войны. Он изложил перед Конвентом теорию Революционного правительства, цель которого — *создать* Республику, цель же конституцион-

ного правительства — *сохранить* ее. «Революция — это война свободы против ее врагов, конституция — это режим победившей и мирной свободы». Поскольку Революционное правительство ведет войну, оно нуждается в «чрезвычайных действиях». «Оно обязано обеспечить добрым гражданам полную национальную защиту, а врагам народа — только смерть». Заняв позицию арбитра, Робеспьер осудил обе крайние фракции. «Революционное правительство вынуждено лавировать между двумя подводными рифами: слабостью и безрассудством, модерантизмом и экстремизмом, — модерантизмом, столь же похожим на умеренность, как импотенция на целомудрие; и экстремизмом, у коего столько же общего с энергией, как у водянки со здоровьем».

Провал наступления «снисходительных» стал очевидным 6 нивоза (26 декабря), когда Бийо-Варенн добился упразднения *Комитета справедливости*, созданного 30 фримера. В течение еще некоторого времени комитет пытался удерживать равновесие между двумя фракциями, которые сражались без всякого результата. 16 нивоза II года (5 января 1794 года) Камиль Демулен выпустил 5-й номер «Вьё корделье»; он выдвинул серьезные обвинения против Эбера, который якобы получал деньги на издание своей газеты «Пер Дюшен» от военного министерства, во главе которого стоял Бушот. Но 18 нивоза на «Вьё корделье» обрушились в Якобинском клубе; Робеспьер отчитал Камилля и в заключение предложил сжечь номера его газеты. «Сжечь — не значит ответить», — отпарировал Демулен. 19-го Робеспьер вновь обличал обе фракции, которые угрожают Революционному правительству, но сговариваются между собой, «подобно разбойникам в лесу». Между тем в тот же день Фабр д'Эглантин, окончательно скомпрометированный после обнаружения проекта декрета о ликвидации Ост-Индской компании с поправками карандашом, сделанными его рукой, был разоблачен в Якобинском клубе Робеспьером; он был арестован в ночь с 23 на 24 нивоза. Когда Дантон на следующий день выступил в защиту своего друга, Бийо-Варенн воскликнул: «Горе тому, кто заседал рядом с Фабром д'Эглантином и кто еще сегодня одурачен им!» Это был провал наступления «снисходительных», более того, уже скомпрометированные, они вскоре оказались под угрозой ответного удара своих противников.

Фракция *крайних*, растерявшаяся было после осуждения правительством дехристианизации, скомпрометировавшая себя связями с некоторыми иностранными экстремистами, ставшая жертвой интриг Фабра д'Эглантина, как только она освободилась на время от нападок «снисходительных», вновь усилила свое влияние. Она увлекла за собой Клуб кордельеров, неустанно требовавший освобождения Венсана и Ронсена; одним из ее опорных бастионов были канцелярии военного министерства, на работу в которых Венсан взял многих *передовых патриотов (patriotes prononcés)*; через Эбера группировка пользовалась влиянием в Коммуне, через Моморо — среди парижских департаментских властей. Усилия крайних были направлены на освобождение заключенных в тюрьмы патриотов, на усиление террора и управляемой экономики.

Кордельеры продолжали ожесточенную кампанию в защиту Венсана и Ронсена; этот вопрос бурно обсуждался в народных обществах и в парижских секциях. 12 плювиоза II года (31 января 1794 года) кордельеры объявили о притеснении и завесили доску с Декларацией прав. Эта скрытая угроза, отсутствие малейших доказательств виновности, необходимость для правительственных комитетов пойти на некоторые уступки передовым патриотам, дабы уравновесить влияние умеренных, — вот объяснение, почему 14 плювиоза (2 февраля) были освобождены Венсан и Ронсен.

Кампания за усиление террора получила в связи с этим еще больший размах. Ободренные первым успехом, подогреваемые Венсаном, который вышел из тюрьмы обуреваемый жаждой мести, кордельеры стали еще энергичнее обличать новых умеренных. Они требовали наказания «притеснителей патриотов», «искоренения грязных остатков Болота» (18 плювиоза); под этим надо было понимать чистку Конвента. Террористическая кампания была, в частности, направлена против шестидесяти пяти депутатов, протестовавших против движения 2 июня, содержащихся в заключении, но которых Робеспьер избавил от передачи Революционному трибуналу. Кроме того, обличали лиц, подписавших умеренные петиции весной 1792 года, так называемые пети-

ции Восьми тысяч и Двадцати тысяч. 24 пювиоза (12 февраля) Эбер воскликнул в Клубе кордельеров: «Необходимо навсегда свернуть шею этой клике». 2 вантоза (20 февраля 1794 года) кордельеры приняли решение возобновить публикацию газеты Марата: в ней они будут срывать маски «с изменников, обманывающих народ, а также с мятежников и рвущихся к власти, которые хотели бы развратить или соблазнить его».

Кампания за укрепление управляемой экономики встречала в народных кругах все более горячее одобрение: в течение всей зимы экономическая конъюнктура непрерывно ухудшалась. Принятие закона о максимуме отнюдь не устранило трудностей. Хотя хлеба теперь хватало, но он был отвратительным; недостаток и дороговизна бакалейных товаров стали остро ощущаться, но максимум на них безнаказанно нарушался. Начиная с пювиоза серьезный кризис в снабжении мясом довел недовольство народа до параксизма. Таким образом, в то время как движение за удовлетворение народных требований в политической области ослабело, в продовольственном вопросе оно оставалось весьма сильным. Враждебность к торговцам, столь характерная для умонастроения народа, непрестанно усиливалась, несмотря на создание повсюду органов контроля над экономической жизнью страны. Две социальные категории особенно страдали от этого кризиса: ремесленники, чья специальность не была связана с военными нуждами и которые поэтому почти всегда сидели без работы, а также поденщики. И те и другие полагали, что сила и жесткие репрессии являются средством возвращения к изобилию. Эбер в своей газете старался разжечь дух терроризма, на некоторое время ослабевший; в № 345 «Пер Дюшен» он изложил «свое великое предложение — чтобы мясников, которые обращаются с санкюлотами, как с собаками, и дают им только грызть кости, гильотинировали, как и всех врагов санкюлотства, а также виноторговцев, изготавливающих вино под Новым мостом». Вырисовывалась идея нового народного выступления, приобретающая конкретную форму; возникла опасность, что продовольственный кризис вновь приведет в движение санкюлотов.

Комитет общественного спасения, какой-то момент отклонившийся в результате натиска «снисходительных» от своей промежуточной позиции между модерантизмом

и крайними, вновь вернулся к ней. Но как найти точку равновесия между этими противоречивыми тенденциями? Робеспьер не видел другого выхода, кроме *добродетели*, если не террора. Он разъяснил это 17 пювиоза II года (5 февраля 1794 года) в докладе *о принципах политической морали, которыми должен руководствоваться Конвент*. «Если движущей пружиной народного правительства в мирное время является добродетель, то движущей пружиной народного правительства во время революции являются одновременно и добродетель и террор: добродетель, без которой террор пагубен; и террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное; следовательно, он проистекает из добродетели; он не столько особый принцип, сколько следствие общего принципа демократии, примененного к наиболее насущным потребностям отечества». Добродетель — это личное бескорыстие, преданность общим интересам и, если потребуется, дух самопожертвования; Робеспьер рассчитывал подкрепить эту гражданскую добродетель рядом установлений, законными и юридическими гарантиями. Что касается террора, то Комитет общественного спасения собирался смягчить его в рамках революционной законности, но сохранить как средство управления.

К концу зимы продовольственный кризис внезапно обострился в Париже; народный взрыв казался возможным, что могло бы поставить под угрозу существование Революционного правительства.

*Вантозский кризис и падение фракций
(март — апрель 1794 года)*

В течение зимы II года кризис мало-помалу определялся. Черты социальной и политической эволюции, намечавшиеся с начала установления Революционного правительства, приняли более четкий характер: они определили весь смысл вантозского кризиса, со всей остротой поставившего проблему взаимоотношений между народным движением и Революционным правительством.

Прежде всего о социальном кризисе. Таксация, регламентация и жесткое управление экономикой оказались неспособными обеспечить продуктами питания население Парижа. Материальное положение санкюлотов ухудшилось. Недостаток продовольствия и дороговизна усугубляли друг друга; повышение заработной платы, бывшее часто возможным ввиду не слишком строгого применения максимума, уже не могло компенсировать рост цен. Как прежде у булочных, так теперь у мясных лавок выстраиваются длинные очереди; люди становились в очередь с трех часов утра, толкались, дрались; на Центральном рынке, где не хватало продуктов, тоже происходили потасовки. Оказавшиеся в бедственном положении наемные рабочие предъявляли свои требования; строительные рабочие требовали повышения заработной платы; волнения в мастерских по производству оружия не прекращались в течение всего вантоза. Продовольственный кризис до крайности возбуждал террористические настроения. «Зачем нужны все эти аристократы? — воскликнула одна женщина 8 вантоза (26 февраля) в народном обществе секции Прав человека. — Не пора ли уже давно отправить на гильотину всех этих злодеев, которые морят народ голодом?»

Политический кризис тоже не ослабевал. Потребности национальной обороны и якобинская концепция власти все больше побуждали Революционное правительство добиваться пассивного послушания народных организаций, постепенно втискивать народную демократическую практику в буржуазные рамки. Это оскорбляло революционные чувства санкюлотов. Деятельность парижских секций и народных обществ все более и более направляли на военные усилия (вооружение *якобинских кавалеристов*, сбор селитры, помощь детям и родителям солдат), уводя их от общеполитических проблем. Низовые организации все более подпадали под власть революционных комитетов секций, подчинявшихся правительству, что вызывало многочисленные трения и конфликты. Умеренные пользовались этим, чтобы возобновить свою пропаганду, внося еще большее смятение. Борцы отдавали себе в этом отчет: «Если вы хоть на миг упустите революционное движение, — заявил один оратор в народном обществе секции Вооруженного человека 4 нивоза (22 февраля), — прощай тогда патриоты! Конец их близок!»

Вантозский кризис II года четко выявил антагонизм между *патриотами 89-го года и патриотами 93-го года*. Сам этот кризис отражал непримиримое противоречие между санкюлотами и якобинцами или монтаньярами, между народной концепцией политической жизни и организацией общества и соответствующей концепцией буржуазии, даже якобинской. На этом кризисном фоне антагонизм между новыми умеренными и передовыми патриотами, ожесточаемый к тому же личной неприязнью, чрезвычайно обострился. Странники Венсана и Ронсена не сложили оружия. Тщетно Колло д'Эрбуа, который по возвращении из Лиона прилагал все усилия, чтобы водворить согласие между враждующими патриотами, пытался 8 вантоза (26 февраля) помирить кордельеров с якобинцами. 9 вантоза кордельеры еще раз потребовали ареста «предателей, недостойных заседать в Конвенте», в частности Камиля Демулена. Сочетание оппозиции передовых элементов и недовольства народа представляло собой серьезную угрозу для Революционного правительства; и оно решило предотвратить эту угрозу смелыми социальными мерами.

Вантозские декреты II года были вызваны этими опасениями. Еще 13 плювиоза (1 февраля) Конвент принял декрет о выделении 10 миллионов на оказание помощи неимущим; 3 вантоза (21 февраля) Барер представил проект нового общего максимума. Вантозские декреты шли еще дальше. 8 вантоза (26 февраля 1794 года) после своего доклада о лицах, находящихся в заключении, Сен-Жюст провел декрет о конфискации имущества подозрительных; 13 вантоза (3 марта) вторым декретом Комитету общественного спасения было поручено представить доклад о средствах возмещения всех обездоленных за счет имущества врагов Республики. «Силой вещей, — заявил Сен-Жюст, — мы, возможно, придем к результатам, о которых вовсе и не помышляли. Богатства находятся в руках довольно изрядного числа врагов революции, нужда ставит народ, который трудится, в зависимость от его врагов. Допускаете ли вы, чтобы страна могла существовать, когда гражданские отношения сводятся к отношениям, которые противоречат форме правления?» И далее: «В обездоленных вся соль земли, они имеют право разговаривать как хозяева с правительствами, которые ими пренебре-

гают». Сен-Жюст закончил свой второй доклад, бросив вызов монархам старого порядка: «Счастье — это новая для Европы идея».

Не следует, однако, преувеличивать значение вантозских декретов. Альбер Матьез поражается, что Сен-Жюст не был «ни понят, ни поддержан теми, кого он хотел удовлетворить». Сен-Жюст и Революционное правительство были, несомненно, хорошо поняты. Что враги революции не имеют в Республике никаких прав, что их имущество должно быть использовано для вознаграждения патриотов, защищающих ее ценою своей жизни, — эти идеи уже давно были распространены среди санкюлотов и были ими выражены еще весной 1793 года; и это полностью лишает вантозские декреты исключительного характера. Нельзя также согласиться с Матьезом, когда он пишет, что выводы Сен-Жюста представляли собой «замечательную попытку извлечь из смутных чаяний эбертизма социальную программу»: санкюлоты и передовые патриоты уже давно выдвинули в этой области свою более радикальную программу. Кроме того, хотя конфискация имущества подозрительных и предполагаемое вознаграждение неимущих патриотов отвечали народным требованиям и потому были приняты благосклонно, эти меры, результаты коих могли сказаться лишь очень скоро, не отвечали требованиям момента, ибо они не могли облегчить продовольственный кризис. Конечно, нельзя сомневаться в искренности Сен-Жюста и робеспьеристов, но все же вантозские декреты следует рассматривать как тактический маневр с целью парировать пропаганду передовых патриотов. Маневр этот успеха не имел. К середине вантоза кризис, для преодоления которого Революционное правительство ничего не сделало ни в области экономической, чтобы обеспечить пропитанием санкюлотов, ни в области политической, чтобы отразить угрозу со стороны умеренных, достиг апогея.

В народных кругах пароксизм вантозского кризиса нашел выражение в призывах к террору против торговцев и богачей, в мятежных афишах, в слухах о восстании, которые, насторожив правительственные комитеты, породили иллюзии в лагере кордельеров и побудили их предпринять решаящие, с их точки зрения, действия, чтобы разделаться со своими противниками. Они считали, что могут окончательно восторжествовать, если

усилят свой натиск. Эбер в «Пер Дюшен» разоблачал новую фракцию *усытителей*, то есть робеспьеристов. В № 350 он рассматривает «святую гильотину как философский камень»; разоблачая правительственную политику равновесия между фракциями, он пишет: «Тщетны стремления сохранить в целости козу и капусту, тщетны попытки спасти злодеев, которые плели заговор против свободы. Правосудие свершится вопреки усыпителям...» Эбер закончил изложением четкой социальной программы: «Обеспечьте работу всем гражданам, предоставьте помощь старикам и инвалидам и, чтобы увенчать свое дело, поскорей организуйте народное образование». Но вожак кордельеров, пренебрегая уроками предыдущих революционных выступлений, не позаботился ни об организации замышляемого ими движения, ни об установлении связи с народными массами, более обеспокоенными недостатком продовольствия, нежели угрозой модерантизма.

Ликвидация крайних была быстро развивавшейся драмой, которая сбила с толку народных борцов и еще более отдалила их от Революционного правительства. 12 вантоза в Клубе кордельеров Ронсен, генерал Революционной армии, провозгласил необходимость восстания. 14 вантоза (4 марта 1794 года) доску с Декларацией прав человека завесили черным покрывалом; Венсан, генеральный секретарь военного министерства, обличал тех, «кто, по-видимому, сговорился установить гибельную систему модерантизма». Каррье, указав на притеснения патриотов, призвал к восстанию, *святому восстанию*. Эбер повторил: «Да, восстание; и кордельеры будут отнюдь не последними из тех, кто подаст сигнал, чтобы покончить с притеснителями». Кордельеры, по всей вероятности, имели в виду устроить просто массовую манифестацию, метившую не только в умеренных, но значительно дальше — в Революционное правительство и его политику. Колло д'Эрбуа напрасно пытался 17 вантоза примирить якобинцев и кордельеров. Ронсен ответил на это пламенной речью, возлагая на Робеспьера ответственность за слово *ультрареволюционер*, «слово, которое послужило новым изменникам предлогом для притеснения самых пылких патриотов»; он требовал, чтобы «скорее ввергли в небы-

тие умеренных, мошенников, честолюбцев и изменников».

В этом антагонизме между кордельерами и якобинцами, между народным движением и Революционным правительством друг другу противостояли две политические линии: сопротивление и наступление. Передовые патриоты ратовали за наступление, единственное, на их взгляд, средство, способное спасти революцию, окончательно связав с ней санкюлотов. «Один шаг назад погубил бы Республику», — писал Эбер в последнем номере своей газеты; он был прав, если речь идет о той народной республике, созданию которой способствовали санкюлоты. Для умеренных, идеалом которых была буржуазная и консервативная республика, шаг вперед был бы не менее роковым. Когда наступление группы кордельеров с середины вантоза усилилось, грозя нарушить социальное равновесие, на котором зиждилась деятельность правительства, Комитет общественного спасения потерял терпение: в ночь с 23 на 24 вантоза (13—14 марта) главные руководители кордельеров были арестованы и переданы Революционному трибуналу. В этом процессе к группе кордельеров (Эбер, Ронсен, Венсан, Моморо), к группе передовых патриотов (Мазюель, командир эскадрона революционной кавалерии, неподкупный Декомб из администрации по вопросам продовольствия), к группе народных борцов (Анкар из Клуба кордельеров, скромный Дюкроке, комиссар по борьбе со спекуляцией из секции Марата) пристегнули иностранных агентов: Клоотса, банкира Кока, Пролли, Дефьё, Перейра, Дюбуиссона. Все они были гильотинированы 4 жерминаля II года (24 марта 1794 года).

За этим последовала ликвидация «снисходительных». Дантонисты вообразили было, что их час настал; к концу вантоза они усилили свой нажим; номер 7 «Вьё кордельера», который был конфискован, содержал резкие обвинения против политики Комитета общественного спасения. Но комитет, который нанес удар по крайним лишь после долгих колебаний, не намерен был позволить захлестнуть себя. Уже 28 вантоза (18 марта) Конвент одобрил обвинительное заключение против депутатов, замешанных в деле Ост-Индской компании, Фабра д'Эглантина, Базира, Шабо и Делонэ. Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа, обеспокоенные осуждением Эбе-

ра и его друзей и поддерживаемые Комитетом общественной безопасности, в конце концов убедили колебавшегося Робеспьера: в ночь с 9 на 10 жерминаля (29—30 марта) Дантон, Камиль Демулен, Делакруа и Филиппо были арестованы. Конвент утвердил эту меру после патетической речи Робеспьера (11 жерминаля). «Я тоже был другом Петиона; после того как он сбросил маску, я отступился от него; я был также связан с Роланом; он изменил, и я его изобличил. Дантон хочет занять их место, и он теперь в моих глазах не более как враг отечества». В этом судебном процессе к дантонистам присоединили депутатов, нарушивших свой долг, иностранных агентов (Гусмана и братьев Фрей), одного спекулянта, аббата д'Эспаньяка, генерала Вестермана, друга Дантона, и, наконец, Эро де Сешеля. Дантон вел себя дерзко, он разоблачал своих обвинителей; тогда был принят декрет, позволявший устранять от судебного разбирательства каждого обвиняемого, оскорбляющего национальное правосудие. Все были казнены 16 жерминаля II года (5 апреля 1794 года).

Для третьего процесса был использован предлог «заговора в тюрьмах» (якобы имевшего целью освобождение арестованных), с тем чтобы уничтожить остатки оппозиции: Шометт, национальный агент Парижской коммуны, вдовы Демулена и Эбера, генерал Диллон... разношерстная группа, погибшая 24 жерминаля II года (13 апреля 1794 года).

Драма жерминаля была решающей. Авантюристическая попытка группы кордельеров дала Революционному правительству повод ускорить ту эволюцию, которая наметилась со дня его образования. Если оно перед лицом крайней угрозы и пошло на союз с санкюлотами, если оно для поддержания этого союза и согласилось на некоторые уступки, то оно никогда не признавало ни социальных целей, ни политических методов народной демократии. Борьба против внешней коалиции и контрреволюции, а также политические концепции секционных организаций делали законными в глазах правительственных комитетов контроль над народными организациями и их включение в якобинские рамки буржуазной революции. Поскольку оппозиция кордельеров угрожала нарушить равновесие, Революционное правительство прибегло к репрессиям; но, когда санкюлоты увидели, как осудили отца Дюшена и кордельеров, к голосу ко-

торых они прислушивались, которые выражали их чаяния, они усомнились в Революционном правительстве. Не помогло уже и осуждение Дантона. Репрессии, сопровождавшие этим большим процессам, несмотря на их ограниченный характер, породили среди борцов глубокий страх, который парализовал с тех пор политическую жизнь секций. Прямой, братский контакт между революционными властями и санкюлотами секций был отныне разорван. «Революция застыла»,— писал вскоре Сен-Жюст. Драма жерминаля послужила прологом термидора.

2. Якобинская диктатура общественного спасения

В период от ликвидации фракций и до падения робеспьеристов, от жерминаля до термидора, никто уже не оспаривал диктатуры Революционного правительства; несмотря на некоторые изменения под влиянием обстоятельств, оно оставалось довольно стабильным. Централизация возросла, террор усилился, подвергшиеся чистке власти были послушны, Конвент голосовал без возражений. Однако социальная база Революционного правительства угрожающе сузилась. Во время кризиса летом 1793 года борцы из парижских секций сумели добиться создания чрезвычайных институтов, отвечавших их социальным и политическим устремлениям: так, в июле был создан институт комиссаров по борьбе со спекуляцией, в сентябре—Революционная армия. Победив благодаря санкюлотам, правительственные комитеты приложили колоссальные усилия для упорядочения деятельности подобных институтов и унификации революционных сил. Вантозский кризис и жерминальские процессы помогли им покончить с автономией народного движения и ликвидировать навязанные или созданные этим движением институты: Революционная армия была распущена 7 жерминаля II года (27 марта 1794 года), институт комиссаров по борьбе со спекуляцией был упразднен 12 жерминаля, Парижская коммуна подверглась чистке, народные общества в секциях были распущены. Народное движение втиснули в рамки якобинской диктатуры, но то, что комитеты выиграли в силе *принуждения*, они потеряли в поддержке, основанной на доверии. За время, истекшее от жер-

миналя до термидора, отношения между Революционным правительством и народным движением все более и более ухудшались.

Революционное правительство

Организация и характерные особенности Революционного правительства, которые, не переставая, эволюционировали с лета 1793 года, определились в основных чертах к апрелю 1794 года. Его статус был определен декретом от 19 вандемьера (10 октября) и в еще большей мере декретом от 14 фримера II года (4 декабря 1793 года). Теория Революционного правительства была сформулирована не раз, в частности Сен-Жюстом в его докладе 10 октября 1793 года и Робеспьером в его докладе *о принципах Революционного правительства* 5 нивоза II года (25 декабря 1793 года) и в докладе *о принципах политической морали, которыми должен руководствоваться Конвент*, 17 плювиоза II года (5 февраля 1794 года).

Революционное правительство является военным правительством. «Революция—это война свободы против ее врагов»,—заявил Робеспьер, как внешних, так и внутренних. Ее цель—создание Республики. Когда враг будет побежден, тогда вернемся к конституционному правительству, «к режиму победившей и мирной свободы», но только тогда. Поскольку Революционное правительство находится в состоянии войны, «оно нуждается в чрезвычайных действиях», оно должно «действовать с быстротой молнии», сокрушая любое сопротивление; нельзя «подчинить одному и тому же режиму мир и войну, здоровье и болезнь». Следовательно, в руках Революционного правительства должна находиться *сила принуждения*, то есть террор. «Неужели сила,—вопрошает Робеспьер,—существует лишь для того, чтобы покрывать преступление?..» Революционное правительство «не должно врагам народа ничего, кроме смерти». Однако террор используется лишь для спасения Республики: *добродетель*, «основной принцип демократического, или народного правления», является гарантией того, что Революционное правительство не повернет к деспотизму. Добродетель «означает любовь к отечеству и его законам», «благородную преданность, когда

все личные интересы растворяются в общественных интересах». «В системе Французской революции,— заключает Робеспьер,— все, что противно морали, противно и политике, все, что ведет к коррупции, контрреволюционно». Таким образом, уточняется цель революции. «Мы хотим осуществить веления природы, выполнить назначение человечества, сдержать обещания, данные философией, очистить Провидение от обвинений в длительном господстве преступлений и тирании. Пусть Франция, в прошлом знаменитая среди рабских стран, теперь, заставив померкнуть славу всех существовавших когда-либо свободных народов, станет образцом для всех наций, ужасом для угнетателей, утешением для угнетенных, украшением вселенной, дабы мы, скрепив наше дело нашей кровью, могли увидеть хотя бы свет восходящей зари всемирного счастья» (17 плювиоза II года).

Конвент остается «единственной движущей силой правительства». В нем сосредоточен национальный суверенитет, ему принадлежит верховная власть, комитеты управляют под его контролем и проводят в жизнь его декреты. Но после жерминаля исполнительная власть становится главной силой в правительственной системе, Собрание практически ей подчинено.

Комитеты Конвента, которых во II году насчитывалось двадцать один, руководят различными секторами управления и политики и контролируют их. Фактически только два из них действительно осуществляют политическую власть: Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности, именуемые правительственными комитетами.

Число членов Комитета общественного спасения, переизбираемых каждый месяц, теперь сокращено до одиннадцати: Робеспьер, Сен-Жюст и Кутоц, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа, Барер, Карно, Приёр из Кот-д'Ор и Приёр из Марны, Жанбон Сент-Андре и Ленде. Под «непосредственным надзором» Комитета общественного спасения находятся все установленные власти и общественные должностные лица. Он руководит дипломатией, военными делами через свое Топографическое бюро, производством оружия через Комиссию по производству оружия и пороха, экономикой страны через Продовольственную комиссию; он отдает приказы об арестах и вмешивается в функции Комитета обществен-

ной безопасности через свое Бюро полиции, созданное в конце флореала II года. Хотя некоторые члены комитета специализировались в отдельных областях, так, Ленде—в продовольственном вопросе, Приёр из Кот-д'Ор—в области вооружения, однако в деле руководства политикой и ведения войны все они действовали заодно.

Комитету общественного спасения были подчинены шесть министров Временного Исполнительного совета, а позднее—двенадцать исполнительных комиссий, учрежденных вместо этих министров 1 апреля 1794 года (12 жерминаля II года) на основании доклада Карно Конвенту. Эти исполнительные комиссии, назначаемые Собранием по представлению комитета, были самым строгим образом подчинены последнему, который по-прежнему сохранял господствующую роль, «представляя собой мозг правительства и предлагая Национальному Конвенту главнейшие мероприятия».

Состав Комитета общественной безопасности, точно так же переизбиравшийся каждый месяц, позднее стабилизировался (Амар, Моиз Бейль, художник Давид, Леба, Луи из департамента Нижний Рейн, Вадье, Вуллан...). Под его «особым надзором», согласно закону от 17 сентября 1793 года, находится «все, что касается отдельных лиц, а также общей и внутренней полиции»: Комитет общественной безопасности, которому было поручено осуществление закона о подозрительных, руководит полицией и революционным правосудием, это и есть министерство террора.

В департаментах административная организация стала проще после принятия декрета от 14 фримера II года, усилившего централизацию. Департаментские административные органы, подозреваемые в федерализме, лишились большинства своих полномочий и занимаются отныне лишь налогами, общественными работами, национальными имуществами. Двумя основными административными единицами являются дистрикты и коммуны, причем на первые возложена обязанность «надзирать за соблюдением революционных законов и осуществлением мер по всеобщей безопасности и общественному спасению»; а на вторые—их выполнение. Каждую декаду муниципалитеты отчитываются в своей деятельности перед дистриктами, а дистрикты—перед правительственными комитетами.

После того как была упразднена должность прокуроров-синдиков, к администрации дистриктов, к муниципалитетам были прикреплены *национальные агенты*. Они обязаны были «требовать и добиваться выполнения законов, а также разоблачать проявляемую при этом небрежность и все возможные нарушения». Национальные агенты дистриктов обязаны были «ежедекадно отчитываться» перед двумя правительственными комитетами. При назначении национальных агентов был сохранен принцип выборности; но, по существу, после неоднократных чисток, центральная власть и представители в миссии контролировали эти назначения.

Революционные комитеты, бывшие наблюдательные комитеты, созданные 21 марта 1793 года и реорганизованные законом от 17 сентября этого же года, представляли собой органы исполнения закона о подозрительных. Они состояли из двенадцати членов, по одному комитету на коммуну (во многих деревнях их, однако, не существовало) или же на каждую секцию коммуны в больших городах; революционные комитеты, в сущности, выполняли функции полиции, они составляли списки подозрительных, производили домашние обыски и аресты. Революционные комитеты были обязаны отчитываться в своей работе ежедекадно перед Комитетом общественной безопасности.

Народные общества помогали правительству своей революционной бдительностью. Якобинский клуб распространил сеть своих филиалов по всем департаментам. Вербуя своих членов в слоях средней буржуазии, нередко среди тех, кто скупал национальные имущества, якобинцы были поборниками сопротивления: противодействуя всем угрозам, они стремились сохранить политические и социальные завоевания 89-го года; с этой целью они и вступили в союз с санкюлотами. Будучи приверженцами экономического либерализма, они согласились на регламентацию и таксацию, рассматривая их как меру, вызванную войной, и как уступку требованиям народа. Их социальный состав по мере развития революции и последовательных чисток стал несколько более демократичным: процент якобинцев, выходцев из средних классов, снизился с 62 в 1789—1792 годах до 53 в 1793—1794 годах; процент ремесленников и военных повысился за это же время с 28 до 32, а крестьян — с 10 до 11%. Роль якобинцев была

четко определена в 1791 году Камилем Демуленом в № 63 «Революсьон де Франс э де Брабан»: «Общество якобинцев является подлинным следственным комитетом нации... ибо оно охватывает своей перепиской с филиалами все самые отдаленные уголки 83 департаментов. Оно не только великий инквизитор, наводящий ужас на аристократов, это еще великий обвинитель, искореняющий злоупотребления и приходящий на помощь всем гражданам. И в самом деле, кажется, что Клуб исполняет роль прокуратуры. К нему со всех сторон стекаются жалобы притесняемых... В зал Якобинского клуба непрерывной вереницей идут депутации, чтобы либо приветствовать его, либо просить принять их в его лоно, либо пробудить его бдительность, либо исправить ошибки».

Братские общества с более демократическим социальным составом объединяли санкюлотов: они получили распространение в Париже после основания школьным учителем Дансаром в феврале 1790 года Братского общества патриотов обоих полов, которое тоже заседало в монастыре якобинцев на улице Сент-Оноре. Эти квартальные общества, доступные мелкому люду, особенно распространились в Париже после 10 августа 1792 года. Когда Конвент 9 сентября 1793 года запретил непрерывные заседания секций, народные активисты преобразовали эти народные общества старого типа в секционные общества или же создали новые. Эти *секционные общества* нового типа представляли собой низовые организации парижского народного движения: через их посредство борцы руководили политической секций, контролировали работу администрации, оказывали давление на муниципальные и даже правительственные власти. С осени до весны II года Республика покрылась густой и эффективной сетью обществ. Количество их во всей стране трудно установить. На Юго-Востоке, где угроза контрреволюции была одно время очень велика, их было, по-видимому, особенно много: 139 народных обществ на 154 коммуны в департаменте Воклюз, 132 на 382 коммуны в департаменте Гар, 258 на 355 коммун в департаменте Дром, 117 обществ на 260 коммун в департаменте Нижние Альпы; эти патриотические организации сыграли решающую роль в победе над внутренним врагом.

Механизм политической практики якобинцев уже

давно анализировали, и не без предвзятой враждебности. Якобинцы выработали практику комитетов с ограниченным числом членов, которые разрабатывали доктрину, уточняли политическую линию, придавали ей конкретность с помощью простых и действенных лозунгов. Выборность выправлялась чисткой и ее неизбежным следствием — продвижением нужных людей; после того, как конкуренция ограничивалась в результате чистки путем голосования, позволявшей членам общества вынести суждение о способности кандидатов выполнять налагаемые на них мандатом обязанности, выборщикам предоставлялась свобода выбирать. Гражданки замкнут в сети дочерних организаций, получающих импульс от материнского общества; оно излучает, по выражению, взятому из циркуляра народного общества Бельвиля во II году, «потoki света и жизни, которые будут озарять, воодушевлять и разжигать патриотизм». Такая политическая практика и такая революционная техника оказались чрезвычайно эффективными: они обеспечили в 1793 году завоевание власти, создание Революционного правительства и в конечном счете спасение Республики.

Однако очень скоро возник антагонизм между якобинским клубом и его филиалами, первой спорой правительственной политики, с одной стороны, и секционными обществами, выразителями автономии народного движения в общем потоке революции, — с другой. После жерминаля правительственные комитеты, опираясь на якобинцев, приняли ряд энергичных мер для унификации революционных сил: *материнское общество* якобинцев должно было представлять собой *единственный центр общественного мнения*. Под давлением правительства секционные общества Парижа вынуждены были самораспуститься: так, в флореале и прериале II года перестали существовать тридцать девять секционных обществ. Тем самым правительственные комитеты сломали костяк народного движения; но, включив силой в якобинские рамки движение, бывшее до сих пор автономным, имевшим свои собственные устремления и свою практику демократии, комитеты оттолкнули от себя санкюлотов. Они выиграли в *силе принуждения*, но потеряли поддержку, основанную на доверии. Так проявился непримиримый антагонизм между санкюлотами и якобинской буржуазией.

Централизация правительства была еще более усилена весной II года отзывом из департаментов представителей в миссии. Вначале этим представителям были предоставлены самые широкие полномочия, но их власть была ограничена декретом от 14 фримера II года; когда большая группа депутатов, последняя, была послана в миссию в декабре 1793 года в целях осуществления этого декрета, они были подчинены Комитету общественного спасения, перед которым должны были отчитываться еженедельно; они уже не имели права передавать свои полномочия, ни проводить рекрутский набор или взимать революционные налоги. 30 жерминаля (19 апреля 1794 года) двадцать один представитель в миссии был отозван. Комитет общественного спасения предпочитал пользоваться услугами собственных агентов: таковы были Жюльен из Парижа, сын представителя от департамента Дром, который раскрыл злоупотребления Каррье в Нанте, а также Тальена в Бордо и добился их отзыва. Иногда комитет посылал одного из своих членов: так, Сен-Жюст был послан в мессидоре в Северную армию.

И все же централизация не могла быть доведена до конца. Комитет общественного спасения должен был считаться с Конвентом и другими комитетами. Комитет финансов, управляемый Камбоном, ему не подчинялся. Комитет общественной безопасности, весьма ревниво оберегавший свои прерогативы, плохо переносил опеку Бюро полиции Комитета общественного спасения: конфликт между этими двумя комитетами ускорил падение Революционного правительства. В департаментах, несмотря на все усилия Комитета общественного спасения, правительственные меры, подлежащие осуществлению, истолковывались по-разному. Тем не менее с децентрализацией, введенной Учредительным собранием, было покончено: на горизонте уже маячила наполеоновская централизация.

„Сила принуждения“ и террор

Карающая воля составляла начиная с 1789 года одну из существенных черт революционного умонастроения: перед лицом *заговора аристократов* усиливалась, как

это показал Жорж Лефевр, защитная реакция и в то же время стремление народных масс, а также прозорливых руководителей революции покарать виновных. Отсюда — народные волнения и избиения; отсюда пошли также начиная с 1789 года эти перманентные комитеты, следственные комитеты, а затем общественной безопасности. Декретом от 11 октября 1789 года парижскому суду в Шатле предоставлялось право приговора последней инстанции по преступлениям *против нации*. 17 августа 1792 года был учрежден Чрезвычайный трибунал, которому через два дня после этого было дано право ускоренной процедуры без права кассации. Сентябрьские избиения были кульминацией народного террора. Поскольку жирондисты питали отвращение к репрессиям, даже законным, учрежденный 17 августа трибунал был упразднен 29 ноября 1792 года.

Введение террора было следствием углубления кризиса. Но по мере того как Революционное правительство организовывалось и крепло, террору был придан организованный и законный характер. Дабы предупредить новые стихийные народные расправы, 10 марта 1793 года был учрежден Революционный трибунал, который должен знать о «всех контрреволюционных замыслах»; 5 сентября он был реорганизован. Члены трибунала назначались Конвентом, он должен был судить по упрощенной процедуре (суд присяжных был отменен), без апелляции и права кассации. Наблюдательные комитеты, созданные 21 марта 1793 года, были поставлены, согласно закону о подозрительных от 17 сентября того же года, под контроль Комитета общественной безопасности. Кроме того, Конвент учредил военные комиссии, наделенные правом чрезвычайного судопроизводства: например, 19 марта 1793 года — против вандейских мятежников, 28-го — против эмигрантов. Что касается мятежников, эмигрантов и неприсягнувших, которые были сосланы и вернулись, то все они были объявлены вне закона и по отношению к ним судебная процедура сводилась к простому установлению личности и вынесению смертного приговора.

В течение этого второго периода интенсивность террора была различной в зависимости от департамента, представителя в миссии и влияния местных проводников террора; масштабы репрессий расширялись или сужались в зависимости от обстоятельств, от размеров

грозившей опасности, а также от характера ответственных лиц и от толкования ими законодательных текстов. Некоторые из них обрушивались также на бывших фейянов и умеренных, на тех, кто протестовал против движений 10 августа и 31 мая — 2 июня. Обострение экономического кризиса, осуществление управляемой экономики увеличили число подозрительных: богачи, копившие деньги, производители и торговцы, противившиеся максимуму. И наконец, дехристианизация придала новый размах террору: репрессии распространились на «конституционных» священников, которые медлили расстаться со своим сапом, а также на верующих, которые упорствовали в отправлении религиозного культа.

Централизация террора усилилась после уничтожения фракций и жерминальских процессов. Обращенный до сих пор против врагов революции, он обрушился теперь на противников правительственных комитетов, которые одновременно усиливали свой контроль. Наиболее известные проводники террора постепенно были отозваны: Фуше, Баррас и Фрерон, Тальен, Каррье. Декрет от 27 жерминаля II года (16 апреля 1794 года), принятый по докладу Сен-Жюста *об общей полиции и преступлениях фракций*, устанавливал, что «обвиняемые в заговорах будут доставляться из всех концов Республики в Париж и предаваться суду Революционного трибунала». 19 флореаля (8 мая) трибуналы и революционные комиссии, учрежденные в департаментах представителями в миссии, были упразднены. Революционный трибунал Арраса, созданный Лебоном, был, однако, сохранен до 22 мессидора (10 июля); 21 флореаля (10 мая) была создана Народная комиссия Оранжа; то были исключения, продиктованные обстоятельствами.

Великий террор начался после издания закона от 22 прериала II года (10 июня 1794 года). Он объяснялся создавшимися обстоятельствами. 1 прериала (20 мая) Колло д'Эрбуа был ранен выстрелами, произведенными неким Адмира; 4 прериала (23 мая) арестовали Сесиль Рено, как будто готовившую покушение на Робеспьера: она призналась в своих контрреволюционных убеждениях. Итак, *заговор аристократов* все еще давал о себе знать и контрреволюция продолжала существовать, притом накануне начала кампании. Огромная волна террористических чувств всколыхнула парижские секции, их

охватила жажда мщения; но минули времена стихийных решений. Террор был упрощен и усилен. «Дело не в том, чтобы дать несколько примеров,— заявил Кутон, докладчик проекта закона от 22 прериаля,— а в том, чтобы истребить непримиримых врагов, поборников тирании». Защита и предварительные допросы обвиняемых были отменены, судьи могли довольствоваться моральными отводами, трибунал мог выбирать только между оправданием и смертным приговором. Понятие врагов Республики было значительно расширено: «Речь идет не столько об их наказании, сколько об их уничтожении». В статье 6 перечислялись различные категории лиц, считающиеся врагами народа: «Все, кто будет содействовать замыслам врагов Франции, преследуя патриотов и возводя на них клевету, все, кто будет стараться лишить их мужества и развратить нравы, нарушить чистоту и силу революционных принципов, все те, кто какими бы то ни было средствами и под какой бы то ни было личной будет покушаться на свободу, единство, безопасность Республики или стараться помешать ее упрочению».

В этот последний период широкое распространение получила практика *амальгамы*: расширенное истолкование понятия «заговор аристократов» давало возможность объединять в одном и том же процессе обвиняемых, ничем не связанных между собой, но которых считали действующими заодно в их кознях против нации. Скопление огромного числа подозрительных в парижских тюрьмах, более 8 тыс. человек, заставляло опасаться бунта среди узников. «Заговорами в тюрьмах», о которых говорили на основании нескольких значительных преувеличенных признаков, оправдывали уничтожение трех *групп* заключенных в июне и семи — в июле, все они были изъяты из крупнейших мест заключения (Бисетр, Люксембургский дворец, Карм, Сен-Лазар). С марта 1793 года до 22 прериаля II года в Париже был казнен 1251 человек; 1376 человек были гильотинированы с момента принятия закона Великого террора и до 9 термидора. «Головы падали, как куски шифера», по выражению Фукье-Тенвиля, общественного обвинителя Революционного трибунала.

При подведении итогов террора следует, однако, выделить определенные нюансы. Число подозрительных, со-

державшихся в тюрьмах, определяется одними приблизительно в 100 тыс. человек, другим числом в 300 тыс. не кажется преувеличением. Дональд Грир определяет число убитых в 35—40 тыс., включая уничтоженных без суда, как то было в Нанте и Тулоне. Число смертных приговоров, вынесенных Революционным трибуналом и различными чрезвычайными судами, достигает, согласно статистическим данным, установленным вышеупомянутым историком, 16 594. с марта по сентябрь 1793 года — 518 приговоров, с октября 1793 года по май 1794 — 10 812, с июня по июль — 2554, в августе 1794 года — 86 приговоров. Если рассматривать распределение их по областям, то 16% смертных приговоров было вынесено в Париже, а 71% приходится на основные районы гражданской войны: 19% — на Юго-Восток, 52% — на Запад. Мотивы осуждения совпадают с этим распределением по областям. 78% обвинительных приговоров было вынесено за мятеж или измену. Политические дела (агитация неприсягнувших священников, федерализм, заговоры...) послужили мотивом для 19% обвинительных приговоров, преступления экономического порядка (изготовление фальшивых ассигнатов, взяточничество...) — всего лишь для 1%. Что касается социального состава, то 84% осужденных принадлежали к бывшему третьему сословию (буржуа — 25%, крестьян — 28, санкюлотов — 31%) и только 8,5% — к дворянам и 6,5% — к духовенству. «Но в подобной борьбе,— замечает Жорж Лефевр,— с перебежчиками церемонятся куда меньше, нежели с прирожденными противниками».

Итак, террор был в основном орудием национальной и революционной защиты, орудием против мятежников и предателей. Как и гражданская война, одним из аспектов которой был террор, он изымал из нации социально неприемлемые элементы, будь то аристократы либо лица, связавшие свою судьбу с аристократией. Он придал правительственным комитетам *силу принуждения*, которая позволила им укрепить власть государства и навязать всем порядок общественного спасения. Он способствовал в этом смысле развитию чувства национальной солидарности, заставив на время умолкнуть классовый эгоизм. Террор помог, в частности, ввести управляемую экономику, необходимую для нужд войны и спасения нации.

Введения управляемой экономики требовали нужды национальной обороны: необходимо было накормить, одеть, экипировать, вооружить людей из всенародного ополчения, обеспечить продовольствием население городов, меж тем как внешняя торговля была подорвана блокадой и Франция находилась на положении осажденной крепости. Вот почему Революционное правительство было вынуждено с лета 1793 года постепенно ввести управляемую экономику.

Реквизиция распространялась на все материальные ресурсы страны. Закон от 26 июля 1793 года, осуждавший на смерть всех скупщиков, предписывал производителям и торговцам сообщать о своих запасах и в целях проверки учредил институт *комиссаров по борьбе со спекуляцией*. Крестьянин поставлял зерно, фураж, пеньку, ремесленник — продукты своего труда. В некоторых исключительных обстоятельствах граждане должны были доставлять оружие, обувь, одеяла или простыни. Так, Сен-Жюст реквизировал 10 брюмера II года (31 октября 1793 года) в Страсбурге 5 тыс. пар башмаков, 1500 сорочек, а 24 брюмера (14 ноября) реквизировал у местных богачей 2 тыс. кроватей для раненых. Сырье разыскивали, собирали: металл, такелаж, пергамент для упаковки зарядных картузов, землю, содержащую селитру; церковные колокола снимали и переплавляли. Все предприятия работали на государство, под его контролем, чтобы выжать из производства максимум и оснастить его новейшей техникой, разработанной учеными, мобилизованными Комитетом общественного спасения. Реквизиция ограничивала свободу предпринимательства.

Таксация являлась необходимым дополнением к реквизиции. Декретом от 4 мая 1793 года был установлен максимум на зерно и муку, но на деле он не применялся. Декрет от 11 сентября восстановил его. И наконец, декрет от 29 сентября вводил *всеобщий максимум* на товары первой необходимости (на основе цен 1790 года, с надбавкой на одну треть), который устанавливали сами дистрикты, а также максимум заработной платы (по тарифам 1790 года, с надбавкой в 50%), выработка которого возлагалась на муниципалитеты.

Для проведения в жизнь нового законодательства и для контроля за его выполнением Конвент создал 6 брюмера II года (27 октября 1793 года) Продовольственную комиссию, подчиненную Комитету общественного спасения. Комиссия проделала огромную работу по упорядочению цен и 2 вантоза (20 февраля 1794 года) опубликовала тарифы национального максимума по месту производства продукта; каждый дистрикт добавлял к этим тарифам транспортные расходы (4 су 6 денье на каждое льё за перевозку зерна и муки...), прибыль оптового торговца (5%) и розничного торговца (10%). Максимум, стало быть, ограничивал размеры прибыли и обуздывал спекулятивный дух.

Национализация экономики в различной степени затрагивала производство и внешнюю торговлю, но в основном в плане нужд армий; Комитет общественного спасения на деле воздерживался от национализации снабжения гражданского населения. Эта система производства и обмена, которая ограничивала экономическую свободу, явно представляла в глазах санкюлотов социальную ценность. Однако Комитет общественного спасения ступил на путь управляемой экономики лишь под давлением обстоятельств: для него это было только средство для защиты нации и революции, буржуазия с резкой враждебностью относилась к национализации, ограничивавшей экономическую свободу.

Производство было национализировано частично либо непосредственно, путем создания государственных мануфактур, либо косвенно, путем снабжения фабрикантов сырьем, путем регламентации и контроля, реквизиции и таксации. Военной промышленности был дан мощный толчок благодаря созданию национальных мануфактур по производству оружия и боеприпасов, таких, как крупная мануфактура по производству ружей и холодного оружия в Париже, предприятия, созданные Лаканалем в Бержераке, Ноэлем Пуэнтон в Мулене, греньельский пороховой завод в Париже. Однако Комитет общественного спасения избегал увеличивать число государственных мануфактур (Карно был против них) и отказался национализировать рудники.

Внешняя торговля была национализирована в течение нескольких месяцев. Продовольственная комиссия

взяла на себя это дело в ноябре 1793 года, она послала своих агентов за границу, реквизировала торговые суда, строила государственные склады в портах. Для финансирования этой торговли с нейтральными странами и обеспечения оплаты закупок, производимых в Гамбурге, в Швейцарии, Генуе, в Соединенных Штатах, комиссия реквизировала для экспорта вина и водку, шелка и сукна; 6 нивоза II года (26 декабря 1793 года) Камбон произвел реквизицию иностранной валюты по номинальной цене. После казни Эбера контроль над внешней торговлей был ослаблен. С 23 вантоза (13 марта 1794 года) негоциантам были предоставлены льготы: чтобы обеспечить снабжение продуктами и производство, правительство отныне стало на путь сотрудничества с крупными коммерсантами. Негоцианты в портах объединялись в *коммерческие агентства*, а агенты комиссии были отозваны во Францию. Такие перемены, отвечавшие интересам торговой и промышленной буржуазии, не могли не вызвать оппозиции санкюлотов.

Снабжение гражданского населения никогда не подвергалось прямой национализации. Продовольственная комиссия, преобразованная 12 жерминаля II года (1 апреля 1794 года) в Комиссию торговли и снабжения, использовала реквизиции главным образом для нужд армии и мало заботилась о гражданских потребителях: слабое развитие капиталистической концентрации, отсутствие общей статистики не давали возможности точно определить потребности населения и установить картину снабжения по всей стране. Забота о реквизиции для снабжения рынков была возложена на дистрикты, надзор за мельниками, регламентация работы булочных, введение карточек — на муниципалитеты. Во многих городах булочные были полностью муниципализованы, например в Труа; реже, как, например, в Клермон-Ферране, муниципализовались мясные лавки. Другими продуктами, за исключением сахара и мыла, Продовольственная комиссия не интересовалась, довольствуясь публикацией максимума, а Комитет общественного спасения даже запретил местным властям проводить реквизиции. Санкюлоты безуспешно пытались заставить торговцев соблюдать таксацию, устанавливая за их деятельность революционный надзор: подпольная торговля, особенно молочными и мясными продуктами, по-

лучила широкое распространение. Должность комиссаров по борьбе со спекуляцией была упразднена 12 жерминаля II года (1 апреля 1794 года). Щадя отныне производителей, земледельцев и ремесленников, а также торговцев, Комитет общественного спасения не мог не ослабить постепенно контроль за снабжением гражданского населения продовольствием, невзирая на жалобы санкюлотов. В конце концов комитет примирился с нарушением максимума на все продукты, кроме хлеба.

Итак, к весне 1794 года наметилась новая экономическая политика и одновременно увеличился разрыв между Революционным правительством и народным движением. Комитет общественного спасения, прислушиваясь к пожеланиям средних классов, отступил, успокоил торговцев, смягчил контроль и законы по управлению экономикой. Теперь оно осуществлялось в основном в интересах армии и к выгоде государства. От Комитета общественного спасения не могло ускользнуть то обстоятельство, что применение максимума являлось фактором раскола бывшего третьего сословия: в то время как буржуазия и зажиточные крестьяне лишь с отвращением терпели управляемую экономику, ремесленники и лавочники требовали применения максимума на продовольствие, но возмущались, когда его навязывали им самим.

В то же время максимум заработной платы вызывал раздражение рабочих. Всенародное ополчение и военные усилия породили недостаток рабочей силы. Пользуясь этим, рабочие добивались повышения заработной платы, поскольку многие коммуны, в частности Парижская, никогда не публиковали таблиц тарифа заработной платы. Но государство на своих предприятиях придерживалось их очень строго и не допускало никаких послаблений рабочим. После жерминальской драмы новая Парижская коммуна пресекла все попытки рабочих объединиться и Комитет общественного спасения занял непреклонную позицию по отношению к наемным рабочим: он считал, что все здание экономики и финансов покоится на двойном максимуме, что нарушение его привело бы к распаду всей системы и полному обесценению ассигната. Стачки подавлялись; с приближением уборки урожая сельскохозяйственные рабочие

были мобилизованы, а на их заработную плату установлены твердые ставки; 5 термидора (23 июля) Парижская коммуна опубликовала наконец максимум заработной платы, который означал фактически для многих профессий значительное снижение поденной оплаты. Это вызвало еще большее недовольство рабочих, которое дополнялось недовольством крестьян, измученных реквизициями, торговцев, ненавидевших таксацию, и недовольством рантье, разоренных обесцением ассигната.

И все же итог управляемой экономики нельзя считать отрицательным. Она позволила прокормить и экипировать армии Республики: без нее победа была бы невысказана. Кроме того, благодаря ей народным массам в городах был обеспечен верный кусок хлеба; возврат к экономической свободе поверг их на III году Республики в жестокую нищету.

Социальная демократия

Идеал социальной демократии разделяли с некоторыми нюансами и народные массы, и революционная средняя буржуазия. То, что неравенство состояний может свести политические права к пустой видимости, что неравенство среди людей порождает не только природу, но и частная собственность, — это самая избитая тема социальной философии XVIII века; но очень мало кто доходил до мысли, что опрокинуть существующий социальный порядок можно, только уничтожив частную собственность. «Равенство состояний — это химера», — заявил Робеспьер в Конвенте 24 апреля 1793 года. Как и все революционеры, он осуждал «аграрный закон», то есть раздел земельной собственности, то, что в 1848 году получит название социализма *разделителей*; 18 марта 1793 года Конвент единогласно принял декрет о смертной казни для сторонников «аграрного закона». Но в той же речи Робеспьер утверждал, что «крайнее неравенство состояний является источником многих зол и многих преступлений»: санкюлоты и монтаньяры враждебно относились к *роскоши*, к *толстым*, к чрезмерному богатству. Всеобщим идеалом было общество мелких независимых производителей, крестьян и ремесленников,

где каждый владеет своей пашней, своей лавкой или своей мастерской и способен прокормить семью, не прибегая к наемному труду; то был идеал, соответствовавший взглядам народной Франции конца XVIII века, отвечавший устремлениям мелкого крестьянина и поденщика, ремесленника и подмастерья, а также лавочника; идеал, соответствовавший экономическим условиям большинства производителей того времени, но который вступал в противоречие со свободой производства, которой они тоже требовали и которая вела к капиталистической концентрации.

Наиболее четко этот социальный идеал был сформулирован как борцами парижских секций, так и робеспьеристами. 2 сентября 1793 года секция Санкюлотов, бывшая секция Ботанического сада, требуя введения максимума на продовольствие и повышения заработной платы, заявила, что «основой собственности должно быть только удовлетворение физических потребностей»; она потребовала от Конвента, чтобы был «установлен максимум состояний; чтобы одно лицо могло владеть только одним таким максимумом; чтобы никто не мог арендовать больше земли, чем можно обработать с помощью установленного числа плугов; чтобы один гражданин мог владеть только одной мастерской, одной лавкой». Между тем Робеспьер 2 декабря 1792 года подчиняет право собственности праву на существование. «Первейшее право — это право на существование; первейший социальный закон, стало быть, — это тот, что гарантирует всем членам общества средства к существованию; все прочие законы подчиняются этому закону». 24 апреля 1793 года в своей речи по поводу новой Декларации прав Робеспьер пошел еще дальше, заявив, что собственность является не естественным правом, а правом, установленным законом. «Собственность — это право каждого гражданина пользоваться и располагать той долей имущества, которая гарантирована ему законом».

Но лучше всего уточнил эту социальную направленность Сен-Жюст: «Не должно быть ни богатых, ни бедных, роскошь — это подлость». В своих «Фрагментах о республиканских институтах» («Fragments d'institutions républicaines») Сен-Жюст ограничивает собственность узкими рамками, путем ликвидации свободы завещания, равного раздела наследства между прямыми наследни-

ками, запрета наследования не по прямой линии и передачи государству имущества умерших лиц, не имеющих прямых наследников. Цель этого социального законодательства — «предоставить всем французам средства для удовлетворения первейших жизненных потребностей вне зависимости ни от чего, кроме законов, и без взаимной зависимости в их гражданском состоянии». И далее: «Надо, чтобы человек жил независимым». Так в республиканском мышлении было восстановлено понятие о социальном праве: национальное сообщество, облеченное правом контроля над организацией собственности, вмешивается, дабы поддержать относительное равенство путем восстановления мелкой собственности, по мере того как экономическая эволюция ведет к ее разрушению, с тем чтобы предотвратить возрождение монополии богатства, а также возникновение зависимо-го пролетариата

Монтаньярское законодательство исходит из этих принципов. Законы от 5 брюмера II года (26 октября 1793 года) и 17 нивоза (6 января 1794 года) предусматривают раздел родовых поместий поровну между всеми наследниками, включая внебрачных детей, и имеют обратную силу начиная с 14 июля 1789 года. Недостаточно было обеспечить равный раздел наследств, следовало еще наделить собственностью тех, кто был ее лишен. Для этого 3 июня 1793 года было решено дробить эмигрантские имения при их продаже на мелкие участки, с рассрочкой уплаты на десять лет, — льготы, которые 2 фримера II года (22 ноября 1793 года) были распространены на все национальные имущества. Законом от 10 июня 1793 года был разрешен безвозмездный раздел общинных земель на душу населения. Хотя такое дробление позволило некоторому числу крестьян округлить свои владения или стать собственниками, огромное большинство их не получило от этого законодательства никакой выгоды. Полная и безоговорочная отмена феодальных прав, происшедшая 17 июля 1793 года, повлекла за собой исчезновение крестьянской солидарности. Разобшение сельского населения усилилось; имущее крестьянство и владельцы крупных хозяйств, страдавшие от недостатка рабочей силы, не могли не отнестись враждебно к приобретению сельскохозяйственными рабочими земли, к превраще-

нию сельских пролетариев в независимых производителей. Декреты от 8 и 13 вантоза II года (26 февраля и 3 марта 1794 года) выражали желание робеспьеристов пойти еще дальше и дать некоторое удовлетворение бедным санкюлотам: *неимущие патриоты* получают *вознаграждение* за счет конфискации и распределения между ними имущества подозрительных. Но в то время как Сен-Жюст в своем докладе говорил о бесплатной передаче этого имущества, в декрете уже не было об этом речи; методы его осуществления никогда не были уточнены. Фактически вантозские декреты не могли разрешить аграрную проблему. Будучи в глубине души приверженцами экономической свободы, робеспьеристы, как и монтаньяры, были против вмешательства в аграрные вопросы: и те и другие оказались глухи к требованиям крестьян-бедняков, они никогда не рассматривали вопроса о реформе испольщины или о разделе крупных ферм на мелкие хозяйства и оказались неспособными разработать аграрную программу, отвечающую чаяниям санкюлотов деревни.

Социальное законодательство, в сущности говоря, вписывается в общую линию, проводившуюся Учредительным собранием, но в то же время оно выходит за ее рамки. По декретам от 19 марта и 28 июня 1793 года были введены пособия для неимущих, детей и стариков. Декларация прав от 24 июня 1793 года признает в статье 21, что «общественная помощь является священным долгом». Право на помощь было санкционировано законом от 22 флореаля II года (11 мая 1794 года), который утверждал принцип социального обеспечения и предусматривал учреждение в каждом департаменте «Книги национальной благотворительности»: в нее должны быть занесены старики и инвалиды, матери и вдовы, обремененные детьми; и те и другие должны получать ежегодные пенсии и пособия, кроме того пользоваться бесплатной врачебной помощью на дому.

«Пусть Европа узнает, что вы не желаете больше видеть на территории Франции ни обездоленных, ни угнетателей! — воскликнул Сен-Жюст 13 вантоза II года (3 марта 1794 года). — Пусть этот пример будет плодотворным для всего мира; пусть он способствует распространению любви к добродетели и счастья! Счастье — это новая для Европы идея!»

Добродетель, заявил Робеспьер 17 плювиоза II года (5 февраля 1794 года), является принципом и движущей силой республиканского правления: «Я имею в виду добродетель общественную, которая сотворила столько чудес в Греции и Риме... о той добродетели, что представляет собой не что иное, как любовь к своему отечеству и его законам». Добродетель — это поправка к террору. Комитет общественного спасения сурово карал революционеров, нарушавших свой долг, он отзывал неумеренных проводников террора. Хотя он и не собирался вернуться к дехристианизации, но намерен был очистить и усовершенствовать гражданский культ, который постепенно распространился повсеместно, а также унифицировать его. Речь шла о том, чтобы с помощью народного просвещения и республиканского культа укрепить в массах гражданские чувства.

Народное образование было признано статьей 22 Декларации прав (24 июня 1793 года) одним из неотъемлемых прав человека. Оно понималось в основном как *национальное воспитание*, как *гражданский институт*, который должен научить граждан, по выражению парижской секции Прав человека 14 июля 1793 года, «выполнять свой долг и проявлять добродетели»: прежде всего необходимо развивать общественное сознание и укреплять национальное единство. 21 октября 1793 года Конвент принял декрет об основании государственных начальных школ, программа которых сочетала культуру духа и культуру тела, мораль и гимнастику, обучение и практику. Тут же декрет был пересмотрен и заменен декретом от 29 фримера II года (19 декабря 1793 года), который предписывал создание системы обязательных, бесплатных и светских начальных школ, поставленной под контроль государства, но децентрализованной, что вполне соответствовало умонастроению народа. Однако Революционное правительство, всецело занятое войной, не торопилось осуществлять этот закон, несмотря на требования народа: ему не хватало на это ни времени, ни денег. Вот почему еще более настоятельной стала необходимость организации гражданского культа.

Революционные культы стали развиваться с самого начала революции: праздник Федерации 14 июля 1790 года был одной из первых и самых грандиозных мани-

фестаций такого культа. Число гражданских праздников росло, то было новое искусство, которому Давид посвятил все силы своего гения. 10 августа 1793 года в Париже состоялся праздник Единства и Неделимости Республики, проходивший по плану, разработанному Давидом. Во время движения дехристианизации культ Разума заменил в церквах осенью 1793 года католический культ и вскоре принял форму декадных праздников, прославлявших гражданскую доблесть и республиканскую мораль.

Культ верховного существа, вдохновителем которого был Робеспьер, должен был подвести под республиканскую доктрину метафизический фундамент. Из коллеги Робеспьер вышел спиритуалистом; ученик Руссо, он приходил в ужас от сенсуализма Кондильяка и в еще большей мере от атеистического материализма философов типа Гельвеция, бюст которого в Якобинском клубе был разбит по его распоряжению; Неподкупный верил в существование бога, души, загробной жизни; заявление, сделанное им в Якобинском клубе 26 марта 1792 года, не оставляет ни малейшего сомнения на этот счет. Когда ему поручили сделать доклад о декадных праздниках, Робеспьер в своем докладе 18 флореаля II года (7 мая 1794 года) заявил, что цель их — воспитание гражданской доблести и республиканской морали: «Единственным фундаментом гражданского общества является мораль... Безнравственность служит основой деспотизма, в то время как добродетель является сущностью Республики... Итак, спокойно придерживайтесь незыблемых основ справедливости и возрождайте общественную мораль. Стремитесь к победе, но главное — низриньте порок в небытие». Но, действуя одновременно по личному убеждению и как политик, озабоченный тем, чтобы дать народу культ, который учитывал бы его привычки и укрепил бы его мораль, он продолжал: «В глазах законодателя все то, что полезно всем людям и хорошо на деле, и есть истина... Идея Верховного существа является постоянным напоминанием о справедливости; стало быть, она есть идея социальная и республиканская». Статья первая декрета от 18 флореаля гласит, что «французский народ признает существование Верховного существа и бессмертия души»; были учреждены четыре больших республиканских праздника в ознаменование крупнейших событий революции (14 июля 1789 года,

10 августа 1792 года, 21 января 1793 года и 31 мая 1793 года); каждый декадный праздник был посвящен одной какой-либо гражданской или социальной добродетели.

Праздник Верховного существа и Природы 20 прериала II года (8 июня 1794 года) положил начало новому культу. Робеспьер, за несколько дней до этого избранный председателем Конвента, председательствовал на этом празднестве, держа в руках букет цветов и колосьев. Среди огромного стечения народа великолепный кортеж гражданского праздника, организованный Давидом, потянулся от национального парка Тюильри к Марсову полю, под торжественные звуки музыки Госсека и Мегюля. Праздник 20 прериала произвел глубокое впечатление на его участников, а также за границей. Служащий Жирбаль из секции Вильгельма Телля записал в тот день в своем дневнике: «Я не думаю, чтобы история могла явить нам пример подобного дня. Он был величественным и по своему воплощению, и по духу... Чувствительные души сохранят о нем вечное воспоминание». А контрреволюционер Малле дю Пан сказал: «Поистине можно было подумать, что Робеспьер заполнит бездну революции».

И все же политическая цель, которую преследовал Робеспьер, учредив культ верховного существа, не была достигнута. В условиях весны II года и после жерминальской драмы декрет от 18 флореаля стремился объединить единой верой и единой моралью различные социальные категории, которые до сих пор поддерживали Революционное правительство, но которые теперь классовый антагонизм восстановил друг против друга. Не сумев проанализировать экономические и социальные условия, Робеспьер верил во всемогущество идей и призывов к добродетели. Расчет оказался ошибочным. Культ верховного существа породил внутри самого Революционного правительства новый конфликт: сторонники решительной дехристианизации, будучи поборниками светского характера государства, не простили Робеспьеру декрета от 18 флореаля II года.

Национальная армия

Революционное правительство было организовано в условиях войны, и власть его подкреплялась террором, только ради того, чтобы прокормить и экипировать ар-

мии Республики, была наконец введена управляемая экономика; только ради того, чтобы народ мог полностью отдаться борьбе, социальная демократия призвана была улучшить его долю, а республиканская мораль — укрепить его гражданскую доблесть. «Революция — это война свободы против ее врагов», — заявил Робеспьер. Все свои силы Революционное правительство отдало армии II года.

Личный состав армии весной 1794 года превышал миллион человек, разделенных на 12 армий. Происхождение их было различным: линейные полки, батальоны волонтеров и призванных по добровольному набору 300 тыс. человек и по всенародному ополчению, которые путем «амальгамы» по декрету от 21 февраля 1793 года, проведенному наконец в жизнь в течение зимы 1794 года, были сведены в полубригады. Таким образом, армия была превращена в *национальную*.

Командный состав был очищен и обновлен. Конвент установил принцип выборности командиров, уже действовавший в национальной гвардии, отчасти смягчив его (часть должностей замещалась по старшинству). По закону от 21 февраля 1793 года солдаты сами выбирали капралов. Для замещения двух третей высших должностей они выделяли по три кандидата из числа лиц, на один чин ниже подлежащего замещению, лица того же звания уже выбирали из них самого достойного; одна треть должностей замещалась по старшинству. Генералов назначала исполнительная власть: одну треть по старшинству, две трети по выбору. «Избрание командиров воинских частей есть гражданское право солдата, — заявил Сен-Жюст 12 февраля 1793 года, — избрание генералов — это право граждан в целом». В действительности Комитет общественного спасения присвоил себе в этом вопросе самые широкие права, нередко передавая свои полномочия находящимся в миссии представителям, которые вмешивались в формирование командного состава. Но, так или иначе, принцип выборности среди низшего командного состава всегда соблюдался. В результате такого отбора постепенно составилась штаб, не имевший себе равных: Марсо, Гош, Клебер, Массена, Журдан и многие другие, окруженные офицерами, отличавшимися как своими военными талантами, так и гражданской доблестью. В целях воспитания новых офицерских кадров по декрету от 13 пре-

риала II года (1 июня 1794 года) была основана *Школа Марса*: каждый дистрикт послал туда по шесть юношей, «чтобы путем революционного воспитания привить им все необходимые знания и нравственность республиканского солдата».

Была восстановлена дисциплина. «Любите дисциплину, она помогает побеждать», — заявил Сен-Жюст, будучи в Рейнской армии в брюмере II года. 27 июля 1793 года Конвент ввел смертную казнь для мародеров и дезертиров; на самом же деле военные трибуналы, беспощадные по отношению к эмигрантам и мятежникам, проявляли снисходительность к солдатам. Главное, Революционному правительству удалось сохранить в армии ее демократический характер. «Вы должны ожидать победы не только от численности и дисциплины солдат, — говорил Сен-Жюст 12 февраля 1793 года, — вы ее добьетесь лишь в результате прогресса республиканского духа в армии». Политическое воспитание солдата шло параллельно с военной выучкой. Солдаты II года посещали клубы, читали патриотические газеты. В отчете, составленном к 26 вантоза II года (16 марта 1794 года), приводится список газет, рассылаемых в различные армии Республики по приказу Бушота, военного министра-санкюлота: на первом месте — «Пер Дюшен», далее следует «Журналь дэз ом либр» Шарля Дюваля, «Журналь де ля Монтань», орган Якобинского клуба, «Антифедералист» Жюльена из Дрома. Армия II года является армией революционной, сражающейся за отмену привилегий, уничтожение феодализма, за искоренение деспотизма; врагом является в такой же мере контрреволюционер, неприсягнувший священник и эмигрант, как и англичанин, пруссак и австриец. Отождествляя Республику со свободой и равенством, Комитет общественного спасения сумел убедить солдат-граждан, что они как бойцы обязаны повиноваться.

Военное командование было строго подчинено гражданской власти: поскольку армия всего лишь орудие политики, ведение войны является, по мнению Революционного правительства, важнейшей прерогативой гражданской власти. В статье 110 Конституции, принятой 24 июня 1793 года, говорится: «Генералиссимус не существует». После того как Лафайет и Дюмурье изменили, Комитет общественного спасения до-

бился повиновения генералов путем террора: Кюстин, Ушар и другие были отправлены на гильотину, их небрежность или неспособность рассматривалась как доказательство отсутствия гражданской благонадежности. Речи Сен-Жюста, который пристально следил за военными делами, изобиловали сентенциями того же рода: «Восхвалять генералов мы будем только в конце войны». «Генералитет еще принадлежит по природе своей к монархии». В своем знаменитом циркуляре Комитет общественного спасения следующим образом комментировал для генералов декрет от 14 фримера II года об организации Революционного правительства: «В свободном государстве военная власть должна быть наиболее ограничена; это пассивный рычаг, который приводит в движение общая воля... Генералы, время не повиновения миновало». На самом театре военных действий контроль гражданской власти осуществлялся представителями в миссии, чьи полномочия, по существу неограниченные, были окончательно определены 30 марта 1793 года. Накануне кампании 1794 года, 1 флореаля II года (20 апреля 1794 года), Бийо-Варенн бросил в Конвенте такое предупреждение: «Когда имешь под началом двенадцать армий, следует опасаться и предотвращать не только измены; влияние в армии и честолюбие какого-нибудь предприимчивого военачальника, который внезапно выдвигается вперед, одинаково опасны. История учит нас, что именно так погибли все республики... А военное правительство после теократии — самое худшее».

В июне 1794 года в результате гигантских усилий Революционного правительства победа была одержана. Но в тот же момент вновь обострился политический кризис, и внутри правительства произошел раскол.

3. 9 термидора II года (27 июля 1794 года)

К концу весны 1794 года трудности, с которыми сталкивался Комитет общественного спасения в Конвенте и вообще в Париже, усугубились: разрыв между народным движением и Революционным правительством окончательно определился, а в Собрании вновь образовалась

оппозиция И все это в такой момент, когда возросшие экономические трудности делали применение террора по-прежнему необходимым для режима, меж тем как ввиду одержанной наконец победы его становилось все трудней и оправдывать и поддерживать.

Победа Республики (май — июль 1794 года)

Внешняя политика Комитета общественного спасения была в основном политикой войны. От политики переговоров, предложенной Дантоном, отказались, она лишь благоприятствовала внутри страны «снисходительным» и способствовала ослаблению национальных усилий. Комитет ничего не сделал для того, чтобы использовать раскол в рядах коалиции или поддержать поляков, восставших по призыву Костюшко. Но Комитет общественного спасения вел себя осторожно в отношении нейтральных стран. После доклада Робеспьера *о политическом положении Республики*, сделанного 27 брюмера II года (18 ноября 1793 года), Конвент заявил о своем желании уважать интересы нейтральных держав и выразил свои «чувства справедливости, благожелательности и уважения» швейцарским кантонам и Соединенным Штатам Америки. На этом с пропагандистской войной было покончено.

На Северном фронте при Флерюсе 8 мессидора II года (26 июня 1794 года) была одержана решающая победа. Сен-Жюст сыграл в этой победе выдающуюся роль, но он отказался доложить о ней Конвенту. «Был объявлен день Флерюса, и другие, кто ничего не говорил, в этом деле участвовали; говорили об осадах, а другие, кто ничего не говорил, находились в траншеях». Бельгия была освобождена. На Пиренейском фронте в мае захватили Каталонию, в июле заняли Сан-Себастьян. В Альпах вторжение в Италию было неминуемо.

Революционное правительство, сделай оно последнее усилие, казалось, могло предотвратить внутренний кризис, завершить победу, принудить коалицию к миру. «Мы идем вперед не ради завоеваний, а ради победы, — заявил Бийо-Варенн в Конвенте от имени Комитета общественного спасения 1 флореаля (20 апреля 1794 года), — не для того, чтобы позволить увлечь себя опять

нению триумфами, но чтобы прекратить наносить удары в ту минуту, когда смерть хотя бы одного неприятельского солдата делается ненужной для свободы». И в тот момент, когда оно почти достигло цели, Революционное правительство распалось.

Политический кризис: примирение невозможно (июль 1794 года)

Политический кризис в июле 1794 года имел многочисленные аспекты. В то время как якобинская диктатура укреплялась и сосредоточивалась в руках Революционного правительства, ее социальная база в Париже и политическая база в Конвенте непрерывно сужались. Разногласия между двумя правительственными комитетами, разлад в Комитете общественного спасения довершили созревание кризиса.

Как в Париже, так и во всей стране общественное мнение устало от террора, в то время как народное движение отвернулось от Революционного правительства.

Отвращение к террору было тем более велико, что победа, казалось, делала репрессии ненужными. Деловая буржуазия с трудом переносила контроль правительства над экономикой, она стремилась к тому, чтобы как можно быстрее вернуться к полной свободе производства и обмена, которую предоставила ей революция 1789 года. Она опасалась также, как бы не посягнули на ее право собственности. Применение вантозских декретов, долго откладываемое, теперь, казалось, должно было быть возобновлено; создавались народные комиссии для «отбора» подозрительных. Террор был ужасен только в нескольких районах, весьма немногочисленных; но слабость центральной власти, отсутствие контроля часто вели в этой области к произволу. Комитет общественного спасения прилагал усилия, чтобы упорядочить террор, отзывая из миссии слишком рьяных проводников террора и введя централизацию судопроизводства и репрессий законом от 22 прериаля. Но за осуществлением закона он не уследил. Комитет общественной безопасности извращал его, осуществляя *амальгаму* самых разнообразных дел, чтобы осуждать обвиняемых *группами*, и под предлогом «заговоров в тюрьмах» усиливая

репрессии. *Отвращение к эшафоту* в совокупности с экономическими трудностями восстановило против Революционного правительства значительную часть общественного мнения.

После жерминальской драмы народное движение мало-помалу стало отдаляться от Революционного правительства. В течение весны 1794 года за видимостью выражения лояльности по отношению к Конвенту и правительственным комитетам дело дошло до непоправимого вырождения политической жизни в секциях, необратимого охлаждения парижского санкюлотства к существующему строю. «Революция застыла», — заметил Сен-Жюст. Произошло это по причинам социального и политического порядка.

В политическом плане общие собрания в секциях были приведены к повиновению, выборность муниципальных и секционных должностных лиц отменена — привилегия, которой санкюлоты дорожили превыше всего, видя в ней важнейшее проявление своих политических прав. Продолжались скрытые репрессии против борцов, обвиняемых в *эбертизме*: удобное выражение, позволявшее расправиться с активистами секций, враждебно относившимися к якобинской централизации и оставшимися приверженными системе народной демократии. Некоторые выступления в секциях, правда быстро подавленные, свидетельствовали, однако, об упорстве народной оппозиции: в флореале секция Марата возобновила культ Друга народа, но 3 прериаля (22 мая 1794 года) правительственные комитеты запретили проводить *частные* празднества; в конце мессидора в большинстве секций проводилась кампания братских банкетов, но они тотчас же были осуждены и запрещены.

В социальном плане новое направление экономической политики вызвало недовольство массовых потребителей. Коммуна, прошедшая через чистку и руководимая ныне робеспьеристом Пейаном, собиралась восстановить в правах торговлю. «Чего добились непрерывными воплями против пиявок, сосущих народ... против бакалейщиков?» — спрашивал он 9 мессидора (27 июня 1794 года). Хотя на продукты первой необходимости были установлены твердые цены, правительство их не реквизировало, довольствуясь поставкой хлеба, распределение коего было возложено на муниципальные власти. Уточнив, что ничто теперь не препятствует частным лицам

доставлять продукты извне, приказывая арестовывать тех, кто мешает торговле, Парижская коммуна потворствовала черному рынку и подрывала таксацию. Она оберегала таким образом производителей и ремесленников, но в ущерб беднейшим слоям санкюлотства — простым труженикам и наемным рабочим, которым она запрещала к тому же что-либо предпринимать в защиту своих требований. Рост цен на продовольствие, последовавший за опубликованием нового максимума и ослаблением контроля, вызвал в флореале волнение среди рабочих различных профессий, требовавших увеличения заработной платы. Оно было грубо пресечено Коммуной, применившей закон Ле-Шапелье. Опубликование 5 термидора (23 июля 1794 года) парижского максимума заработной платы увенчало собой эту политику ограничений. Этот тариф при строгом соблюдении закона от 29 сентября 1793 года навязывал работникам произвольное снижение заработной платы, порой весьма значительное: каменотес, работавший на строительных площадках Пантеона, который в вантозе зарабатывал 5 ливров, теперь должен был получать всего 3 ливра 8 су. Возмущение рабочих вырвалось наружу именно в тот момент, когда робеспьеристские власти Парижской коммуны более всего нуждались в основанной на доверии поддержке народных масс.

Между тем в Конвенте оппозиция объединилась вокруг представителей, отозванных из миссии, в частности вокруг рьяных проводников террора, чувствовавших нависшую над ними угрозу, таких, как Каррье, Фуше, и особенно тех, кто совершил должностные преступления, — Баррас, Фрерон, Тальен. Фракция коррумпированных лиц перестроилась. Теперь они опирались на новых «снисходительных», которые, пользуясь победой, требовали прекращения террора, на Равнину, которая согласилась признать Революционное правительство только как временное средство. Что могло заставить Конвент терпеть и дальше опеку комитетов теперь, когда ему не приходилось больше опасаться нового восстания, поскольку народное движение уже было обуздано? Оказавшись между Конвентом, нетерпеливо жаждущим сбросить иго опеки, и непримиримо враждебными ему парижскими санкюлотами, Революционное правительство как бы повисло в воздухе.

Возникшие в правительственных комитетах разногласия довели их до гибели.

Комитет общественной безопасности, руководивший репрессиями, был раздражен вмешательством в его дела Комитета общественного спасения, особенно действиями его Бюро полиции. Созданный из людей непреклонных, таких, как Амар, Вадье, Вуллан, взгляды которых сближали их с крайними, комитет намеревался продолжать террор, от которого зависела его власть. Члены его были атеистами, и потому осуждение дехристианизации, культ верховного существа служили им дополнительными поводами для недовольства. За исключением Давида и Леба, они чрезвычайно враждебно относились к Робеспьеру как по личным, так и принципиальным мотивам.

Комитету общественного спасения было бы нетрудно нейтрализовать эту оппозицию, если бы он сам оставался сплоченным. Но его ряды раздирали разногласия. Робеспьер благодаря своим блестящим заслугам сделался подлинным главой правительства в глазах революционной Франции. Но он не считался с чувствительностью своих коллег к обидам, был так же суров к другим, как и к себе, мало с кем сходилась, держась с большинством коллег на расстоянии, что могло показаться расчетом или властолюбием. Это обвинение, брошенное Неподкупному еще жирондистами, повторенное позднее кордельерами, было подхвачено в самом комитете Карно и Бийо-Варенном, который заявил в Конвенте 1 флореаля II года (20 апреля 1794 года): «Каждый народ, дорожающий своей свободой, должен остерегаться самих добродетелей тех людей, что занимают ведущие посты». К противоположности характеров, к конфликтам из-за компетенции (у Карно были жестокие стычки с Сен-Жюстом, его раздражала критика его военных планов со стороны Робеспьера и Сен-Жюста) присоединились разногласия по поводу социальной политики. Карно, как и Ленде, люди из Равнины, присоединившиеся к Горе, были буржуа-консерваторами; они с трудом терпели управляемую экономику и питали отвращение к социальной демократии. Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа склонялись к противоположным взглядам. Возмущенный и ожесточенный окольными маневрами Комитета общественной безопасности, где Вадье решил высмеять культ верховного существа, использовав для этого Катрин Тео,

старуху, объявившую себя *Богоматерью*, Робеспьер с середины мессидора перестал появляться в комитете: его отсутствие было на руку его противникам.

Попытка примирения двух правительственных комитетов, собравшихся на пленарное заседание 4—5 термидора II года (22—23 июля 1794 года), не имела успеха. Члены обоих комитетов прекрасно сознавали, что, если согласие не будет восстановлено, Революционное правительство не сможет устоять и отразить наступление людей коррумпированных и новоявленных «снисходительных». Но если Сен-Жюст и Кутон готовы были идти на примирение, то Робеспьер от этого отказался, желая окончательно разорвать союз, который устанавливался между его противниками среди Горы и Равниной, до сих пор его поддерживавшей.

Развязка: неудавшееся восстание

Робеспьер решил перенести конфликт на рассмотрение Конвента. Это значило отдать на суд Конвента вопрос о сохранении Революционного правительства и пойти на большой риск, не имея прикрытия, поскольку народное движение в тот момент было демобилизовано, а парижские санкюлоты проявляли равнодушие или враждебность.

8 термидора (26 июля 1794 года) Робеспьер обрушился в Конвенте на своих противников, обвинив их, алчных проводников террора, перерядившихся в «снисходительных», в перегибах террора. Но, отказавшись назвать имена обвиненных им депутатов, он погубил себя: все, кто мог себя в чем-либо упрекнуть, почувствовали себя под угрозой. Вечером, в то время как Робеспьеру аплодировали в Якобинском клубе, а комитеты колебались в растерянности, противники Робеспьера действовали. Заговор был сострянчан ночью между депутатами, давно уже замышлявшими погубить Робеспьера, и Равниной, которой они обещали прекращение террора: случайная коалиция, единственным связующим элементом которой был страх.

9 термидора (27 июля 1794 года) заседание Конвента открылось в 11 часов. В полдень Сен-Жюст взял слово. Последующие события развивались очень быстро.

Согласованная между заговорщиками тактика обструкции неумолимо закрыла рот Сен-Жюсту, а затем и Робеспьеру. Был принят декрет об аресте Анрио, командующего парижской национальной гвардией, и Дюма, председателя Революционного трибунала. Среди ужасающего шума некий никому не известный депутат Луже выступил с предложением голосовать обвинительный декрет против Робеспьера, который был принят единогласно; брат Робеспьера пожелал разделить его участь; Кутона и Сен-Жюста тоже присоединили к ним. Леба потребовал предоставления ему чести быть в числе обвиняемых «Республика погибла, — воскликнул Робеспьер, — и разбойники торжествуют!» Зрители на трибунах покинули Конвент и разнесли по секциям эту потрясающую новость. Еще не было и двух часов.

Попытка восстания Парижской коммуны была плохо организована и плохо руководима. Еще до трех часов, получив предупреждение, мэр Флёрю-Леско и национальный агент Пейан предложили членам Генерального совета разойтись по своим секциям, чтобы ударить сбор и бить в набат. К шести часам все борцы были подняты по тревоге и секции поставлены на ноги. Но из сорока восьми секций только шестнадцать послали к Коммуне, на Гревскую площадь, отряды национальной гвардии: тут-то и сказались последствия репрессий, которым с жерминаля подвергались секционные кадры. Роты канониров, однако, продемонстрировали больше революционной инициативы, нежели батальоны: к десяти часам вечера повстанческие власти имели в своем распоряжении семнадцать канонирских рот из тридцати, размещенных в столице, и тридцать два орудия, в то время как Конвент располагал всего одной ротой охраны. В течение нескольких часов Коммуна имела подавляющее превосходство в артиллерии — решающий козырь, если бы нашелся только командир, чтобы управлять этой силой. Депутаты, которые по декрету подлежали аресту, были освобождены и добрались до Коммуны: они совещались. Между тем Конвент спохватился и объявил мятежных депутатов вне закона; Баррасу поручили собрать вооруженную силу; умеренные секции сплотились вокруг Конвента. Национальные гвардейцы и канониры, собравшиеся перед зданием Ратуши, были оставлены без инструкций и снабжения; вскоре до них дошел слух об объявлении Коммуны вне закона; постепенно Грев-

ская площадь опустела. В два часа ночи Баррас идет на городскую Ратушу и внезапно овладевает ею. Коммуна оказалась побежденной, даже не вступив в бой.

10 термидора (28 июля 1794 года) вечером Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и девятнадцать их приверженцев были гильотинированы без суда. На следующий день такая же участь постигла большую группу из семидесяти одного человека — самую многочисленную за все время Революции.

Ответственность за поражение, если проанализировать саму попытку восстания, лежит на руководителях Парижской коммуны и на робеспьеристах, которые не сумели действовать надлежащим образом. Несмотря на усиление правительственного аппарата и отступничество многих секционных властей, революционные комитеты, в частности, уже давно были укрощены, санкюлоты тысячами сбежали к зданию Коммуны. Если это оказалось напрасным, то вина за это падает на робеспьеристов, которые, вместо того чтобы спуститься на Гревскую площадь и встать во главе повстанцев, ожидали, когда их прикончат. Но если оглянуться назад, углубиться в прошлое, то становится ясно, что историческая неизбежность 9 термидора вытекает из противоречий революционного движения, а также из противоречий самой санкюлотской массы.

Робеспьер, ученик Руссо, но почти не имевший научно-экономических знаний, испытывал ужас перед материализмом. Его спиритуалистическая концепция общества и мира делала его безоружным перед противоречиями, выявившимися весной 1794 года. Сумев дать теоретическое обоснование Революционному правительству и террору, Робеспьер оказался неспособен правильно проанализировать экономические и социальные условия своего времени. Он, безусловно, не мог недооценивать соотношения социальных сил и пренебрегать преобладающей ролью буржуазии в борьбе против аристократии и старого порядка. Но Робеспьер, как и Сен-Жюст, оставался в плену своих противоречий: они слишком хорошо сознавали интересы буржуазии, чтобы неразрывно связать себя с санкюлотами, но слишком внимательно

относились к нуждам санкюлотов, чтобы завоевать расположение буржуазии.

Революционное правительство покоилось на социальном фундаменте, состоявшем из элементов разнородных и противоречивых и, следовательно, лишенных классового сознания. Якобинцы, на которых опирались сторонники Робеспьера, не могли дать ему необходимых устоев: они тоже не представляли собой класса, а тем более классовой партии со строгой дисциплиной, которая могла бы сделаться эффективным орудием политических действий. Режим II года покоился на спиритуалистической концепции социальных отношений и демократии; это и привело к роковым последствиям

В политическом плане, кроме оппозиции, порожденной определенными обстоятельствами, существовало фундаментальное противоречие между монтаньярской буржуазией и парижскими санкюлотами, между секционными борцами и Революционным правительством. Война требовала правительства, облеченного всей полнотой власти, и санкюлоты сознавали это, потому и содействовали его созданию. Но война и требования, которые она предъявляла, вступали таким образом в противоречие с демократией, к которой равно звали и монтаньяры и санкюлоты, но которую они понимали по-разному. Демократия — такая, какую осуществляли на практике санкюлоты, — стихийно стремилась к прямому управлению народом; Революционное правительство считало подобную практику несовместимой с ведением войны. Контроль над избранниками, право отзыва народом своих уполномоченных, голосование путем открытой подачи голосов или выкриками с мест — все эти черты свидетельствовали о нежелании секционных борцов довольствоваться формальной демократией. Но такое политическое поведение находилось в непримиримом противоречии с либеральной демократией, как ее понимала буржуазия. Санкюлоты требовали создания сильного правительства, чтобы раздавить аристократию, и они не простили Революционному правительству того, что оно обуздало их и принудило к повиновению.

В социально-экономическом плане противоречия были столь же непреодолимыми. Будучи сторонниками экономического либерализма, члены Комитета общественного спасения, и прежде всего сам Робеспьер, согласились на введение управляемой экономики только по-

тому, что не могли обойтись без таксации и реквизиции для ведения большой национальной войны, в то время как санкюлоты, требуя введения максимума, думали еще, кроме того, о собственном пропитании. Хотя революция и стала демократической, она оставалась буржуазной и Революционное правительство не могло устанавливать твердые цены на продовольствие, не вводя твердых ставок заработной платы, с тем чтобы поддержать равновесие между предпринимателями и наемными рабочими. Такая политика требовала союза монтаньяров и санкюлотов. Но она задевала буржуазию, даже якобинскую, потому что уничтожала экономическую свободу и ограничивала прибыли: за исключением сферы военного производства, оплачиваемого государством, и зерна и фуража, реквизируемого у крестьян, производители и торговцы нарушали максимум. Между тем санкюлоты, придавая огромное значение соотношению цен и заработной платы, стремились использовать обстоятельства, чтобы добиться повышения оплаты труда. Сама собой разумеется, что в условиях буржуазного общества арбитраж Комитета общественного спасения, пытавшегося разрешить кризис, должен был благоприятствовать в гораздо большей степени имущим и производителям, чем наемным рабочим; этим объясняется, в частности, введение 5 термидора в Париже максимума заработной платы. Не имея под собой классовой базы, политика управляемой экономики II года повисла в воздухе.

Революционное правительство, подрываемое этими противоречиями, получило смертельный удар, потеряв Робеспьера и его приверженцев, вместе с ними погибла и демократическая и эгалитарная республика, которую они хотели создать. Но народное движение еще в течение десяти месяцев будет вести ожесточенные и отчаянные арьергардные бои с термидорианской буржуазией, все более и более увлекаемой реакцией, которую она развязала: то была драматичная борьба, к концу которой движущая сила демократической Республики была окончательно сломлена.

БУРЖУАЗНАЯ РЕАКЦИЯ И КОНЕЦ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

(июль 1794 года — май 1795 года)

Революционное правительство не пережило падения Робеспьера. Реакция быстро прогрессировала в политической, социальной и экономической областях. Действительно, среди ожесточения и хаоса политической борьбы именно социальный характер реакции придает термидорианскому периоду его главное значение. Социальное содержание режима II года было народным, и такие меры, как вантозские декреты и закон о национальной благотворительности, лишь подчеркивали это; в политическом плане он предоставил народу возможность участвовать в управлении делами. Так в привилегии богатства и в политической монополии, установленных Учредительным собранием в пользу буржуазии, была пролита брешь.

Сомнения нет, народное движение и парижские санкюлоты, навязавшие Революционное правительство, уступили в жерминале II года поле боя, после чего направление социально-экономической политики Комитета общественного спасения стало уже не столь народным. С этой точки зрения 9 термидора означает не разрыв, а только ускорение эволюции. Начиная с термидора II года и до следующей весны реакция нарастала, но ничего еще не было решено. Друг другу противостояли буржуазная революция и народное движение, *порядочные люди* и санкюлоты: решающий год, отмеченный надеждами одних на великое народное восстание и страхом других перед этим восстанием, которое определило бы наконец судьбу Республики. С 1789 года народ Парижа оставался непобедимым.

Поражение в прериале III года означало конец парижских санкюлотов и окончательное подавление народного движения. Республика вновь пошла по своему буржуазному курсу.

1. Наступление термидорианской реакции

Для термидорианского периода характерна сложная политическая борьба, запутанность которой не могла, однако, скрыть ее истинной подоплеку: *порядочные люди*, скоро их назовут *нотаблями*, поставили себе целью отстранить от политической жизни этих мелких буржуа, этих ремесленников и лавочников, подмастерьев — одним словом, санкюлотов, которые, было время, навязывали им свои законы. Как и во время подъема народного движения в 1793 году, парламентская борьба, в которой схватились монтаньярское меньшинство и все более растущее реакционное большинство, резко усилилась на основе более обширного конфликта: повсюду шла борьба между людьми II года и реакционерами. Но дезориентированное, дезорганизованное, лишившееся своих руководящих кадров, народное движение, бывшее в 1793 году движущей силой революции, теперь превратилось просто в силу сопротивления и было способно сражаться только отступая.

Распад Революционного правительства и конец террора (лето 1794 года)

Комитет общественного спасения, избавившись от робеспьеристов, собирался сохранить правительственную систему. Выступая от его имени 10 термидора (28 июля 1794 года), Барер заявил в Конвенте, что события 9 термидора были только «частным потрясением, оставившим в неприкосновенности правительство». «Сила Революционного правительства возрастет в сто крат, после того как власть, вернувшись к своим истокам, дала нам душу, более энергичную, и комитеты, лучше очищенные». Одновременно Барер обрушился на «некоторых замаскировавшихся аристократов, говорящих о снисходительности». «Снисходительность! Она допустима лишь в отношении невольных заблуждений; однако маневры аристократов — не что иное, как злодеяния, а их заблуждения — не что иное, как преступления». На самом же деле правительственная система II года распалась за

несколько недель, утратив свои основные черты: стабильность, централизацию и — с отменой террора — свою *силу принуждения*

Стабильность правительства была подорвана уже 11 термидора II года (29 июля 1794 года). В этот день Конвент по предложению Тальена издал декрет, согласно которому правительственные комитеты отныне должны были обновляться ежемесячно на одну четверть и вышедшие члены могли быть переизбраны лишь по прошествии месяца. В Комитете общественного спасения Приёр из Кот-д'Ор и Жанбон Сент-Андре были немедленно исключены и заменены среди других дантонистом Тюрно и Тальеном; по истечении месяца из великого комитета II года остался один лишь Карно. Из Комитета общественной безопасности были изгнаны Давид, Жаго, Лавиконтери, пользовавшиеся репутацией робеспьеристов, а их место заняли такие люди, как Лежандр или Мерлен из Тионвиля. Если некоторые члены Конвента приобрели влияние в правительстве, то со стабильностью руководящего состава было покончено.

Правительственная централизация не пережила декрета от 7 фрюктидора II года (24 августа 1794 года). Господствующая роль Комитета общественного спасения до сих пор обеспечивала единство управления. На это положение комитета и обрушился 11 термидора Камбон, заправлявший в Комитете финансов, от которого зависело казначейство: единственное ведомство, ускользнувшее во II году из-под власти великого комитета. Барер ответил 13-го, изобличая *моральный федерализм*, который якобы собирались таким путем насадить Конвент колебался, но в конце концов принял 7 фрюктидора декрет, соответствовавший предложениям Камбона. Отныне будут работать шестнадцать комитетов, из коих двенадцать главных будут управлять каждый какой-нибудь одной исполнительной комиссией. Комитет общественного спасения увидел, как его компетенция была ограничена военным ведомством и дипломатией. За Комитетом общественной безопасности сохранилась политическая полиция. Законодательный комитет приобрел новое значение, поскольку внутренняя администрация и суды перешли в его ведение. Так было покончено с правительственной централизацией, и власть фактически разделилась между *тремя* правительственными *комитетами*.

Одновременно происходило отречение от террора, *сила принуждения* исчезла вместе с другими движущими пружинами Революционного правительства. Закон от 22 прериаля был аннулирован 14 термидора (1 августа 1794 года). Фукье-Тенвиль был арестован, Революционный трибунал перестал функционировать. Он был реорганизован 23 термидора (10 августа 1794 года) по докладу Мерлена из Дуэ: *установление наличия умысла* позволяло теперь оправдать любого обвиняемого, даже уличенного, под предлогом, что преступление его не было внушено никаким контрреволюционным умыслом. Революционные комитеты, против которых после 9 термидора развязали широкую кампанию, были упразднены и заменены 7 фрюктидора (24 августа 1794 года) окружными наблюдательными комитетами для крупных городов и такими же комитетами дистриктов для департаментов. В Париже 48 секций были перегруппированы в 12 округов: новые наблюдательные комитеты, как гражданские комитеты, стали правительственными органами, независимыми от общих собраний секций и собиравшимися с 4 фрюктидора (21 августа 1794 года) всего один раз в декаду. Двери тюрем растворились, подозрительных освободили; в одном только Париже с 18 по 23 термидора (5—10 августа 1794 года) выпустили 500 человек. То был конец террора.

Политический конфликт: умеренные, якобинцы и санкюлоты (август — октябрь 1794 года)

Политическая реакция воцарилась быстро, невзирая на усилия прежних проводников террора, изобличенных 9 фрюктидора (26 августа 1794 года) Мее де ля Тушем в резком памфлете под названием «*Хвост Робеспьера*». Атакованные 12 фрюктидора (29 августа) Лекуэнтром за участие в *тирании*, Барер, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа ушли из Комитета общественного спасения. За один месяц правительственный персонал II года был удален.

В Конвенте Гора потеряла всякое влияние, она стала всего лишь *Вершиной*, причем число ее приверженцев мало-помалу таяло из-за бесконечного отступничества. Равнина торжествовала, поскольку к центристскому

большинству прибавились раскаявшиеся террористы и отколовшиеся монтаньяры; Камбасерес и Мерлен из Дуэ занимали там видное положение. Что касается социальной ориентации людей Равнины, то она никогда не вызвала никаких сомнений. Противники управляемой экономики, они в еще большей степени были врагами социальной демократии. Принадлежа к буржуазии, они стремились обеспечить ей преобладающее положение, восстановить социальную иерархию, поставить народ в подчиненное положение. Когда один из членов Вершины — Фейо предложил 27 фрюктидора (13 сентября 1794 года) ввести новые формы продажи национальных имуществ, более благоприятные для «республиканцев, не имеющих собственности, или мелких собственников», Лозо, депутат от Нижней Шаранты, возразил ему, что «в Республике, насчитывающей 80 млн. человек, невозможно, чтобы все были земледельцами; невозможно, чтобы большинство народа было землевладельцами, ибо по этой гипотезе каждый должен был бы возделывать свою пашню или свой виноградник, чтобы жить, а торговля, ремесла и промышленность вскоре совсем бы захирели». Термидорианцы отвергли народный идеал нации независимых мелких производителей. Между тем крепко связанные с революцией люди Равнины намерены были защищать Республику: 25 брюмера III года (15 ноября 1794 года) они сохранили, кодифицировав их наказания, предусмотренные для эмигрантов. Их политика была направлена на объединение всех патриотов 89-го года с целью преградить путь контрреволюции и укрепить режим. Но, как и во II году, решение не было принято самим Конвентом: оно было навязано ему извне.

В Париже в период термидора II года — брюмера III года (август — октябрь 1794 года) в ходе беспорядочной политической борьбы столкнулись три политических направления. Умеренные хотели восстановить господствующее положение *порядочных людей*, то есть зажиточной буржуазии, по образцу 1791 года. *Неоэбертисты*, сосредоточившиеся в Электоральном клубе и державшие в своих руках секцию Музея, представляли народные течения, враждебные Революционному правительству; они требовали восстановления в Париже своего выборного муниципалитета и применения демократической Конституции 1793 года. Якобинцы оставались сторонни-

ками сохранения на все время войны правительственной централизации и применения репрессивных мер II года.

Кампания Электорального клуба, внося раскол в народные силы и изолируя якобинцев, благоприятствовала успехам реакции. Объединяемые с умеренными своей единственной страстью — ненавистью к террору и робеспьеристам, *неоэбертисты* способствовали тому развитию событий, результаты которого они впоследствии оплакивали. Организованный после 9 термидора Электоральный клуб, воодушевляемый людьми вроде бывшего эбертиста Легре или бывшего «бешеного» Варле, начал кампанию против системы II года, поддерживаемую газетой Бабефа «Журналь де ля либерте де ля пресс». «10 термидора обозначает новую дату, начиная с которой мы трудимся, дабы вернуться к свободе», — писал он 19 фрюктидора (5 сентября 1794 года), не замечая социального конфликта, лежавшего в основе политической борьбы, различая в своем номере от 1 вандемьера III года (22 сентября 1794 года) только две партии во Франции: «одну, которая хочет сохранить правительство Робеспьера, и другую, которая стоит за восстановление правительства, опирающегося исключительно на вечные права человека». Если между Бабефом, Электоральным клубом и умеренными реакционерами и не было сговора, как то утверждает Жорж Лефевр, тем не менее очевидно, что их действия способствовали успеху последних; Бабеф признал это в своем «Трибюн дю пёплъ» от 28 фримера (18 декабря 1794 года).

Сопrotивление якобинцев нашло опору в Обществе, которое 11 термидора (29 июля 1794 года) было вновь открыто Лежандром и из которого по требованию Каррье 17 фрюктидора (3 сентября 1794 года) были исключены проводники террора — перебежчики Фрерон, Лекуэнтр и Тальен. Поддерживаемые «Журналь юниверсель» Одуена и «Ами дю пёплъ» Шаля и Лебуа, якобинцы потребовали возвращения к системе террора: «уничтожить аристократов, которые осмелятся появиться». 19 фрюктидора (5 сентября 1794 года) клуб разработал свою программу, одоблив петицию якобинцев Дижона: применение закона о подозрительных, новое обсуждение декрета относительно *установления наличия умысла*, удаление дворян и священников со всех обще-

ственных должностей и, наконец, ограничение свободы печати. К петиции якобинцев Дижона присоединилось восемь парижских секции. В фрюктидоре началось наступление якобинцев, достигшее своей кульминации на пятую санкюлотиду II года (21 сентября 1794 года) в связи с перенесением праха Марата в Пантеон. Ленде провел в Конвенте в день четвертой санкюлотиды (20 сентября) компромиссную программу, обещавшую защиту бывшим проводникам террора (террористам), но отказывавшую в расширении революционных репрессий, осуждавшую тех, кто мечтал о «перемещении состояний», и предлагавшую вернуть торговле ее свободу действий; доклад этот подвергся резкой критике со стороны якобинского большинства примерно десятка парижских секций 10 вандемьера III года (1 октября 1794 года). Эта агитация, развернутая в секциях якобинцами, обеспокоила большинство членов Конвента, которые позволили увлечь себя реакции. Оба движения, домогавшиеся поддержки народа, столкнувшись, уничтожили друг друга: победа досталась умеренным.

Наступление умеренных вовлекло в пеструю коалицию всех правых противников системы II года, особенно противников якобинцев: консервативных буржуа, конституционных монархистов, более или менее явных сторонников старого порядка. Программа их была чисто негативной: отомстить террористам, принудить санкюлоты к послушанию, воспрепятствовать возвращению к политической и социальной демократии. Они располагали двумя средствами действий: печать, а также банды «золотой молодежи».

Реакционная печать теперь восторжествовала, поскольку она обладала значительными средствами, в то время как якобинские газеты были лишены правительственных субсидий. По словам Лакретеля-младшего из «Республикен франсэ», правые журналисты организовали комитет для выработки совместной контрреволюционной тактики: надо было «заставить Конвент изменить направление после двух губительных лет его анархической карьеры». Среди них были Дюссо из «Корреспонданс политик», братья Бертен из «Деба», Ланглуа из «Мессаже дю суар». 25 фрюктидора (11 сентября 1794 года) Фрерон возобновил выпуск своего «Оратёр дю пёпль», в то

время как Тальен начал издавать «Ами дю ситуан» с 1 брюмера III года (22 октября 1794 года). Множество памфлетов бичевало якобинцев: «Якобинцы без маски» в конце фрюктидора, «Якобинцы вне закона» в вандемьере. Обычным оружием служили оскорбления и обличения, клевета и шантаж против «кровопийц», «анархистов», «нетерпимых». Социальный характер этих кампаний в печати ясно выявился в нападках на Камбона, «палача рангве», «Робеспьера имений», на Ленде, стоявшего во II году во главе управления экономикой: «порядочные люди», то есть денежные нотабли, не могли им простить.

Банды *молодчиков* стали с конца фрюктидора главным средством воздействия в руках реакции. Их организовали переметнувшиеся бывшие террористы: Фрерон (их называли *золотой молодежью Фрерона*), Тальен и Мерлен из Тионвиля. Члены этих банд рекрутировались среди буржуазной молодежи, судейского сословия, банковских служащих и лавочников; пополнялись они и лицами, уклонившимися от военной службы, дезертирами. «Все мы или почти все были не подчинившимися мобилизации, — писал один из них, Дюваль, в своих *«Воспоминаниях о термидоре»*, — нам говорили, что мы принесем больше пользы общественному делу на улицах Парижа, нежели в Самбро-Маасской армии». *Молодчиков* узнавали по их косичкам [по обе стороны лица. — *Ред.*] и по квадратным воротникам их одежды, вооруженные дубинками, они собирались под крики: «Долой якобинцев! Да здравствует Конвент!» — или же горланили песню «Пробуждение народа» с таким припевом. «Им от нас не уйти!» *Молодчики*, которых их противники называли *щеголями* (мюскаденами), спровоцировали в конце фрюктидора первые стычки во Дворце Равенства, где кафе Шартр стало их штаб-квартирой, они нападали на якобинцев или на людей, имевших репутацию таковых. При пособничестве Комитета общественной безопасности и очищенных наблюдательных комитетов «золотая молодежь» вскоре завладела улицей. Нажим буржуазной реакции на Конвент был тем более коварным, что она выдавала себя за защитницу национального представительства. Очень скоро реакция подчинила себе колеблющееся большинство Собрания и увлекла его гораздо дальше, чем оно того хотело.

Поворот, происшедший в брюмере III года, имел решающее значение для политической эволюции термидорианского периода: Общество якобинцев было распущено, Электоральный клуб прекратил свои заседания, парижские секции оказались во власти реакции.

Конец якобинцев объясняется в большой мере отсутствием поддержки народа в последние недели их существования. С той поры как народ «подал в отставку», писал Левассёр в своих «Мемуарах», Якобинский клуб превратился просто в «бессильный рычаг». 25 вандемьера III года (16 октября 1794 года) Конвент парализовал организацию якобинцев, запретив аффилиацию [включение народных обществ в филиальную сеть Якобинского клуба.— *Ред.*] клубов между собой, а также подачу коллективных петиций. В брюмере отречения стали более частым явлением, в то время как нападки *молодчиков* приобрели более резкий характер: 19 брюмера (9 ноября) они организовали первую вылазку против клуба. Дело Каррье дало им спустя два дня решающий повод. 132 жителя Нанта, которых Каррье отправил в Париж прошедшей зимой, были оправданы Революционным трибуналом, а над Каррье нависла угроза. 21 брюмера (11 ноября 1794 года) в Конвенте Ромм высказался за осуждение, но с оговорками. Чтобы оказать давление на Собрание, Фрерон в тот же вечер повел свои банды на улицу Сент-Оноре, к клубу. «Пойдем захватим зверя в его логове». Дело дошло до потасовки, пришлось применить вооруженную силу, чтобы водворить порядок. Правительственные комитеты решили закрыть клуб, и Конвент на следующий день утвердил это решение.

Конец Электорального клуба не замедлил наступить. После закрытия Якобинского клуба он на некоторое время объединил всю народную оппозицию: успехи буржуазной реакции заставили умолкнуть антиякобинские страсти левой оппозиции. Но, выдворенный из своего зала заседаний в секции Музея, Электоральный клуб прекратил свое существование в первые дни фримера III года.

Завоевание парижских секций умеренными было облегчено исчезновением двух центров народного сопро-

тивления, какими были Общество якобинцев и Электоральный клуб. С конца вандемьера «золотая молодежь» появилась в секционных собраниях: так, один из ее вожаков, Жюллиан, стал руководителем секции Тюильри. Якобинские секции были постепенно завоеваны; секция Пик, бывшая секция Робеспьера, видимо, сопротивлялась до 10 фримера (30 ноября 1794 года). После того как секционные борцы были удалены, уже не нашлось больше народных сил, способных противостоять умеренной буржуазии и восстать против реакции. После инстинктов реакция принялась за людей, белый террор уже вырисовывался на горизонте.

Борьба против террора и санкюлотов развивалась в течение всей зимы 1794/95 года, с фримера до вантоза III года, то была скрытая форма белого террора. Речь шла уже не о чистке в строгом смысле слова, как то было сразу после 9 термидора, поскольку кадры террористов давно уже были смещены; теперь преобладал элемент мщения. Ударив сначала по видным проводникам террора, репрессии приняли затем более широкие масштабы, охватив весь прежний руководящий состав секций, и обрели социальный характер, поражая в лице бывших борцов всю систему республиканских ценностей. После изгнания якобинцев Бабеф в газете «Трибюню пёль» от 28 фримера III года (18 декабря 1794 года) изобличал преследование санкюлотов со всей их системой.

Антитерроризм утвердился после состоявшегося в Революционном трибунале 3 фримера (23 ноября 1794 года) суда над Каррье, которого гильотинировали 26 фримера (16 декабря): он отказывался взять на себя ответственность за потопление людей в Нанте, но признал себя ответственным за расстрелы, ссылаясь в свое оправдание на декрет о мятежниках, захваченных с оружием в руках. По докладу Мерлена из Дуэ, 73 жирондиста, подписавших протест против восстания 31 мая — 2 июня 1793 года, которых Робеспьер спас от эшафота, 18 фримера (8 декабря 1794 года) были вновь возвращены в Конвент вместе с некоторыми другими отправленными в отставку или исключенными; всего было возвращено 78 членов Конвента, умеренных вроде Дону, реакционеров вроде Ланжюинэ и даже склонявшихся к роялизму, как Саладэн, которые укрепили позиции правых. Нападки на бывших членов комитетов множились, Конвент усту-

пил 7 нивоза (27 декабря 1794 года) и создал комиссию для расследования дела Барера, Бийо Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье Тщетно Камбасерес предлагал амнистию. Так как дело затягивалось, то, чтобы сломить сопротивление умеренных членов Конвента, банды «золотой молодежи» усилили свое давление

Наряду с этим во всех парижских секциях шел процесс десанкюлотизации. По меньшей мере в 37 из 48 секций были созданы комиссии для расследования поведения бывшего руководящего персонала секций: около 200 борцов были таким путем обвинены в 11 секциях, среди них 152 революционных комиссара, лишенных своих политических прав, преданных «общественному презрению», превращенных в подлинную социальную категорию париев. Правительство спокойно взирало на происходящее, а то и поощряло это движение, так, закон от 13 фримера (3 декабря 1794 года) требовал отчета о расходовании чрезвычайных доходов за II год (принудительные займы, добровольные подписки). Социальный характер десанкюлотизации подчеркивался главными обвинениями, выдвинутыми в секциях реакционерами: экономический и социальный режим II года оскорблял буржуазию. Бывшие комиссары по борьбе со спекуляцией подверглись особенно сильным гонениям; реквизиции, принудительные займы, конфискация скупленных товаров — вот сколько преступлений против собственности, «кровопийц» объявляли «уравнителями», они проповедовали «раздел имущества». Десанкюлотизация была реакцией буржуазии, чья политическая безопасность, экономические интересы и социальные привилегии были ущемлены во II году Республики.

Ненависть к проводникам террора нарастала в течение всей зимы. 11 плювиоза (30 января 1795 года) секция Тампль изобличила в Конвенте свой прежний революционный комитет «Бейте этих тигров!» А 11 вантоза (1 марта) то же сделала секция Монтрей: «Чего вы ждете, почему не очистите землю от этих людоедов? Не свидетельствуют ли их мертвенно-бледные лица и запавшие глаза о том, кто их вскормил? Велите схватить их меч закона лишит их дыхания, которым они так долго заражали воздух» *Щеголи* охотились теперь за своими противниками на улицах, во время так называемых «гражданских прогулок», по выражению «Месса-

же дю с'ар» Они разоряли кафе, пользовавшиеся репутацией якобинских. В плювиозе они объявили войну театрам, заставляя актеров-якобинцев выступать с публичным покаянием, запрещая петь «Марсельезу» и требуя песни «Пробуждение народа против террористов». Потом началась охота за бюстами Марата. Санкюлоты протестовали, стычки стали частым явлением, и комитеты уступили. 21 плювиоза (9 февраля 1795 года) бюсты мучеников свободы Лепелетье и Марата и картины Давида, изображавшие их смерть, были вынесены из зала заседаний Конвента под аплодисменты «золотой молодежи», собравшейся на трибунах Останки Марата были удалены из Пантеона. Призывы к убийствам раздавались все чаще «Если вы не накажете этих людей, — заявил Ровер 4 вантоза (22 февраля 1795 года), имея в виду бывших террористов, — каждый француз сочтет себя вправе убить их». На следующий день (23 февраля) Мерлен из Дуэ провел декрет, согласно которому все должностные лица, уволенные после 10 термидора, должны вернуться в коммуны, где они проживали до этой даты, и оставаться там под надзором муниципалитетов в ряде областей это означало осудить их на смерть 12 вантоза (2 марта 1795 года), уступил наконец, Конвент издал декрет о немедленном аресте Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье. С этого дня Собрание оказалось пленником в руках банд «золотой молодежи», пополняемых уклоняющимися от военной службы и дезертирами, число которых непрерывно росло, а также вернувшимися во Францию эмигрантами, ожесточенно требовавшими возвращения им секвестрованного имущества.

Тем временем белый террор начался в департаментах. В Лионе 14 плювиоза III года (2 февраля 1795 года) было днем первого избияния заключенных в тюрьмах. С нивоза индивидуальные убийства приняли массовый характер на всем Юго-Востоке. Организовывалось все больше банд: отряды Иисуса, отряды Иегу или отряды Солнца, охотившиеся за бывшими проводниками террора, за якобинцами и в конечном счете за всеми патриотами 89-го года, особенно за теми, кто приобрел национальные имущества. Представители в миссии смотрели на это сквозь пальцы, а то и поощряли формирование банд, так поступал Шамбон в Марселе, жирондист Инар в департаменте Вар. Убийства стано-

вились все более многочисленными. В Лионе ежедневно убивали якобинцев, получивших прозвище *матевонов*; в Ниме 5 вангоза (23 февраля 1795 года) были истреблены заключенные. Преследуемые правительством, изолируемые представителями, якобинцы были уже не в состоянии оказать какое-либо сопротивление.

Конвент не вмешивался, ибо отныне неспособен был что-либо предпринять: инфляция, голод и холод усугубляли страдания народа и возбуждали в нем дух мятежа; Конвент же чересчур боялся нового наступления парижских санкюлотов, а потому терпел эксцессы крайней реакции и убийства, чинимые белым террором.

Реакция в области нравов: прежние и новые богачи, щеголихи и щеголи

Политическая и социальная реакция сопровождалась реакцией моральной. В то время как во II году народ превозносили, рассматривая его как естественного носителя республиканских добродетелей, теперь его награждали презрением. Жюллиан, один из вожаков «золотой молодежи», писал в своих «Воспоминаниях», что люди из народа, «бесспорно, весьма достойны уважения, когда они оказывают честь своему сословию личными добродетелями, но нечего им заниматься общественными делами. Их «простота» превратилась в грубость; *санкюлотизм* рассматривался в прериале как достаточная причина для ареста. Роскошь, заклеянная во II году, была реабилитирована. Республиканская строгость нравов уступила место у имущих классов, какое-то время зажатых, иступленной страсти к наслаждениям. «Грации и смех, изгнанные террором, возвратились в Париж», — писала 2 фримера (22 ноября 1794 года) «Мессаже дю суар», орган буржуазии, которая развлекалась; «наши прелестные женщины в белокурых париках очаровательны; концерты, как публичные, так и в частных домах, изумительны... Кровопийцы, всякие Бийо, Колло и бешеная орда называют этот поворот в общественном мнении *контрреволюцией*».

Мода изгнала теперь костюм санкюлотов: панталоны, блузу и особенно прямые волосы и красный колпак. Молодые буржуа выделялись своими экстравагантными одеждами, заклеянными Камбоном 8 нивоza (28 де-

кабря 1794 года): «Люди, еще недавно рядившиеся в лохмотья, дабы походить на санкюлотов, сейчас носят нелепую одежду и разговаривают столь же нелепым языком». Танцы вызывали фурор; балы устраивались повсюду, даже в тюрьме Карм, которая видела сентябрьские избиения, или на бывшем кладбище Сен-Сюльпис. На *балы жертв* допускались лишь те, у кого кто-нибудь из близких погиб на эшафоте; там появлялись в прическах а-ля Тит, с оголенным затылком, словно подготовленным для палача, с красным шнурком на шее. Говорить друг другу «ты» было запрещено; вновь появились *мосье и мадам*, заменив *гражданина и гражданку*.

Вновь расцвела светская жизнь в салонах. Кабарюс — мадам Тальен после 6 нивоza (26 декабря 1794 года), прозванная своими поклонниками «божьей матерью термидора», поселившаяся в своей *хижине* в Кур-ля-Рен, задавала тон щеголихам, вводя в моду короткую греческую тунику из полупрозрачной ткани. Мадам Амлен, мадам Рекамье вскоре стали знаменитостями. Финансисты, банкиры, поставщики, биржевые спекулянты, на время притаившиеся при терроре, снова были на первом плане, в то время как аристократы, крупные буржуа и вскоре вернувшиеся эмигранты возобновили светские традиции старого порядка. Так начала формироваться новая буржуазия, путем слияния прежних правящих классов с людьми, разбогатевшими на спекуляциях асигнатами, национальными имуществами и на военных поставках. Светское общество — весьма пестрое, где прославившиеся актрисы вроде Ла Контá играли большую роль. Устав от добродетельной жизни, многие члены Конвента поддались соблазну, а иногда и подкупу. «В то время республиканская партия пережила много предательств, — писал Тибодо в своих «Мемуарах», — одни пошли на уступки, другие полностью продались роялизму».

Роскошь, бесстыдно выставляемая напоказ, экстравагантность щеголих и щеголей, то есть богатого и праздного меньшинства, оскорбляли население, преданное традиционным нравам, и скандализовали политическое меньшинство, оставшееся верным республиканским идеалам. Контраст между нищетой масс и богатством маленькой кучки людей еще больше подчеркивал социальный характер реакции. Он все более определялся, и возмущение росло вместе с усилением голода по мере приближения зимы.

Религиозная реакция тоже в немалой степени содействовала успехам контрреволюции.

Отделение церкви от государства было фактически узаконено декретом от 18 сентября 1794 года (вторая санкюлотиде II года); из соображений экономии Камбон в тот день добился отмены бюджета церкви, присягнувшей революции; так косвенным путем было упразднено гражданское состояние духовенства и государство стало полностью светским. Однако меры против неприсягнувших священников оставались в силе и церкви были закрыты. Но по мере укрепления реакции, когда многие французы стали сожалеть о прежних религиозных церемониях, верующие начали требовать открытия церквей. Гражданский культ, слишком интеллектуальный и теперь окончательно лишенный своего патриотического и демократического характера, не мог больше воодушевлять санкюлотов.

Постепенно конституционные священники восстановили свою церковь: так произошло в департаменте Луар и Шер, где епископ Грегуар I нивоза (21 декабря 1794 года) потребовал полной свободы отправления культа. Но неприсягнувшие священники, так называемые *кюре с чемоданом*, в департаменте Нор тайно служили *слепую мессу*.

Свобода культа уже не могла встречать препятствий после того, как она была дарована вандейским мятежникам по замирению в Ла-Жонэ 29 плювиоза III года (17 февраля 1795 года). 3 вантоза (21 февраля) по докладу Буасси д'Англа Конвент разрешил проведение богослужений в помещениях, какие священники и верующие смогут раздобыть. Отделение церкви от государства было вновь подтверждено, и в церквях по-прежнему отправлялся декадный культ. Культ оставался частным делом каждого; все священники могли его отправлять при условии, что они по меньшей мере принесут присягу от 14 августа 1792 года — то есть свободе и равенству, так называемую *малую присягу*; колокольный звон, ношение одежды для религиозных церемоний, общественные субсидии — все это оставалось под строгим запретом. Конституционный культ был вскоре реорганизован под руководством Грегуара, который начал

выпускать «Анналь де ля релижьон». Католические священники, которые принесли *малую присягу*, выпустили «Анналь релижьёз, политик э литерер». Неприсягнувшие священники более усиленно, чем когда-либо прежде, тайно справляли религиозные службы, вступая с конституционными священниками в бесконечные конфликты. «Воскрешая католиков, — писал Малле дю Пан 17 марта 1795 года, — Конвент воскрешает роялистов... Нет ни одного священника, который не сделал бы для своей паствы делом совести ее приверженность этому режиму». Недовольство католиков росло. Чтобы смягчить его, Конвент готов был пойти на последние уступки, ибо в это же время ему приходилось бороться с народной оппозицией, которую усиливал экономический кризис.

Уступки мятежникам Запада отвечали той же политической линии. К 9 термидора Шарет все еще держал в своих руках Марэ, Сапино — Бокаж и Стофле — Мож; но их отряды, неотступно преследуемые, постепенно редели. Между тем силы Вандей в Бретани и в ее лесных зонах удваивали разбойничьи набеги шуанов. Отменив террор и репрессии, термидорианцы теперь намеревались умиротворить Запад с помощью политики замирения. Приняв на себя командование, Гош напоял 29 фруктидора II года (15 сентября 1794 года), что с террором покончено. Заключенных освободили, уклонявшихся от военной службы амнистировали. 12 фримера III года (2 декабря 1794 года) амнистия была распространена на мятежников, которые явятся с повинной в течение месяца. В январе 1795 года начались переговоры с роялистскими вождями. Ободренные этим и не прекращая убийств и разбоя («Мы ведем войну баранов против тигров», — писал 4 плювиоза (23 января 1795 года) представитель Бурсо), мятежники навязали свои условия.

Согласно мирному договору, заключенному в Ла-Жонэ, близ Нанта, где переговоры велись в основном с Шаретом, и подписанному 29 плювиоза (17 февраля 1795 года), мятежникам предоставлялась амнистия, возвращалось имущество или — в случае его продажи — выплачивалось возмещение, даже если владельцы его были в эмиграции; вандейцы освобождались от военной службы, но их оружие было им оставлено; было наконец разрешено отправление культа даже неприсягнув-

шим священникам. Мирное соглашение, заключенное в Ла-Превалэ, близ Ренна, 1 флореаля (20 апреля 1795 года), предусматривало те же условия для шуанов.

Уступки термидорианцев не дали никаких результатов, а примирение было лишь иллюзорным. Вандейцам и шуанам, до тех пор подвергавшимся преследованиям, дали полную возможность и время подготовиться к возобновлению борьбы; движение шуанов вскоре охватило новые департаменты. Термидорианцы не в силах были справиться с этим: возобновление народного движения, вызванное обострением экономического кризиса, требовало единения всех реакционеров.

2. Экономический кризис и денежная катастрофа

Отказ от управляемой экономики отвечал политической линии термидорианской реакции. Конвент ввел максимум только под давлением народа; буржуазия в целом считала его противоречившим ее интересам. Распад Революционного правительства и конец террора неизбежно повлекли за собой ослабление управления экономикой, а затем и его полную отмену, поскольку *сила принуждения* уже не могла навязать его производителям и торговцам, сторонникам свободы прибылей и экономического либерализма. Но отказ от принуждения в области экономики не мог не привести к крушению ассигната и росту инфляции, одному из факторов народной нищеты. Это лишний раз подчеркивает социальный характер термидорианской реакции.

Возврат к экономической свободе (август — декабрь 1794 года)

Всеобщий максимум на продукты первой необходимости, объявленный 29 сентября 1793 года, соблюдался неукоснительно, в том что касается снабжения продовольствием гражданского населения, только в отношении зерна. Что касается других продуктов, то Комитет общественного спасения отступился от максимума, хотя

и не допускал, чтобы его открыто нарушали; развилась подпольная торговля, но все же, пока длился террор, цены поднимались весьма незначительно. Но наступило 9 термидора. 21 фрюктидора II года (7 сентября 1794 года) Конвент продлил на III год максимум на зерно и муку, а также всеобщий максимум от 29 сентября 1793 года. Но когда репрессии прекратились, рост цен ускорился, черный рынок разросся и мало-помалу сделки стали свободными. «На рынках максимум уже не соблюдается; все продают как кому вздумается», — сообщалось в одном из полицейских докладов от 20 вандемьера III года (11 октября 1794 года).

Система реквизиций, проводимых дистриктами, предусмотренная декретом от 11 сентября 1793 года для снабжения рынков зерном, разладилась. Земледельцы, которых уже не сдерживал страх быть зачисленными в подозрительные, очень неохотно сдавали свое зерно и начали продавать его тайком. Найдя заступников в Конвенте, крестьяне добились некоторых послаблений на основе декрета от 19 брюмера (9 ноября 1794 года): в частности, несдача продуктов по реквизиции наказывалась всего лишь конфискацией требуемого количества. С усилением сопротивления крестьян становилось все труднее обеспечивать снабжение городов продуктами. После распада Революционного правительства и отказа от террора уже невозможно было требовать выполнения реквизиций и соблюдения цен максимума.

Национализация важного сектора экономики (военное производство, внутренние перевозки, внешняя торговля) также вызывала немало трудностей: она давала хорошие результаты только в рамках всеобщего максимума. Система эта продолжала функционировать и после термидора, все время под высшим руководством Ленде, который ушел из Комитета общественного спасения 15 вандемьера (6 октября 1794 года), но был назначен председателем Комитета торговли, сельского хозяйства и ремесел.

Национализация военного производства вызывала многочисленные и бурные протесты. Ремесленники и промышленники не желали подчиняться контролю государства, тарифам максимума, но больше всего им не нравилось, что национальные предприятия лишают их работы. Первой уступкой им со стороны Комитета общественного спасения было возвращение в частные руки

некоторого числа мануфактур: так, в фрюктидоре был передан литейный завод в Тулузе, а в фримере такой же завод в Мобеже. Прежде всего постепенно демонтировали крупную оружейную мануфактуру в Париже, ограничив ее работу ремонтом, а затем рассеяв по мастерским в департаментах рабочих, с чьей стороны опасались политической оппозиции; в плювиозе осталось не более тысячи рабочих, получавших сделную оплату.

Национализация внешней торговли подрывала интересы судовладельцев, негоциантов, финансистов, для которых крупная морская торговля и спекуляция на биржевых курсах составляли важнейший источник прибылей. В своем докладе о положении дел в Республике (четвертая санкюлотиде II года — 20 сентября 1794 года) Ленде согласился с тем, что необходимо оживить внешнюю торговлю. Урожай был плох, к весне ожидался голод; Комитет общественного спасения, озабоченный тем, как достать зерно, разрешил купцам, в том числе из нейтральных стран, свободный ввоз продовольствия. Конвент пошел по пути уступок: декрет от 26 вандемьера (17 октября 1794 года) разрешил фабрикантам свободно импортировать материалы, необходимые для их предприятия, а 6 фримера (26 ноября) стал свободным импорт незапрещенных товаров. Однако свобода ввоза никак не согласовывалась с применением максимума, тем более что декретом от 25 брюмера (15 ноября) во французских портах была разрешена свободная торговля с нейтральными странами.

Наступление на управляемую экономику и максимум приняло широкий характер к концу осени. 14 брюмера III года (4 ноября 1794 года) Конвент потребовал доклада о «неудобствах максимума». Главным объектом нападок стали ошибки управленческого аппарата, руководившего национальной экономикой, который ввиду полного отсутствия какой бы то ни было статистической организации не мог иметь верного представления о ресурсах и потребностях страны. Нападки были тем более резкими, что бюро эти были укомплектованы сторонниками режима II года. Фактически, нападая на эти бюро, метили в самый принцип управляемой экономики и особенно в контроль над военными поставками: финансисты стремились вернуться к прежним порядкам и вновь навязать государству услуги фабрикантов ору-

жий и финансовых компаний, ибо это было источником прибыльной торговли и огромных состояний. Кампания приверженцев экономической свободы достигла своей цели: 19 фримера (9 декабря 1794 года) в Комитет торговли, от работы в котором Ленде вскоре отстранили, был подан доклад, авторы которого высказывались за отмену максимума.

Декрет от 4 нивоза III года (24 декабря 1794 года) упразднил максимум и регламентацию; торговля зерном в пределах Республики получила полную свободу; Комиссия торговли и продовольствия сохраняла за собой преимущественное право покупки продовольствия для армии, но по рыночной цене. Отмена максимума повлекла за собой ужасающий кризис.

Крушение ассигната и его социальные последствия

Крушение ассигната явилось непосредственным результатом отмены максимума. Повышение цен было головокружительным, спекуляция продуктами первой необходимости приняла чудовищные размеры, бумажные деньги потеряли всякую ценность, денежный курс стремительно падал. Курс ассигната, достигший в декабре 1793 года 50% своей номинальной стоимости, упал в термидоре II года (июль 1794 года) до 31%; несоблюдение максимума понизило его стоимость до 20% в фримере III года (декабрь 1794 года); в жерминале (апрель 1795 года) он упал до 8%, а в термидоре (июль) — до 3%. Рост цен обрекал государство на массовую инфляцию, тем более что налоги поступали неаккуратно или же в обесцененных ассигнатах. Масса ассигнатов росла от непрерывных эмиссий: сумма их достигла в декабре 1794 года 10 млрд., из которых 8 находились в обороте; за период от плювиоза до прериала (январь — май 1795 года) было выпущено ассигнатов еще на 7 млрд. и в обороте уже находилось более 11 млрд. Крестьяне и торговцы отказывались их принимать, соглашаясь брать только звонкую монету. Отказ брать ассигнаты еще больше их обесценивал: в то время как с ноября 1794 года по май 1795 года оборот ассигнатов вырос только на 42,5%, стоимость ассигната снизилась на 68%, за 100 бумажных ливров

давали уже не 24, а только 7,5 ливров звонкой монетой.

Рост цен на продукты первой необходимости шел в разных департаментах по-разному. Но общее в этом росте было то, что он шел быстрее, чем это позволяло предположить обесценение бумажных денег по отношению к звонкой монете. В марте — апреле 1795 года индекс ассигната составлял 581, в то время как общий индекс цен достигал 758 по отношению к 1790 году, а индекс цен на одни только продовольственные продукты вырос до 819.

Недостаток продовольствия еще усугубил катастрофические последствия роста цен. Несмотря на продление срока реквизиций до 1 мессидора (19 июня 1795 года), крестьяне прекратили подвоз продуктов на рынки, опасаясь, что им будут платить ассигнатами; они это делали тем спокойнее, что им было разрешено продавать непосредственно либо агентам Комиссии по снабжению армии, либо торговцам, которые снабжали имущих. Тогда прибегли к принудительным мерам: власти дистриктов размещали национальных гвардейцев в деревнях до окончания поставок необходимого количества зерна. Но когда наступила весна и сказались последствия неурожая, все эти меры стали бесполезными. Правительство тщетно пыталось было начать закупки за границей: оскудевшая казна вынудила его (исключение составляли Париж и армия) положиться на частные капиталы, что еще более усилило преобладающее положение крупной коммерческой буржуазии. Поставки из-за границы начали поступать только в мае 1795 года; на Юге, где всегда ощущался недостаток, положение сделалось катастрофическим с самого начала зимы, а в Орлеане, бывшем как-никак рынком сбыта для Бос,—с наступлением весны. В то время как рацион все уменьшался, цены росли. В Вердене существовавший с лета 1794 года рацион хлеба в один фунт для рабочих с три четверти фунта для остального населения к началу весны 1795 года был сокращен наполовину, в то время как цена на хлеб поднялась до 20 су за фунт. Многие муниципалитеты вновь прибегли к регламентации, смешивая разные виды зерна, нормируя распределение, устанавливая цену на хлеб ниже себестоимости; все это мало облегчило страдания народных масс, тем более невыносимые, что им противостояла вызывающая роскошь нуворишей.

И действительно, социальные следствия крушения ассигната были неодинаковы для разных категорий населения. В то время как народные массы впали в отчаяние (зима III года была необычайно суровой, что еще усугубляло страдания бедного люда), в то время как буржуазия старого порядка, жившая на ренту, а также кредиторы, которым платили долги в ассигнатах, были вконец разорены, должники и спекулянты быстро обогащались. Настоящие авантюристы, которых инфляция, спекуляция национальными имуществами и военные поставки подняли в верхи общества, вливали свежую кровь в прежнюю буржуазию; из их рядов выдвигались многие дельцы, зачинатели капиталистического производства в эпоху Директории и Наполеона. Так инфляция завершила социальную революцию.

В Париже под двойным воздействием нехватки продуктов и недоверия к ассигнату цены на продовольствие и на топливо достигли головокружительной высоты. Цена фунта говядины на Центральном рынке, составлявшая 6 нивоа (26 декабря 1794 года) 34 су, достигла 12 жерминаля (1 апреля 1795 года) 7 ливров 10 су. Парижский индекс стоимости жизни, составлявший в январе 580—если принять за 100 цены 1790 года,—поднялся в марте до 720 и в апреле до 900. Перемены в заработной плате и доходах делали неодинаковыми последствия роста цен для различных групп населения. Они не принесли никакого ущерба крупной торговой и промышленной буржуазии, нуворишам, нажившимся на инфляции, которые приобретали продукты на черном рынке. Но основная масса населения Парижа видела, как ее покупательная способность уменьшается с каждым удорожанием; то были наемные рабочие и служащие, ремесленники и лавочники, мелкие рантье. Безработица приняла широкие размеры вследствие недостатка сырья и закрытия военных мастерских, число рабочих которых сократилось с 5400 до 1146. Отчаяние охватило народные массы, которые косила смерть. Холод еще больше умножал губительные последствия недоедания. Зимой III года наблюдались самые низкие температуры за весь XVIII век:—10° в начале 1795 года и —15° 23 января. Смертность росла. К концу зимы рационы хлеба и мяса, поставлявшиеся Продовольственным агентством и составлявшие основу питания народа, были жестоко сокращены. Из-за недоста-

точности реквизированных лимитов и перебоев с транспортом резервы зерна, предназначенного для пропитания Парижа, постепенно уменьшались. 25 вантоза (15 марта 1795 года) рацион хлеба, «единственной пищи бедняков», сократили до одного фунта, за исключением рабочих физического труда, получавших полтора фунта. Кроме того, во многих секциях, например в секции Ботанического сада, булочники не могли выдать хлеб по всем продовольственным карточкам; в секции Гравилье 7 жерминаля (27 марта) рацион составлял всего полфунта, а в секции Фиделите 10 жерминаля (30 марта) — одну четвертушку.

В эти первые дни жерминаля III года отчаяние народа переросло в ярость, приведшую к восстанию. 29 винтоза (19 марта) Комитет общественного спасения писал: «Мы сможем обойтись без хлеба один день, но мы уже не сможем справиться с последствиями». Комитет безуспешно принимал самые разнообразные чрезвычайные меры: так, 7 жерминаля (27 марта) он предписал раздать по 6 унций риса вместо полуфунта хлеба, но многие хозяйки не в состоянии были его сварить из-за отсутствия топлива. Среди изнуренных голодом санкюлотов начались волнения. 8 нивоza (28 декабря 1794 года) в донесении полиции отмечалось медленное нарастание народного гнева: «Неимущий класс внушает беспокойство порядочным людям, которые опасаются последствий этой чрезмерной дороговизны». С конца вантоза конфликт казался неизбежным. Комитеты готовились к нему, множа аресты якобинцев и санкюлотов, вооружая *добрых граждан*, предоставляя полную свободу действий «золотой молодежи». Перед лицом народного движения, вызванного голодом, буржуазная реакция объединила все свои силы.

3. Последние народные восстания (жерминаль и прериаль III года)

В течение зимы III года, в то время как ассигнат все более и более обесценивался и экономический кризис поверг народные массы в отчаяние, столкнулись две тенденции: успехи реакции и укрепление режима *порядочных людей*, с одной стороны, и первые попытки

дать готовому разразиться голодному бунту руководство и поставить перед ним политические цели — с другой.

Народная оппозиция в Париже (зима 1794/95 года)

Народная оппозиция опиралась на низовые организации, которым удалось избежать термидорианских репрессий. Общество защитников прав человека, укрепленное якобинцами, присоединившимися к этому обществу после закрытия их клуба, представляло собой центр мощной оппозиции санкюлотов в Сент-Антуанском предместье, особенно в секциях Монтрей и Кенз-Вен. В секции Гравилье Общество друзей свободы и человечества, состоявшее «почти целиком из рабочих и людей малообразованных», по словам одного из его противников, обеспечивало *патриотической* партии большинство в общем собрании. Санкюлоты сохраняли еще власть в секциях Бснди, Ломбар и Музея.

Единство всех противников термидорианской реакции постепенно оформлялось. 28 фримера (18 декабря 1794 года) Бабеф начал вторую кампанию. Сожалеея о том, что он один из первых напал на «систему Робеспьера», он констатировал, что в настоящее время существуют лишь две партии, *народ золоченый* и *народ санкюлотов*, который он призвал к восстанию в помере от 9 плювиоза (28 января 1795 года) своей «Трибюню дю пёплъ», что и привело к его аресту. Лебуа в «Ами дю пёплъ» тоже проповедовал социальную войну против *золоченого миллиона*. Что до бывших якобинцев, помирившись с Бабефом после того, как он отказался от своего антитерроризма, то они теперь согласны были вместе с ним требовать применения демократической Конституции 1793 года, которой угрожали проекты пересмотра ее.

Когда в плювиозе обеспокоенные правительственные комитеты приступили к репрессиям против народных борцов, единственным прибежищем последних стала подпольная работа. Общество защитников прав человека было распущено 20 плювиоза (8 февраля 1795 года), довольно большое число оппозиционеров, в том числе

Бабеф, подверглось аресту, в то время как *порядочные люди* завладели секциями, считавшимися до сих пор народными, в частности секцией Музея. Тогда бывшие вожаки секций организовались в подпольные группы. Доносы о тайных сборищах стали поступать в вантозе все чаще. К концу этого месяца подпольная система членских взносов позволила *патриотам* начать кампанию выпуска афиш и анонимных листовок бунтарского содержания: 22 вантоза (12 марта 1795 года) в предместьях во множестве был расклеен призыв: «*Народ, пробудись! Пора!*»; 3 жерминаля (23 марта) — «*Национальный набат*»; 5 жерминаля (25 марта) — «*Обращение к Конвенту и народу*». Усиление голода довело возбуждение народа до предела, тем более что оно совпало с политическим кризисом внутри Конвента.

Восстание в жерминале III года (апрель 1795 года)

Политический кризис в начале жерминаля столкнул термидорианское большинство Конвента с Вершиной, монтаньярским меньшинством, окрепшим вследствие самого развития реакции. Непримиримы противоречья особенно выявились по двум вопросам. Конституция 1793 года, которую Фрерон изображал как «плод труда нескольких злодеев» и которую термидорианское большинство собиралось теперь дополнить органическими законами, рассматривалась, наоборот, Вершиной как «палладиум» французского народа. 2 жерминаля (22 марта), с другой стороны, начались прения по вопросу о привлечении к суду *Четверки*: Барера, Бийо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье, прения бурные, воспламенившие народные круги, в то время как буржуазные круги выражали нетерпение. Конвент оборвал прения, издав два декрета: один — 9 жерминаля (29 марта), который отверг всякую мысль об амнистии и постановил возобновить допрос *Четверки*; и второй — 12 жерминаля (1 апреля), назначивший комиссию для подготовки органических законов.

Мобилизация народных масс к этому дню уже была закончена. Сборища у дверей булочных стали шумными еще с конца вантоза (середины марта). 27 вантоза (17 марта) толпа из предместья Сен-Марсо направи-

лась в Конвент: «У нас нет хлеба, мы готовы уже сожалеть о всех жертвах, принесенных нами ради революции». 1 жерминаля (21 марта) три секции Сент-Антуанского предместья в свою очередь явились в Конвент, требуя осуществления Конституции 1793 года, принятия мер против голода и разоблачения врагов народа, «рабов богатства». Между доведенными до отчаяния санкюлотами и группами «золотой молодежи» происходили частые стычки. Правительство между тем продолжало свои приготовления, чтобы отразить назревшее восстание. 1 жерминаля (21 марта) Сиейес провел декрет о полицейских мерах, он устанавливал смертную казнь для тех, кто либо организованным выступлением, либо крамольными лозунгами будет подрывать власть Конвента. 2 жерминаля (22 марта) комитеты постановили распределить между надежными гражданами оружие — по 100 ружей на секцию. 7 жерминаля (27 марта) в секции Гравилье волнения усилились и продолжались два дня. 10 жерминаля (30 марта) состоялись бурные собрания в секциях; в десяти секциях санкюлоты одержали победу. На следующий день секция Кенз-Вен вновь явилась в Конвент и предъявила подлинную народную программу: заклеив последствия 9 термидора и упразднение максимума, она требовала выборного муниципалитета в Париже, открытия вновь народных обществ и введения в действие конституции. «Мы поднялись, чтобы поддержать Республику и Свободу». То был сигнал к народному восстанию.

День 12 жерминаля III года (1 апреля 1795 года) выявил всю глубину дезорганизации, до которой докатилось народное движение, лишенное своих руководящих кадров, павших жертвой репрессий. Это была скорее манифестация, чем восстание, беспорядочное сборище безоружных людей, которые, захватив Конвент, ограничились тем, что высказали свои пожелания: Конституция 1793 года и принятие мер против голода. Национальная гвардия из богатых кварталов без труда разогнала манифестантов. Выступление провалилось из-за недостатка четкого плана действий и отсутствия руководителей; часы, когда санкюлоты оказались хозяевами Конвента, были потеряны в беспорядочном шуме и пустых словопрениях. Волнения продолжались и на следующий день 13 жерминаля (2 апреля), особенно в Сент-Антуанском предместье, в секции Кенз-Вен. Кон-

вент объявил осадное положение, и порядок был очень скоро восстановлен

Политические последствия поражения народного движения не заставили себя ждать. Правые одержали верх. «Необходимо,— заявил Андре Дюмон, один из их руководителей,— чтобы этот день получил завершение». Ночью с 12 на 13 жерминаля Конвент принял решение о ссылке Четверки на Гвиану без суда. Левою был нанесен еще больший урон арестом восьми монтаньяров, в том числе Амара и Дюзма, которых немедленно препроводили в форт Ам; через несколько дней взяли еще восемь депутатов, среди них Камбона 17 флореаля (6 мая) Фукье-Тенвиль, а вместе с ним 15 судей и присяжных бывшего Революционного трибунала были приговорены к смерти. Вопрос о конституции между тем встал в порядок дня. Вопрос об отмене Конституции 1793 года до сих пор еще не ставился; обсуждался лишь вопрос о ее приведении в действие с помощью органических законов. Теперь ее обличали, например секция Республики 25 флореаля (14 мая), как «конституцию децемвиров, продиктованную страхом и принятую под давлением этого страха». Дальнейшее наступление реакции, а также то обстоятельство, что недоедание превратилось в голод, вновь усилили народное движение.

Восстание в прериале III года (май 1795 года)

Подавление жерминальского восстания и преследование секционных борцов не могли окончательно сломить парижское народное движение, напротив, они еще больше разожгли в нем мятежный дух. 21 жерминаля (10 апреля 1795 года) Конвент издал декрет о разоружении «людей, известных в своих секциях как участники ужасов, творимых при тирании»: то был своего рода закон о подозрительных, направленный против всех тех, кто был активным участником системы II года. На Юге разоружение бывших проводников террора поощрило убийц белого террора, достигшего своего апогея в флореале и прериале. Хотя в Париже число разоруженных не было особенно велико (примерно 1600 человек во всех секциях), зато оно коснулось наилучших борцов II года. Оно, по сло-

вам одного из них, было «политическим бесчестьем, своего рода физическим недугом». Ношение оружия составляло в народной идеологии равенства одну из основных ценностей, и потому лишение этого оружия означало исключение из сообщества свободных людей и потерю гражданских прав. Эта мера усилила у народных борцов мятежный дух.

Тем временем голод, царивший в флореале, довел массы до отчаяния. Чем ближе к весне, тем больше ухудшалось положение. В Париже все запасы иссякли и распределение продовольствия зависело от суточного его поступления. Теперь уже считался нормальным дневной рацион в четверть фунта, что было самым низким уровнем до жерминаля; так как распределение было плохо организовано, хозяйки нередко подожду и напрасно простаивали у дверей булочных. По всей Франции участились волнения; в Нормандии, вдоль Сены, изголодавшиеся бунтовщики нападали на суда с продовольствием, предназначенным для столицы. Между тем цены непрерывно росли, в то же время срыв снабжения, особенно топливом, вызвал увеличение безработицы. Для недоедавшего в течение долгих месяцев населения, истощившего все свои ресурсы, голод в флореале — прериале III года имел катастрофические последствия: то был голод социальный, который ударил главным образом по народным массам, поскольку правительство отказывалось ввести общее рacionamento, а богачам деньги позволяли существовать благодаря свободному рынку. Мужчины и женщины падали на улице от истощения, смертность росла, участились случаи самоубийств. Реакционная «Мессаже дю суар» писала 8 флореаля (27 апреля): «На улице встречаешь одни только бледные, изможденные лица, отмеченные печатью горя, усталости, голода и нищеты». К чувству сострадания у богачей примешивался страх перед голодом, порождающим грабежи, угрозу для собственности

И в самом деле в народе, охваченном отчаянием, постепенно нарастал гнев. Голод заставил его по-новому оценить режим II года. «При Робеспьере кровь текла и не было недостатка в хлебе, сегодня кровь уже не течет и хлеба не хватает, значит, кровь должна течь, чтобы он был»; о таких речах поборников террора часто докладывала полиция. Конституция 1793 года бо-

лее чем когда-либо прежде представлялась землей обетованной. «С этим обещанием демократии,— писал в своих «Мемуарах» Левассёр из Сарты,— были связаны для народа все надежды». Волнения в секциях возобновились в флореале. 10 флореаля (29 апреля) секция Монтрей объявила, что она будет заседать непрерывно, и призвала другие секции последовать ее примеру, чтобы обсудить продовольственный вопрос. 11 флореаля (30 апреля) вспыхнуло возмущение в секции Бонне-де-ля-Либерте. Вскоре появились поджигательские плакаты и памфлеты. Напуганное правительство сконцентрировало вокруг Парижа значительные военные силы, но остерегалось ввести их в столицу во избежание влияния на них народа. В секционных собраниях 30 флореаля (19 мая) волнение достигло своего апогея. В тот вечер был выпущен памфлет «Восстание народа с целью получения хлеба и восстановления его прав», который послужил сигналом к народному восстанию и определил его лозунг: *Хлеба и Конституции 1793 года*.

Первого прериала III года (20 мая 1795 года) в 5 часов утра пробил набат в предместьях Сент-Антуанском и Сен-Марсо. Вскоре ударили общий сбор во всех восточных кварталах; женщины бегали по улицам, по мастерским, мужчины вооружались. В 10 часов утра первые группы женщин под бой барабанов проследовали к Конвенту. Мобилизация батальонов национальной гвардии шла медленней. Вскоре после полудня двинулись батальоны Сент-Антуанского предместья, по пути к ним присоединялись батальоны из других секций. В то же время толпа женщин при поддержке нескольких мужчин пыталась ворваться в зал заседаний Конвента. Когда около трех часов батальоны появились на площади Карусели, натиск сделался непреодолимым. Конвент был наводнен восставшими, которые убили депутата Феро и голову его насадили на пику. Начался страшный шум, среди которого одному из канониров, Дювалю, удалось зачитать «*Восстание народа*» — программу движения. Но восставшие ничего не сделали, чтобы завладеть правительственными комитетами, и дали им время подготовиться к контраатаке; они только и ждали момента, когда депутаты-монтаньяры себя скомпрометируют. В семь часов вечера обсуждение

возобновилось: Дюруа и Ромм провели решение о непрерывности заседаний секций и об освобождении заключенных в тюрьму патриотов, а Субрани — об отстранении Комитета общественной безопасности и замене его временной комиссией. Было уже половина двенадцатого вечера. И тут национальная гвардия западных кварталов была брошена против зала заседаний Конвента, она оттеснила восставших, которые вскоре разбежались. Тут же приняли декрет об аресте 14 скомпрометировавших себя депутатов.

Второго прериала III года (21 мая 1795 года) восстание продолжалось в Сент-Антуанском предместье, а в народных секциях шли нелегальные собрания. Толпа заняла Ратушу, а батальоны предместья около 3 часов пополудни еще раз направились к Конвенту. Жандармерия перешла на сторону восставших. Как и 2 июня 1793 года, народные канониры около 7 часов вечера направили свои пушки на Собрание, держа в руках зажженные факелы. Канониры из умеренных секций тоже перешли на сторону восставших. Лежандр предложил депутатам ждать смерти, не сходя со своих мест. Но вместо того чтобы опрокинуть термидорианскую гвардию, восставшие колебались, в то время как десять членов Конвента, посланных правительственными комитетами, начали переговоры с восставшими, которые позволили себя одурачить лживыми разговорами о *братании*. К барьеру Конвента была допущена депутация; ее оратор перечислил в угрожающем адресе требования санкюлотов — хлеба и Конституции 1793 года; председатель обнял и поцеловал его. Восставшие батальоны вернулись в свои секции, упустив свой последний шанс. «Наш удар не достиг цели,— заявил один из восставших,— народу задурили голову речами».

Военное покорение Сент-Антуанского предместья было подготовлено 3 прериала (22 мая). 3 тыс. кавалеристов вступили в Париж, усиленные на следующий день многочисленными отрядами. Вместе с *добрыми гражданами*, каждого из которых предупредили лично, правительство располагало примерно 20 тыс. человек, командующим которых был назначен Мену. «Париж напминает военный лагерь», — писала «Журналь дэз ом либр». Истомленное предместье спало, а в это время в ночи его окружали правительственные войска. 4 прериала утром банды «золотой молодежи» ворвались в

предместье, но им пришлось бесславно отступить. Батальоны грех секций были начеку, с пушками, нацеленными на город, и помогали им женщины, «толпившиеся на всех углах», как сообщал полицейский осведомитель: «Хлеб есть материальная основа их восстания, но Конституция 1793 года — его душа; вообще у них очень печальный вид». Восставших, оставшихся без вожаков, почти без руководящих кадров, поддерживало одно отчаяние. В четыре часа пополудни войска получили приказ наступать. Получив приказ сдать оружие, предместье капитулировало без боя. В восемь часов все было кончено.

Немедленно начались репрессии, которые развивались в двух планах — судебном и секционным. 4 прериаля Комитет общественной безопасности докладывал, что тюрьмы переполнены.

Судебные репрессии осуществлялись Военной комиссией, созданной Конвентом 4 прериаля. Она судила 149 человек, из них 73 освободила, но 36 приговорила к смертной казни, 18 — к тюремному заключению, 12 — к ссылке и 7 человек — к тюремному заключению в кандалах. В частности, были осуждены на смерть 18 из 23 жандармов, перешедших на сторону восставших, пять руководителей восставших, среди них Дюваль и Делорм, капитан канониров секции Попенкур, люди мужественные и решительные, а также шесть депутатов-монтаньяров, скомпрометировавших себя связью с народом 1 прериаля. Эти последние закололи себя ножом при выходе из трибунала: Дюкенау, Гужон и Ромм тут же упали мертвыми; Бурбота, Дюруа и Субрани прикончили на гильотине. Это были *мученики прериаля*.

Репрессии в секциях по своим последствиям длительного действия были еще более значительными. 4 прериаля Конвент предписал парижским секциям разоружить и арестовать в случае необходимости своих *дурных граждан*. Эта широкая чистка происходила в секциях с 5 по 13 прериаля и привела к аресту 1200 человек и разоружению 1700; в основном то были участники прериальского восстания и санкюлоты — борцы II года, даже не имевшие отношения к восстаниям III года, а также прежние проводники террора (террористы) и якобинцы. Психологические и социальные последствия этих репрессий были очень велики, так как длительное заключение мужчин обрекало многие семьи на полную нужду. Так

были уничтожены две силы, которые в какой-то момент угрожали термидорианскому режиму.

То были решающие дни. Истошное, дезорганизованное, лишившееся вследствие репрессий своих вожаков и своих руководящих кадров, народное движение увидело, как против него ополчились все, от республиканцев до приверженцев старого порядка, блок буржуазии, опирающейся на армию. После того как главная движущая сила революции, народное движение, была сломлена, революции наступил конец.

*

Поражение народных восстаний в жерминале и прериаля III года представляет собой в конечном счете наиболее драматический эпизод в классовом конфликте внутри бывшего третьего сословия.

Поскольку буржуазия играла господствующую роль в революции, было исключено, чтобы народное движение могло достигнуть в ней своих собственных целей. Точно так же, как антагонизм между Революционным правительством и народным движением разрушил режим II года, так и фундаментальная противоположность между буржуазной революцией и народным движением обрекла последнее на гибель, тем более что его собственные внутренние противоречия привели к его перерождению.

Санкюлотство не представляло единого класса, а народное движение — классовую партию. Ремесленники и лавочники, подмастерья и поденные рабочие образовали вместе с буржуазным меньшинством коалицию, противопоставившую аристократии непреодолимую силу. Но внутри этой коалиции рос антагонизм между теми, кто, подобно ремесленникам и лавочникам, жил на доходы, извлекаемые из собственности на средства производства, и теми, кто, подобно подмастерьям и поденщикам, получал только заработную плату. Нужды революционной борьбы сплотили воедино санкюлотов и отодвинули на задний план противоречия интересов, которые сталкивали между собой различные элементы санкюлотства, но они не могли их устранить. Следует учесть и особенности социального мышления, еще больше осложнявшие эти противоречия. Противоречия в среде санкюлотства не отождествлялись точно

с противоречиями, которые разделяют имущих и производителей, с одной стороны, и лиц наемного труда — с другой. Среди этих последних чиновники, учителя, артисты смотрели на себя благодаря своему образу жизни как на буржуа и не хотели смешиваться с *простолюдьми*, даже если они отстаивали его дело.

Вот почему санкюлоты ввиду их столь неоднородного социального состава были лишены классового сознания. Хотя они в целом относились враждебно к нарождавшемуся капитализму, но по совершенно разным мотивам. Ремесленник опасался быть низведенным до положения наемного рабочего, подмастерье ненавидел спекулянта, из-за которого росла дороговизна. И в то же время наемные рабочие, подмастерья не обладали классовым самосознанием; их образ мыслей формировался, скорее, под влиянием мира ремесленников, поскольку капиталистическая концентрация еще не пробудила в них дух классовой солидарности. Нельзя, однако, отрицать существования у санкюлотов — работников наемного труда определенного чувства их единства; они осознавали себя как особую группу, отличающуюся от других не только ручным трудом и их местом в производстве, но также и одеждой и образом жизни. Их отличает также и отсутствие образования, порождавшее у народных масс чувство неполноценности, а порой и бессилия: когда парижским санкюлотам стало не хватать *людей с талантом (hommes à talent)*, вышедших из якобинской средней буржуазии, они погибли.

Партии со строгой дисциплиной, которая бы вербовала своих членов по классовому признаку и основывалась бы на суровой чистке, — вот какого эффективного инструмента политической борьбы не хватало парижским санкюлотам, несмотря на некоторые их робкие попытки координировать свои действия. Если многие народные борцы старались дисциплинировать народное движение, то много было и таких, которые не имели никакого понятия о социальной и политической дисциплине. Что же касается самих масс, то, помимо их ненависти к аристократии, они не обладали большим политическим чутьем: это объясняется экономическими и социальными условиями эпохи. Эти массы смутно ожидали от революции каких-то выгод. Они требовали введения максимума для поддержания своего уровня жизни. Они отвернулись от Революционного

правительства, когда последнее использовало управляемую экономику лишь для целей национальной обороны, не понимая, что падение этого правительства повлечет за собой гибель санкюлотства.

Перерождение народного движения было непосредственным следствием диалектического развития самой истории. Пять лет непрерывной революционной борьбы привели в конце концов к потере народным движением его силы и боевого духа, в то время как *великая надежда* все еще оставалась неосуществленной и это мало-помалу расхолаживало массы. «Народ устает», — заметил Робеспьер. И санкюлоты из предместий Сен-Марсо и Сен-Жак сказали 27 вантоза III года (17 марта 1795 года): «Мы готовы уже сожалеть о всех жертвах, принесенных нами ради революции». Из месяца в месяц военные усилия ослабляли санкюлотство, истощаемое рекрутскими наборами, причем брали самых молодых, самых деятельных, к тому же и наиболее сознательных и пылких, для которых защита новой отчизны составляла первейший революционный долг. Начиная со II года батальоны парижских секций состояли в большинстве из мужчин старше пятидесяти и даже шестидесяти лет. Это постарение народного движения имело непоправимые последствия для боевого пыла масс.

И все-таки общий итог народного движения, которое было раздавлено в результате репрессий прериаля III года, нельзя считать полностью отрицательным. Начиная с июля 1789 года, а еще больше с 10 августа 1792 года оно способствовало историческому прогрессу благодаря решающей поддержке, оказанной им буржуазной революцией. С 1789 года по III год парижские санкюлоты составляли самый активный элемент революционной борьбы и национальной обороны. Народное движение сделало возможным в 1793 году создание Революционного правительства и победу Республики над контрреволюцией внутри страны, а вскоре и за ее пределами над коалицией. Победа народного движения летом 1793 года имела своим следствием введение террора, страшные удары которого завершили разрушение старого общества. Термидор развязал реакцию; но к тому времени террор расчистил почву для установления во всех областях новых социальных отношений.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕСПУБЛИКА НОТАБЛЕЙ

(1795—1799 годы)

Поражение в прериае III года, надолго устранив народ с политической сцены, развеяв надежду его на социальную эгалитарную республику, позволило вновь вернуться к 1789 году и делу Учредительного собрания. На фундаменте экономической свободы и цензовой системы вновь была возведена буржуазная республика нотаблей.

1795 год смыкается с 1789 годом, III год Республики с I годом свободы. Теперь с арены устранены санкюлоты и народное движение — решающие факторы политической и социальной борьбы с 1789 года и особенно после 10 августа 1792 года. Потребности войны против аристократии, внутренней контрреволюции и иностранной коалиции на какое-то время сделали необходимым союз между санкюлотами и монтаньярами, которым пришлось примириться с попыткой создания демократической республики. Нотабли надолго сохранили страшное воспоминание об этой попытке: их свобода и доходы были ограничены, мелкий люд диктовал им свои законы. Ожесточившаяся буржуазия, классовое сознание которой обострилось, была полна решимости помешать любой ценой возобновлению опыта II года. Теперь, когда главенство нотаблей восстановлено, нация снова вводится в узкие рамки цензовой республики.

В своей речи, предварявшей проект Конституции III года, Буасси д'Англа заявил: «Абсолютное равенство — это химера; для его существования надо, чтобы существовало полное равенство всех людей по уму, добродетели, физической силе, образованию и состоянию». Верньо высказывал такие же мысли еще 13 марта 1793 года: «Равенство для социального человека — это только равенство прав. Оно не может быть равенством состояний, так же как не существует равенства по росту, по силе, по уму, по энергии, предприимчивости и труду». Поразительная преемственность между жирондистами и термидорианцами!

Экономическая свобода, неразрывно связанная с правом собственности и теперь формально признанная Конституцией III года, безоговорочно осуждала опыт II года и лишала народные массы всякой надежды. Так, в духе традиций 89-го года путем сговора умеренных республиканцев с конституционными монархистами смогли наметить рамки режима нотаблей, то есть по меньшей мере состоятельных собственников.

Но аристократия не смирилась; после мимолетной попытки заключения мира война возобновилась. Неустой-

чивое равновесие буржуазной нации и «республики собственников», сопротивляемость которой ослаблялась ее либеральной формой, было поставлено под вопрос. В 1799 году, как и во II году, грозившая отечеству опасность заставила прибегнуть к авторитарным методам. Но было исключено, чтобы народные массы пошли на жертвы ради социального и политического господства буржуазии: после уничтожения революционной диктатуры оставался один выход — военная диктатура. Именно таков был смысл 18 брюмера. Ибо в VIII году нация оставалась заключенной в узкие цензовые рамки, установленные для нее с III года нотаблями республики собственников.

ТЕРМИДОРИАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

(1795 год)

После разгрома парижских санкюлотов в прериальские дни III года реакция усилилась. Но эксцессы белого террора и в еще большей мере попытка высадки на полуострове Киброн, подчеркнувшая предательство эмигрантов, в конце концов обернулись на пользу революции. В это время термидорианцы пожинали плоды усилий Революционного правительства — коалиция распалась.

Термидорианцы более не настаивали на своей политике компромисса и золотой середины. Во внешней политике они вернулись к традиционной дипломатии и, продолжая войну, выступали за мир с аннексиями и завоеваниями. Внутри страны они вступили в сговор с правыми, чтобы довести до конца свое дело, приняв Конституцию III года, умеренные республиканцы и конституционные монархисты заложили основы режима ногаблей. Но еще прежде, чем ее начали осуществлять, новый конституционный опыт оказался под угрозой вследствие оппозиции роялистов и продолжения войны.

1. На следующий день после прериаля: белый террор и Киброн (май — июль 1795 года)

Прериальские дни III года, устранив всякую народную оппозицию, резко усилили реакцию, распространившуюся на все области общественной жизни.

Первым ее следствием было восстановление религиозного культа. С 11 прериаля (30 мая 1795 года) по предложению Ланжюинэ церкви были возвращены верующим. Всякие внешние религиозные церемонии и проявления оставались, однако, запрещенными. Культ послед-

него дня декады, конституционная церковь и римская церковь поделили между собой пользование церковными зданиями на основе принципа *одновременности (simultaneum)*, что порождало непрерывные конфликты. От всех священников требовалось заявление о подчинении законам Республики. Этим воспользовалось конституционное [присягнувшее] духовенство, чтобы восстановить свою церковь под руководством Грегуара Паписты, прежние неприсягнувшие, раскололись, как это уже было прежде в связи с *малой присягой* 1792 года: *подчинившиеся* последовали примеру аббата Эмери, бывшего директора семинарии при церкви Сен-Сюльпис, а *неподчинившиеся* упорствовали в тайном отправлении культа. Религиозные волнения продолжались.

Результатом подавления санкюлотов было падение ассигната, термидорианская буржуазия осталась безучастна к его судьбе. Конвент в конце концов признал банкротство бумажных денег, установив 3 мессидора III года (21 июня 1795 года) шкалу их обесценения в соответствии с последовательными эмиссиями. 2 термидора (20 июля) Конвент отдал распоряжение об уплате зерном половины поземельного налога. Он наконец установил для служащих подвижную шкалу при выплате жалованья. Тем не менее казна оставалась пустой и эмиссии бумажных денег продолжались — около 4 млрд. в месяц. Номинальная стоимость ассигната упала с 8% в жерминале (апреле) до 5% в мессидоре и до 3% в термидоре (июле 1795 года).

Поражение народа в прериале дало решающий толчок разгулу белого террора.

В Конвенте все члены бывших комитетов II года, за исключением Карно и Приёра из Кот-д'Ор, были арестованы. Рюль и Мор, которым грозил арест, покончили с собой. В то же время Конвент 12 прериала (31 мая 1795 года) упразднил Революционный трибунал и аннулировал приговоры, вынесенные по обвинению в федерализме.

В департаментах судили бывших террористов, например членов комиссии Оранжа и Лебона в департаменте Сомма, которые были казнены 20 флореаля (9 мая). Конвент разрешил административным органам, находившимся теперь в руках бывших федералистов или отъявленных роялистов, самим передавать террористов судебной полиции. Процессы множились. Деятели II года под-

вергались повсюду преследованиям; если их не карали по суду, то притесняли тысячами способами, делая их жизнь невозможной. В большинстве городов имела теперь своя «золотая молодежь», которая с одобрения властей хозяйничала на улице. Банды головорезов, члены обществ Иисуса, Иегу или Солнца терроризировали юго-восточную часть страны. Заключенные в Лон-ле-Сонье и Буре были убиты, в Лионе 5 и 15 флореаля (24 апреля и 4 мая) бандиты ворвались в тюрьмы и казнили всех содержащихся там людей. Резня была устроена также в Монбризоне и Сент-Этьенне. Члены марсельского общества Солнца 22 флореаля (11 мая) уничтожили заключенных в Эксе и 27 термидора (14 августа) совершили новое нападение Санкюлоты, восставшие в Тулоне, последней цитадели якобинцев, были раздавлены 4 прериала (23 мая), и белый террор достиг еще большего размаха. Члены общества Солнца уничтожили 17 прериала (5 июня) заключенных в форте Сен-Жан в Марселе. В Тарасконе якобинцев сбрасывали с башен замка короля Рене в Рону на глазах и под рукоплескания местной аристократии. Убийства совершались также в Салоне, в Ниме, в Пон-Сент-Эспри. «Убивают повсюду», — писал один из членов Конвента 13 прериала (1 июня 1795 года).

В то же время белому террору сопутствовало пробуждение роялистской партии. Оставшиеся республиканцами термидорианцы в конце концов встревожились, увидя, что наступление роялизма угрожает всем без различия сторонникам революции. Парижские газеты, в общем, относились к роялизму благосклонно. «Со всех сторон высказываются самые безумные надежды», — писала газета «Монитёр» 17 прериала (5 июня 1795 года) — Кажется, Конвенту не остается ничего другого, как провозгласить королевскую власть». В Париже вернувшиеся эмигранты и неприсягнувшие священники свободно плели интриги, не жалея английских денег. В департаментах срубали деревья свободы и топтали ногами трехцветные кокарды. Но среди роялистов не было единства. Конституционалисты рассчитывали управлять, прикрываясь именем малолетнего Людовика XVII, все еще содержавшегося в тюрьме Тамплль. Но 20 прериала (8 июня 1795 года) ребенок умер. Верх одержали абсолютисты — сторонники возврата к старому порядку. Находившийся в Вероне граф Прованский, приняв имя Лю-

довика XVIII, выпустил 24 июня 1795 года манифест: он обещал восстановить сословия, парламенты, преимущественное положение церкви и покарать убийц короля, в то время как в его окружении речь шла о том, чтобы повесить членов Учредительного собрания и расстрелять лиц, купивших национальные имущества. Во Франции роялисты этого же направления готовились вновь разжечь огонь восстаний; они укрепляли свои ряды во Франш-Конте, в департаментах Ардеш, Верхняя Луара и Лозер, одновременно стараясь усилить подкуп, действуя через *королевское агентство* в Париже. В мае и июне 1795 года они склонили на свою сторону генерала Рейнской армии Пишегрю. С начала прериала шуаны вновь взялись за оружие. Перед роялистской опасностью термидорианцы сплотились и выступили единым фронтом.

Кибронская экспедиция, ясно показав, если в этом еще была надобность, наличие сговора роялистов с Англией, вновь оживила республиканский пыл. Дальновидный Малле дю Пан подчеркнул 21 июня 1795 года опасность этого сговора для дела роялистов: «Гражданская война — это химера, — писал он, — внешняя война — средство столь же негодное; с презрением, которое во Франции питают к оружию и политике союзников, может сравниться только внушаемая ими столь же всеобщая ненависть». Тем не менее уступки, сделанные Конвентом мятежникам западных районов Франции, репрессии, последовавшие за прериальскими событиями, и слабость правительства прибодрили сторонников вооруженной борьбы. Пюизэ подготовил высадку; английское правительство дало деньги, корабли и мундиры, в которые облачились эмигранты, сформированные в две дивизии под командованием Эрвийи и Сомбрёйя. Высадка была произведена 9 мессидора (27 июня 1795 года) на полуострове Киброн, на южном побережье Бретани. Хотя несколько банд шуанов во главе с Кадудалем и взялись за оружие, масса населения осталась инертной. Раздоры между Эрвийи и Пюизэ парализовали роялистское командование. Предупрежденное с начала прериала, правительство имело время сосредоточить войска под командованием Гоша. Оттеснив шуанов на полуостров, он отрезал его прочным рядом укреплений. 19 мессидора (7 июля) роялисты сделали попытку их прорвать, но потерпели страшное поражение. 28 мессидора их постигла новая

неудача. В ночь с 2 на 3 гермидора (20—21 июля 1795 года) республиканские войска пошли на штурм. Эмигранты были отброшены к оконечности полуострова. Пюизэ удалось сесть на один из кораблей английской эскадры. Сомбрёй сдался. В силу действующих декретов 748 эмигрантов, захваченных с оружием в руках и одетых в британскую форму, были расстреляны как пособники коалиции и изменники родины.

Неудачная высадка эмигрантов на полуострове Киброн еще более усилила по всей стране ненависть к Англии. Она способствовала консолидации Республики именно в тот момент, когда коалиция окончательно распалась.

2. Победоносный мир (1795 год)

Термидорианцы разрушили дело Революционного правительства и привели Республику к гибели. Тем не менее они пожали плоды политики национальной обороны II года. Они использовали усилившийся под влиянием противоположных интересов развал коалиции.

Победа республиканских армий определилась в битве при Флерюсе 8 мессидора II года (26 июня 1794 года). К 9 гермидора была вновь отвоевана Бельгия. Осенью был занят Палатинат [Пфальц.— *Ред.*], захвачена Голландия, и в январе 1795 года провозглашена Батавская республика. Национальная территория была освобождена. Более того, завоевание Нидерландов дало Республике огромные экономические выгоды. Термидорианцы оказались на сильных позициях именно в тот момент, когда коалиция распалась.

Термидорианская дипломатия

В области дипломатии, как и в других, термидорианцы находились в плену у реакции. Комитету общественного спасения III года, лишенному всякой власти, приходилось считаться с подозрительно настроенным Союзом и еще более с контрреволюционной оппозицией,

которая вела кампанию за немедленный мир и возвращение захваченных территорий. 14 брюмера (4 ноября 1794 года) Тальен предложил заключить мир, который вернул бы Францию «в ее старые границы». Десять дней спустя Барер обличал сторонников «непрочного мира», бывшие монтаньяры возмутились. «Победы наших армий хотя и делают бесполезными!» — воскликнул Бурдон 8 нивоза (28 декабря 1794 года); 11 плювиоза (30 января 1795 года) он опять заявил: «Мы замкнемся в границах, установленных природой». Таким образом, естественные границы превратились в ставку в политике партий и в пробный камень республиканской лояльности.

Играли роль и другие соображения. Настроение армии не вызывало никаких сомнений, и во время кризиса III года армия стала политической силой, которой нельзя было пренебрегать. Ее экономическая роль была не меньшей; война начала не только кормить войну, но и снабжать нацию. Хотя учрежденные в флореале II года эвакуационные управления, обиравшие оккупированные страны, и были упразднены термидорианским правительством, но французская администрация, созданная в Брюсселе для Бельгии и в Ахене для Прирейнской области, заставляла принимать ассигнаты в уплату за реквизиции. Во время переговоров с Батавской республикой французское правительство настояло на уплате такого возмещения за военные убытки, которое должно было ему позволить финансировать будущую кампанию.

Однако политика аннексий вызывала среди термидорианцев несогласие. О Ницце и Савойе вообще вопрос не поднимался, речь шла только о Бельгии, а главное — о левом берегу Рейна. Карно, продолжая политику комитета II года, удовлетворялся бы стратегическим выпрямлением старых границ; такого же мнения держались умеренные и конституционные роялисты. В конце концов республиканцы пришли к соглашению относительно аннексии Бельгии, но не решились на аннексию Прирейнской области. Мерлен из Дуэ и Мерлен из Тионвиля относились к этому намеренно враждебно, тогда как Рёбель и Сиейес, вошедшие 15 вантоза (5 марта 1795 года) в Комитет общественного спасения, были яркими поборниками аннексий, один — чтобы прикрыть свою родную провинцию Эльзас, другой — чтобы располагать залогом ко времени окончательного урегулирования

Термидорианцы были далеки от политики комитета II года: они вернулись к практике традиционной дипломатии.

Договоры 1795 года

Переговоры с Пруссией, начатые в ноябре 1794 года, оживились, когда Фридрих-Вильгельм послал в Базель профранцузски настроенного графа фон Гольца. Ф. де Бартелими, согласно полученной им инструкции, должен был добиться от Пруссии согласия на возможную аннексию левого берега Рейна на условиях определенной компенсации. В феврале 1795 года Гольц умер, а его преемник Гарденберг оказался менее уступчивым и требовал нейтрализации северогерманских государств, гарантируемой Пруссией. В конце концов, торопясь перебросить свою Вестфальскую армию в Польшу и уступив в вопросе о Рейне, прусский король приказал своему представителю заключить договор. Бартелими, согласившись на нейтралитет северогерманских государств, взял на себя ответственность и в ночь с 15 на 16 жерминаля III года (4—5 апреля 1795 года) подписал мирный договор.

Базельский договор с Пруссией предусматривал «мир, дружбу и доброе согласие между Французской республикой и королем Пруссии». Французские войска должны были эвакуировать прусские владения, расположенные на правом берегу Рейна, но продолжать оккупацию прусских владений на левом берегу Рейна до установления окончательных мирных отношений. Согласно секретным статьям, обе державы обязывались соблюдать строгий нейтралитет. А главное, «если при установлении окончательных мирных отношений между Германской империей и Францией левый берег Рейна останется за Францией, его величество король прусский договорится с Французской республикой об уступке прусских владений, расположенных на левом берегу этой реки, на условиях такой территориальной компенсации, о которой будет достигнуто соглашение» (ст. 2).

Гаагский договор с Голландией был подписан 27 флореала III года (16 мая 1795 года) Рёбелем и Сиейесом. Поскольку Пруссия заключила договор, батавским правителям — друзьям Франции не оставалось ничего

другого, как капитулировать перед требованиями термидорианцев. Франция получила голландскую Фландрию, Маастрихт и Венло, которые она могла сохранить только при условии аннексии Бельгии. Штатгальтерство было упразднено. Между обеими республиками был заключен оборонительный и наступательный союз до конца войны. Батавская республика соглашалась содержать оккупационный корпус численностью 25 тыс. человек. Она обязывалась уплатить компенсацию в сумме 100 млн. флоринов «голландскими деньгами, либо наличными, либо надежными заграничными векселями» (ст. 20).

Базельский договор с Испанией был подписан 4 термидора III года (22 июля 1795 года) Бартеlemi и испанским посланником Ириарте. Победы Монсэ, который занял Бильбао и Виторию и достиг Миранды на Эбро, ускорили переговоры. Франция эвакуировала занятые ею территории, но получила на Антильских островах испанскую часть Сан-Доминго. Год спустя этот трактат был дополнен договором об оборонительном и наступательном союзе, заключенным в Сан-Ильдефонсо 2 фрюктидора IV года (18 августа 1796 года).

Переговоры с Австрией оказались безрезультатными. Комитет общественного спасения, где начиная с термидора большинство принадлежало сторонникам аннексии, хотел сохранить Бельгию и в виде компенсации предложить Австрии Баварию. Он натолкнулся на отказ австрийцев признать Рейн восточной границей Франции. Бельгия была аннексирована 9 вандемьера IV года (1 октября 1795 года). К этому времени уже произошел разрыв с Австрией и война возобновилась, но при крайне неблагоприятных условиях.

Армия и война III года

Дезорганизация национальной обороны была фактически следствием распада Революционного правительства, отказа от политики управляемой экономики и обесценения ассигната. Последствия всего этого оказались губительными, причем в первую очередь для военного производства и снабжения армии. Деятельность национальных мануфактур была постепенно свернута к выгоде частных предприятий, которые по декрету от 21 фриме-

ра III года (11 декабря 1794 года) должны были снабжаться необходимой рабочей силой «даже путем реквизиций». Добыча селитры, находившаяся в руках Революционного правительства, была 17 жерминаля (6 апреля 1795 года) передана частному сектору. Наконец 25 прериала (13 июня 1795 года) были ликвидированы мастерские парижских секций по пошиву одежды для армии, который передали частным предпринимателям.

На снабжении армии отзывался кризис денежной системы и неспособность правительства наладить финансы. Солдат оставляли без хлеба, поставки по реквизициям в точности не выполнялись. На свое жалованье, которое выплачивалось в ассигнатах, причем нерегулярно, солдаты не могли ничего купить. «Получая 170 ливров, которые дает мне в месяц Республика,— писал один лейтенант 26 мессидора III года (14 июля 1795 года),— мне не на что подковать лошадь и выстирать белье... Но ведь не могу же я ходить без рейтуз, сапог и рубашки, и я близок к крайней нужде». Военное производство, военные поставки и перевозки, отданные теперь в руки частных предпринимателей, представляли собой крупнейший источник прибыли для финансовых компаний, например для компании Ланшер или для компании Мишель и Ру, которые взяли на себя перевозки для Альпийской и Итальянской армий.

В войсках ощущался недостаток людского состава. Меры, применявшиеся во II году против уклоняющихся и дезертиров, больше не принимались, и численный состав армии таял. В марте 1795 года численность армии теоретически должна была равняться 1100 тыс. человек, фактически же налицо было всего 454 тыс. В течение весны недостаток личного состава настолько возрос, что на Рейне армии Республики утратили численное превосходство. Неспособность правительства усугубляла зло. Прошел год со времени объявления всенародного ополчения, но холостяки, которым исполнилось восемнадцать лет, не были призваны; бессрочно служили только солдаты, мобилизованные в 1793 году. Тем не менее именно по этой причине в армии сохранялось сознание гражданского долга. Там были по-прежнему живы враждебность к «бывшим», священникам и ненависть к королевской власти; в войсках якобинский дух был сильнее, чем среди населения, причем с примесью некоторого презре-

ния к термидорианскому правительству, неспособному справиться с реакцией.

При таких условиях кампания 1795 года не могла стать решающей. Она началась поздно. В течение зимы лишённые всего необходимого Самбро-Маасская армия под командованием Журдана и Рейнская армия под командованием Пишегрю бездействовали. Только 20 фрюктидора III года (6 сентября 1795 года) Журдан перешёл Рейн, оттеснив австрийские войска Клерфэ. Пишегрю, подкупленный агентами принца Конде и получивший деньги от англичан, не оказывал Журдану достаточной поддержки. В начале октября Клерфэ перешёл в контр-наступление. Журдану пришлось отступить и вернуться за Рейн. В ноябре австрийцы захватили Палатинат. Кампания закончилась в декабре 1795 года перемирием.

Надежда на всеобщий мир отдалялась. Термидорианцы не сумели продиктовать мир силой оружия. Их политика аннексий сплотила англо-австрийскую коалицию, к которой 28 сентября присоединилась Россия. Когда в декабре 1795 года кампания завершилась перемирием, Конвент разошёлся. Термидорианцы оставляли тяжёлое наследие войны режиму, который только что организовали на основе Конституции III года.

3. Организация власти буржуазии

Союз центра и правой, консервативных республиканцев и конституционных монархистов был определяющим при обсуждении и принятии новой конституции Конвентом. Был момент, когда можно было подумать, что произойдет раскол; разгул белого террора и Кибронская экспедиция показали всю серьёзность роялистской опасности. Это способствовало оживлению революционного духа в течение лета 1795 года. 26 мессидора III года годовщина взятия Бастилии была отпразднована с величайшей пышностью, снова зазвучала «Марсельеза». «Невозможно описать, — писала «Монитёр», — какое впечатление произвели эти неожиданные, давно уже позабытые звуки». Вновь появились санкюлоты и вместе с военными разгоняли «золотую молодежь»: это была «война черных воротников». Между тем правительство проявило некоторую твердость по отношению к уклоняю-

щимся и дезертирам и восстановило республиканскую печать, предоставив ей субсидии: 6 мессидора (26 июня 1795 года) бывший жирондист и непоколебимый республиканец Луве выпустил первый номер «Сантинель». Но Равнина не собиралась идти дальше по пути уступок левой: она нуждалась в правой для принятия конституции. Отсюда и возникли знаменательные компромиссы: во время торжеств по случаю 9 термидора и 10 августа исполнялись и «Пробуждение народа» и «Марсельеза». 21 и 22 термидора (8—9 августа 1795 года) был принят декрет об аресте шести бывших монтаньяров, и в том числе Фуше. В такой политической атмосфере шло обсуждение Конституции III года.

Права нотаблей

Обсуждение проекта конституции, представленного Конвенту Буасси д'Англа, продолжалось два месяца, с 5 мессидора до 5 фрюктидора (23 июня — 22 августа 1795 года). Проект был составлен Комиссией одиннадцати, назначенной 29 жерминаля (18 апреля 1795 года) и включавшей как республиканцев — Дону, Ларевельер, Луве, Тибодо, так и роялистов — Буасси д'Англа и Ланжюинэ. Умеренные республиканцы и конституционные монархисты были согласны в том, чтобы одновременно преградить путь как демократии, так и диктатуре и вернуться к принципам 1789 года, но истолкованным и перестроенным в интересах буржуазии: политическое и экономическое руководство страной должно было опять принадлежать *нотаблям*, то есть по меньшей мере состоятельным собственникам.

Принципы режима нотаблей были ясно изложены Буасси д'Англа 5 мессидора III года (23 июня 1795 года) в его речи, произнесенной перед зачтением проекта конституции. «Вы должны наконец гарантировать собственность богатых... Гражданское равенство — это все, чего может требовать разумный человек. Абсолютное равенство — это химера... Нами должны управлять лучшие; лучшие — это наиболее образованные и наиболее заинтересованные в соблюдении законов; но за крайне редкими исключениями вы найдете таких людей только среди тех, кто, обладая собственностью, привязан к

стране, где она находится, к законам, которые ее охраняют, к спокойствию, которое ее оберегает, и кто обязан этой собственности и даваемой ею обеспеченности образованием, делающим их способными проникательно и верно судить о преимуществах и недостатках законов, определяющих судьбу их отечества... Страна, управляемая собственниками,— это страна общественного порядка; страна, управляемая не собственниками, пребывает в первобытном состоянии».

Режим нотаблей опирается на право собственности и на экономическую свободу, которые обеспечивают им преобладающее положение в обществе. С этой точки зрения, в частности, Декларация прав III года представляет собою явный шаг назад по сравнению с Декларацией 1789 года. Во время дискуссии Мэль подчеркнул опасность включения «в эту декларацию принципов, противоположных тем, которые содержатся в конституции». «Мы прошли,— заявил он,— через довольно жестокое испытание злоупотребления словами, чтобы больше не употреблять их бесполезно». Статья 1 Декларации прав 1789 года («Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах») была отвергнута. «Если вы говорите, что все люди остаются равными в правах,— заявил Ланжюинэ,— то вы провоцируете к возмущению против конституции тех, кому вы отказали или кого вы лишили права гражданина ради безопасности всех». Нотабли выступали только за гражданское равенство. Согласно статье 3, «равенство заключается в том, что закон одинаков для всех».

Право собственности, которому Декларация прав 1789 года не дала никакого определения, здесь уточнялось, так же как в Декларации прав 1793 года: «Право собственности представляет собой право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и своего производства» (статья 5). Декларация обязанностей, которую термидорианцы сочли нужным добавить к Декларации прав, опять-таки подчеркивала в статье 8: «На сохранении собственности зиждутся земледелие, все виды производства, все средства труда и весь общественный порядок». 10 февраля IV года (1 декабря 1795 года) никому не известный депутат Совета пятисот Доши выступил против прогрессивного налога, являющегося «принципом, разрушительным для социальной гармонии... явно посягающим на

собственность. Только при неукоснительном уважении к ней можно будет внушить всем французам прочную привязанность к свободе и Республике». На следующий день после переворота 18 брюмера пришедшие на смену Советам комиссии, которым было поручено подготовить «изменения, кои следует внести в органические положения, осуществление которых заставило почувствовать их порочность», получили среди прочих инструкций указание «нерушимо закрепить.. собственность». Мы видим тут своеобразную преемственность. Разумеется, речь могла идти только о собственности в том виде, как ее изменила революция. Отмена феодальных прав без возмещения оставалась в силе со времени закона от 17 июля 1793 года, так же как и продажа национальных имуществ. Статья 373 Конституции III года объявляла имущество эмигрантов «не подлежащим возврату достоянием Республики». А статья 374 торжественно закрепляла законность продажи национальных имуществ: «Французская нация провозглашает как гарантию общественного доверия, что после проведенной законным путем продажи с торгов национальных имуществ, каково бы ни было их происхождение, они не могут быть изъяты у законно купившего их владельца».

Экономическая свобода неотъемлемо связана с правом собственности. «Если вы дадите людям, не имеющим собственности, неограниченные политические права,— заявил Буасси д'Англа,— и если они когда-нибудь очутятся на скамьях законодателей, то они вызовут или позволят вызвать волнения, не опасаясь их последствий; они установят или позволят установить налоги, губительные для торговли и земледелия, потому что они не почувствуют, не будут страшиться и не смогут предвидеть их опасных последствий». Государство должно воздерживаться от вмешательства в свободное действие экономических сил. Во имя потребностей экономического либерализма член Конвента Лозо 22 февраля II года (8 сентября 1794 года) подчеркивал «материальную невозможность превратить всех французов в землевладельцев» путем продажи национальных имуществ мелкими участками и настойчиво указывал на «пагубные последствия, к которым сверх того привело бы такое превращение». Если бы «каждый должен был возделывать свою пашню или свой виноградник, чтобы жить», то где нашли бы крупные фермеры, коммерсанты и промышленники

рабочую силу, необходимую для их предприятий? «Торговля, ремесла и промышленность вскоре совсем бы захирели». Существование пролетариата было необходимым условием нового порядка. Во избежание возврата к системе управляемой экономики II года статья 355 Конституции III года (раздел XIV: Общие положения) подтверждала отсутствие каких бы то ни было «ограничений свободы торговли, а также промышленной и ремесленной деятельности любого рода».

Социальная база, на которой термидорианцы, сторонники Директории, а затем и брюмерианцы (а это одно и то же) пытались стабилизировать свой режим, оказалась теперь крайне узкой.

Народные массы были исключены из политической жизни вследствие создания цензовой избирательной системы. «Человеку, не имеющему собственности, — уточнил Буасси д'Англа, — нужны постоянные усилия добродетели, чтобы интересоваться порядком, который ему ничего не сохраняет». Память о II годе, а также страх перед социальными выступлениями оставались на протяжении всего периода Директории и даже еще при Консульстве мощной причиной реакции. Наиболее сознательные люди среди народных масс не согласились без сопротивления быть таким образом выброшенными из состава нации и той Республики, за которую они сражались; «Заговор во имя равенства» показал это. Но в то время как революционное движение начинало только нащупывать новые пути, страх, испытываемый буржуазией, служил в руках правителей мощным рычагом против *нетерпимых, террористов, анархистов, разбойников и кровопийц*. Нотабли, *порядочные люди*, то есть буржуазия, бывшая противницей социального равенства, больше всего на свете боялись возврата к системе II года, когда богатый считался подозрительным и были ниспровергнуты исконные социальные ценности. Социальная демократия, прелюдия *аграрного закона*, раздела земельной собственности, явилась бы неизбежным следствием политической демократии — отсюда и осуждение последней. Отсюда принятие многочисленных предосторожностей, направленных на то, чтобы не допустить никакого народного движения: Парижская коммуна была упразднена, в больших городах было введено несколько муниципалитетов (двенадцать в столице), а также создано их *Цент-*

ральное бюро, которое ведало полицией и члены которого назначались департаментскими властями. Хотя клубы были еще разрешены, «никакое собрание граждан не может именовать себя народным обществом» (статья 361 Конституции III года). Запрещение аффилиации и переписки (статья 362), депутатий и коллективных петиций (статья 364) фактически лишало эти клубы всякого эффективного средства действий. Поэтому люди, не обладавшие собственностью, были в конечном счете вытеснены из политической жизни, хотя в своей массе именно они в значительной степени способствовали основанию Республики.

Аристократия, а также часть буржуазии все еще оставались исключенными из государственной системы. Эмигранты, список которых еще не был закрыт, все еще считались навечно изгнанными и подлежали смертной казни в случае их возвращения во Францию или на основании простого установления их личности, если они были захвачены с оружием в руках. Они были осуждены на гражданскую смерть, и их имущество конфисковано и продано. Разумеется, многие из них добились в III году исключения своих имен из списков, но лишь временно; Кибронская экспедиция привела к возобновлению строгостей. Закон от 3 брюмера IV года (25 октября 1795 года) запрещал родственникам эмигрантов занимать общественные должности; этот закон, отмененный роялистским большинством в V году, был восстановлен 18 фрюктидора. Вскоре Сиейес внес предложение об изгнании дворян, занимавших при старом порядке какие-нибудь должности или имевших титулы, и о низведении остальных до положения иностранцев. Закон от 19 фримера VI года (29 ноября 1797 года) предусматривал эту вторую меру; хотя он так и не был проведен в жизнь, его цель тем не менее была ясна. Точно так же не пощадили и старое духовенство. Неподчинившиеся священники, отказавшиеся принести присягу от 27 ноября 1790 года или отрекшиеся от нее впоследствии, были высланы или, точнее, изгнаны из страны. Оставшиеся во Франции подлежали смертной казни на основании простого установления их личности. Преданное забвению в III году, это репрессивное законодательство было вновь введено в силу законом от 3 брюмера IV года. Исключительные мероприятия были еще более расширены: нотабли-республиканцы, часто средне-

го достатка, одинаково не доверяли и буржуазии старого порядка, более высокого социального положения и более близко стоявшей к аристократии; конституционных монархистов они отвергали наравне со сторонниками абсолютизма

Отныне республиканская буржуазия установила для себя узкие рамки. Обычно среднего достатка или недавно разбогатевшая, она питала одинаковое отвращение и к демократии, и к бывшей аристократии, или к той части прежней буржуазии, которая пострадала от революции и тосковала по старому порядку. Разумеется, нотабли-республиканцы никогда не отказывались от тактического союза и с первой, и со второй. Бывшие якобинцы всегда оказывались лучшими защитниками Республики: они это доказали и 13 вандемьера и 18 фрюктидора и опять во время кризиса летом 1799 года. Конституционные монархисты голосовали за Конституцию III года, до фрюктидора они соглашались участвовать в политической игре в надежде на законную реставрацию. Термидорианцы и сторонники Директории желали присоединения раскаявшихся якобинцев, а также роялистской буржуазии к их консервативной республике. Фундаментом такой республики могли служить только основы, заложенные революцией. Одна из них заключалась, несомненно, в гражданском равенстве, вновь подтвержденном статьей 3 Декларации прав III года. К ним относились также и отмена феодальных прав без возмещения, и продажа национальных имуществ. Пока дело революции не укрепит, правители не намеривались отказываться от действенного оружия — чрезвычайных мер против всякой попытки реставрации, которая могла бы поставить под вопрос этот новый порядок, равно как и против народного натиска, который мог бы поколебать их главенствующее положение. Устраняя тех, кто основал Республику, и не доверяя монархистской буржуазии, республиканские нотабли были осуждены на произвол и авторитаризм под либеральной маской Конституции III года.

Расширение социальной базы было необходимым условием консолидации режима нотаблей. Поскольку обращение к демократии исключалось, это могло быть достигнуто лишь посредством присоединения роялистской буржуазии и аристократии к принципам нового строя и путем их включения в цензовые рамки государ-

ства собственников. Надо было еще покончить с попытками контрреволюции и с надеждами на реставрацию — это должен был совершить Консулат.

Организация власти

Конституция III года, принятая 5 фрюктидора (22 августа 1795 года), отвергла демократию и вернула политическую власть нотаблям путем организации двухстепенных цензовых выборов. Несомненно, условия ценза были шире, чем в 1789 году: всякий француз в возрасте 21 года, живущий на одном месте в течение года и платящий какой-либо налог, считался *активным гражданином* [гражданином, пользующимся избирательным правом. — *Ред.*]. Но *выборщики*, выбираемые активными гражданами, объединенными в *первичные собрания* в главном городе кантона, из числа граждан, достигших 25 лет, должны были владеть собственностью, приносящей доход, равный доходу от 200 рабочих дней (в коммунах, насчитывающих 6 тыс. жителей и более); затем они должны были быть съемщиками жилищ с квартирной платой, равной доходу от 150 рабочих дней, или земельных участков с арендной платой, равной доходу от 200 рабочих дней. *Выборщики*, около 30 тыс. по всей стране, объединенные в *избирательные собрания* в главном городе департамента, выбирали независимо от ценза Законодательный корпус.

При организации государственной власти строго проводился принцип разделения властей. «Не может существовать социальной гарантии без установления разделения властей» (статья 22 Декларации прав). Таким путем была бы устранена всякая опасность диктатуры.

Законодательная власть была доверена двум советам: *Совету старейшин* из 250 членов в возрасте не менее 40 лет, женатых или вдовых, и *Совету пятисот*, состоящему из лиц в возрасте не менее 30 лет, причем треть членов обоих советов ежегодно обновлялась. Законодательная инициатива принадлежала Совету пятисот, он принимал *резольюции*, которые Совет старейшин рассматривал и мог претворить в законы.

Исполнительная власть возлагалась на *Директорию* из пяти человек, назначаемых Советом старейшин по списку, в десять раз превышающему это число (список

составлялся Советом пятисот), причем каждый год подлежал замене один член Директории. Директория, которая, по словам Буасси д'Англа, должна была иметь «ту же полноту власти», что и Комитет общественного спасения, должна была заботиться о внутренней и внешней безопасности Республики; она распоряжалась вооруженными силами, не имея, однако, права ими командовать; контролировала и обеспечивала выполнение законов административными органами и судами посредством назначаемых ею комиссаров. Исполнительные комиссии, созданные в жерминале II года, были упразднены и заменены шестью министрами, назначаемыми Директорией и ответственными перед нею; министры не составляли совета. Директория не имела никакой власти над казначейством, ведение которым поручалось шести выборным комиссарам; она не пользовалась правом законодательной инициативы и могла сноситься с обоими советами только в форме *посланий*.

Принцип децентрализации был главенствующим при организации системы административных органов, которая была упрощена. Департамент получал *центральную администрацию* из пяти членов, назначаемых избирательным собранием. Дистрикт исчез — во II году он представлял собой преимущественно революционный округ. Деревенские коммуны были объединены под руководством муниципальной администрации кантона, тогда как большие города, в частности Париж, имевшие прежде каждый свою коммуну и мэра, были разделены на несколько муниципалитетов и потеряли всякую автономию. Однако такая административная организация все же оставалась более централизованной, чем это предполагалось. Была установлена административная иерархия, муниципальные власти подчинялись департаментским, а те — министрам. Но главное заключалось в том, что представителем исполнительной власти при департаментской или муниципальной администрации был назначенный Директорией *комиссар*. Комиссары Директории требовали соблюдения законов и контролировали их выполнение; они присутствовали при дискуссиях в департаментских и муниципальных собраниях, наблюдали за действиями должностных лиц. По сравнению с администрацией, ежегодно подлежавшей частичной замене, их положение было более прочным. Департаментский комиссар сносился прямо с министром внутренних дел.

Когда он превышал свои полномочия, как это часто случалось, то в некотором смысле превосходил префекта времен Бонапарта. Централизация усиливалась еще правом Директории непосредственно вмешиваться в управление: в силу статьи 196 Директория могла аннулировать постановления административных органов, могла отстранять и смещать их должностных лиц и принимать меры к их замене до следующих выборов. Это не была уже, несомненно, якобинская централизация и не была еще централизация времен Консульства, но она была очень далека от полной децентрализации, предусмотренной Конституцией 1791 года.

Если к тому же вспомнить, что в силу статьи 145 Директория могла в случае наличия заговора выносить постановления о приводе или аресте без вмешательства судебных органов и допрашивать обвиняемых при условии их передачи суду в течение сорока восьми часов, и притом без права обжалования, то можно с полным основанием сказать, что исполнительная власть была совсем не так безоружна, как это говорили: полицейская практика, характерная для консульского режима, брала начало в действительности времен Директории.

Тем не менее осуществление Конституции III года было сопряжено с опасностями. Революция еще не была достаточно упрощена, финансовое банкротство было близким, война продолжалась. Проведение в жизнь конституции требовало социального умиротворения и всеобщего мира. А происходило обратное, неустойчивость была легализована вследствие ежегодного обновления половины состава муниципалитетов, трети состава Советов и пятой части состава Директории, причем ничего не было предусмотрено для разрешения всегда могущих возникнуть конфликтов между исполнительной и законодательной властью. Продолжение кризиса и боязнь отдать режим в руки своих противников заставили в тот момент термидорианцев с первых же шагов фальсифицировать либеральную систему, которую они хотели основать.

Первые шаги нового режима

В течение лета III года кризис обострился и стал опасным. Опустошительное действие инфляции продолжалось, цены росли изо дня в день, спекуляция приобре-

тала все более и более бешеный характер, роскошь, в которой купалось скандально разбогатевшее меньшинство, более чем когда-либо оскорбляла прозябавший в нищете народ. С 8 млрд. франков, находившихся в обращении к моменту отмены максимума, эмиссия ассигнатов достигла к 1 брюмера IV года (23 октября 1795 года) 20 млрд. франков. Экономическая жизнь почти замерла, общественные отношения были потрясены, должники, арендаторы и квартиросъемщики расплачивались обесцененными бумажными деньгами. Заработная плата не могла угнаться за ценами (летом цена фунта мяса поднялась с 8 до 20 франков), во многих районах страны был плохой урожай, поэтому, помимо таксации цен, пришлось вернуться к принудительным мерам II года: к реквизициям, к обязательной продаже продуктов на рынках, восстановленных 4 термидора (22 июля 1795 года), к регламентирующим предписаниям, кодифицированным законом о торговле зерном от 7 вандемьера IV года (29 сентября 1795 года), который оставался в силе до 1797 года. В Париже цена на хлеб по-прежнему составляла 3 су за фунт, тогда как на черном рынке в начале лета фунт хлеба стоил 16 франков; но хлебный рацион был снижен до четверти фунта до жатвы и повышен до трех четвертей фунта после снятия урожая. В Париже индекс стоимости жизни, если взять за 100 стоимость жизни 1790 года, поднялся до 2180 в июле, до 3100 — в сентябре и до 5340 — в ноябре 1795 года. Не было ничего удивительного в том, что при таких условиях празднование 10 августа, годовщины падения монархии, протекало, по признанию полиции, в обстановке «равнодушия».

Декрет *о двух третях* имел целью не допустить победы роялистской оппозиции на выборах. Сознвая свою огромную непопулярность и зная о маневрах конституционных роялистов, надеявшихся достичь своей цели законным путем на выборах, термидорианцы постарались закрепить власть за собой. «В чьи руки будет вручен этот священный залог — Конституция?» — спросил один из членов Конституционной комиссии. По декрету от 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 года) избирательные собрания должны были выбрать две трети новых депутатов (500 из 750) среди членов действующего Конвента; декрет от 13 фрюктидора (30 августа) уточнил, что, если такое соотношение не будет достигнуто, пере-

избранные члены Конвента дополнят свой состав посредством кооптации. Это значило устранить к выгоде термидорианцев одновременно как бывших монтаньяров, так и конституционно-монархистскую оппозицию.

Конституция и дополнительные декреты были утверждены плебисцитом. Хотя цензовый режим и был восстановлен, плебисцит был проведен на основе всеобщего голосования, в нем участвовала и армия. С 20 фрюктидора (6 сентября 1795 года) начались заседания первичных собраний. Конвент ввел опять в силу ряд мер, направленных против эмигрантов и неприсягнувших священников, лишив политических прав тех, кому не удалось добиться своего окончательного исключения из списков эмигрантов, исключив их родственников при замещении общественных должностей и установив пятнадцатидневный срок для выезда в новое изгнание высланных ранее священников. Наоборот, разоруженным бывшим террористам было вновь предоставлено право участия в выборах, но с 6 фрюктидора (23 августа 1795 года) были окончательно упразднены народные общества. 1 вандемьера IV года (23 сентября 1795 года) Конвент объявил об одобрении конституции, согласно опубликованным 6 вандемьера цифрам, одним миллионом голосов против менее чем 50 тыс. (отсюда явствует, что очень многие воздержались от голосования). Но декрет о двух третях, на который плебисцит определенно не распространялся, был одобрен всего лишь приблизительно 205 тыс. голосов против 108 тыс. Фактически более 250 первичных собраний представили свои замечания по вопросу о конституции; 19 департаментов и все секции Парижа, за исключением одной, отвергли декрет о двух третях.

Роялистский мятеж 13 вандемьера IV года (5 октября 1795 года) был поднят еще до выборов, назначенных на 20-е, он завершился собой агитацией, которая усиленно велась в Париже начиная с сентября. 20 фрюктидора (6 сентября 1795 года) парижская секция Лепелетье, то есть секция биржи и центр спекуляции, приняла *акт о гарантиях*¹, а секция Гренельского фонтана объявила

¹ Этим актом все граждане брались «под защиту соответствующих собраний избирателей». См. А. Матьез, Термидорианская реакция, М., 1931, стр. 206 — *Прим. ред.*

свои заседания непрерывными. Первичные собрания, где преобладали роялисты, исключили из своего состава санкюлотов и бывших проводников террора. Брожение усилилось после объявления результатов плебисцита. Эти результаты оспаривались восемнадцатью парижскими секциями. 9 вандемьера (1 октября) распространилась весть о роялистском мятеже в Шатонёф-ан-Тимрэ и в Дрё (27 фрюктидора — 17 сентября) и его подавлении. Секция Лепелетье призвала к восстанию. 11 вандемьера (3 октября) не менее чем 7 секций подняли мятеж, Конвент объявил свои заседания непрерывными, назначил чрезвычайную комиссию из пяти членов (в ее состав вошел Баррас) и обратился с призывом к санкюлотам; 12 вандемьера (4 октября) был издан декрет, отменявший разоружение бывших террористов, и было мобилизовано три батальона *патриотов 89-го года*. В ночь с 12 на 13 вандемьера мятеж продолжал развиваться при соучастии командующего вооруженными силами генерала Мелу; была создана Центральная комиссия; большая часть столицы перешла в руки мятежников; Конвент был осажден. Баррас, на которого возложили организацию сопротивления, привлек на рассвете 13 вандемьера в качестве помощников нескольких генералов, и среди них Бонапарта; Мюрату удалось захватить пушки Саблонского лагеря. Мятежники числом около двадцати тысяч, но лишившиеся артиллерии, были в конце концов оттеснены и рассеяны. Последовали репрессии, но довольно умеренные. Однако неудавшийся мятеж 13 вандемьера привел к окончательному разрыву между термидорианцами и роялистами. Нависшая опасность вновь оживила республиканские чувства: Фрерона послали на Юг для подавления белого террора, был принят декрет об аресте трех правых депутатов. Наконец 4 брюмера (26 октября 1795 года), прежде чем разойтись, Конвент принял постановление о всеобщей амнистии, распространявшейся на «деяния, относящиеся исключительно к революции».

Однако выборы, начавшиеся 20 вандемьера (12 октября 1795 года), обманули расчеты термидорианцев: переизбранными оказались только 379 членов Конвента; и это большей частью были умеренные или замаскированные роялисты. Новая треть состояла главным образом из роялистов и католиков. Перебежчики из монтаньяров, ответственные за термидорианскую реакцию,

потерпели поражение, как, например, Фрерон и Тальен. Последний указал на опасность: «Если в административных органах и юстиции мы не избежим от роялистов, то менее чем через три месяца контрреволюция победит конституционным путем». Но умеренные республиканцы отказались кассировать выборы. При таких видах на будущее начался новый конституционный опыт и была создана Директория.

*

4 брюмера IV года (26 октября 1795 года) Конвент разошелся под крики: «Да здравствует Республика!» Он заседал более трех лет и проводил политическую линию, которая может показаться извилистой. Но на самом деле с сентября 1792 года до октября 1795 года Конвент воодушевляла одна мысль — покончить с аристократией, навсегда воспрепятствовать возврату к старому порядку. Если исключить демократический эпизод II года, термидорианский Конвент продолжал политику Учредительного собрания: он стремился обеспечить правление буржуазии, которое было законным в ее глазах в силу ее социального преобладания и ее интеллектуального развития. Не должно быть ни демократической республики, как в 1793 году, ни монархии старого порядка, как до 1789 года, — управлять и руководить должны *нотабли*, социальная группа, доступная для всех благодаря равенству перед законом. Поражение санкюлотов в прериале III года устранило боязнь возврата к народной демократии и к управляемой экономике: термидорианцам, как и членам Учредительного собрания, экономическая свобода представлялась необходимой основой политической свободы, гарантией социального главенства буржуазии.

Термидорианцы намеревались обеспечить буржуазии социальное превосходство и политическую власть, но в рамках либеральной республики, причем в стране, где еще свирепствовала гражданская война и велась война против коалиции. Вандея еще не была усмирена, и коалиция не была разбита. Навязав новому режиму посредством Конституции III года гарантию и сохранение *конституционных границ*, включая девять департаментов аннексированной Бельгии, а также ориентируя дипломатию в соответствии с концепцией *естественных границ*,

термидорианцы в значительной степени определили политику Директории. Весной 1796 года должна была возобновиться военная кампания для ведения войны новым режимом унаследованной ассигнат и дезорганизованную армию. Эти трудности неизбежно должны были отразиться на введении в действие Конституции III года, особенностью которой, в частности, являлись ежегодные выборы. Прибегнуть к помощи народа, как во II году, термидорианцы не могли; поэтому, создав Директорию, они были принуждены, дабы оградить свою республику от возобновившегося натиска аристократии, нарушить конституцию, а вскоре и обратиться к помощи армии.

II

ВТОРИЧНОЕ БАНКРОТСТВО ЛИБЕРАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ *(октябрь 1795 года — сентябрь 1797 года)*

Система Директории, ограниченная узкими рамками цензовой республики, исключавшей как народные массы, так и аристократию, оставалась обреченной на неустойчивость, тем более что либеральная практика оказалась неэффективной. Страхась одновременно и роялизма и демократии, термидорианские нотабли умножили предосторожности против всевластия государства. искусно созданное конституционное равновесие III года не оставляло иного выбора — либо бессилие правительства, либо переворот. Политика стабилизации Директории, и так сильно подорванная двойными правительственными исключительными мерами и двойной внутренней оппозицией, требовала скорейшего возврата к миру, между тем война продолжалась и завоевания расширялись. Тогда-то и начало оправдываться предсказание, сделанное Робеспьером 2 января 1792 года в речи против войны и касавшееся генералов, ставших «надеждой и кумиром нации»: «Если одному из этих генералов суждено добиться кое-каких успехов... то какое влияние придаст он своей партии?»

1. Крах внутренней стабилизации *(1795—1797 годы)*

Первое время новый режим был занят налаживанием работы институтов, предусмотренных Конституцией III года. И при термидорианском Конвенте и при Директории фактически на месте оставались одни и те же люди.

В силу декрета о двух третях в Советы Директории вошли 511 членов Конвента. 6 брюмера IV года (28 октября 1795 года) было избрано 379 членов Конвента, к которым добавились еще 15, выбранных департаментскими избирательными собраниями, и 19 представителей Корсики и колоний, чьи мандаты были продлены, то есть 413 членов Конвента; все они были либо умеренными, либо реакционерами. Образовав «избирательное собрание Франции», эти переизбранные члены Конвента дополнили предписанные две трети вновь выбранными 94 членами: две трети оказались превышенными (507 членов Конвента). Новая треть (234 депутата) усилила правые элементы конституционными монархистами вроде Барбе-Марбуа, Дюпона де Немура, Порталиса или явными контрреволюционерами вроде Буасси Д'Англа, Анри Ларивьера или Инара.

Это правое меньшинство IV года фактически не представляло большой опасности, так как оно не было сплоченным и образовалось в результате союза всех реакционеров: контрреволюционеров, умеренных роялистов, консервативных буржуа, не отдававших предпочтения никакому определенному режиму.

Большинство приверженцев Директории состояло из бывших жирондистов вроде Ларевельера или Луве, людей Болота вроде Летуриёра и Сиейеса и бывших монтаньяров, как Баррас и Тальен. Оно насчитывало 158 «царубийц», но у некоторых из них политические настроения изменились. В той мере, в какой политические взгляды членов Советов поддаются уточнению, можно сказать, что они насчитывали 161 роялиста (88 явных контрреволюционеров, 73 умеренных роялиста), 445 республиканцев (139 умеренных, 242 центриста, 64 передовых республиканца), 84 колеблющихся; настроения остальных 52 депутатов трудно определить. Выбор директоров определили умеренные республиканцы и центристы.

Директория была избрана по списку, представленному Советом пятисот. Совет старейшин утвердил кандидатуры Барраса, Ларевельера, Летуриёра, Рёбеля, Сиейеса; все они были «царубийцами». Сиейес отказался и был заменен Карно.

Первым был избран Ларевельер (1753—1824), собравший 317 голосов в Совете пятисот и 216 голосов в Совете старейшин. Депутат третьего сословия от Анжерского сенешальства, член администрации департамента Мен и Луара во времена Законодательного собрания, Ларевельер был в Конвенте другом жирондистов. Тем не менее он голосовал за казнь короля. Он солидаризировался с исключенными депутатами и в августе 1793 года покинул Конвент, чтобы вернуться туда в марте 1795 года. Ярый противник якобинцев, но твердый республиканец и антиклерикал, впрочем человек довольно заурядный, Ларевельер обычно следовал указаниям Рёбеля. Рёбель (1747—1807), бывший адвокат при верховном суде Эльзаса в Кольмаре, депутат от третьего сословия в Генеральных штатах, с самого начала выделялся там как решительный противник старого порядка. Генеральный прокурор-синдик департамента Верхний Рейн, а затем депутат Конвента, Рёбель присоединился к Горе; во время процесса короля он отсутствовал, но письменно высказался за смертный приговор. Будучи представителем центральных властей, Рёбель находился в Майнце во время капитуляции этого города; затем его послали с миссией в Вандею. Вернувшись в октябре 1793 года в Конвент, он до 9 термидора хранил молчание, а затем сразу стал на сторону победителей и превратился в ярого реакционера.

Карно (1753—1823) все еще сохранял репутацию члена великого Комитета общественного спасения, но вскоре ее заставила позабыть его явная эволюция в сторону консерватизма. Он получил 181 голос в Совете пятисот и лишь 117 голосов в Совете старейшин. В прошлом офицер — военный инженер, Карно был избран депутатом от Па-де-Кале в Законодательное собрание, а затем в Конвент. Представитель Равнины, присоединившийся к монтаньярам, голосовавший за смертный приговор королю, член Военного комитета, включенный в январе 1793 года в Комитет общественной обороны, Карно 14 августа того же года вошел в Комитет общественного спасения. Там он проявил себя таким же террористом, как и жертвы 9 термидора: об этом свидетельствует его подпись под постановлениями об арестах. Тем не менее он избежал термидорианских репрессий, жертвами которых стали его бывшие коллеги Барер, Бийо-Варенн и Колло д'Эрбуа. В состав Директории Карно попал

в основном благодаря Летуриёру (1751—1817), тоже в прошлом военному инженеру. Летуриёр — депутат от Ла-Манша в Законодательном собрании, а затем в Конвенте, чаще всего находилась в миссии и ничем себя не проявил ни во время террора, ни во время термидорианской реакции.

Между этими двумя группами честных людей, тружеников, дающих верное представление о республиканской буржуазии, стоял Баррас (1755—1829), сыгравший видную роль 9 термидора и 13 вандемьера, бывший виконт и офицер, в прошлом свирепый проводник террора, несомненно приверженный революции, но готовый продать тому, кто даст больше. Баррас, служивший в Индии, еще до революции покинул армию. Избранный заместителем депутата в Конвент от департамента Вар, он был привлечен к участию в заседаниях Конвента в ноябре 1792 года. С марта 1793 года он находился в миссии в департаментах Юго-Востока, откуда его отозвали только в январе 1794 года; он присоединился к оппозиции. В ночь с 9 на 10 термидора его роль была решающей. С тех пор он становится одним из наиболее влиятельных лиц в Конвенте и одним из главарей термидорианцев. То, что он оказался избранным в состав Директории последним по числу голосов (206 голосами в Совете пятисот и 129 голосами в Совете старейшин), безусловно, объяснялось его дурной репутацией и несомненной продажностью.

Директория обосновалась в Люксембургском дворце, бывшем при терроре тюрьмой; там она окружила себя определенным аппаратом. При Директории был создан главный секретариат, включавший три бюро (протокольное, общей переписки и назначений), унаследовавший часть личного состава, дел и архивов исполнительной власти начиная с 1789 года, включая и Комитет общественного спасения, и превратившийся в дальнейшем в государственный секретариат Бонапарта; таким образом административная преемственность была обеспечена в большей степени, чем это обычно считают.

В министерство были назначены следующие лица: министром внутренних дел — Бенезек (1775—1802), ранее поставленный Комитетом общественного спасения во главе Комиссии по вооружению; министром финансов — после кратковременного пребывания на посту министра Фепуля — «цареубийца» Рамель-Ногаре (1760—

1829), игравший важную роль в Комитете финансов Конвента и остававшийся на посту министра до VII года; министром юстиции — Мерлен из Дуэ (1754—1838), тоже «цареубийца», одно имя которого напоминало об антифеодальных законах и законах о терроре (при Учредительном собрании он содействовал отмене феодального режима, занимался отчуждением национальных имуществ, был инициатором закона против эмигрантов, а при Конвенте выступал докладчиком по закону о подозрительных); министром иностранных дел — Делакруа (1741—1805), тоже голосовавший за смертный приговор королю. («Несколько дипломатических меморандумов, очень хорошо составленных, — сообщает в своих «Мемуарах» Ларевельер, — которые он представил в Комитет общественного спасения, склонили выбор в его пользу») Военным и морским министрами были назначены двое маловлиятельных военных: генерал Обер Дюбайе, бывший депутат Законодательного собрания, некоторое время находившийся в тюрьме в период террора, который пользовался покровительством Карно и играл второстепенную роль, и адмирал Трюгэ, тоже имевший кое-какие неприятности во времена террора; человек с характером, он действовал более энергично, чем ведавший морским министерством директор Летуриёр. Должно было быть создано седьмое министерство — общей полиции, доверенное вскоре Кошону (1750—1825), ранее заседавшему в Учредительном собрании и в Конвенте и тоже голосовавшему за смертный приговор королю.

Формирование местной выборной администрации в департаментах и кантонах протекало не без трудностей, точно так же как и формирование судов. Административные органы, куда вошли зажиточные буржуа, твердо державшиеся принципов 89-го года и термидориански настроенные, оказались более умеренными, чем Советы, состоявшие на две трети из бывших депутатов Конвента. Однако в IV году Директория частично или полностью сместила административный персонал всего лишь четырнадцати департаментов. Более серьезные затруднения возникли в кантональных и особенно в сельских муниципалитетах вследствие общей апатии и отсутствия знающих и энергичных администраторов и политически активных людей. Выбор комиссаров исполнительной власти при административных органах и судах, имев-

ший весьма важное значение, был очень трудной задачей; Директории пришлось спешно назначать тысячи комиссаров, причем под контролем каждого директора находился определенный район: под контролем Барраса — Юг, под контролем Карно — Север, Ребеля — Восток, Ларевельера — Запад, Летурнёра — Центр. На наиболее важные места, особенно комиссаров при департаментских властях, Директория назначала многих бывших депутатов Конвента, которые не попали в число избранных двух третей, часто наиболее энергичных бывших мятежников или представителей Равнины, поддерживавших Гору.

Вследствие этих трудностей полномочия Директории были с самого начала расширены. Закон от 25 брюмера IV года (16 ноября 1795 года) разрешил Директории пополнять департаментские административные органы в тех случаях, когда избирательные собрания, как, например, в департаменте Сена, были вынуждены разойтись, не выполнив своей задачи. По закону от 22 фримера (13 декабря 1795 года) Директория могла временно назначать на свободные места судей до выборов V года. Согласно закону от 25 фримера (16 декабря), она могла назначать в городах с населением свыше 5 тыс. человек членов муниципальной администрации, которую не удалось сформировать либо вследствие уклонения избирателей от голосования, либо вследствие отсутствия кандидатов. Если влияние умеренных и даже реакционеров, несмотря на все это, оставалось преобладающим, особенно в судах и в муниципальной администрации кантонов, то эти законы все же усиливали воздействие Директории на местные органы власти. Но ее распоряжения никогда точно не выполнялись, в частности потому, что члены администрации и судов никогда не получали аккуратно жалованья.

Сторонники Директории, якобинцы и роялисты

Миновал вандемьер. На первых порах Директория призвала всех республиканцев к единству во имя консолидации режима. Прокламация от 14 брюмера IV года (5 ноября 1795 года) не содержала никакого упоминания о якобинцах и, напротив, предостерегала народ про-

тив «коварных советов роялистов, вновь плетущих свои козни, и фанатиков, без конца разжигающих всякие фантазии». «Французы, вы не будете ставить препоны созданному правительству... и вскоре навсегда обеспечите себе мир и национальное благоденствие, как и славное имя республиканцев». Конституция III года установила искусное равновесие в политической области. Нужно было еще, чтобы между властями не возникало никаких распрей. Директоры начали с того, что стали управлять в согласии с большинством, которое их избрало и было заинтересовано в том, чтобы их поддерживать. Но очень скоро большинство в Советах и Директория столкнулись с той же двойной — роялистской и якобинской — оппозицией, что и термидорианский Конвент.

Роялисты, разгромленные в Париже в вандемьере, продолжали плести заговоры под охраной конституционных свобод. У них имелось множество газет, которые пользовались популярностью. Кроме того, роялистские беспорядки продолжались на Западе, в Лангедоке, в Провансе. Англия снабжала роялистов оружием и фальшивыми ассигнатами. В январе 1796 года возобновилась борьба Стофле. Гош, хотя он и отказался от строгого применения законов против неприсягнувших священников, развернул свои войска, увеличил число постов и в конце концов разоружил крестьян. Попав в плен, Стофле был расстрелян 25 февраля 1796 года в Анжере, Шаррет — 29 марта в Нанте. К северу от Луары, в департаменте Морбиан, вскоре капитулировал Кадудаль, в лесах Бокажа в Нормандии — Фротте, в департаменте Мен — Сепо. Это был конец: в июне 1796 года Западная армия была распущена. Однако бандитизм периодически продолжался. В Центральном районе попытка мятежа, так называемая «Вандея Сансерруа», во главе с вернувшимся из эмиграции Фелиппо, который был товарищем Бонапарта по военной школе, потерпела неудачу, но в течение четырех дней Сансер находился в руках мятежников.

Мнения роялистов по вопросу о тактике, которую следует применять, разделились. Эмигранты пали духом, и сторонники насильственных действий отступили перед приверженцами конституционных методов: речь шла о том, чтобы добиться большинства на предстоящих выборах и свергнуть республиканское правительство законным путем. Генерал Пишегрю, который не осмеливался

ни на какие действия и отказался от командования, присоединился к этой тактике. Роялистская опасность продолжалась, она ставила Директорию перед необходимостью объединить всех республиканцев.

Якобинцы короткое время пользовались благосклонностью правительства. Директория ввела в административные органы амнистированных бывших террористов, например Армонвиля, Фуше, Ру-Фазийяка и других,—все они прежде были монтаньярами, а некоторые только недавно вышли из тюрьмы,—не говоря уже о мелких чиновниках, осуществлявших прежде террор и восстановленных теперь в своих должностях. Чтобы противостоять давлению со стороны роялистских газет, Директория субсидировала якобинскую печать: «Оратёр плебейен», где писал Жюльен из Парижа, бывший агент Комитета общественного спасения, или «Журналь дэз ом либр» Дюваля. В крупных городах вновь появились якобинские клубы: в Меце, Анжере, Тулузе, Монпелье, Тулоне... Клуб Пантеона, или Объединение друзей Республики, был основан печатником-публицистом Лебуа, бывшим сторонником Марата, просидевшим во время термидорианской реакции семнадцать месяцев в тюрьме. Клуб Пантеона, открытый 25 брюмера IV года (16 ноября 1795 года) в помещении бывшего монастыря ордена каноников св. Женевьевы на холме Сент-Женевьев (ныне лицей Генриха IV, а тогда народное достояние), снятом неким трактирщиком у управления государственных имуществ, вскоре насчитывал тысячу членов; все они были представителями мелкой или крупной буржуазии, выходцами из той же социальной среды, что и бывшие якобинцы. Среди них имелись бывшие депутаты Конвента, например Друэ, человек из Варенна¹.

Но левая оппозиция против Директории исходила не от клуба Пантеона (есть основания полагать, что Лебуа был агентом Барраса), а от непримиримой группы амнистированных бывших депутатов Конвента и от газеты «Трибюн дю пёплъ», которая вела ожесточенную кампанию против Директории.

Бывшие монтаньяры, заключенные без суда в тюрьму, а затем амнистированные, жаждали расплаты с тер

¹ Друэ содействовал в 1791 году задержанию в Варенне бежавшего короля.— *Прим. ред.*

мидорианцами. Кое-кто из 68 членов Конвента, объявленных по закону от 5 фрюктидора III года (22 августа 1795 года) лишенными права быть переизбранными, этого не простили. Так, бывший член Комитета общественного спасения Робер Ленде вел в «Ами дэ луа» систематическую кампанию против финансовой политики Директории. А бывший член Комитета общественной безопасности Амар собирал у себя дома на улице Клеры бывших проводников террора, ныне амнистированных. В его группу входили Феликс Лепелетье — брат мученика свободы, Дарте, бывший общественный обвинитель при революционном трибунале Арраса, Клеманс и Маршан, входившие в Повстанческий комитет 31 мая 1793 года, Буонарроти — потомок Микеланджело, бывший агент Комитета общественного спасения... Разжигая старые страсти, эти амнистированные депутаты Конвента сильно способствовали неудаче политики объединения республиканцев, которую пыталась проводить Директория.

Бабёф перегруппировал левую оппозицию. Хотя он не появлялся ни в клубе Пантеона, ни на собраниях у Амара, но наиболее влиятельные члены клуба, как и группы Амара, поддерживали с ним личную связь. Эти люди, впоследствии составившие ядро бабувистской партии, познакомились друг с другом в III году, в термидорианских тюрьмах, особенно в парижской тюрьме Плесси. «Именно из этих обитателей страдания,— писал Буонарроти в своем «Заговоре во имя равенства»,— разлетались электрические искры, столько раз заставлявшие бледнеть новую тиранию». 15 брюмера IV года (6 ноября 1795 года) Бабёф стал опять выпускать свою газету «Трибюн дю пёплъ у ле дефансёр дэ Друа де л'ом». Она писала: «Что такое вообще политическая революция? Что такое, в частности, Французская революция? Это открытая война между патрициями и плебеями, между богатыми и бедными». Бабёф разоблачал антидемократический характер Конституции III года. «Все Декларации прав, за исключением Декларации 1795 года, начинали с утверждения следующего первого и наиболее важного принципа вечной справедливости: *целью общества является всеобщее благоденствие*; до настоящего времени к этой цели шли крупными шагами и быстро добивались больших успехов; затем пошли в обратном направлении, пошли против цели общества, против

цели революции, на *всеобщее несчастье* и ради счастья только *немногих*. Наберемся смелости и скажем, что революция, несмотря на все препятствия и на все оппозиции, до 9 термидора шла вперед, а после него отступила».

Директория в конце концов встревожилась. 14 фримера (5 декабря), после выпуска второго номера газеты Бабёфа, было отдано распоряжение об его аресте; тогда он ушел в подполье. Первого плювиоза (21 января 1796 года) в связи с церемонией по случаю годовщины казни Людовика XVI Рёбель дал оппозиции отпор. Он метал громы и молнии против роялизма, но обличал также «то время, когда наглые и свирепые властители, не имевшие иных добродетелей, кроме мнимого патриотизма, иных талантов, кроме циничного бесстыдства, то время, когда анархия и террор диктовали законы даже внутри Сената... Пусть добрые граждане успокоятся».

В действительности стабилизация режима зависела от того, каким образом будут разрешены основные проблемы, унаследованные от термидорианской эпохи, главным образом экономическая и финансовая проблемы. Ассигнат был обесценен, хозяйство приведено в расстройство. Денежному кризису сопутствовал налоговый кризис, налоги более не поступали, казна была пуста. Согласно докладу министра финансов от 15 фримера IV года (6 декабря 1795 года), государственное казначейство было «должно 72 млн. наличными, но не имеет никакой наличности, 20 млн. в испанских векселях требуют времени для размещения, суммы в 100 млн. ассигнатов в день недостаточно для покрытия трети потребностей; 1500 млн., которые будут выплачены в этой декаде, окажут слабое воздействие». Тщетно Рёбель призывал «даже равнодушных... поддержать Республику и вновь объединиться в эту огромную массу республиканцев, перед лицом которой исчезнут все фракции».

Но крах денежной системы увеличивал нищету народа: он сделал невозможной наметившуюся одно время политику объединения всех республиканцев. Опасаясь, как бы этим не воспользовалась левая оппозиция и не предприняла попытки выступления, Директория приготовилась резко повернуть вправо.

Конец выпущенных во время революции бумажных денег (1796 год)

К моменту установления Директории инфляция достигла крайних пределов. Ассигнат стоил всего 15 су Золотой луидор стоимостью 24 франка, равнявшийся приблизительно фунту стерлингов, котировался 5 брюмера в 2500 франков ассигнатами; 9 брюмера его стоимость достигла 3400 бумажных франков. Так можно измерить ту степень доверия, которым пользовалась Директория в деловом мире. Казна была пуста, но печатный станок продолжал выпускать деньги, стоимость которых стала вскоре ниже стоимости бумаги, на которой они печатались: менее чем за четыре месяца масса бумажных денег удвоилась, достигнув 30 плювиоза IV года (19 февраля 1796 года) 39 млрд. франков. Тщетно 19 фримера (10 декабря 1795 года) был объявлен принудительный заем в 600 млн. наличными при прогрессивном обложении — настоящий налог на капитал, который должен был оплачиваться звонкой монетой, зерном или ассигнатами из расчета 1% их номинальной стоимости: их курс был еще в три или четыре раза ниже. Заем вызвал резкое недовольство в рядах буржуазии, составлявшей категорию налогоплательщиков наиболее облагаемую; департаментские власти часто непомерно облагали своих политических противников — якобинцев и шадиды своих сторонников — бывших роялистов, которые их избрали. В конечном итоге Директория не получила от принудительного займа тех наличных средств, в которых она так остро нуждалась: он дал только 27 млрд. бумажными деньгами и 12 млн. звонкой монетой. 30 плювиоза (19 февраля 1796 года) пришлось прекратить эмиссию и отказаться от ассигната.

Возврат к металлическим деньгам еще казался невозможным: в обращении находилось всего лишь около 300 млн. звонкой монеты вместо 2,5 млрд. в конце старого порядка. Закон от 8 фримера IV года (29 ноября 1795 года) предписывал ускорить всеми средствами чеканку металлической монеты из золота, серебра и биллона¹. Но как закупить ценные металлы при пустой каз-

¹ Низкопробное серебро, разменная неполноценная монета.— *Прим. ред.*

не? Проект был составлен одним эмиссионным банком, который получил бы в качестве государственной гарантии национальные имущества, в частности еще не проданные леса. Банк соглашался выпустить банкноты, обеспеченные этим имуществом, на сумму в один миллиард; ежемесячно он будет передавать в казначейство эти банкноты на сумму 25 млн. франков (в металлическом исчислении). Переговоры зашли уже очень далеко с группой банкиров, бывших администраторов «Кэсс д'эсконт», игравшей к концу старого порядка роль Французского банка. Это были Лекутё де Кантелё, Перрего, Рекамье и другие лица, вошедшие при Консульстве в число основателей Французского банка. В результате ожесточенной кампании левых во главе с Робером Ленде, особенно в газете «Ами дэ луа», этот проект провалился. «Я не сомневаюсь в том, что такое предприятие будет весьма выгодным для акционеров. Но оно будет губительным для Франции. Долго ли еще мы будем смотреть на то, как поставщики Республики накапливают миллионы и обесценивают ассигнаты!»

Законом от 28 вантоза IV года (18 марта 1796 года) был создан *территориальный мандат*; их сразу же выпустили на сумму 2400 млн. На территориальные мандаты, обеспеченные еще не проданным национальным имуществом (вернулись к тому же принципу, которым руководствовались при создании ассигната), обменивались ассигнаты из расчета 1 : 30. Это было слишком низкое соотношение, позволившее крупным держателям ассигнатов почти даром приобретать национальные имущества. Директория предлагала курс 100 франков ассигнатами за один франк-мандат, принятый для принудительного займа. Но Советы с этим не согласились. Мандаты имели принудительный курс, они принимались в уплату за национальные имущества по установленной цене без торгов. За шесть месяцев территориальный мандат проделал тот же путь, что ассигнат за пять лет.

Полный крах денежной системы казался неизбежным. Самые суровые меры ни к чему не приводили. Мандат был объявлен одновременно и равноценным золоту и в 30 раз дороже ассигната, но ассигнат в 100 франков стоил не более 0,25 франка (звонкой монетой), следовательно, сам закон приравнивал 100 франков-мандатов к 7,5 металлического франка. После первых же эмиссий мандат потерял 65—70% своей стоимости; на

15 жерминаля (4 апреля 1796 года) обесценение мандата достигло 80%, на 1 флореаля (20 апреля) — 90%. Отныне продукты питания имели три цены, что отнюдь не умаляло трудностей обмена и снабжения: 27 жерминаля (16 апреля 1796 года) парижское Центральное бюро установило на фунт хлеба цену в 35 ливров ассигнатами, в 1 ливр 3 су 4 денье мандатами, тогда как звонкой монетой фунт хлеба стоил 3 су. Расточительная распродажа национальных имуществ еще более способствовала обесценению мандата, уменьшая его обеспечение. Согласно закону от 6 флореаля IV года (25 апреля 1796 года), продажа национальных имуществ была возобновлена и установлена ее форма — без торгов, причем мандаты принимались в уплату по их номинальной стоимости. Началась лихорадка, это был настоящий разбой к выгоде крупных держателей мандатов, особенно государственных поставщиков. Покупатель, уплативший 20 тыс. ливров за замок, выручил 8 тыс. ливров за одни лишь решетки и балюстрады. 130 арпанов леса в департаменте Жер, купленные за 63 тыс. франков-мандатов, то есть за 3 тыс. франков звонкой монетой, принесли своему владельцу 25 тыс. франков звонкой монетой только за проданный на сруб лес; при этом он сохранил собственность на землю. Газеты того времени приводили множество фактов подобного рода. Весной обесценение денег пошло еще быстрее; в прериае фунт хлеба стоил 150 франков ассигнатами; нищие отказывались от бумажных денег, которые им подавали.

Этот губительный опыт привел к исчезновению выпущенных во время революции бумажных денег. Цикл был пройден тот же, какой проделал ассигнат, но он свелся к двум месяцам. 29 мессидора (17 июля 1796 года) принудительный курс отменили. 13 термидора (31 июля) было решено, что при покупке национальных имуществ оплата должна производиться мандатами по курсу (в металлическом исчислении): слишком запоздавшая мера, чтобы не допустить расхищения. Постепенно тот же принцип был распространен на ренты, налоги и квартирную плату. К концу IV года (середина сентября 1797 года) с фикцией бумажных денег было покончено. Однако их демонетизация совершилась несколькими месяцами позже. В обращении вновь начали появляться металлические деньги. Но государство не извлекало из этого никакой пользы: оно получало одни бумажки. За-

кон от 16 пювиоза V года (4 февраля 1797 года) демонетизировал мандат, сведя его к 1% его номинальной стоимости. Этот закон прошел почти незамеченным: он был лишь официальным признанием уже свершившегося банкротства. Таков был конец истории революционных бумажных денег. Но если Директория вернулась к звонкой монете, то это произошло благодаря выгодам, которые ей принесли победы IV года: 5 жерминаля V года (25 марта 1797 года) Директория получила 10 млн. франков звонкой монетой от Самбро-Маасской армии и более 51 млн. от Итальянской армии. Война кормила режим.

Социальные последствия были, как всегда, катастрофическими для мелких держателей бумажных денег, которые не могли, подобно крупным держателям, превратить бумажки в реальные ценности. Служащие, мелкие рантье и вообще широкие слои народа могли приобретать на свои бумажные деньги товары первой необходимости, только неся огромный убыток. 22 мессидора IV года (10 июля 1796 года) администрация департамента Изер писала, что вследствие недостаточного жалования лучше быть каторжником, чем начальником канцелярии. «Любой каторжник, заключенный или осужденный судом обходится правительству вчетверо больше, чем оно платит начальнику наших канцелярий. Их жалование сводится к 6 ливрам 2 су 8 денье в день: настоятельная необходимость как-нибудь обеспечить свое существование давно уже заставила их распродать мебель и самые нужные для жизни человека вещи; они вынуждены получать хлеб, распределяемый только среди немущих». Зима IV года была ужасна для людей наемного труда, подавленных головокружительным повышением цен. Рынки пустовали. Урожай в III году (1795 году) был плохой, и крестьяне принимали только звонкую монету, а реквизиции больше не применялись. Директории пришлось прибегнуть к закупкам за границей и строго регламентировать потребление.

В Париже рацион хлеба с одного фунта в день был сокращен до 75 граммов; он дополнялся рисом, который хозяйки не могли сварить из-за отсутствия дров. В течение всей зимы доклады полиции с утомительной монотонностью сообщают о нищете и недовольстве народа, которые еще более подчеркивались роскошью жизни

и наглостью биржевых спекулянтов. «Париж кажется спокойным, но умы сильно возбуждены, — отмечается в докладе Центрального бюро от 28 пювиоза (17 февраля 1796 года). — На крайнюю дороговизну всегда смотрят как на неизбежное следствие недозволенной торговли, которую ведут эти презренные существа, известные под именем биржевых спекулянтов. От этого жестокого бедствия, которое уже давно разоряет государство и частных лиц, главным образом страдают неимущие классы, чьи жалобы, ропот и невоздержанные речи слышатся со всех сторон». Многие простые люди умерли бы от голода, если бы Директория не сохранила распределения продуктов, введенного Комитетом общественно-го спасения, но ограниченного только хлебом и мясом. Тем не менее в IV году смертность в департаменте Сена превысила 10 тыс.

Народное недовольство, естественно, обратилось против Директории. Оно было на руку якобинской оппозиции; в клубе Пантеона, собрания которого происходили все чаще и чаще — 15 фримера (6 декабря 1795 года) на собрании присутствовало 2 тыс. человек, — при обсуждении вопроса о дороговизне и спекуляции 15 нивоza (5 января 1796 года) некоторые члены клуба предложили обратиться с петицией об установлении *максимума*. В первые дни вантоза в полицейских донесениях отмечалось усиление волнения среди народных масс и требование таксации продуктов первой необходимости. «Рабочие рассчитывают добиться прибавки, — отмечает доклад от 5 вантоза (24 февраля), — но они говорят, что все решится после предстоящей таксации... под словом *таксация* народ подразумевает снижение цен». Так же как в 1793 году, так же как весной 1795 года, левая оппозиция могла использовать голодный бунт народа.

Директория предупредила события и совершила резкий поворот вправо. В то время, как клуб Пантеона, где большинство приобрели сторонники Бабёфа, усилил свою оппозицию, она решила с ним покончить: 7 вантоза (26 февраля 1796 года) Директория отдала распоряжение о закрытии клуба. На следующий день это без труда выполнил Бонапарт, который командовал внутренней армией (гарнизона столицы.— *Ред.*): у него была репутация якобинца и, согласно полицейскому докладу от 1 нивоza (22 декабря 1795 года), он не пользовался

«общественным доверием» (имеется в виду доверие *породочных людей*); но ему было обещано командование Итальянской армией. Порвав с якобинцами, Директория стала преследовать их газеты и отстранила чиновников, известных как бывшие террористы.

Республиканская партия была расколота надвое, и термидорианская политическая игра возобновилась. Но левая оппозиция приняла новую форму, когда Бабёф организовал *Заговор во имя равенства*.

Бабёф и „Заговор во имя равенства“ (1795 — 1796 годы)

Бабёф первым среди деятелей Французской революции преодолел противоречие, с которым столкнулись все политики, преданные народному делу, — противоречие между утверждением права на существование и сохранением частной собственности и экономической свободы. Подобно санкюлотам и якобинцам, Бабёф провозглашает, что целью общества является *всеобщее благоденствие* и революция должна обеспечить *равенство пользования благами*. Но частная собственность неизбежно создает неравенство, а *аграрный закон*, то есть равный раздел земельных владений, не «просуществует и дня» («ибо на следующий же день после его установления возобновилось бы неравенство»); поэтому единственное средство достигнуть *фактического равенства* состоит в «установлении общественного управления; в отмене частной собственности; в прикреплении каждого человека к занятию, к которому у него есть способности, к производству, которое он знает, причем он обязан сдавать натурой плоды своего труда на общий склад; в организации для распределения предметов потребления простой администрации, которая будет вести списки людей и всех предметов потребления и будет распределять эти последние при тщательном соблюдении равенства». Эта программа, изложенная в «Манифесте плебеев», напечатанном в «Трибюн дю пёплъ» 9 фримера IV года (30 ноября 1795 года), представляла по сравнению с идеями якобинцев и санкюлотов (и те и другие были привязаны к собственности, основанной на личном труде) определенное новшество или, точнее, резкий пово-

рот: общность *благ и труда* стала первой формой революционной идеологии нового общества, рожденного самой революцией. Благодаря бабувизму коммунизм, бывший до тех пор утопической мечтой, превратился в идеологическую систему; благодаря «Заговору во имя равенства» он вступил в политическую историю.

Бабувизм неизбежно носит на себе печать своего времени. Несомненно, у Бабёфа, бывшего самоучкой, коммунистический идеал зародился в результате чтения Руссо, Мабли, «Кодекса природы» Морелли, приписываемого тогда Дидро. Но, пойдя дальше утопической мечты, Бабёф на протяжении всей революции был человеком действия. Именно в столкновении с социальной действительностью его родной Пикардии, в ходе революционной борьбы, которую он вел, постепенно формировалась система идей Бабёфа.

Именно знание Бабёфом жизни пикардийского крестьянства определило некоторые стороны его аграрного коммунизма. Он родился в 1760 году в Сен-Кантене, его отец был служащим на одной из застав по взиманию соляной подати, мать — неграмотной служанкой. Бабёф поселился в Руа в Сантере, районе крупного земельного хозяйства; сохранившие еще там силу деревенские общины вели ожесточенную борьбу против концентрации хозяйств в руках крупных фермеров — капиталистов. Будучи комиссаром по составлению описей сеньорий и февдистом — специалистом по феодальному праву, Бабёф непосредственно знакомится с жизнью пикардийских крестьян, с их проблемами и борьбой. Несомненно, именно в результате этого опыта он еще до революции пришел к идее фактического равенства и коммунизму. В написанном им в 1789 году «Постоянном кадастре» он склоняется к *аграрному закону*, то есть к социализму *разделителей*, по выражению 1848 года. Но в «Мемуаре» 1785 года о крупных фермах и в письме от июня 1786 года к секретарю Аррасской академии Дюбуа де Фоссе он предусматривал организацию «коллективных ферм», настоящих «братских общин»: «50, 40, 30, 20 человек будут жить совместно, как члены одного сообщества, на этой ферме, вокруг которой, будучи разъединенными, они раньше прозябали; от нужды они быстро перейдут к изобилию». Это уже коллективный труд. Таким образом,

еще за десять лет до «Заговора во имя равенства» Бабёф ставил не только вопрос о подлинном равенстве прав и, следовательно, о равенстве распределения, но и проблеме производства, ясно высказавшись в пользу коллективного хозяйствования: «Дробить землю на равные parcelлы между всеми — значит уничтожить наибольшую часть тех преимуществ, которые дает совместный труд».

Революционный опыт Бабёфа имел решающее значение для развития его системы. Декларация прав 1789 года провозгласила равенство прав. Очень скоро обнаружилось, что это равенство не более чем *химера*, когда в разгар революции встал вопрос о средствах к существованию и, следовательно, о хлебе насущном. «Кто может стоять за номинальное равенство?» — пишет Бабёф 20 августа 1791 года в письме к Купе из Уазы. В письме Бабёфа от 10 сентября 1791 года к тому же Купе, избранному депутатом в Законодательное собрание, говорится: «...Отсюда обязанность и необходимость дать средства к существованию огромному большинству народа, которое при всем своем добром желании работать не имеет работы. *Аграрный закон, подлинное равенство*» Несомненно, после 9 термидора Бабёф был антиробеспьеристом. Но опустошения, вызванные инфляцией, и ужасающая нищета народа показали ему после переворота подлинное значение максимума, управляемой экономики и национализации производства, даже частичной, важность опыта II года, примененного, в частности, к армиям Республики. «Ведь такое управление [*общественное управление*], — пишет Бабёф в «Манифесте плембеев», — оказалось осуществимым на практике, поскольку его применили к 1200 тыс. человек в наших двенадцати армиях (то, что возможно в малом масштабе, возможно и в большом)». Теперь Бабёф уже отвергает аграрный закон и решительно высказывается за отмену частной собственности на землю. В своем письме от 10 термидора III года (28 июля 1795 года) Жермену он уточняет механизм действия своей системы «Все лица, занятые сельскохозяйственным и промышленным производством, будут работать на общественный склад, каждый из них будет посылать туда натурой продукт своего индивидуального труда, а лица, занимающиеся распределением, уже не от себя лично, а по поручению великой семьи, будут направлять каждому гражданину его

равную и разнообразную долю общей массы продукции всей ассоциации».

Как подчеркнул Жорж Лефевр, это был главным образом коммунизм в распределении. Однако в свете опыта своей родной Пикардии Бабёф предчувствовал необходимость в области сельского хозяйства коммунизма в производстве и коллективной организации земледельческого труда. Но, по-видимому, от него ускользнул важный факт капиталистической концентрации и подъема промышленного производства: предпочтение, которое он отдавал старым экономическим формам, в частности ремесленным, полное отсутствие в его труде описания коммунистического общества, основанного на изобилии продуктов потребления, объясняют, почему можно было бы говорить о его экономическом пессимизме. Условия того времени, слабая степень капиталистической концентрации и отсутствие всякого массового производства, а также характер самого Бабёфа и его социальный опыт позволяют понять, почему он склонен был предвидеть скудость и застой производительных сил, а не их подъем и изобилие. Таким образом, определяется место бабувизма — между морализирующей коммунистической утопией XVIII века и промышленным социализмом Сен-Симона.

«Заговор во имя равенства» представляет собой первую попытку провести коммунизм в жизнь. В течение зимы IV года, видя неспособность правительства и ужасающую нищету, от которой страдал народ, Бабёф, вскоре принужденный Директорией скрыться в подполье, пришел к мысли о насильственном ниспровержении существующего социального строя. Вокруг меньшинства сторонников коммунизма заговор объединил членов клуба Пантеона, бывших якобинцев, таких, как Амар, Друэ, Ленде, цели которых оставались в основном политическими. Напротив, Буонарроти, в прошлом комиссар Комитета общественного спасения на Корсике, где сельские общины оставались очень живучими, и в Онелье, в Италии, по-прежнему ярый робеспьерист, сыграл значительную роль при разработке коммунистической программы заговора и его политической организации. 10 жерминаля IV года (30 марта 1796 года) был основан *Повстанческий комитет*, куда вместе с Бабёфом вошли Антонель, Буонарроти, Дарте, Феликс Лепелетье

и Сильвен Марешаль. Велась пропаганда, которой руководили революционные агенты, по одному в каждом из двенадцати парижских округов. Обстоятельства были благоприятными, инфляция продолжала свирепствовать.

Политическая организация заговора характеризуется отказом от методов, которые до тех пор использовало народное движение. В центре находилась руководящая группа, опиравшаяся на небольшое число испытанных борцов; затем шли сочувствующие — патриоты и демократы в духе II года, не посвященные в тайну заговора и, вероятно, не разделившие бы нового революционного идеала, и, наконец, народные массы, которые надо было за собой увлечь. Было уделено много внимания организации заговора, но задача необходимых связей с массами, по-видимому, была решена нечетко. Так, выйдя за рамки традиции народного восстания, определялось понятие революционной диктатуры, которую предчувствовал Марат, не сумев ее определить: после захвата власти путем восстания наввно было бы полагаться на собрание, избранное на основе принципов политической демократии, даже путем всеобщих выборов; необходимо было сохранить диктатуру революционного меньшинства, всегда необходимую для переустройства общества и создания новых институтов. Эту идею у Буонарроти перенял Бланки.

Столкнувшись с бабувистской пропагандой, Директория разделилась. Баррас вилял, щадя оппозиционеров; Рёбель был в нерешимости, боясь сыграть на руку роялистам антинародными репрессиями; Карно, решительно перешедший на сторону авторитарного консерватизма, не колебался. По его инициативе министр общей полиции Мерлен из Дуэ был смещен и заменен Кошоном; 27 жерминаля (16 апреля 1796 года) Советы приняли декрет о введении смертной казни для всех, кто будет подстрекать к «восстановлению королевской власти или Конституции 1793 года... или к грабежу и разделу, под именем аграрного закона, частных владений». Но Бабёф тем временем продолжал готовиться к восстанию; он связался с бывшими депутатами Конвента и 18 флореаля (11 мая) достиг с ними соглашения: они войдут в новое Собрание, которое будет избрано по предложению Повстанческого комитета. Но еще 11 флореаля (30 апреля) был распущен полицейский легион,

который удалось склонить на сторону восстания. А главное, один из военных агентов Бабёфа, Гризель, донес Карно о заговорщиках: 21 флореаля IV года (10 мая 1796 года) Бабёф и Буонарроти были арестованы и все их бумаги захвачены. Аресты ширились, правителями и буржуазией снова овладел страх.

Попытка поднять армию, предпринятая в Гренельском лагере, потерпела неудачу в ночь с 23 на 24 фрюктидора IV года (9—10 сентября 1796 года). Ее совершили скорее люди II года, якобинцы или санкюлоты, чем собственно бабувисты: из 131 человека, арестованного по этому делу, было всего 6 подписчиков газеты Бабёфа «Трибюн дю пёпель». Военный суд, заседавший в Тампле, приговорил 30 обвиняемых к расстрелу. Но кассационный трибунал впоследствии признал этот приговор незаконным.

Вандомский процесс состоялся лишь в V году. Баррас якобы хотел прекратить дело, как и люди вроде Сиейеса, боявшиеся сыграть на руку роялистам. Но Карно был неумолим и добился согласия Директории. В ночь с 9 на 10 фрюктидора (26—27 августа 1796 года) заговорщики были перевезены в Вандом в клетках с решетками, их жены, и среди них жена Бабёфа и его старший сын, шли следом пешком. В Верховном суде процесс начался только в конце февраля 1797 года. Он длился три месяца. После оглашения смертного приговора 7 прериаля V года (26 мая 1797 года) Бабёф и Дарте попытались покончить с собой; на следующий день, окровавленных, их отправили на эшафот.

Значение «Заговора во имя равенства» можно оценить только в масштабах XIX века: в истории Директории он представляет собой не более, чем просто эпизод, несомненно изменивший политическое равновесие. Но коммунистическая идея тогда впервые превратилась в политическую силу: отсюда значение Бабёфа и его попытки в истории социализма. В своем письме от 26 мессидора IV года (14 июля 1796 года) Бабёф просил Феликса Лепелетье собрать все его «проекты, заметки и черновые наброски, посвященные вопросам демократии и революции», и представить «всем последователям равенства... то, что сегодня развращенные люди называют моими мечтами». Исполняя волю Бабёфа,

Буонарроти в 1828 году опубликовал в Брюсселе историю «Заговора во имя равенства, именуемого заговором Бабёфа». Этот труд оказал глубокое влияние на революционные воззрения, благодаря ему бабувизм стал одним из звеньев в развитии коммунистической мысли.

2. Завоевательная война (1796 — 1797 годы)

Новые характерные черты войны, начавшие проявляться после падения Революционного правительства и крушения его политики национальной обороны, особенно усилились при первой Директории. Военные усилия больше не опирались на управляемую экономику, экономика была отдана во власть свободы предпринимательства и свободы прибыли, вследствие чего материальное снабжение армий ухудшилось; это не могло не отразиться вскоре на их моральном духе. Тем более что генералы, которых более не сдерживал эгалитарный принцип, провозглашенный Революционным правительством, и страх террора, избавились от опеки исполнительной власти и дали волю своему честолюбию. С этой точки зрения итальянская политика Бонапарта знаменовала собой подлинный разрыв с прошлым: национальные потребности были подменены авантюристическими устремлениями одного честолюбивого человека. Отход тем более опасный, что он был окружен ореолом одержанных побед.

Однако нельзя составить верное представление о политике экспансии, не коснувшись демографического баланса страны: он оставался весьма положительным. Население Франции было в основном молодым. В 1796 году около 11,5 млн. французов было менее 19 лет, 14,5 млн. — от 20 до 64 лет; возрастная пирамида покоилась на широком основании. Франция представляла собой молодую и многочисленную нацию в полном расцвете. Этот факт был известен правителям страны, даже если они его точно не проверяли. Экспансионистская политика Директории и Консулата, так же как Империи, была бы немислима без этой демографической жизнеспособности. Обилие мужчин тоже объясняет

революционную экспансию «Великой нации» — выражение, появившееся в VI году, внушавшее гордость и толкавшее на несправедливость.

Армия при первой Директории (1795 — 1797 годы)

Деградация армии продолжалась при Директории, которая в этой области, как и во всех других, попросту продолжала термидорианскую политику. Крах бумажных денег, неспособность правительства справиться с финансовым положением, злоупотребления поставщиков — все это отражалось на условиях, в которых находились солдаты: их плохо кормили, плохо одевали и плохо оплачивали. Нужда, которую терпели солдаты, в свою очередь отражалась на их численном составе. Отныне армии Республики подтачивает язва уклонения от службы и дезертирства. Когда Совет пятисот поручил специальной комиссии подготовить проект репрессивного закона против дезертиров, член Совета Дюпюи 19 брюмера IV года (10 ноября 1795 года) вскрыл глубокие причины этого зла: «Ваши враги сыграли на психозе друзей реакции, заставив смотреть на все принудительные меры, которые могли бы в корне искоренить это зло, как на акты террора; одно это слово лучше сослужило Европе, чем ее самое мощное оружие. Проезжая по многим департаментам Республики, я видел шайки дезертиров, шедшие по дороге так же спокойно, как я; и никто не считал своим долгом их остановить или добиться исполнения законов против дезертирства. Что и говорить! Я узнал, что родственники дезертиров часто были мэрами или муниципальными должностными лицами... Впрочем, для них, может быть, было бы небезопасно строго соблюдать закон, дабы не стать жертвой отвратительной реакции, усеявшей Францию столькими трупами». Это значило обнажить корень зла. Питая упорную ненависть ко всем воспоминаниям о II годе и стараясь щадить реакцию, чтобы держать в узде народное движение, Директория, как и термидорианский Конвент, была бессильна преодолеть это зло.

В то же время менялось и умонастроение армии. Несомненно, II год оставил в ее рядах глубокий отпечаток, в армии была жива враждебность к «бывшим» и

священникам и ненависть к королевской власти. Но пламя больше не поддерживалось, и революционный энтузиазм мало-помалу угас; солдаты, сочувствовавшие лозунгам, выдвигавшимся людьми II года, не могли уследить за изгибами политики золотой середины, проводимой Директорией, и с энтузиазмом принять подобные концепции нотаблей. По мере того как постепенно усиливался разрыв между режимом и армией, увеличивалось и презрение ко всему гражданскому: именно тогда появилось прозвище *шпак*, получившее широкое употребление в начале Империи. Однако сам характер военной организации способствовал сохранению демократических настроений: ибо, хотя демократическая практика выборов офицеров и присяжных военных судов и была отменена, для достижения более высокого чина не требовалось больших знаний, их заменяли сообразительность и, главное, храбрость. Простой солдат, если он был храбр, хранил надежду быстро достигнуть самых высоких чинов. Но это не могло не поощрять честолюбия и духа авантюризма.

Национальное чувство, бывшее до сих пор опорой армии, теперь воспринималось по-новому. Состав армии не обновлялся со времени всенародного ополчения, да и завоевательная война отрывала армии от Франции, поэтому солдаты мало-помалу обособились от остальной части народа. Расположенная в чужих странах армия, неизбежно превратившаяся в профессиональную, теперь смотрела лишь на своих генералов. Преданность нации медленно уступает место верности начальнику, авантюризму, а вскоре и духу грабежа. Во II году было сделано все для сохранения и укрепления связи армии с народом; теперь же стараются заставить солдата забыть, что он является также и гражданином. Сен-Жюст сказал в своей речи 12 февраля 1793 года, что победы можно ждать «только в результате развития в армии республиканского духа». А Бонапарт накануне своей итальянской кампании заявил в прокламации от 27 марта 1796 года: «Солдаты, вы раздеты и плохо накормлены. Я поведу вас в самые плодородные равнины мира. В вашей власти будут богатые провинции и большие города, вы найдете там почет, славу и богатство...» Патриотизм лишается своего республиканского и гуманного содержания, всходит национализм. Гражданские чувства и революционный энтузиазм вскоре сменяются презрением ко всему

иностранному и жадной военной славой, национальным тщеславием. Мари Жозеф Шенье вскоре будет превозносить «*Великую нацию*, привыкшую к победам»; это выражение стало ходячим после падения Директории, Империя его узаконила.

Однако накануне кампании 1796 года оружие войны, выкованное Комитетом общественного спасения во II году, все еще оставалось несравнимым с армиями коалиции государств старого порядка. Для укрепления своей власти над генералами и поставщиками Директория создала институт *комиссаров при армиях* наподобие представителей в миссии. Это была тщетная предосторожность, ибо ни комиссары, ни Директория не располагали более в отношении генералов *силой принуждения*. Роль генералов становилась решающей, и военный гений Бонапарта выдвинул его в первые ряды. Но если при разработке стратегических принципов, при построении и использовании тактических соединений его гений достиг вскоре своего расцвета, тем не менее во всем прочем Бонапарт оставался верен революционному наследию: он обновил военное искусство, но использовал для этого созданную революцией национальную армию.

Бонапарт в Италии (1796 — 1797 годы)

После заключения договоров 1795 года коалиция свелась в основном к коалиции Англии и Австрии. Несомненно, Австрия, чье военное и финансовое положение было далеко не блестящим, оставила бы левый берег Рейна, если бы она была уверена в получении компенсаций, таких же, какие были обещаны Пруссии по Базельскому договору. Что касается Англии, находившейся под угрозой экономического и финансового кризиса, политические и финансовые последствия которого могли оказаться серьезными, то она была неспособна к военным усилиям на континенте, хотя для нее всегда было крайне неприятно видеть Францию обособившейся в Нидерландах.

Однако внешняя политика Директории была заранее определена понятием *конституционных границ*, считав-

шихся неприкосновенными: статья 332 Конституции III года запрещала всякое «отторжение территории Республики», а аннексия Бельгии считалась как бы одобренной плебисцитом по вопросу о конституции и тем с большим основанием — аннексия Авиньона и Савойи. Оставался левый берег Рейна. Если Карно, находившийся теперь на поводу у правых, выступал за *старые границы*, правда исправленные, то руководивший дипломатией Рёбель высказывался за *естественные границы*, то есть за аннексию; он стремился получить залог за пределами естественных границ, чтобы вести переговоры с позиций силы; Директория его поддерживала. Чтобы продиктовать свои условия Австрии и Англии, надо было еще не дать себя увлечь логике завоеваний.

Итальянская кампания в двадцать месяцев (апрель 1796 — ноябрь 1797 года) решила исход борьбы с Австрией. Мы не станем ее здесь описывать. Однако кампания против Германии не дала решающих результатов, которых ждала Директория; в октябре 1796 года армия Моро перешла обратно Рейн. Одновременно потерпела неудачу Ирландская экспедиция. Но экономическое положение Англии заставило ее пойти на соглашение, и в октябре 1796 года в Лилле начались переговоры; бельгийский вопрос обрек их на неудачу.

Итак, накануне кампании 1797 года главной надеждой Директории оставалась Итальянская армия. Бонапарт заканчивал дело умиротворения завоеванной страны. 15 октября 1796 года он основал *Циспаданскую республику*, в которую вошли территории Модены и легатств, отобранных у папы. 19 февраля 1797 года он подписал с Пием VI договор в Толентино: в то время, как Директория поручила ему уничтожить светскую власть папы, Бонапарт удовлетворялся, помимо уплаты нескольких миллионов франков, передачей Франции Авиньона и провинции Конта-Венесен и отказом папы от легатств. Его политика приобретала все более и более личный характер.

Наступление против австрийцев возобновилось в марте 1797 года. Бонапарт форсировал реку Тальяменто, а затем ущелье Тарвис; Массена, находившийся в авангарде, достиг Земмеринга. Одновременно в Южной Германии Самбро-Маасская армия под командованием Гоша перешла Рейн и 18 апреля 1797 года одержала победу у Нейвида, близ Кёльна. Но в тот же день,

18 апреля, Бонапарт подписал с Австрией в Леобене в Штирии сразу и перемирие и прелиминарный мир. Настолько победитель Италии, дороживший своим завоеванием, опасался, как бы его не опередили как миротворца!

Леобенский прелиминарный мир знаменовал собой возврат к дипломатической практике старого порядка. В то время как Директория намеревалась использовать Ломбардию как залог при переговорах о передаче Франции левого берега Рейна, Бонапарт обменял Ломбардию на территорию Венецианской республики; таким образом Австрия получала выход к Адриатическому морю. Если она уступала по вопросу о Бельгии, то судьба левого берега Рейна оставалась нерешенной: ее предстояло решить конгрессу, который должен был собраться для заключения мира с Австрийской империей. Это значило подорвать политику Директории на Рейне. И все же Директория ратифицировала Леобенский прелиминарный мир — ее вынуждало к этому внутреннее положение. Против ратификации голосовал один Рёбель: проводимая им политика в отношении левого берега Рейна была принесена в жертву.

Итальянская политика Бонапарта определилась сразу. Он распоряжался в Италии. Он основал *Цизальпинскую республику*, включив в нее Ломбардию, Вальтеллину, часть расположенных на материке венецианских территорий и Циспаданскую республику, и дал ей конституцию. Геную местные якобинцы превратили в *Лигурийскую республику*. 2 мая 1797 года Бонапарт объявил войну Венеции, куда французы вступили 12 мая. В Удине начались переговоры с австрийским правительством с целью заключения окончательного мира.

Одновременно возобновила переговоры Англия. Она только что пережила серьезный банковский и финансовый кризис; Ирландия бунтовала; весной 1797 года участились мятежи во флоте. В июле Питт послал Малмсбери для возобновления конференции в Лилле.

Но в тот момент переговоры ни к чему не привели ни в Лилле, ни в Удине. Участники коалиции ожидали, что победа роялистской правой на выборах в жерминале V года обеспечит им более выгодные условия. Все оставалось неопределенным, пока не разразился внутренний кризис.

3. Наступление роялистов и переворот в фрюктидоре (1796 — 1797 годы)

Внутреннее положение, создавшееся вследствие наступления роялистов, победы реакции на выборах в жерминале V года и утомления, которое испытывало общественное мнение, поставило Директорию в полную зависимость от генералов сама сущность Директории исключала возможность ее обращения к народу ради спасения Республики. Что же касается ориентации внешней политики, то она неизбежно зависела от того, каким образом будет разрешен внутренний кризис. Участники коалиции отдавали себе в этом отчет и затягивали начатые переговоры: если бы победу одержала роялистская правая, то Англия и Австрия надеялись добиться лучших условий мира. Это упрочило солидарность Директории и Бонапарта. Последний не мог надеяться на одобрение его итальянской политики роялистскими Советами. Что же касается Директории, то как она могла противиться требованиям своего спасителя? Вследствие взаимного влияния и взаимных уступок государственный переворот в фрюктидоре и Кампоформийский договор были тесно связаны между собой. Но главная выгода от этой политики должна была достаться Бонапарту.

Роялистское наступление (1796 — 1797 годы)

Антиякобинские репрессии, сопровождавшие «заговор Бабёфа» и последовавшие за ним, отбросили Директорию вправо и способствовали усилению многопланового роялистского наступления, начавшегося летом 1796 года.

Конституционных роялистов призывали сплотиться вокруг Директории как твердой опоры социальной консервации. Желая содействовать созданию крупной правительственной партии, Бенжамен Констан опубликовал в мае 1796 года свою первую брошюру «О силе нынешнего правительства Франции и о необходимости сплотиться вокруг него», которую он, несомненно, написал при участии госпожи де Сталь. Это было искусное

обращение к людям порядка, которые из страха перед социальным переворотом стремились поставить плоды революции под защиту реставрированной монархии. Только Республика может «завершить» революцию, гарантировать плоды революции: единственно возможная конституционная монархия — это правление Директории. На это ответил бывший граф де Лезе-Марнезия в брошюре «О начинающейся слабости правительства и о необходимости для него присоединиться к национальному большинству». Директория укрепитя, только примкнув к собственникам, «включая «бывших землевладельцев», и порвав с якобинцами, управляя не с «партией центра» — Брюхом, а с правыми в Советах, с той частью национального представительства, которая представляет национальное большинство». Директория велела перепечатать брошюру Бенжамена Констан с хвалебной заметкой в «Монитёр» от 12 флореаля IV года (1 мая 1796 года).

Тем временем белый террор возобновился на Юге, где роялист Вийо, подкупленный претендентом на трон, покровительствовавший эмигрантам и членам общества Солнца, был назначен командующим Марсельского военного округа вместо генерала Пюже-Барбантана, связанного дружбой с якобинцами.

Под давлением правых Советы, хотя и сохранили в силе декрет об амнистии бывших проводников террора от 4 брюмера IV года (26 октября 1795 года), проголосовали 14 фримера V года (4 декабря 1796 года) за недопущение амнистированных на общественные должности. Тот же декрет отменял статью закона от 3 брюмера IV года (25 октября 1795 года), которая сохраняла в силе репрессивное законодательство против духовенства. В большинстве приходов возобновилось богослужение; влияние священников могло быть направлено только на пользу реакции, которой, с другой стороны, благоприятствовало отстранение якобинцев от общественных должностей. Карно все более склонялся к правым, тогда как Ларевельер в силу своего антиклерикализма сблизился с Рёбелем и Баррасом, ибо триумвиров начали тревожить успехи роялистов.

Действительно, раскрытый в тот момент англо-роялистский заговор доказывал, что правые не присоединились к Республике и по-прежнему готовятся захватить власть. Претендент на трон Людовик XVIII, бежавший

в Бланкенбург к герцогу Брауншвейгскому, отказался пойти на малейшие уступки, которые могли бы затронуть «основы прежнего абсолютистского образа правления» («Это последний удар для королевской семьи Франции», — писал английский агент Уикхэм министру Гренвилю 16 июля 1796 года); деятельность роялистов развивалась по двум линиям — конституционной и абсолютистской. По мнению убежденного якобинца, бывшего капуцина Пультье, высказанному в газете «Ами дэ луа» от 16 брюмера V года (6 ноября 1796 года), *роялисты-абсолютисты* имеются «среди престарелых и набожных людей, женщин легкого поведения, неприсягнувших священников, богатых финансистов, родственников эмигрантов, бывших крупных должностных лиц...», а *роялисты-конституционалисты* — «среди негоциантов, бывших торговцев, сторонников Лафайета, меньшинства дворянства, банкиров, юристов, новоявленных богачей». «Журналь дэз ом либр» от 5 брюмера V года (26 октября 1796 года) проводила ясное различие между *роялистами* — *сторонниками Бурбонов*, связанными с претендентом на трон, и *роялистами разного толка* (*royalistes mixtes*), которые обращали свои взоры «к Орлеанскому дому». Объединившись, чтобы отвергнуть Людовика XVIII и власть эмигрантов, конституционные монархисты, бывшие фейяны, фактически не знали, кем его заменить.

Летом 1796 года возник заговор Бротье. Представитель претендента на трон в Париже аббат Бротье руководил *Агентством*, которое сумело проникнуть даже в охрану Директории. Это агентство создало общество «*Друзей порядка*», которое находилось в конституционной оппозиции к режиму, но втайне воодушевлялось группой *Легитимных сыновей*, сторонников реставрации абсолютизма путем восстания. В октябре 1796 года бывший член Учредительного собрания Дандре, сторонник легальных действий, преобразовал общество в *Филантропический институт*, имея в виду предстоявшие выборы. Вскоре Филантропический институт создал свои отделения в 70 департаментах, где среди отделений наблюдалась такая же двойственность между конституционалистами — сторонниками легальных действий и абсолютистами — сторонниками насильственных действий: например, в департаменте Сарта, где отделение института было организовано шуаном, а также в Бордо. Деньги поступали из Лондона через обосновавшегося в Швейцарии

английского агента Уикхэма; таким путем субсидировались газеты и финансировалась избирательная кампания. Несмотря на арест Бротье 11 плювиоза V года (30 января 1797 года) и признания одного из его сообщников, роялистская пропаганда продолжалась. Ей действительно благоприятствовала политическая и социальная обстановка.

Религиозный вопрос создавал благоприятную почву для реакции. Во Францию возвращалось очень много эмигрантов и неприсягнувших священников. Преследуя якобинцев и бабувистов, Директория, чтобы обеспечить себе большинство, была вынуждена искать поддержки у бывших роялистов, составивших вновь избранную треть; но они требовали, чтобы за поддержку им платили значительными уступками, главным образом в области религии. Обычно Директорию считают резко антиклерикальной. В действительности же по политическим причинам ее антиклерикализм несколько смягчился, особенно с весны и до конца 1796 года. Новое большинство, образовавшееся после раскрытия «заговора Бабёфа», приняло один за другим в мае и июне 1796 года два закона, возмещавших ущерб, нанесенный неприсягнувшим священникам, восстановив некоторые категории из них в правах на имущество или на пенсии. Внутри Директории Карно все более и более поддавался влиянию роялистов и католиков. Его креатура, министр полиции Кошон, рекомендовал теперь комиссарам Директории проявлять к священникам терпимость. «Следует опасаться, — писал он в циркуляре от 17 брюмера V года (7 ноября 1796 года), — прямо задевать религиозные чувства, которыми проникнут народ». Поступая так, Директория способствовала восстановлению богослужения неприсягнувшими священниками, постепенно устраняя все, что этому мешало, и действовала на пользу роялизма, поскольку неприсягнувшие священники утверждали, что римский католицизм несовместим с Республикой. Когда с приближением выборов V года Директория отдала себе в этом отчет, она вновь совершила крутой поворот и стала опять бороться с партией духовенства; но тогда она уже утратила лучшие из своих легальных средств. Влияние неприсягнувших священников возрастало в тем большей мере, что ослабевало влияние конституционной церкви, а новая форма декадентского культа — *теофилантропия*, основанная в начале

1797 года при поддержке Ларевельера, привлекала на свою сторону лишь просвещенное буржуазное меньшинство.

Финансовый кризис и возникшие вследствие него трудности тоже благоприятствовали реакционному движению. В результате краха территориального мандата и возврата к металлическим деньгам создалось крайне тяжелое положение. Инфляцию сменила дефляция; звонкой монеты в обращении было мало, цены упали, тем более что урожай 1796 оказался обильным. Это все же привело к некоторому смягчению нищеты народа. Но война продолжалась. Директория тщетно старалась привести бюджет в равновесие. Советы, преследуя тайные политические цели, отказывались от всяких эффективных мер в области финансов. Налоги были вотированы слишком поздно: поземельный налог на текущий год — 18 прериаля V года (6 июня 1797 года), а налог на движимое имущество — 14 термидора (2 августа). Директория предложила создать в каждом департаменте Агентство прямых налогов, куда должны были войти государственные чиновники, но это предложение не получило одобрения. Директория предложила восстановить некоторые косвенные налоги — на порох и селитру, на соль, но, хотя Совет пятисот на это пошел, это отверг Совет старейшин. Для извлечения большей выгоды от продажи национальных имуществ 16 брюмера V года (6 ноября 1796 года) были восстановлены торги, но барыш оказался ничтожным.

Приходилось прибегать к крайним финансовым средствам. Продолжались реквизиции для снабжения армий хлебом, фуражом и лошадьми. Они оплачивались бонами, получаемыми в уплату налогов и за национальные имущества. Как и термидорианцам после отказа от политики управляемой экономики, Директории пришлось обратиться к финансистам, банкирам и поставщикам. Она попала в зависимость от них и прибегала к многочисленным уловкам. Она отдала в залог брильянты короны и в том числе «Регент»¹, заложенный в Берлинском банке в жерминале IV года. Продажа леса на сруб

¹ Знаменитый брильянт французской короны, приобретенный в 1717 году Филиппом Орлеанским, регентом Франции в 1715—1723 годы — *Прим ред.*

составляла один из наиболее крупных источников получения наличных денег и удовлетворения поставщиков. Против такого расхищения национальных лесных богатств протестовал один лишь Робер Ленде. Национальное имущество использовали как платежное средство в силу закона от 16 брюмера V года (6 ноября 1796 года): один из поставщиков получил таким образом 600 га лесных угодий в департаменте Нор. Вскоре дошли до передачи кредиторам различных категорий государственных поступлений; это значило вернуться под названием *перевода платежа (делегаций)* к практике *авансирования (anticipations)*, принятой при старом порядке. Так, например, передавались доходы от налогов в каком-нибудь департаменте или доходы от продажи английских товаров, захваченных в Ливорно, в пользу компании Флаша, снабжавшей Итальянскую армию.

Крупным источником доходов являлись завоевания. На Батавскую республику была наложена военная контрибуция в 100 млн. флоринов, половина этой суммы была уплачена сразу, а другая разделена на последовательные платежи сроком до прериаля IV года. Директория поспешила мобилизовать в форме облигаций еще невыплаченную часть. Эти *батавские облигации (rescriptions bataves)* позволили получить от Гамбургского банка Сивкинг 10 млн. в звонкой монете и векселях. 30 брюмера IV года (21 ноября 1795 года) только что созданная Директория распорядилась о немедленной продаже за наличный расчет бельгийских национальных имуществ. Военные контрибуции налагались полным ходом: 5 жерминаля V года (25 марта 1797 года) Директория получила более 2 млн. звонкой монетой от Рейнско-Мозельской армии, находившейся под командованием Моро, более 10 млн. — от Самбро-Маасской армии, которой командовал Журдан, и более 51 млн. — от Итальянской армии. Правительство попадало в зависимость от своих генералов; вскоре оно перестало быть хозяином своей внешней политики.

Росла коррупция, поощряемая подобными методами, слабостью правительства, продажностью группы политических деятелей, которую символизируют имена Барраса, Фуше, Талейрана. По свидетельству Барраса в его «Мемуарах», «должности депутата, на которую раньше смотрели как на почетную... сегодня домогаются как

выгодного положения, чтобы добиться скорее богатства, чем славы. По мере ослабления моральных принципов революции, они уступали место материальным принципам. Уже говорили о том, что век был позитивным». Среди депутатов имелись банкиры — Лекутё, Лаффон де Ладеба, Жоанно. Имелись и депутаты-поставщики — Лапорт, связанный с компанией Флаша, Делонэ из Анжера, Гупийо из Фонтене и крупный поставщик Маркс Берр. Один депутат богател, спекулируя солью Шаранты, это был Лозо, выступивший 9 термидора с предложением обвинительного декрета против Робеспьера; другой, спекулируя национальными имуществами, как, например, Клозель, бывший горговец в разнос и монтаньяр. Спекулировали решительно все: свидетельства о постоянном проживании в каком-то месте, исключением из списков эмигрантов, дипломатическими секретами.

Этому сопутствовала распущенность нравов, особенно поражавшая наблюдателей того времени по контрасту со спартанским образом жизни деятелей Республики 11 года. Однако она распространялась лишь на разбогатевшее и праздное меньшинство, для которого бешеная погоня за наслаждениями стала правилом и которое, неверно обобщая, называли *обществом периода Директории*: своим цинизмом и роскошью оно предвосхищало нравы высшего общества периода Империи, хотя в первом оно превосходило последнее, а во втором уступало ему. Первенство принадлежало здесь нуворишам. Высмеиваемые в песенках и спектаклях (в это время в большой моде была «Мадам Анго» Майе, подражанием которой являлись «Современные богачи» Пульжу и «Нынешние нравы» Колена д'Арлевиля), они для многих были олицетворением режима. «Грабители и воры Республики», — писала правая газета «Котидьенн» 13 жерминаля V года (2 апреля 1797 года), — это единственные истинные республиканцы». В правительстве к этому развращенному обществу принадлежали два лица: бывший виконт Баррас и бывший епископ Галейран. Их окружали дельцы, банкиры, поставщики, биржевые игроки, спекулянты, наживавшиеся при существующей системе, но готовые предать ее ради другой, которая гарантировала бы им неприкосновенность их состояний.

Недоверие к режиму распространилось на все слои общества. Служащим платили жалованье крайне нере-

гулярно. Коммунальные службы из-за отсутствия финансовых средств работали с большим трудом. Для облегчения национального бюджета Директория передала суды, центральные школы¹, благотворительные учреждения в ведение местной администрации, но ее финансы находились в таком же плачевном состоянии, как и финансы правительства. Рента выплачивалась на четверть в звонкой монете, когда у правительства имелись наличные деньги, и на три четверти в бонах, которые принимались только в уплату налогов или при покупке национальных имуществ и которые спекулянты скупали по самой ничтожной цене. Неспособность Директории справиться с финансовым положением, увеличивая всеобщее недовольство, играла на руку роялистской оппозиции как раз накануне выборов V года.

Выборы V года и реакция

Несмотря на блестящие победы Бонапарта в Италии, которые Директория одно время надеялась использовать, выборы в жерминале V года для замены первой трети, выбывающей из Советов, наполовину состоявшихся из *пожизненных членов*, протекали под влиянием роялистов. Тщетно сторонники режима заранее разоблачали опасности реакции. В своем новом произведении «О политических реакциях» (март 1797 года) Бенжамен Констан доказывал, что революция связана с необратимым развитием человеческого духа, что реставрация старого порядка была бы неосторожной попыткой восстановить здание прошлого на почве, непригодной для того, чтобы служить ему опорой. Он разоблачал «реакции, направленные против людей, которые увековечивают революцию, ибо они увековечивают угнетение, порождающее их», «реакции, направленные против идей, которые делают революции бесплодными, ибо они возрождают заблуждения». «Итак, недостаточно завоевать свободу, добиться торжества знаний, купить ценой огромных жертв эти два бесценных блага, ценою невероятных усилий положить конец этим жертвам; надо еще помешать движению вспять, которое неизбежно следует за

¹ О центральных школах см стр 341.

мощным толчком, не дать ему выйти за необходимые пределы, не позволить ему подготовить возрождение всех предрассудков и не оставить, наконец, как следы перемен, которые хотели совершить, одни руины, слезы, позор и кровь». Этот призыв не был услышан.

Выборы протекали в соответствии с установленным порядком. Странники Директории были раздавлены: из более чем 90 департаментов за республиканцев голосовала какая-нибудь дюжина. Новая треть значительно усиливала группу правых — монархистов. Для выбывавших членов Конвента это был настоящий разгром; из 216 депутатов оказалось переизбрано только 11, причем из этих 11 убежденными республиканцами были только 6. Если попытаться уточнить результаты выборов по департаментам, то от 63 департаментов были избраны 182 депутата-реакционера, если не контрреволюционера; от 20 департаментов — 44 депутата неопределенной политической ориентации, и только от 14 департаментов было избрано 34 республиканца различных оттенков, из них 16 явно левых. Сокрушительный итог, который к тому же иллюстрируется характерным избранием таких личностей, как Пишегрю — от департамента Юра; генерала Вийо и Эмбера-Коломе, агентов претендента на престол; писателей Мармонтеля, Мэн де Бирана, известных своими реакционными писаниями; эллиниста Вовилье; бывшего секретаря Парижской коммуны до 10 августа Руайе-Коллара. В то же время среди избранных депутатов, известных своей верностью Республике, наиболее значительной личностью был генерал Журдан; упомянем еще Жозефа Бонапарта, озаренного лучами славы брата, Буле из Мёрта, еще бывшего добрым республиканцем, корсиканских депутатов Арена и Саличетти.

Директория пожалала то, что посеяла. Ее пропаганда и раздувание бабувистского заговора зашли дальше поставленной ею цели; страх перед «разделителями» обуревал нотаблей и новых собственников, составлявших в условиях цензовой системы массу избирателей V года, в результате многие покупатели национальных имуществ и новоиспеченные землевладельцы, тем более старавшиеся прослыть *порядочными людьми*, были отброшены к более или менее замаскированному роялизму. Что за важность, если будет реставрация, лишь бы она уважа-

ла собственность! С другой стороны, Директория не поняла, что в условиях продолжавшейся войны, неизбежно требовавшей непопулярных мероприятий, свободные выборы могли обернуться только ей во вред. Альтернатива оставалась такой же, как летом 1793 года: либо война с ее революционными требованиями, либо мир и возврат к свободной конституционной игре. Не поняв этого вовремя, Директория должна была действовать: она не могла игнорировать крайнюю опасность, нависшую над Республикой, даже если она возникла конституционным путем.

В тот момент мнения внутри Директории разделились. Рёбель, которого поддерживал Ларевельер, созная опасность, намеревался справиться с положением, если понадобится, кассировав выборы. Карно, примирясь с результатами выборов, на это не соглашался. Баррас занимал, по своему обыкновению, уклончивую позицию. Рёбелю пришлось запастись терпением, хотя задуманный им удар было бы легко нанести сразу после выборов. В конце концов недостаток сплоченности, отсутствие позитивных идей или общих целей у руководителей большинства, создавшегося в результате выборов V года, слабость их сил позволили Директории совершить свой трудный государственный переворот пять месяцев спустя, но ценой, чреватой серьезными последствиями, а именно прибегнув к помощи солдата.

Советы собрались 1 прериаля (20 мая 1797 года). Они назначили Барбе-Марбуа председателем Совета старейшин и Пишегрю председателем Совета пятисот. По жребию из состава Директории должен был выбыть Летурнёр, и советы в тот же день заменили его Бартеlemi — известным монархистом, представителем Франции на мирных переговорах в Базеле. Все же правые находились в нерешительности. Они собирались в клубе Клиши, но никак не могли определить свою политику. *Белых якобинцев* — сторонников немедленной реставрации — было меньшинство; многочисленным конституционным монархистам насилие внушало отвращение; группа, получившая название *Брюхо*, тоже роялистского направления, намеревалась проводить отдельные реформы и выжидать. Фактически ее программа, несмотря на свою умеренность, тревожила тех, кто приобрел национальные имуществы, поставщиков, новых должност-

ных лиц и генералов; как отмечает госпожа де Сталь в своей посмертно вышедшей книге, написанной в последние месяцы 1798 года, «О нынешних обстоятельствах, могущих положить конец революции», речь шла не столько о режиме, сколько об антагонизме между двумя социальными группами — новыми и старыми богачами; не столько о форме правления, монархии или республике, сколько о возможности для революционной буржуазии мирно наслаждаться завоеванными благами. Что касается Пишегрю, на которого белые якобинцы рассчитывали для совершения государственного переворота, то он оказался неспособным к решительным действиям: его сдержанность объяснялась опасением, как бы Директория не вычеркнула его из списка генералов!

Мероприятия реакции были направлены на отмену чрезвычайных законов против эмигрантов и неприсягнувших священников: надо было узаконить совершившийся факт, так как неприсягнувшие священники и эмигранты возвращались во Францию тысячами. Закон от 7 фрюктидора V года (24 августа 1797 года) отменил в отношении неприсягнувших священников репрессивные меры 1792 и 1793 годов; произошло полное смешение неприсягнувших священников с присягнувшими, от тех и других требовалось только простое заявление о согласии подчиняться законам. В результате отмены распоряжений от 3 брюмера IV года родственники эмигрантов были вновь допущены к занятию общественных должностей. Пролажа имущества эмигрантов была прекращена в период между выборами V года и государственным переворотом 18 фрюктидора; во многих департаментах приступили к отмене секвестра и аннулировали раздел «преждевременного наследства» (*pré-succession*) (в глазах закона эмигранта постигала гражданская смерть, его имущество делилось до его фактической смерти между государством и другими наследниками). Все эти мероприятия встревожили новых владельцев национальных имуществ. Осмелев вследствие пассивности Директории, правые вознамерились сделать Директорию совершенно бессильной, лишив ее всех финансовых полномочий: Совет пятисот передал их 30 прериала (18 июня 1797 года) казначейству, давно прославшемуся контрреволюционным. Однако с этим не согласился Совет старейшин.

В департаментах реакция часто доходила до крайних пределов. Росло число филиалов Филантропического института, возвращались эмигранты, свободно разбегались изгнанные священники, тогда как лица, приобретенные национальные имущества, подвергались нападениям: у них уничтожали урожай и поджигали постройки. В послании Директории Совету пятисот от 16 мессидора (4 июля) сообщалось, что в Лионе вновь созданы отряды Иисуса, которые пополняются дезертирами, уклоняющимися от военной службы и эмигрантами, что там ежедневно происходят убийства лиц, купивших национальные имущества, и даже жандармов. В департаменте Нижние Альпы за восемь дней было убито шесть республиканцев. Не было ни одного департамента, где республиканцы и особенно покупатели национальных имуществ чувствовали бы себя в безопасности.

Республиканцы пробовали оказывать сопротивление, объединяясь в *конституционные клубы*. Первый из них появился в Париже около середины прериала и объединял республиканские течения всех оттенков, за исключением демократов. При поддержке комиссаров Директории число клубов росло в городах департаментов, особенно на Юге. Советы встревожились, депутат из Клиши обличал «эти арсеналы мятежа, эти мастерские восстания, где злодеи готовятся вновь оживить с помощью эшафотов призрак террора». 5 термидора (23 июля 1797 года) Советы приняли декрет о закрытии клубов.

Конфликт между Директорией и Советами вступил в решающую фазу, когда Баррас оставил свою выжидательную позицию, чтобы поддержать Рёбеля и Ларевельера против Карно и Бартелеми. Его решение явно окрепло, когда Карно потребовал смены министров в угоду правым. 26 мессидора (14 июля 1797 года) было решено сохранить за Мерленом и Рамелем, которых роялисты ненавидели, их посты министров юстиции и финансов; Франсуа из Нешато, связанный с Рёбелем, был назначен министром внутренних дел, а Талейран — министром иностранных дел вопреки мнению Рёбеля, чувствовавшего в нем предателя: Талейрана представила Баррасу госпожа де Сталь. Военным министром был назначен Гош, вскоре замененный Шерером: этот выбор был знаменательным, войска Самбро-Маасской армии, которой командовал Гош, уже десять дней назад двинулись к Парижу.

*Государственный переворот 18 фрюктидора V года
(4 сентября 1797 года)*

Открытый конфликт, возникший между Директорией и Советами в результате выборов в жерминале V года, мог быть разрешен вне рамок конституционной процедуры только при поддержке народа, как во II году, или с помощью армии, как это было 13 вандемьера. Сама природа режима нотаблей исключала первое решение, против которого заранее резко возражал Ларевельер. Оставалась армия. Предупрежденные Бонапарт и Гош согласились вмешаться. В мессидоре Бонапарт представил в виде доказательства предательства Пишегрю документ, найденный среди бумаг роялистского агента д'Антрега. 13 мессидора (1 июля 1797 года) Гош двинул свои войска на Париж. Таким образом, Директория отдала себя во власть генералов и особенно Бонапарта, который оказал правительству поддержку против Советов только для того, чтобы навязать ему свой Леобенский прелиминарный мир и свою итальянскую политику.

Советы поняли, какая им угрожает опасность, когда они узнали 28 мессидора (16 июля 1797 года) о министерских переменах и о наличии войск за «конституционной гранью» вокруг Парижа, которую армии было запрещено переступать. Рассматривался вопрос о передаче суду *триумвиров* — Барраса, Ларевельера и Ребеля; но Карно, предупрежденный о предательстве Пишегрю, отказался согласиться на реставрацию королевской власти. В то время как 25 термидора (12 августа 1797 года) Советы разрешили формирование отборных отрядов национальной гвардии, чтобы вооружить буржуазию из богатых кварталов, Директория продолжала свои приготовления. Бонапарт прислал Ожеро, которому было поручено командование, между тем как армейские части под разными предложениями входили в Париж. Наступление против Советов было начато 10 фрюктидора (27 августа) Ларевельером. Он заявил Бернадоту, доставившему ему знамена, захваченные Итальянской армией: «Исполнительная Директория ничего не побоятся, чтобы обеспечить французам их свободу, их конституцию и их собственность. Она не станет вести переговоры с врагами Республики, чтобы заключить с ними

позорные сделки. Он в этом клянется волей нации и доблестью наших воинов — Республика будет спасена». По-видимому, правые решили прибегнуть к силе, но *триумвиры* их опередили.

Утром 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 года) Париж был занят войсками, Пишегрю и около дюжины депутатов были арестованы и заключены в тюрьму Тампль, а также Бартеlemi. Карно удалось бежать. Никакого сопротивления оказано не было, было принято решение, что те, кто будет способствовать восстановлению королевской власти или Конституции 1793 года, будут расстреляны на месте. Собранные ночью члены Советов вотировали 19 фрюктидора (5 сентября) чрезвычайные меры, предложенные *триумвирами*. В 49 департаментах выборы были кассированы, 177 депутатов исключены без замены их другими, 65 человек сосланы в Гвиану («сухая гильотина»). Некоторые депутаты подали в отставку, например Дюпон де Немур. Большинство в Советах было устранено. Наконец, вместо Карно и Бартеlemi в состав Директории были введены министр внутренних дел Франсуа из Нешато и министр юстиции Мерлен из Дуэ.

Были восстановлены в силе репрессивные меры против эмигрантов и духовенства: эмигранты под страхом смертной казни должны были в двухнедельный срок покинуть Францию, их родственникам было вновь запрещено занимать общественные должности, и они даже были лишены права голоса. Вернувшиеся из ссылки священники были изгнаны из Франции под страхом отправки в Гвиану. Все служители культа должны были принести присягу в ненависти к королевской власти и к Конституции 1793 года. Тяжелым репрессиям подверглась оппозиционная печать — 42 газеты были закрыты. Клубы, напротив, были вновь разрешены. Полномочия Директории были расширены: она получила право производить чистку администрации и судов и по своему усмотрению объявлять осадное положение.

В области внешних сношений успех государственного переворота 18 фрюктидора сразу же привел к тому, что политика Директории, руководство которой взял на себя Ребель, стала более жесткой. Лилльские переговоры (июль — сентябрь 1797 года) потерпели неудачу. Директория потребовала восстановления колоний Франции и ее союзников без возвращения, однако, своих кон-

тинентальных завоеваний; Англия отказалась освободить Капскую колонию и Цейлон, отобранные у Голландии; это был разрыв. Однако в Удине возобновились переговоры между Бонапартом и Кобенцлем — уполномоченным австрийского канцлера Тугута.

18 октября 1797 года был подписан Кампоформийский мир; фактически это произошло в Пассериано, где находилась резиденция Бонапарта. Вопреки инструкциям Директории, которые предусматривали передачу Франции левого берега Рейна и восстановление Венецианской республики, Бонапарт уступил Австрии Истрию, Далмацию, Каттарскую бухту, Венецию и материковые земли до реки Адидже. Из бывших венецианских владений Франция получила Ионические острова (Корфу, Занте, Кефаллинию). Австрия признавала Цизальпинскую республику «как независимую державу». Она отказывалась от Бельгии. Что касается левого берега Рейна, то, согласно секретным статьям, Австрия *соглашалась* на его аннексию до места слияния Рейна с Нетте (Палатинат, бывшие Трирское и Майнцское курфюршества), то есть за исключением района Кёльна. Она обязалась во время предстоящего Раштаттского конгресса между Францией и «Священной Римской империей» «употребить все силы, чтобы Французская республика добилась признания именно этих границ». Несмотря на свое недовольство, Директория ратифицировала этот договор. Как бы она могла возражать? В утомленной войной стране при известии о мире вспыхнула бурная радость. Директории ничего не оставалось, как смириться.

*

Революционная нация отреклась от своих принципов и превратилась в «торговца народами». Франция отказалась от союза с Пруссией ради непрочного соглашения с Австрией: хотя последняя и была разбита, но она ничего не потеряла ни в Германии, ни в Италии, поскольку Ломбардию она обменяла на венецианские владения. «Итальянская система» Бонапарта, столь чуждая традициям и воле нации, одержала верх над «рейнской системой» Директории. Бонапарта уже воодушевляли новые проекты. Во время переговоров в Кампоформио он заявил австрийскому полномочному представителю Кобенцлю: «Французская республика рассматривает

Средиземное море как свое и хочет там господствовать»; в то же время он толкал Директорию на то, чтобы завладеть Мальтой: «Этому маленькому острову для нас цены нет». В итальянской политике и средиземноморских проектах Бонапарта крылась в зародыше война.

Между тем необходимость прибегнуть 18 фрюктидора к помощи армии увеличила ее роль в Республике. переворот удался только благодаря поддержке генералов и войск. Несомненно, Директория сочла их силу не столь опасной, так как в тот момент был установлен континентальный мир. Несомненно еще, что в тот момент влияние крупных военачальников нейтрализовалось их взаимным соперничеством. Но Гош умер в 3-й дополнительный день V года (19 сентября 1797 года), Моро внушал подозрение, Журдан был в немилости, а Пишегрю находился на пути в Гвиану. Более того, вновь обретенный мир не был миром, установившим естественные границы, а миром, заключенным победителем Италии, и без того высокий престиж которого еще более возрос.

Директория оставалась в изоляции. Правая оппозиция была устранена; но униженные и озлобленные представители законодательной власти выжидали возможности реванша. Кроме того, 18 фрюктидора народ оставался в стороне. Директория опасалась его. 13 вандемьера термидорианцы обратились к бывшим проводникам террора, выпустив их из тюрем, к людям предместий и их вожакам. А 18 фрюктидора Директория им угрожала. «Каждый, — говорилось в прокламации, — кто позволит себе призывать к Конституции 1793 года или призывать Орлеанов, будет тотчас же расстрелян в соответствии с законом» (на самом деле никакого закона такого рода не было). «Горе тому, кто пожелал бы восстановить эшафоты, насильничать над людьми и посягать на собственность!» — добавил Буле из Мёрта, превознося государственный переворот в Совете пятисот. Народ был отстранен, нотабли притаились: 28 тыс. парижских граждан, участвовавших в выборах в жерминале V года, хранят спокойствие, они выжидают событий. Государственный переворот нанес тяжелый удар либеральной Республике, учрежденной Конституцией III года: национальное представительство было искажено и установлена лицемерная диктатура, не имевшая иной социальной базы, кроме той части буржуазии,

которая воспользовалась революцией для своего обогащения. После термидора и прериаля Республика уже больше не воплощала нацию. Термидорианцы, а затем первая Директория тщетно старались превратить ее в кровное дело нотаблей. Теперь она была всего лишь делом клана Директории.

Бенжамен Констан, все же восхвалявший государственный переворот в слащавой речи, произнесенной им в конституционном клубе 30 фрюктидора (16 сентября 1797 года), позднее, при консульской или императорской диктатуре, писал, что фрюктидор развязал «произвол, не поддающийся контролю произвол». Тщетно «друзья свободы», которые «в своем слепом рвении способствовали этому необузданному движению, хотели его остановить, дабы избежать его губительных последствий; они не нашли точки опоры ни в удрученном народе, ни в искаленном Законодательном корпусе, ни в Директории, осужденной отныне быть только узурпатором» и пользоваться только такой властью, которая «погибла бы, как только перестала бы быть тиранической».

РЕСПУБЛИКА ДИРЕКТОРИИ МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И ДИКТАТУРОЙ

(сентябрь 1797 года — ноябрь 1799 года)

После фрюктидора и Кампоформию применение Директорией авторитарных методов в области внутренней политики приняло широкий характер. Таким путем она приобрела некоторую деспотическую способность и смогла осуществить дело административной реорганизации, значение которой было затемнено легендой, созданной во времена Консульства. Но политическая стабилизация была невозможна, социальная база режима оставалась чрезвычайно узкой. Пока длился континентальный мир, этой системе удавалось держаться ценой новых покушений на либеральную практику Конституции III года. Образование второй коалиции и возобновление войны положили начало окончательному кризису. 18 брюмера привело в соответствие восстановление власти государства и сохранение социального господства буржуазии нотаблей. Но для осуществления этой операции пришлось прибегнуть к помощи армии, в результате чего нотабли утратили политическую власть.

1. Репрессии и реформы (1797—1798 годы)

Для правительственной организации, хотя она и была изменена после фрюктидора, по-прежнему было характерно отсутствие стабильности, это касалось как людей, так и учреждений. В самой Директории Франсуа из Нёшато и Мерлен из Дуэ заменили Карно и Бартеlemi. Из бывших министров остался один Рамель; остальные были ничтожествами, за исключением бельгийца Ламбрехта — выдающегося юриста, назначенного вместо Мерлена в министерство юстиции. Фактически деятельности исполнительной власти, всегда зависевшей

От внутренних раздоров, поскольку власть была коллегияльной, мешали либеральные положения Конституции III года; она по-прежнему не имела законной власти над Советами и казначейством. Возникла мысль об усилении исполнительной власти, особенно в окружении Сиейеса, в группе госпожи де Сталь и Бенжамена Констана. Но весьма сложная процедура пересмотра конституции требовала, согласно статье 338, девятилетнего срока. Проблема оставалась неразрешенной; все могло быть поставлено под вопрос в результате ежегодных выборов: они должны были состояться в марте 1798 года.

„Террор Директории“

Чрезвычайный режим, установленный после фрюктидора, был лишь бледным отражением режима II года, хотя его и называли «террором Директории»: для буржуазии Директории не могло быть и речи о такой экономической диктатуре, какую установил Комитет общественного спасения, и Директории всегда не хватало той *силы принуждения*, какой обладало Революционное правительство. Правда, опасность была не столь велика, поскольку был установлен континентальный мир и внутренняя контрреволюция выродилась в разбой. Военные комиссии положили конец выступлениям, имевшим место после 18 фрюктидора, например в Пон-Сент-Эспри, где барон де Сен-Кристоль в течение двух дней держал город в своих руках, в Карпантра или в Монтобане. По закону от 30 нивоа VI года (18 января 1798 года) была введена смертная казнь за нападения, совершенные более чем двумя лицами. Репрессии приобрели скорее полицейский характер, чем характер террора; производились домашние обыски, ссылки в административном порядке, нарушалась тайна переписки, ограничивалась свобода печати, причем не путем восстановления цензуры, а посредством закрытия многих газет — 27 фримера VI года (17 декабря 1797 года) было закрыто 16 газет, — осуществлялся надзор над театрами, проводилась чистка административного персонала. Главным образом преследовали две категории — эмигрантов и священников, но речь шла не столько о новом

законодательстве, сколько о строгом соблюдении уже существовавших законов.

Против эмигрантов достаточно было использовать арсенал декретов, восстановленных в силе законом от 19 фрюктидора. В VI году по приговорам военных комиссий было расстреляно 160 вернувшихся эмигрантов; правда, некоторые из них вновь взяли за оружие, например Алье и Сюрвиль в департаменте Ардеш. Кое-кто хотел бы пойти еще дальше. Сиейес, в этом смысле олицетворявший революционную буржуазию, жаждавшую с одинаковым озлоблением как гибели аристократии, так и гибели демократии, внес предложение о высылке всех дворян. Его не поддержали, но он был вдохновителем закона от 9 фримера VI года (29 ноября 1797 года), который приравнивал положение дворян к положению иностранцев: «Бывшие дворяне и лица, которым пожаловано дворянство, не смогут пользоваться правами французских граждан в первичных, коммунальных и избирательных собраниях и не смогут назначаться ни на какие общественные должности, пока они не выполнят условий, установленных для иностранцев статьей 10 конституции о натурализации, и пока не истекут установленные для этого сроки». Правила применения этого закона так и не были установлены, но его направленность была совершенно ясна. Родственники эмигрантов по-прежнему не могли распоряжаться своим имуществом, разве что они соглашались на раздел на условиях преждевременного наследования.

Законы 1792 и 1793 годов против неприсягнувших священников были оставлены в силе, но смертная казнь для священников, самовольно возвратившихся из изгнания, была молчаливо заменена ссылкой в Гвиану («сухой гильотиной»). Некоторые внесенные в списки эмигрантов были расстреляны именно по этому признаку. С другой стороны, Директория могла выслать путем принятия отдельных постановлений любого священника, даже соблюдавшего законы, если он отказывался от присяги в ненависти к королевской власти, введенной 19 фрюктидора (5 сентября 1797 года). Жертвой этих мер пали от 1700 до 1800 священников; 263 были сосланы в Гвиану; около тысячи священников было интернировано на острове Ре или на острове Олерон. Таким образом, приблизительно из 11 тыс. подлежащих высылке было схвачено лишь несколько более одной

десятой части, 25 священников на тысячу было действительно сослано; 156 из них умерли за морем.

Религиозная политика Директории после 18 фрюктидора была резко антиклерикальной. Статья 25 закона от 19 фрюктидора предписывала строгое соблюдение закона от 7 вандемьера IV года (29 сентября 1795 года) об отправлении культа и надзоре за ним: все публичные церемонии, все внешние знаки культа оставались под запретом. Законом от 17 термидора VI года (4 августа 1798 года) предписывалось соблюдение празднования десятых дней декад; закон от 23 фрюктидора (9 сентября 1798 года) обязывал как частных лиц, так и государственных служащих пользоваться республиканским календарем — «великим и прекрасным созданием человеческого разума», получившим теперь название *Ежегодника Республики*. Постановлением от 17 плювиоза VI года (5 февраля 1798 года) частные школы, главным образом католические, были поставлены под контроль муниципальных властей «с целью установить, соблюдаются ли там десятые дни декад, справляются ли республиканские праздники и уважают ли там звание гражданина»; Декларация прав человека и конституция должны были служить в них «основой начального обучения».

Регулярно отмечались декадные и национальные праздники, установленные Конвентом. Кое-кто хотел бы пойти дальше и дать Республике настоящую гражданскую религию в противовес католицизму. Но большинство сторонников Директории отказались от новой попытки ввести культ верховного существа. Однако Ларевельер покровительствовал *теофилантропии*, культу *почитателей бога и друзей человека*, начало которому положил книготорговец Шемен в январе 1797 года. Эта секта исповедовала «догматы и мораль всех наций земли»; она стремилась «путем религии побудить всех людей исполнять свой семейный и общественный долг». Если она и пользовалась некоторым успехом среди республиканской буржуазии, то среди народа она не встретила ни малейшего отклика. Большинство сторонников Директории обвинили Ларевельера в том, что он хотел разжечь фанатизм.

В конце концов Директория вызвала раздражение массы верующих. Но она обуздала религиозную оппозицию, и особенно оппозицию неприсягнувших свя-

щенников, отказавшихся от присяги в ненависти к королевской власти. Чрезвычайные меры позволили ей на время справиться с контрреволюцией. Таким положением воспользовались якобинцы, и Директория готовилась обратить эти меры против них.

22 флореаля VI года (11 мая 1798 года) и репрессии против якобинцев

Подготовка выборов VI года быстро превратилась в одну из главных забот Директории после 18 фрюктидора. Помимо выбывающей трети, необходимо было заменить еще и исключенных из состава Советов депутатов; итак, замене подлежали 473 депутата. Ставка была крупной. Режим оградил себя законом от 12 плювиоза VI года (31 января 1798 года), поручившим действующим депутатам Советов проверку полномочий вновь избранных, то есть их чистку. Однако вскоре выяснилось, что опасность для режима исходила не столько от роялистской оппозиции, запуганной и дезорганизованной фрюктидорскими репрессиями, сколько от левой оппозиции.

После 18 фрюктидора действительно развернулась *неякобинская* пропаганда, в частности посредством конституционных клубов (их насчитывалось девять в департаменте Кот-д'Ор и двадцать пять в департаменте Сарта), которым теперь симпатизировали многие комиссары и администраторы, назначенные взамен смещенных в результате чистки. Почувствовав опасность, Директория использовала чувство «социального страха» перед неякобинцами, окрещенными для данного случая террористами: надо было раздвинуть заранее всякую попытку установления демократии. 9 вантоза (27 февраля 1798 года) в конституционном клубе в Пале-Эгалите, известном под названием клуба Сальм, Бенжамен Констан произнес в защиту правительства речь, выделив следующие четыре момента: «Ужас, внушаемый терроризмом, опасности произвола, презрение, которого заслуживает роялизм, и, наконец, необходимость подготовки выборов, которые могли бы укрепить Республику». Имелась в виду Республика III года, основанная на собственности, которую «законодатели всеми мерами

должны стремиться сохранить, укрепить и окружить священной оградой». В своих воззваниях к французам по случаю выборов (28 плювиоза — 16 февраля 1798 года), к первичным собраниям (9 вантоза — 27 февраля) и к выборщикам (4 жерминаля — 24 марта) Директория развивала ту же аргументацию, разоблачая двоякую опасность, «две ветви» оппозиции, и выдвигая в качестве лозунга: «*Ни террора, ни реакции! Ни королевской власти, ни диктатуры!*» «Королевская власть бросила против Республики две силы, сначала крайних, а затем реакционеров, одни выступали под знаменами вольности, а другие, более лицемерные, на первых порах — под личиной гуманности» (28 плювиоза). Эта же тема развивается в воззвании от 9 вантоза, но там в первую очередь пространно говорится о якобинской угрозе; в нем клеймились «эти беспорядочные умы, это орудие разрушения, эти неистовые крайние, которые, злоупотребляя своими принципами и своими прежними крайностями, сеют среди граждан ужас и стремятся лишь продлить революционные потрясения вместо того, чтобы их успокоить, подрывают Республику вместо того, чтобы ее укреплять, дают роялизму повод восстановить таким образом при помощи террора монархию» (9 вантоза). Рискованно было изображать дело так, будто наиболее пламенные республиканцы расположены играть на руку роялистской реакции. Вопреки предостережениям Барраса о губительных последствиях раскола среди республиканцев, Директория намеревалась избавиться от оппозиции под предлогом якобинизма и экстремизма. Но, заранее отвергая якобинцев, часто людей талантливых и энергичных, Директория обрекала себя на необходимость опираться только на умеренных республиканцев и людей колеблющихся. Как можно было надежно укрепить Республику в этих условиях?

Правительство усилило давление. В вантозе, еще до открытия первичных собраний, властями были закрыты многие конституционные клубы: так, 15 вантоза (5 марта 1798 года) были закрыты клубы Блуа, Вандома и Манса, «настоящие странствующие клубы поддерживающие между собой связи», а также клуб на улице Дюбак, «где старались отдалить граждан от правительства, сбивая с толку одних и вселяя страх в других». Это движение продолжалось и после открытия избирательных собраний: в общем, в двадцати пяти

департаментах было закрыто около тридцати клубов. Надо было лишить якобинскую оппозицию центров объединения, где (в силу длительной процедуры выборов, продолжавшихся восемь дней) можно было бы подготовиться к завтрашнему голосованию. Директория одновременно обрушилась на якобинские газеты. Так, в жерминале среди прочих газет была закрыта также газета «Журналь дэз ом либр», «привычный рупор дезорганизаторской группы, призывавший оказывать доверие лицам, справедливо осужденным общественным мнением», затем закрыта «Персеверан» (новое обличье вышеупомянутой газеты). Высший административный персонал был очищен от элементов, которых считали слишком благосклонными к якобинцам. В вантозе был отдан приказ направить войска в Бельгию для усиления местной полиции. В разных местах вспыхнули волнения, и правительство воспользовалось предоставленным ему законом от 19 фрюктидора правом объявлять осадное положение в коммунах. В плювиозе это было сделано в Лионе, в жерминале — в Сент-Этьенне, в флореале — в Перигё. Подобное давление на избирателей было редким даже во времена Второй империи или 16 мая¹.

Выборы VI года ознаменовались многочисленными случаями раскола в избирательных собраниях, чему способствовал Мерлен; эти расколы позволили Директории утверждать избрание тех, кто был ей угоден. Так было в Париже. После того как состоялись первичные собрания по кантонам, протекавшие очень организованно и как будто мирно, выборщики (609 человек) собрались в бывшем храме ораторианцев, большинство из них было якобинского направления. Большинство под предлогом того, что его притесняют, откололось и правительство тотчас же предложило ему зал в здании Французского института — там собралось 212 выборщиков. Каждое из обоих собраний выбрало полностью всех депутатов, положенных для департамента Сена:

¹ 16 мая 1877 года президент Мак-Магон предпринял попытку произвести государственный переворот. Он принудил правительство подать в отставку, палата депутатов была распущена. Во время выборов правительство прибегло к репрессиям против республиканцев, но последние тем не менее одержали победу. — *Прим. ред.*

Советы должны были сделать выбор между этими двумя списками. Вновь избранные, как правило, не обладали никакими качествами, которые могли бы испугать буржуазию. Но Директория хотела иметь послушное большинство. Сторонники Директории в Советах поддерживали депутатов, избранных отколовшимися собраниями, и требовали их утверждения. Так, Ренье заявил 8 флореаля (27 апреля 1798 года) в Совете старейшин: «Дабы избавить Францию от опасения, зародившегося у нее при виде возобновления в стране всех революционных ужасов, важно, чтобы вы заявили, что роялисты в красных колпаках, не менее опасные, чем роялисты с белыми кокардами, войдут сюда, только перешагнув через ваши трупы». В Совете пятисот Шенье выступил 18 флореаля (7 мая) с обвинением «роялистской и анархистской фракций». В согласии с Директорией большинство Совета пятисот, несмотря на протест генерала Журдана, утвердило список вновь избранных депутатов, подлежащих исключению. Совет старейшин подчинился этому решению.

Закон от 22 флореаля VI года (11 мая 1798 года), разоблачив «заговор, разделившийся на две ветви», кассировал выборы в 8 департаментах, где не было раскола; он утвердил депутатов, избранных отколовшимися собраниями, в 19 департаментах и отстранил 60 выбранных судей или членов администрации; в общем, 106 депутатов испытали на себе действие закона от 22 флореаля. Наоборот, правительственные кандидаты в числе 191 человека вошли в Советы: 85 комиссаров и должностных лиц, назначенных Директорией, 106 судей и членов администрации, теоретически избранных, но во многих случаях ставленников правительства. Таким образом, партия Директории располагала большинством в Советах, но режим оказался еще более дискредитированным этими лицемерными насильственными методами. Назначение Трейяра вместо Франсуа из Нёшато при обновлении состава Директории 27 флореаля (16 мая 1798 года) не прибавило престижа правительству: адвокат, бывший член Учредительного собрания, а затем Конвента, голосовавший за казнь короля, новый директор был человеком серым и к тому же неловким политиком. Все же исполнительная власть на некоторое время стала сильнее. Она могла продолжить проведение реформ, начатых сразу после фрюкtidора.

Реформаторская деятельность второй Директории

В течение более тринадцати месяцев, с 22 флореаля VI года (11 мая 1798 года) до 30 прериаля VII года (18 июня 1799 года), Директория осуществляла подлинную диктатуру не только во Франции, но и в соседних странах. После чистки Советы больше не оказывали ей никакого противодействия. Вновь обретая некоторые равновесие и силу, Директория поддерживала свою власть путем дальнейшего порабощения печати. 17 мессидора VI года (5 июля 1798 года) в Париже и департаментах было закрыто двенадцать правых газет. Правительство ополчилось против левой печати, особенно против органа якобинцев, который то и дело закрывали, но он начинал выходить вновь под другим названием: газета «Журналь дэз ом либр» превратилась в жерминале VI года в «Персеверан», во флореале — в «Републикэн», в мессидоре — в «Журналь дэ Фран», в вандемьере VII года — в «Корреспонданс дэ репрезантан», затем в «Трибюн насиональ» и в «Люмьер» и, наконец, во фримере — в «Консолатёр» и потом снова в «Журналь дэз ом либр» в мессидоре VII года. «Эта газета, — писала «Трибюн насиональ» от 16 фримера VII года (6 декабря 1798 года), — пламенно любила Республику, проповедовала святыне принципы политического равенства, хотела благоденствия большинства людей и обычно заявляла, что те, кем управляют, созданы не для тех, кто управляет». Таков был общий смысл слабой и раздробленной якобинской оппозиции. Что касается роялистской оппозиции, то она не разоружилась, она лишь притаилась.

В такой политической атмосфере была предпринята реорганизация экономики и финансов Франции; ею в особенности занимались два министра: министр финансов Рамель и министр внутренних дел Франсуа из Нёшато. Это требовавшее времени дело, особенно в административной области, хотя его и исказила легенда, созданная во времена Консульства, тем не менее подготовило реформы Бонапарта: законы VII года заложили основы реформ Консульства.

Сразу же после фрюкtidора были предприняты меры для восстановления финансов и налоговая реформа.

Банкротство двух третей, или ликвидация Рамеля, было утверждено финансовым законом от 9 вандемьера VI года (30 сентября 1797 года) в отношении долга, записанного в Большую книгу, законом от 24 фримера (14 декабря 1797 года) в отношении просроченных кредитных обязательств государства. Одна треть была *консолидирована* путем записи в Большую книгу; просроченные обязательства погашались не звонкой монетой, а посредством бон на предъявителя, так называемых *бон консолидированной трети*, которые могли служить только для уплаты налогов или для оплаты той части стоимости национальных имуществ, которая подлежала оплате звонкой монетой, консолидированная треть освобождалась от всякого обложения; мобилизованные две трети подлежали погашению в бонах на предъявителя, выпускаемых национальным казначейством и принимаемых в уплату остальной стоимости национальных имуществ. Таким образом, бюджет был облегчен более чем на 160 млн. франков, которые подлежали выплате в счет процентов по погашаемым двум третям. Банкротство приводило к оздоровлению финансового положения: этим воспользовалось Консульство, ликвидировавшее прошлое посредством дополнительного банкротства. Действительно, в марте 1801 года бонны двух третей были обменены на облигации 5% ренты из расчета 0,25% суммы капитала, то есть при потере 95% номинальной стоимости капитала в VI году.

Реорганизация налоговой системы имела своей целью привести бюджет в равновесие путем более регулярных и более значительных поступлений. Управление прямых налогов было реорганизовано, и принципы, которым следовали в этой области с 1789 года, были отвергнуты. Учредительное собрание поручило составление податных списков по прямым налогам и их взимание исключительно выборным властям. По закону от 22 брюмера VI года (12 ноября 1797 года) в каждом департаменте было основано подчинявшееся министру финансов *Агентство прямых налогов* в составе комиссаров Директории и чиновников, которым поручалось устанавливать сумму, подлежащую обложению, и взимать налоги. Этот закон предвосхищал систему, введенную Бонапартом в VIII году.

Налоговая система была коренным образом изменена. Законом от 4 фримера VII года (24 ноября

1798 года) был установлен новый прямой налог на окна и двери, своего рода всеобщий подоходный налог, исчисляемый в зависимости от внешнего вида жилищ. Осенью 1798 года подверглись реорганизации различные существовавшие налоги: в октябре — торгово-промышленный налог, в ноябре — поземельный налог, в декабре — налог на движимое имущество. Робко возвращались к косвенным налогам. Хотя Совет старейшин отверг одобренный Советом пятисот налог на соль, налог на импортируемый табак был слегка повышен и были установлены дорожный налог, так называемый *налог на проезд*, и десятипроцентный налог на стоимость мест в государственных дилижансах. Гербовый сбор был повышен и распространен на газеты и афиши. Законом от 27 вандемьера VII года (18 октября 1798 года) для Парижа была восстановлена взвозная пошлина с целью обеспечения финансирования общественной благотворительности. Законом от 22 фримера VII года (12 декабря 1798 года) было реорганизовано Управление регистрационных пошлин. Принятые меры оказались действенными, и эти налоговые законы в основном остались в силе вплоть до наших дней.

Тем не менее дефицит не был устранен. В VI году он равнялся 250 млн; в VII году Рамель исчислял его в 66 млн. Пришлось прибегнуть к привычным средствам: к продаже национальных имуществ, к займам, к эксплуатации оккупированных стран (Египетская экспедиция частично финансировалась Бернским казначейством). Директория оставалась во власти финансистов, поставщиков и банковских воротил, ставших более требовательными, чем когда-либо прежде. Росла коррупция, особенно в кругах военного министерства, в окружении военного министра Шерера. Это было глупо укоренившееся зло, с которым не мог покончить и авторитарный режим Бонапарта.

Экономические трудности частично сводили на нет благие усилия правительства. Дефляция приводила к удорожанию кредита и снижению цен, что в свою очередь тормозило экономический подъем. В обращении по-прежнему было мало звонкой монеты, тазаврирование еще более уменьшало ее количество. В IX году, при Консульстве, в обращении находилось еще только

около одного миллиарда по сравнению с двумя с половиной в 1789 году.

Кредит был дорог, обычная процентная ставка равнялась не менее 10%, а за краткосрочный — 7% в месяц. Система банков оставалась недостаточной, несмотря на основание в 1796 году «Кэсс дэ конт кوران», учрежденной Перрего и Рекамье, а в 1797 году «Кэсс д'эсконт дю коммерс» и еще нескольких банков в департаментах, например в Руане; они главным образом занимались учетом в интересах своих акционеров.

Падение цен в результате дефляции еще более усилилось вследствие обильных урожаев 1796—1798 годов: цены на сельскохозяйственные продукты были, в общем, на четверть или на треть ниже, чем в 1790 году, когда урожай был тоже обильным. Продовольственная проблема утратила свою остроту, цена на хлеб упала до 2 су за фунт; это способствовало социальному миру. Но среди производителей сельскохозяйственных продуктов, крупных землевладельцев и богатых фермеров, повсюду бывших выборщиками, росло недовольство; это сказывалось на популярности режима.

Сельскохозяйственный кризис, как всегда, отражался на промышленности. Она с трудом оправлялась от последствий войны и приспособлялась к расширению границ государства: в VI году владельцы лильских шерстопрядилен, где было занято всего 60 рабочих вместо 360 в 1788 году, жаловались на конкуренцию суконщиков Лимбурга, Вербье и Ахена, оккупированных или недавно аннексированных областей. Низкие цены на сельскохозяйственные продукты, уменьшая покупательную способность сельского населения, сужали рынок; недостаток кредита подрывал дух предпринимательства; плохое состояние дорог, небезопасность передвижения по ним мешали внутренней торговле.

Внешняя торговля была парализована. В 1797 году торговый флот дальнего плавания сократился до одной десятой части своей численности 1789 года; торговля с Антильскими островами прекратилась; то же случилось и с торговлей со странами Ближнего Востока с началом Египетской экспедиции. Несмотря на аннексию, экспорт снизился в VIII году приблизительно до половины своего уровня 1789 года. В то время как английские товары наводняли Германию, промышленники, особенно владельцы хлопчатобумажных фабрик, решительно

противились созданию рынка, включающего страны-сателлиты: они оставались приверженцами протекционизма и охотно применили бы по отношению к дочерним республикам колониальную ограничительную систему. Таможенный тариф от 9 флореаля VII года (28 апреля 1799 года) восстановил положения тарифа 1791 года, сделав их еще более жесткими. Были установлены ввозные пошлины на готовые изделия, на предметы роскоши и на товары, производимые во Франции, и вывозные пошлины на сырье. Этот таможенный тариф послужил основой таможенной политики Консульта.

При таких условиях усилия Директории в экономической области, главным инициатором которых был Франсуа из Нёшато, были неизбежно ограничены узкими рамками. Деятельность министра внутренних дел была весьма многосторонней, но он мог советовать, а не приказывать. Сторонник новых методов землепользования и, следовательно, укрупнения земельного хозяйства, раздела общинных земель и отмены права выгона скота на поля после первого укоса, он вынужден был ограничиваться бесконечными циркулярами и поощренным производством. Для стимуляции промышленного производства он организовал осенью 1798 года на Марсовом поле первую национальную выставку, имевшую большой успех. По его инициативе были предприняты планомерная перепись населения, сельскохозяйственная статистическая анкета; он увеличил число центральных школ и реорганизовал общественную благотворительность путем создания в каждой коммуне «благотворительного бюро». Результаты оказались ничтожными. Объем промышленной продукции оставался ниже, чем в 1789 году, технический прогресс шел медленно, причем наблюдался главным образом в хлопчатобумажной промышленности; шерстопрядильная промышленность и металлургия находились в застое. Капиталистическая концентрация наблюдалась главным образом в торговле; крупные владельцы предприятий, такие, как Буайе-Фонфред, Ришар и Ленуар, Терно или Шапталь, Оберкампф, были по-прежнему капиталистами старого типа и пользовались больше надомным, чем фабричным трудом; кроме того, помимо производства, они занимались разнообразной коммерческой и

банковской деятельностью. Франция оставалась сельскохозяйственной страной, производящей в основном продукты сельского хозяйства. Несмотря на провозглашение свободы огораживания участков и возделывания земли, сохранялись старые методы землепользования, новые культуры, картофель и корнеплоды... внедрялись медленно.

После 18 брюмера восстановление общественного порядка и возврат к миру способствовали возобновлению товарообмена. Но экономическая депрессия фактически кончилась только в X году, причем трудно сказать, исчезла ли она сама по себе или прекратилась благодаря действиям Бонапарта.

Политические последствия этой трех- или четырехлетней экономической депрессии (V—VII годы и, несомненно, VIII год) были в такой же мере губительными для Директории, как и последствия ликвидации бумажных денег. У массы населения сохранились горькие воспоминания об этом времени. Землевладельцы и капиталисты ждали, что политические перемены приведут к возобновлению деловой активности, фабричные рабочие ожидали от них окончания безработицы. Что касается государственных служащих, то какую поддержку могли они оказать режиму, который так нерегулярно им платил? Правительство Бонапарта, независимо от своих достоинств, воспользовалось изменением конъюнктуры.

Действительно, к концу Директории движение приобрело обратное направление. С 1799 по 1802—1803 годы повышение средних цен на зерно составило 50%; на рожь даже еще больше. Кривая цен на промышленные изделия отличалась несомненным несоответствием: в 1802—1803 годах, когда цены на зерновые резко возросли, цены на текстиль имели тенденцию к снижению или оставались относительно низкими. Но общая тенденция движения цен в течение длительного времени была к повышению, до перелома, совершившегося в 1817 году. При Консульстве, а затем при Империи экономика была в основном процветающей, несмотря на войну и блокаду. Земельная рента, учитывая повышение арендной платы, возросла в период между 1798—1802 и 1817—1820 годами приблизительно на 50%, заработная плата — приблизительно на 25%. Можно было говорить о *росте в условиях войны*. Само собой разумеется, это то-

же имело немалые социальные и политические последствия. В обществе в переходный период равновесие восстанавливалось медленно, вновь обретенное процветание способствовало престижу консульского режима.

2. Вторая Директория и Европа

Политические затруднения Директории в значительной мере объясняются слабостью экономики при ее правлении. Управляемая экономика и ограничение прибылей, как во II году, были исключены, режиму и армии оставалось жить за счет завоеванных стран. Когда в VII году, потерпев поражение, армии вернулись на национальную территорию, Директории пришлось увеличить налоговое бремя: это еще более усилило ее непопулярность. На первый план выдвинулась политическая проблема.

После Кампоформио против Франции продолжала воевать одна Англия. Для продолжения борьбы против Англии необходимо было сохранить с трудом восстановленный континентальный мир. Однако Директория стала проводить политику экспансии на континенте, быстро уничтожавшую все возможности внешней стабилизации. Более того, она дала себя вовлечь в Египетскую экспедицию, распространившую конфликт на Средиземное море. Эта авантюристическая политика окончательно подорвала попытку внутренней стабилизации.

„Великая нация“ и дочерние республики

Политика экспансии, которую Директория начала проводить тотчас же после Кампоформио, сразу встретила державы, в первую очередь Австрию. Экспансия объяснялась многими идеологическими, политическими и экономическими факторами. После 18 фрюктидора вновь пробудился революционный пыл; он дал новый толчок пропаганде: вновь заговорили о свободе, которую надо принести народам, находящимся под игом аристократии и деспотизма. «Великая нация» окру-

жает себя дочерними республиками, государствами-сателлитами, политически подчиненными и экономически эксплуатируемыми ею. Борьба против Англии тоже благоприятствовала политике экспансии: надо было лишить Англию континентального рынка, пресечь контрабанду, подчинив своему контролю важнейшие порты и пути. В 1798 году был аннексирован вольный город Мюльхаузен, Женева превратилась в главный город департамента Леман.

После 18 фрюктидора Батавская республика была реорганизована. Гельветическая республика заменила прежнюю Конфедерацию независимых кантонов. Цизальпинской республике 21 февраля 1798 года были навязаны договор о союзе и торговое соглашение. В результате восстания, поднятого 28 декабря 1797 года итальянскими патриотами, была создана Римская республика. Инструкции, данные Труве, полномочному представителю, посланному в Милан в июне 1798 года, проливают свет на политику подчинения, в которой Директория намеревалась держать дочерние республики: Цизальпинская республика должна была ограничиваться тем, чтобы «служить исключительно интересам» Франции; «надо, чтобы она стала достаточно сильной, дабы быть нам полезной, но никогда не стала настолько сильной, чтобы причинить нам вред».

Но 16 ноября 1797 года в Раштатте открылся конгресс, предусмотренный в Кампоформии для решения судьбы левого берега Рейна. Французское господство было прочно установлено в Бельгии, бывшей раньше австрийским владением, в бывшем Льежском епископстве и на аннексированных голландских территориях, разделенных на девять департаментов, где было введено французское революционное законодательство. В Прирейнской области (Rhépanie) на оккупированных территориях были уже созданы четыре департамента. Австрийский канцлер Тугут терпел французскую экспансию в ожидании возмещения. Французский уполномоченный Трейар потребовал весь левый берег Рейна, с районом Кёльна включительно, и 9 марта 1798 года имперский сейм германских государств дал на это свое принципиальное согласие. Австрийский полномочный представитель Кобенцль немедленно потребовал компенсации. Трейар отказал в ней. В апреле бунтовщики напали в

Вене на французское посольство, на здании которого был поднят трехцветный флаг. Думали, что между Францией и Австрией произойдет разрыв. 22 флореала опровергло это впечатление: теперь Директория преследовала левых, рвала с *якобинцами* в дочерних республиках. Но одной антиякобинской реакции было недостаточно, чтобы удовлетворить Австрию. Отказав ей в компенсациях в Италии, бывшей ее заповедным владением, Директория мало-помалу толкала ее на сближение с Англией в тот самый момент, когда Египетская экспедиция создала Республике новых врагов.

Истоки египетской авантюры в известной мере следует искать в «восточной мечте» Бонапарта, о чем свидетельствуют его старания в Кампоформии обеспечить Франции владение Ионическими островами. Несомненно, накануне выборов VI года Директория была не прочь избавиться от загадочного в своих замыслах генерала, честолюбия которого она опасалась. Но Египет, номинально находившийся в зависимости от султана, не был для Франции неведомой страной; марсельские купцы поддерживали с ним давние торговые связи. Еще в 1796 году французский консул в Каире Магаллон советовал оккупировать Египет, считая это предприятие легким. Возникла мысль заменить Египтом потерю Антильских островов. Эту тему развил Талейран в своей речи в Институте 15 мессидора V года (3 июля 1797 года) — «О выгодах, которые можно извлечь из новых колоний при нынешних обстоятельствах». Тем не менее роль Талейрана в этом деле остается неясной. Будучи сторонником соглашения с Англией, он не мог не понимать, что завоевание Египта вызвало бы у этой державы тревогу за безопасность пути в Индию и восстановило бы Турцию против Франции. Было ли это с его стороны желанием дать новую возможность прославиться своему другу Бонапарту? Или, судя по его письму к своей любовнице, г-же Грант, стремлением «угодить друзьям-англичанам», отводя угрозу, нависавшую над Англией, путем привлечения внимания к более отдаленной цели? 29 термидора V года (16 августа 1797 года) Бонапарат уже говорит о выгоде оккупации Египта: «Недалеко то время, когда мы почувствуем, что для действительного уничтожения Англии нам надо овладеть Египтом». 5 вантоза VI года (23 февраля 1798 года) Бонапарт

представил Баррасу проект, который был одобрен Директорией 15 вантоза (5 марта).

Французская армия была отправлена морем 30 флореаля VI года (19 мая 1798 года). 6 июня флот появился у берегов Мальты, которая пала без единого выстрела. Ускользнув от Нельсона, французский флот достиг Александрии, которая была взята штурмом 2 июля. Армия двинулась прямо на Каир и вступила в него 23 июля. Но 1 августа 1798 года английский флот под командованием Нельсона настиг французский флот, которым командовал Брюэс, на якорной стоянке близ Абукира и уничтожил его: спаслись только два корабля. Англия одним ударом превратилась в хозяйина Средиземного моря, а Бонапарт стал пленником своей победы.

Египетская авантюра, так же как и действия Бонапарта в Италии, знаменовала собой поворот в истории Республики. Вряд ли эта экспедиция, отвлекшая в дальние края лучшие войска Республики, когда борьба против Англии продолжалась, когда борьба против Англии продолжалась, когда континентальный мир был ненадежным, отвечала интересам Франции. До тех пор революционная Франция не интересовалась восточными делами. Англия, считавшая себя после захвата в 1796 году Кейптауна владычицей пути в Индию, обнаружила теперь важность пути через Суэц. В свою очередь встревожились Турция, а затем и Россия. Так завязался союз между этими тремя державами, первая веха на пути формирования второй коалиции.

Формирование второй коалиции (апрель — декабрь 1798 года) явилось ответом Европы на захватническую политику Директории. В течение многих месяцев трудилась Англия над созданием на континенте нового противника Франции, без которого Англия не могла надеяться нанести французам решительный удар. Удобным предлогом для этого послужили дела на Востоке и в Италии. 29 декабря 1798 года был заключен союз между Англией, Неаполем и Россией, обязавшейся вмешаться в Италию.

Фактически начало войне на Апеннинском полуострове положили римские события. 26 ноября 1798 года неаполитанские войска под командованием австрийского генерала Макка захватили Рим. Шампионне, перейдя в наступление, освободил Рим и 23 января 1799 года захватил Неаполь. Вопреки инструкциям

Директорий, которая намеревалась использовать это как залог при будущих переговорах, он создал Партенопейскую республику. В то время как Пруссия сохраняла нейтралитет, Австрия после некоторых колебаний решила, когда русские выразили готовность вмешаться в Италии, и разрешила русским войскам пройти по ее территории. Ссылаясь на это обстоятельство, Директория 22 вантоза VII года (12 марта 1799 года) объявила Австрии войну. Постепенно расширяясь, война стала весной 1799 года всеобщей.

Нападение, совершенное в Раштатте 28 апреля 1799 года, подчеркнуло беспощадный характер возобновившейся войны — войны аристократической Европы против революционной нации. Ночью вооруженные австрийские гусары напали на уезжавших с конгресса французских уполномоченных; из трех французов двое были зарублены. По выражению Сиейеса, «набат, призывавший к уничтожению французов», звучал в столицах монархий. Директории нетрудно было вызвать негодование. «Надо защищать не только дело свободы, — провозгласила она 17 флореаля VII года (6 мая 1799 года), — но и дело всего человечества». Война вновь приобрела революционный характер; но неудачи весенней кампании 1799 года опять поставили под вопрос равновесие режима.

Армия в VII году и весенняя кампания 1799 года

В VII году армия столкнулась с такими же значительными трудностями, как и в 1793 году, до военных усилий Комитета общественного спасения. Но она отчасти вновь обрела свой народный характер, который начала терять. Для разрешения проблемы численного состава армии Директория действительно вернулась к принципу всеобщего набора: военная обязанность мужчин в возрасте от 20 до 25 лет была введена как постоянный институт законом Журдана от 19 фрюктидора VI года (5 сентября 1798 года), устанавливавшим рекрутскую повинность. Однако эта обязанность не означала обязательно службы: Законодательный корпус, в зависимости от обстоятельств, имел право призывать только такой контингент, который требовался для попол-

нения или увеличения численного состава армии. Закон устанавливал демократический порядок продвижения по службе: «Ни один французский гражданин не сможет быть произведенным в офицерский чин, если он не прослужил три года солдатом или унтер-офицером, за исключением инженерных войск и артиллерии, а также за исключением совершивших боевые подвиги на поле брани». 3 вандемьера VII года (24 сентября 1798 года) было призвано 200 тыс. новобранцев; один призыв следовал за другим до принятия закона от 10 мессидора (28 июня 1799 года), призвавшего на действительную службу сразу пять контингентов. Замена, предусматривавшаяся законом от 28 жерминаля VII года (17 апреля 1799 года), была 14 мессидора (2 июля) отменена. Проведение рекрутского набора проходило не без трудностей, в частности из-за отсутствия точных списков гражданского населения и вследствие дезертирства. Происходил огромный отсев. Из 200 тыс. рекрутов, призванных 3 вандемьера, только 143 тыс. были признаны годными, лишь 97 тыс. явились на сборные пункты, а в свои части в конце концов попали только 74 тыс. человек. Армия VII года не имела, подобно армии II года, численного превосходства над противником. Ее не удалось как следует оснастить, несмотря на продажу национальных имуществ на 125 млн. Этого запоздалого усилия оказалось недостаточно. Солдаты VII года, размещенные в государствах-сателлитах, давно уже эксплуатируемых, узнали те же лишения, что и солдаты II года. Но рекрутская повинность перемешала вновь призванных солдат с теми, что остались в армии с 1793 года. Так армия VII года отчасти обрела народный порыв, который отличал армию II года.

Война 1799 года была в основном континентальной. В Германии 25 марта 1799 года эрцгерцог Карл разбил Журдана при Штокках. В Италии русская армия Суворова форсировала реку Адду и вынудила Моро очистить Милан и Ломбардию, а затем отступить к Генуе. Неаполитанская армия под командованием Макдональда, с трудом продвигавшаяся на север, была разбита на берегах Треббии (17—19 июня 1799 года). Тем временем Массена, лишившийся прикрытия из-за потери Германии и Италии, хотя и выиграл 4 июня 1799 года первое сражение под Цюрихом, был вынужден оставить город, чтобы закрепиться за рекой Лиммат.

Республиканские армии отступили на всех фронтах; но естественные границы Франции оставались в неприкосновенности. Однако разногласия внутри коалиции дали Директории некоторую передышку. Австрийское правительство косо смотрело на пребывание русских в Италии; австрийский канцлер Тугут хотел направить Суворова в Швейцарию, чтобы иметь свободу действий на Апеннинском полуострове. Главным образом опасность пробудила национальную энергию и вызвала последний революционный подъем.

3. Последний революционный кризис (1799 год)

Континентальный мир, установившийся после Кампоформии, придал укрепившейся Директории некоторую стабильность, не расширив, однако, ее социальной базы. Возобновление войны и неудачи весенней кампании 1799 года вновь поставили под вопрос равновесие режима. Директория ополчилась против якобинцев, ее поражение на выборах VII года рассматривалось как их победа. Гем не менее термидорианская буржуазия сохраняла большинство: последующие события подтвердили это. Умеренное большинство в Советах, полное враждебности к Директории, выступило сообща с якобинцами для ее свержения. Но для левых это был лишь мнимый успех. Последовавшая затем реакция показала, что социальные и политические тенденции большинства были такими же, как и у правительства. Этот кризис VII года все же несколько сильнее поколебал режим. От якобинского наступления и умеренной реакции пришли к военному перевороту VIII года.

События 30 прериаля VII года (18 июня 1799 года)

Выборы VII года, состоявшиеся еще до поражений на фронтах, проходили все же в обстановке, неблагоприятной для Директории. Всеобщее недовольство усилилось в результате экономической разрухи, увеличения налогов, введения рекрутской повинности. В ноябре

1798 года восстали бельгийские департаменты; вновь пришли в движение шуаны, хотя западные департаменты были освобождены от нового рекрутского набора.

Директория вновь разоблачала двоякую опасность — роялизма и анархии. 2 плювиоза VII года (21 января 1799 года) в храме Победы, бывшей церкви Сен-Сюльпис, по случаю годовщины «справедливой кары, постигшей последнего короля французов», Ларевельер в момент принесения конституционной присяги напомнил, что «эта присяга обязывает энергично подавлять роялизм, но также силой обуздывать анархию — две гнусные фракции, успех которых в равной мере гибелен». Та же тема фигурирует в циркуляре Директории от 23 плювиоза (11 февраля 1799 года): «Французы — победители вступившей в заговор Европы, вам остается лишь победить внутренних врагов»; тем временем Франсуа из Нёшато взывал к имущим: «Неужели вы хотите вновь увидеть закон о максимуме?» Несомненно, в своем циркуляре от 14 вантоза (4 марта) он разоблачал роялистскую опасность: «Граждане, не надо никакой ненависти, никакой мести и, главное, никакой реакции. Но он стараясь пробудить у буржуазии страх возвратом к «ужасному режиму 1793 года». «Граждане всех классов, вас объединяет один интерес, побуждая в один голос воскликнуть: *«Никакой больше анархии во Франции!»*

Директория прибегла к обычным средствам нажима: к отстранению от должностей, к посылке комиссаров, к организации расколов в избирательных собраниях, как, например, в департаменте Сарта. Однако оппозиционное течение было так сильно, что из 187 официальных кандидатов 121 потерпел поражение. Тем не менее большинство в Советах осталось неизменным: хотя якобинское меньшинство усилилось, термидорианская буржуазия все же сохранила свое главенство. В условиях кризиса, возникшего в результате военных поражений весной 1799 года, последнее слово в конечном счете принадлежало ей.

Падение второй Директории совершилось в обстановке настоящего развала. Армии отступали на всех фронтах, терпя во всем крайнюю нужду; Италия была потеряна. Роялисты опять взялись за оружие. Налоговое бремя вызывало негодование имущих слоев. Как раз в то время, когда недоверие к правительству все более

ширилось, оппозиции представился удобный случай: 20 флореаля (9 мая 1799 года) из состава Директории выбыл по жребию наиболее энергичный из директоров, Рёбель. 27 флореаля (16 мая) Совет старейшин назначил вместо него Сиейеса, несогласие которого с Конституцией III года ни для кого не было тайной. Приступив к своим обязанностям 21 прериала (9 июня), Сиейес при поддержке Барраса, чувствовавшего куда ветер дует, инспирировал наступление Советов против своих коллег. 28 прериала (15 июня) Советы объявили свои заседания непрерывными. В тот же вечер они кассировали избрание Трейара, как противоречащее статье 136 конституции, требовавшей годичного промежутка между выходом из Законодательного корпуса и избранием в Директорию. На следующий день Трейар был заменен Гойе, который был министром юстиции во II году, хорошим республиканцем, но второстепенной личностью.

30 прериала VII года (18 июня 1799 года) Советы возобновили наступление против Директории. Атаку повел Бертран из Кальвадоса, бывший член Конвента, голосовавший за казнь короля. Он заявил: «Вы подавили общественное мнение, заткнули рот свободе, преследовали республиканцев, сокрушили всю печать, удушили правду». Советы намеревались взять реванш за свое унижение в флореале: «В VI году французский народ назначил на общественные должности людей, достойных его доверия; вы осмелились утверждать, что результаты выборов были плодом анархистского заговора; вы осмелились изуродовать национальное представительство». Буле (из департамента Мёрт), фрюктидорианец, перешедший на сторону оппозиции, продолжал: «Начиная с 18 фрюктидора, со времени, когда была создана диктатура, Законодательный корпус держат в непрерывном порабощении». Он возлагал вину за «эту нелепую и жестокую систему» на двух человек — Ларевельера и Мерлена. «У Ларевельера есть моральные принципы, я это признаю, но его упрямство беспримерно; фанатизм толкает его на создание не знаю уже какой религии, ради которой он жертвует всеми признанными идеями, попирает здравый смысл, нарушает принципы, нападает на свободу убеждений». Мерлен — «человек мелочных взглядов, мелочных страстей, мелочной мести, мелочных решений; он ввел в силу самый ограниченный и самый отвратительный макиавеллизм...». «Нужно, чтобы

эти два человека вышли из состава Директории для установления в ней единства, столь необходимого при том положении, в каком мы находимся. Разумные люди предлагали им подать в отставку. Но им помешало уйти их непреодолимое упрямство; надо их заставить это сделать». Покинутые своими коллегами, Мерлен и Ларевельер в конце концов уступили. 1 и 2 мессидора (19 и 20 июня) директорами были выбраны Роже Дюко — бывший член Конвента, голосовавший за казнь короля, и малоизвестный генерал Мулен, проездом находившийся тогда в Париже.

Скорее парламентская акция, чем государственный переворот, 30 прериаля VII года было реваншем Советов за унижение в флореале предыдущего года. После двух государственных переворотов, совершенных Директорией против Советов, законодательная власть сокрушила исполнительную и уничтожила деспотизм Директории. «Законодательный корпус, — заявил Люсьен Бонапарт в Совете пятисот, — вновь занял первое место, которое ему подобает в государстве». Состав правительства был обновлен согласно воле Советов, не только директора, но и министры: военным министром был назначен генерал Бернадот, министром юстиции — Камбасерес, министром полиции — Фуше, министром финансов — бывший член Комитета общественного спасения II года Робер Ленде. Знаменательные назначения — к власти возвращались *явные* республиканцы. Именно в это время победы коалиции поставили Республику под угрозу. Но хотя совместные усилия всей оппозиции привели к свержению людей, находившихся у власти, победители не замедлили разделиться на правых и левых прериальцев. «То был роковой день, — написал в своих «Мемуарах» Ларевельер, — когда Республика была свергнута вместе с Исполнительной Директорией». Жертвам прериаля действительно нельзя отказать в несомненной республиканской твердости. Когда левые прериальцы были устранены, путь для лействий честолюбивого генерала был расчищен.

Когда прошла первая вспышка энтузиазма, «Декад философ», хотя это и был орган идеологов пересмотра конституции, задал вопрос, действительно ли день 30 прериаля пойдет на пользу Республике «или же он породит только новую реакцию, которая, вызвав после себя обратное движение, лишь продлит революцию,

опять поставит под вопрос существование Конституции и Республики и после следующих одна за другой судорог в конце концов повергнет Францию под деспотизм единоличной власти?»

Неоякобинский натиск и умеренная реакция

Революционный натиск и национальные потребности еще раз оказались тесно связанными между собой. В течение двух месяцев неоякобинцы одерживали верх над термидорианской буржуазией и навязывали ей свою политику общественного спасения. Бывшие члены Конвента, разбитые роялистами на выборах V года, исключенные фрюктидорианцами в флореале VI года, естественно, вернулись к методам II года, узаконенным грозившей родине опасностью. 14 термидора (1 августа 1799 года) была восстановлена свобода печати, вновь стали выходить якобинские газеты. Росло число клубов. Заседания наиболее значительного из них — Общества друзей равенства и свободы, именовавшегося клубом Манежа по названию зала, где он заседал в Тюильри, открылось 18 мессидора (6 июля); тон там задавал Друэ, герой Варенна, товарищ Бабефа; в заседаниях клуба участвовали многие депутаты. Якобинское меньшинство увлекло за собой встревоженное большинство в Советах: чтобы справиться с внешним положением, оно согласилось на мобилизацию людей и материальных ресурсов.

Всеобщий рекрутский набор был осуществлен полностью: закон от 10 мессидора VII года (27 июня 1799 года), доложенный Журданом, предусматривал призыв на действительную службу пяти контингентов в полном составе. 14 мессидора (2 июля) была отменена замена; «те, кто пользовался заместителями, должны лично идти в армию в тех случаях, когда их заместители дезертировали, уволены со службы или призваны сами в силу рекрутского набора».

10 мессидора был в принципе одобрен принудительный заем в 100 млн. франков для распространения среди *состоятельных* граждан с целью покрытия расходов по рекрутскому набору. Правила его проведения были выработаны 19 термидора (6 августа 1799 года). Он

устанавливался по прогрессивной шкале соответственно доходу всех граждан, платящих более 100 франков налога на движимое имущество или более 300 франков на недвижимое; доходы и капитал, не облагаемые налогами (статья 7 особо предусматривала состояния, приобретенные путем «подрядов, поставок и спекуляций»), должны были оцениваться жюри, состоящим из граждан, не подлежащих обложению займом.

24 мессидора (12 июля) был принят закон о заложниках. По словам одного из депутатов Совета пятисот, надо было «прекратить грабежи и положить конец действиям шуанов, признаки которых обнаружили в южных и западных департаментах». В одном департаменте, который Законодательный корпус счел «явно находящимся в состоянии гражданских волнений», центральной администрации было разрешено брать заложников среди родственников эмигрантов, бывших дворян и родственников лиц, «известных всем как участники сборищ или банд убийц»; и те и другие считались «несущими личную и гражданскую ответственность за убийства и грабежи, совершаемые внутри страны из ненависти к Республике». В случае убийства государственного чиновника, военного или лица, купившего национальные имущества, Директория должна была дать распоряжение о высылке четырех заложников; за каждое убийство заложники несли гражданскую солидарную ответственность и должны были уплатить штраф в сумме 5 тыс. франков и возмещение в размере 6 тыс. франков в пользу вдовы и 3 тыс. франков в пользу каждого ребенка. Закон о заложниках вызвал сопротивление всех тех, у кого были причины жаловаться на революцию; что касается тех, кого он мог защитить, то принудительный заем сразу отбросил их в ряды оппозиции.

Антиякобинская реакция не замедлила проявиться. Еще 26 мессидора — в годовщину 14 июля — Сиейес напомнил, чтобы их заклеить, «о тех бедственных временах... когда все понятия перемешались до такой степени, что люди, на которых официально не возлагалось никаких обязанностей, упорно хотели облечь себя всеми». Новое осуждение последовало 23 термидора в связи с годовщиной 10 августа, осуждение «этого террора, столь справедливо ненавидимого французами»: «Нет, они совсем не республиканцы... эти люди, которые

своими бредовыми подстрекательствами истощают источники общественного богатства, наносят смертельный удар кредиту, губят торговлю, парализуют все работы». Если закон о всеобщем рекрутском наборе был плохо принят всеми, то принудительный заем вызвал недовольство главным образом крупной буржуазии, организовавшей пассивное сопротивление. 13 термидора (31 июля), даже еще до принятия закона, уточнявшего условия распределения займа, газета «Публисист» отмечала, что «теперь столько же стараний прилагают к тому, чтобы скрыть свое состояние, сколько прилагали раньше, чтобы его выставить напоказ и даже преувеличить. Отсюда исчезновение роскоши. Отсюда нужда, которую терпят очень многие люди, особенно земледельцы... Имеются также такие лица, которые объявляют себя банкротами, чтобы надежнее доказать свою нищету».

В печати началась кампания, требовавшая от Директории, чтобы она порвала с *кровопийцами*. Среди имущих слоев вновь возродился страх социальных потрясений, усилившийся после предложений клуба Манежа; в день годовщины 14 июля генерал Журдан провозгласил тост «За возрождение пик!» «Говорят, что многие лица, — писала «Монитор» 25 мессидора (13 июля), — испуганные речами, которые произносились в этом собрании, принялись кричать: «Долой якобинцев!» — и швырять в зал камни». Учащались уличные стычки. Но якобинцы, если они и пользовались поддержкой бывших санкюлотов, служащих, ремесленников и лавочников, не смогли привести в движение народные массы, дезорганизованные после упразднения секций и подавленные долгими репрессиями. Изолированные, не имея четкой социальной программы, якобинцы были бессильны против правительства, твердо опиравшегося на администрацию, полицию и — после фрюктидора — на двадцатитысячный гарнизон.

Заккрытие клуба ознаменовало собой разрыв между якобинцами и Директорией. Обвиненный 8 термидора (26 июля) в Совете старейшин в намерении «возродить террор и вытащить из-под спуда все проскрипционные списки», клуб был вынужден покинуть зал Манежа и обосноваться на улице Дюбак. Фуше, назначенный 11 термидора (29 июля) министром полиции, немедленно представил в Советы доклад «о необходимости ока-

зывать покровительство внутренним дискуссиям на политических собраниях, но всеми силами Республики сдерживать их вне собраний». Совет пятисот отверг этот доклад. 26 термидора (13 августа) Фуше закрыл клуб. Никакой реакции на это не последовало. Однако роялистская опасность и военные поражения позволили якобинцам еще держаться на поверхности.

18 термидора (5 августа) в департаменте Верхняя Гаронна вспыхнул роялистский мятеж. Бывшая короткое время под угрозой Тулуза держалась: город находился в руках якобинской администрации. Эта новость стала известна в Париже 26 термидора (13 августа): Советы тотчас же дали разрешение на домашние обыски в течение месяца, «чтобы арестовать эмигрантов, подстрекателей, головорезов и грабителей». 3 фрюктидора (20 августа) мятежники были разбиты в Монрежо. Летом беспорядки возобновились на Западе.

Последнее наступление якобинцев состоялось в связи с военными поражениями. В Италии 28 термидора (15 августа 1799 года) потерпел поражение и был убит Жубер. В Голландии англичане 10 фрюктидора (27 августа) высадили в Хелдере двадцатипятитысячный русский корпус. Казалось, границы Республики вновь были под угрозой, как в 1793 году. 27 фрюктидора (13 сентября) генерал Журдан предложил в Совете пятисот объявить отечество в опасности. Рисуя картину опасностей, угрожающих, по его мнению, стране со всех сторон, он указывал на «находящуюся под игом Италию, на северных варваров у ворот Франции, на захваченную Голландию, на погубленный предательством флот, на опустошенную Гельвецию, на бесчинствующие во многих департаментах банды роялистов, на республиканцев, преследуемых под именем *террористов* и *якобинцев*. Еще одна неудача, и королевский набат зазвучит над всей французской землей». Предложение Журдана вызвало яростные споры. Против него выступил Люсьен Бонапарт, считавший, что «лучше расширить конституционные полномочия Директории, чем подвергнуть себя опасности быть увлеченными революционной силой». Это значило поставить вопрос по существу: чтобы справиться с опасностью, надо было либо опереться на народ, как во II году, либо усилить исполнительную власть. Дону ясно заявил: он боится «возврата режима 1793 года». На следующий день предложение

было отвергнуто 245 голосами против 171. 2 вандемьера VIII года (24 сентября 1799 года) Гарро из департамента Жиронда добился принятия декрета о смертной казни для каждого, кто посмел бы «предложить или принять условия мира, имеющие целью нарушить целостность нынешней территории Республики». Это был последний успех якобинцев: к тому времени внешнее положение было восстановлено благодаря решающим военным победам.

Летняя кампания 1799 года началась плохо, но очень быстро положение было восстановлено, чему способствовали разногласия среди участников коалиции. 15 августа 1799 года при Нови Суворов нанес поражение Жуберу, который был убит. Австрийский канцлер Тугут, обеспокоенный тем, что Италия оказалась в руках русских, постарался от них избавиться. Он отдал приказ эрцгерцогу Карлу оставить Швейцарию и пойти на Майнц. 11 сентября Суворов двинулся в поход, чтобы его сменить. Но прежде чем ему удалось соединиться с русским корпусом Римского-Корсакова, удерживавшим Цюрих, Массена атаковал Римского-Корсакова и заставил его отойти за Рейн: это было второе сражение под Цюрихом (25—27 сентября 1799 года). Суворову пришлось отступить в направлении Форарльберга. В Голландии англо-русский десант, высадившийся 27 августа, потерпел неудачу и был вынужден погрузиться опять на суда и уйти. В начале осени 1799 года наступление коалиции было разбито и границы Франции остались ненарушенными.

Бонапарт и его Египетская армия ничего не сделали для достижения этих успехов. Египетский отвлекающий маневр потерпел неудачу. Бонапарт, победивший 25 июля 1799 года при Абукире, не допустив высадки турецкого десанта, оказался в плену у своей победы. Считая игру проигранной, он в августе тайно покинул Египет. Ускользнув от английских сторожевых кораблей, он высадился во Фрежюсе 17 вандемьера VIII года (9 октября 1799 года).

К этому времени, когда внешняя угроза была предотвращена, умеренная реакция восторжествовала. 2 брюмера (6 октября) Совет старейшин отверг предложение Гарро, предусматривавшее смертную казнь для тех, кто примет предложения, посягающие на це-

лостность французской территории. Произошел еще более знаменательный факт: был поставлен под сомнение принцип проведения принудительного займа; 17 брюмера в Совете пятисот какой-то безвестный депутат потребовал представления доклада об этом «произвольном прогрессивном» займе. Государственный переворот 18 брюмера должен был окончательно успокоить имущие слои.

*18 брюмера VIII года
(9 ноября 1799 года)*

24 вандемьера (16 октября) Бонапарт прибыл в Париж. Известие о его возвращении вызвало сенсацию. «Мессаже дэ реласьон экстерьер» писала 23 вандемьера: «Прибытие Бонапарта во Францию — это одно из тех событий, рассказ о которых слышишь много раз и все же не веришь». В тот же день «Монитёр» заявила: «...Все были как во хмелю. Победа, всегда сопутствующая Бонапарту, на этот раз его опередила, и он прибыл, чтобы нанести последний удар гибнущей коалиции». Общественное мнение видело в Бонапарте миротворца Кампоформно, человека, который опять заставит Европу заключить мир. В действительности же опасность вторжения была предотвращена благодаря победам в Швейцарии и Голландии. Кампания была закончена; Бонапарт не мог получить крупной командной должности до следующей весны. Не желая оставлять Директории заслугу восстановления мира без его помощи, он сблизился со сторонниками государственного переворота, вдохновителем которого был Сиейес.

На самом деле на первый план выступила политическая проблема с ее социальным звучанием: страху сопутствовал ревизионизм. Опасность была устранена, но все оставалось неопределенным. Возобновилась гражданская война; 22 вандемьера (14 октября) шуаны захватили Манс, а затем Нант, откуда были тотчас же выгнаны; но тревога была знаменательной.

Весной VIII года должны были вновь состояться выборы: будет ли победа на стороне роялистов или на стороне якобинцев? Стабильность правительства могла

быть опять поставлена под вопрос. В центре дебатов была Конституция III года — не ее цензовая основа, а ее либерализм, ее равновесие властей, особенно ежегодное обновление на треть состава Советов. После фрюктидора Директория разрешила эту проблему, установив скрытую диктатуру. Поскольку ежегодные выборы ставили все под вопрос, дело заключалось в том, чтобы сделать их менее частыми. После 22 флореаля именно этого и потребовал Дону; хотя он и являлся одним из авторов конституции, но был утомлен отсутствием стабильности режима и испытывал одинаковое отвращение и к реставрации и к демократизации.

Течение за пересмотр конституции (ревизионизм) усилилось еще перед фрюктидором. В брошюре «О политических реакциях», появившейся весной 1797 года, Бенжамен Констан уже высказывал пожелание, но не слишком настойчивое, чтобы «правительство обладало силой и стабильностью, которые только и гарантируют гражданам личную безопасность и неприкосновенность их собственности». После государственного переворота в фрюктидоре ревизионистская кампания возобновилась. Ее разоблачила «Журналь дэз ом либр», в частности в статье от 3 вандемьера VI года (24 сентября 1797 года), сорвав маску с новой фракции, которая хочет *пожизненной палаты и пожизненного президента* и проповедует *концентрацию власти*. Однако ревизионистское течение мало-помалу усиливалось, поддерживаемое, в частности, идеологами, органом которых был «Декад филозофик». После переворота 30 прериаля ревизионисты сгруппировались вокруг Сиейеса, которого они считали гениальным, но о котором можно было бы сказать, что это был не более чем «одряхлевший великий ум, неотвязно преследуемый ненавистью к дворянам, презрением к народу, страхом перед *террористами*».

В мессидоре VII года (июле 1799 года) Бенжамен Констан опубликовал брошюру «О последствиях контрреволюции 1660 года в Англии». В ней он многословно доказывал, что последствия контрреволюции были бы во Франции более страшными, чем возрождение революционных мер 1793 года. Он указывал на необходимость реформы Конституции III года. Не уточняя способов, он предлагал усилить исполнительную власть: «дать нашему общественному договору средства исполнения, которые до сего времени заменяли революцион-

ными конвульсиями», добиться посредством «более совершенных институтов исчезновения... неустойчивости, которая может являться следствием пробелов в нынешней конституции».

Таков был также смысл описания Буле из департамента Мёрт, будущего участника переворота 18 брюмера и графа Империи, а в то время члена Совета пятисот, описания под названием «Исследование о причинах, которые в 1649 году привели к установлению республики в Англии, о причинах, которые должны были ее там укрепить, и о причинах, которые привели ее к гибели» (год VII). Хотя Буле и обличал «коварное и макиавеллистское поведение королевской партии», он клеймил «лживость и насилие в образе действий партии индепендентов», то есть *крайних*. Он превозносил пресвитериан, в руках которых находились «почти все богатства, как земельные, так и движимые», и которые хотели «умерить, направить и вовремя остановить стремительный революционный поток»: в конце концов им под именем *вигов* удалось, заключает Буле, снова изгнать Стюартов и установить тот представительный и олигархический строй, которому явно отдает предпочтение автор.

Госпожа де Сталь, конечно, разделяла эти взгляды. Она изложила их в произведении, написанном, по всей вероятности, в последние месяцы 1798 года, но оставшемся долгое время неизданным, — «О нынешних обстоятельствах, которые могут положить конец революции, и о принципах, которые должны лечь в основу Республики во Франции». Общественный порядок опирается на собственность, и только богатые достаточно просвещены, чтобы принимать участие в общественных делах и управлять государством. Надо было примирить две антагонистические группы — богатых прежнего времени, до 1789 года, и новых богачей — в рамках нового правящего класса и основать представительную систему, которая гарантировала бы интересы и тех и других. Главная идея заключалась в том, чтобы превратить Совет старейшин, члены которого назначаются пожизненно и который является поэтому «консервативным институтом», в центр управления; Совет же пятисот, бывший единственным выборным органом, осуждался на полное бессилие из-за права его роспуска, предоставляемого Директории, которая сама назнача-

лась Советом старейшин. В общем, госпожа де Сталь имела в виду установление той консервативной республики, организатором которой мнил себя 18 брюмера Сиейес.

В 1799 году эти мысли и пожелания не заключали в себе ничего оригинального. В Советах, в Институте, в салонах очень многие люди указывали на то, что конституция, нарушаемая каждый год для того, чтобы избежать то монархии, то «анархии», была порочной и что ее надо пересмотреть. Что касается средств, то мнения расходились: американский президентский строй, гарантии дееспособности, которых следует требовать от законодателей, учреждение регулирующего органа... Большой мастер конституционных проектов Сиейес, находившийся в центре всех ревизионистских интриг, придумал заменить выборы кооптацией. Принцип национального суверенитета оставался в неприкосновенности: термидорианская буржуазия не могла от него отказаться, не отрекшись от себя самой и не сыграв на руку приверженцам божественного права. Следовательно, речь шла о том, чтобы согласовать этот принцип с требованиями стабильной и сильной исполнительной власти. Термидорианцы и сторонники Директории уже лиценмерно использовали метод кооптации, проводя декрет о двух третях и осуществив чистки во фрюктидоре и флореале. Конституция VIII года, заменившая выборы кооптацией, представляет собой в этом отношении завершение конституционной практики Директории.

Социальные аспекты совершившегося в брюмере переворота позволяют понять, почему он произошел с такой легкостью: он бы не окончился победой, если бы не отвечал потребностям господствующих элементов нового общества. Термидорианцы закрепили социальное преобладание и политическую власть консервативной буржуазии. Директория их отставала. Но в VII году, как и в VI году, якобинское наступление, казалось, угрожало привилегиям имущих классов. Вновь ожил страх социальных потрясений: именно он и сплотил сторонников пересмотра конституции.

Пересмотр Конституции III года был предусмотрен в XIII разделе. Это была крайне сложная процедура, требовавшая трех последовательных голосований Советов, созыва «Собрания для пересмотра»; она должна была растянуться на 9 лет. Об этом не могло быть

речи. Оставался государственный переворот. Сиейес на него решился. Надо было еще, как и 18 фрюктидора, прибегнуть к помощи армии, чтобы принудить к согласию большинство Советов, но с той разницей, что в V году большинство в Советах было роялистским, а в VIII году — республиканским. Предполагаемый руководитель этой операции, генерал Жубер, согласился ее провести, но 15 августа 1799 года он был убит под Нови. Тогда Сиейес обратился к Моро, но тот колебался. Тем временем во Францию прибыл Бонапарт. «Вот нужный вам человек», — якобы заявил Моро. В самом деле, все говорило в пользу Бонапарта: его якобинское прошлое, которое могло породить иллюзии, его престиж, а также его честолюбие, отсутствие у него щепетильности, сомнительное положение, в которое он себя поставил, самочинно покинув командование армией в Египте. По своему характеру Бонапарт, конечно, был за авторитарный пересмотр Конституции III года. «Организация французского народа едва наметилась», — писал он в письме Талейрану после фрюктидора; «власть правительства во всей полноте, которую я ей придаю, должна была бы рассматриваться как истинное представительство нации». А 20 фримера VI года (10 декабря 1797 года), когда Бонапарта торжественно принимали в члены Института, он сказал: «Когда благоденствие французского народа будет зиждиться на лучших органических законах, вся Европа станет свободной!»

Велись ускоренные приготовления к государственному перевороту. Посредником между Бонапартом и Сиейесом выступил Талейран. Из других директоров Баррас держался нейтрально и соглашался на все, Роже Дюко был послушной тенью Сиейеса. На сторону переворота удалось склонить председателя Совета старейшин. 1 брюмера (23 октября 1799 года) председателем Совета пятисот стал Люсьен Бонапарт. Деньги дали главным образом военные поставщики, раздраженные принятым 7 брюмера (29 октября) законом, лишившим их права на первоочередную оплату казначейством. Заговорщики ловко связали идею всеобщего мира с идеей изменения конституции. Принимавший участие в ревизионистской кампании журнал «Декад философий» выступил 10 брюмера (1 ноября 1799 года) с резкой критикой внешней политики Директории и ее «так называемой пропагандистской системы», а затем стал критико-

вать конституцию. Нужна консервативная власть, «которая удержала бы на своем месте каждую часть конституционного здания»; основная критика была направлена против избирательной системы 1795 года («... и законодателей выбирали среди всех граждан без разбора!») и в равной мере против «системы разделения властей, установленной этим кодексом». Более того, заговорщики играли на социальном страхе, чтобы увлечь за собой Советы и подчинить себе термидорианскую буржуазию: призрак эгалитарного терроризма снова поселял в ее рядах панику, по свидетельству самой госпожи де Сталь. «Мы достигли бы момента, — писала официозная «Монитор» 19 брюмера (10 ноября), — когда невозможно было бы ничего восстановить: ни свободу, ни собственность, ни конституцию, служащую гарантией для той и другой». Напомним еще, что «грабительский закон о принудительном займе разрушил наши финансы, что закон о заложниках вызвал у нас гражданскую войну, что часть дохода VIII года поглотили реквизиции, что всякий кредит уничтожен». Призрак II года неотступно преследовал термидорианскую буржуазию, и она стремилась устранить его навсегда.

18 брюмера (9 ноября 1799 года) в семь часов утра был созван Совет старейшин. Под предлогом смотра в Тюильри были сосредоточены войска. От имени комиссии инспекторов зала, роль которой была здесь решающей, некий малоизвестный депутат разработал какой-то неопределенный заговор («Заговорщики ...только ждут сигнала, чтобы занести свои кинжалы над головами членов национального представительства»). На следующий день газета «Монитор» более определенно или более изобретательно намекнула на планы якобинцев «превратить оба Совета в Национальный Конвент, удалив из него неугодных и поручив управление Комитету общественного спасения».

Совет старейшин принял постановление о переводе Советов в Сен-Клу, как то разрешала статья 102 Конституции III года. На генерала Бонапарта было «возложено выполнение настоящего декрета», и под его командование были переданы расположенные в Париже войска: эти меры были незаконными, так как они подлежали компетенции Директории, а не Совета старейшин. Директории, таким образом лишенной всякой вла-

сти (даже командование ее охраной было передано Бонапарту), не оставалось ничего другого, как подчиниться. Баррас подал в отставку и удалился в свое поместье Гробуа. Мулен пришел в ярость, но все было напрасно; с него, как и с Гойе, до самой их отставки не спускал глаз Моро. Смысл происшедшего был определен в «Монитёр» 18 брюмера: «Говорят об отмене законов о принудительном займе, о заложниках, о закрытии списка эмигрантов».

19 брюмера (10 ноября 1799 года) около часа дня в Сен-Клу открылось заседание Советов. Бонапарт стянул к дворцу от 4 до 5 тыс. солдат. В Совете старейшин отсутствовавшие накануне депутаты потребовали объяснений и выразили сомнение относительно существования заговора. В Совете пятисот, председателем которого был Люсьен Бонапарт, левые с самого начала заседания потребовали поименного принесения присяги конституции с вызовом депутатов на трибуну. Дело рисковало затянуться. Тут вмешался Бонапарт.

В Совете старейшин он заявил о своей преданности Республике, отверг обвинение в желании «установить военное правительство», обвинял Совет пятисот, «где находятся люди, которые хотели бы вернуть нам Конвент, революционные комитеты и эшафоты»; он грозил возможным противникам вмешательством его *храбрых* товарищей по оружию («штыки которых я вижу»). Что касается «трижды нарушенной» конституции, то ее более не существует, «Директории больше нет». «Как только минуют опасности, которые заставили возложить на меня чрезвычайные полномочия, я откажусь от этих полномочий».

В Совет пятисот Бонапарт явился, окруженный гренадерами и генералами. Все собрание сразу возмутилось: он не имел права появляться там без зова. Депутаты хватают его за воротник, толкают. Раздаются крики: «Вне закона! Долой диктатора!» Гренадеры увлекают Бонапарта наружу. Продолжаются беспорядочные споры. Люсьен тщетно пытается защитить брата. По приказу Бонапарта появляется взвод гренадеров, чтобы вырвать его из толпы. Войска колеблются, особенно охрана Советов. Люсьен вскакивает на лошадь и обращается к ним с речью, он обвиняет меньшинство «представителей кинжала», которое пыталось убить их генерала и терроризирует большинство. Ему удается

их убедить. Солдаты трогаются с места, отряд во главе с Мюратом и Леклерком под барабанный бой входит в зал заседаний (l'Orangerie) и рассеивает депутатов, которые выбегают с криком: «Да здравствует Республика!»

В тот же вечер большинство Совета старейшин и меньшинство Совета пятисот организовали временный Консулат. Они издали декрет о том, что Директория прекратила свое существование, и исключили из национального представительства 62 депутата за «эксцессы и посягательства, на которые они постоянно шли». Была создана *Исполнительная консульская комиссия* в составе Сиейеса, Роже Дюю и Бонапарта — *консулов Французской республики*; они были облечены всей полнотой власти Директории. Советы были заменены двумя комиссиями из двадцати пяти членов каждая, на которые возлагалось одобрение законов, представляемых консулами, и подготовка пересмотра конституции. Последняя должна была иметь целью «нерушимо утвердить суверенитет французского народа, единую и неделимую Республику, представительную систему, разделение властей, свободу, равенство, безопасность и собственность» (статья XII). В конце заседания Совет старейшин отменил меру, тревожившую поставщиков, относительно первоочередности выплаты им денег казначейством. Три временных консула принесли присягу и вернулись в Париж.

Если 18 брюмера и остается образцом парламентского переворота, все же он принадлежит к категории государственных переворотов, совершенных Директорией: как и тогда, его участники стремятся опереться на мнимое соблюдение закона, на механизм парламентской процедуры. С 1797 года в уме Бонапарта стала возникать мысль о том, что орудием государственного переворота должна быть армия, но что эта акция должна сохранять всю видимость законности, как это было 18 фрюктидора. Отсюда подготовка, проведенная Сиейесом вплоть до самых мелких деталей: речь шла о парламентской акции при соучастии Совета старейшин и Совета пятисот с соблюдением весьма деликатной процедуры. В действительности Бонапарт чуть было все не погубил; он волнуется, открыто рискует, компрометирует себя и действует по-военному. Этому военачальнику не по себе на почве законности, которую он, од-

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РЕСПУБЛИКА БОНАПАРТА

(1799—1802 годы)

нако, хочет во что бы то ни стало соблюсти. Он забывает, что должен играть лишь второстепенную роль, роль защитника конституции, которой угрожает якобинский заговор, в этой разработанной до мелочей парламентской комедии, главным действующим лицом которой все еще остается Законодательный корпус. В конце концов Советы своей угрозой репрессий поставили заговорщиков перед необходимостью оставить почву законности, чтобы прибегнуть к насилию. Но к развязке приводит Люсьен, гренадеров увлекает за собой Мюрат, а не Бонапарт. Провал парламентской процедуры делал неизбежным применение насилия — это несмыслаемое пятно. Но и тут брюмер еще является не более чем завершением практики Директории.

*

Афиша, расклеенная в Париже, о которой сообщала «Монитор» от 24 брюмера (14 ноября 1799 года), отражала чаяния буржуазии на следующий день после переворота. «Франция хочет чего-нибудь большого и прочного. Ее губила неустойчивость, она взывает к стабильности. Она не хочет королевской власти, которая уничтожена; но она хочет единства в действиях власти, которая будет соблюдать законы. Она хочет независимого и свободного Законодательного корпуса... Она хочет, чтобы ее представители были мирными консерваторами, а не неугомонными новаторами. Она хочет, наконец, пожать плоды десятилетних жертв». «Декад филозофик» поторопился выступить с апологией брюмера. Правда, в его номере от 30 брюмера (21 ноября 1799 года) говорилось, что искренний друг свободы не может смотреть без тревоги на «временное положение, в котором мы очутились». Но если принять во внимание, в чьи руки переданы чрезвычайные полномочия, то «надежды должны одержать верх над опасениями». Отмену закона о заложниках и принудительного займа приветствовали как «возврат к должному уважению к личности и собственности».

Брюмер, несмотря на ореол легенды, созданной в период Консульства и продолжающей жить в нашей историографии, не мог нарушить преемственности. Война продолжалась, и поэтому усиление исполнительной власти превращалось в неизбежную необходимость. Поскольку система II года была исключена навсегда, оставалось только прибегнуть к личной власти, которая ограничивалась точно установленными рамками. Никакой честолюбивый генерал, как бы гениален он ни был, не мог перешагнуть рамки, определенные революцией. Наполеон сумел основать новую династию, создать европейскую империю: от сотворенного им сохранилось только то, что вписывалось в рамки революционного наследия. В этом смысле брюмер находится на той же линии, что и термидор, и 1789 год, и консульская республика тесно связана с республикой Директории: речь все еще шла о том, чтобы положить конец революционной эре и окончательно установить господство нотаблей. Термидорианцы, сторонники Директории, брюмеринцы — это одни и те же люди, преследующие одну и ту же цель.

Хотя нотабли намеревались усилить исполнительную власть и восстановить единство в действиях правительства, они, несомненно, не отказывались от осуществления свободы, лишь бы она служила их выгоде. События обманули их расчеты, одержало верх стремление Бонапарта к власти, и Республика нотаблей превратилась в военную диктатуру. Но когда последняя стала в конце концов не нужна и Империя рухнула, 1814 и 1830 годы (последняя попытка аристократии взять власть в свои руки) позволили вновь установить связь с 1789 годом. Итак, нотабли подчинили тогда наконец Францию своему господству на столетие.

КОНСУЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА. ДИКТАТУРА И СТАБИЛИЗАЦИЯ (ноябрь 1799 года — август 1802 года)

Переворот 18 брюмера был лишь последним в ряду государственных переворотов, характеризовавших Директорию, логическим следствием неизбежной политической эволюции. Он, несомненно, расчистил путь для личной власти; но эволюция завершилась только в 1804 году с провозглашением Империи, чему помогло возобновление войны. С того дня когда жирондисты и монархисты ввергли страну в войну, внутренняя необходимость обрекла Францию на диктатуру — коллективную или личную. И эту личную диктатуру, как бы гениален ни был ее носитель, удалось навязать революционной нации, только сохранив основные завоевания 1789 года, закрепленные, что бы там ни говорили, Директорией.

1. Организация диктатуры (1799 — 1800 годы)

На следующий день после 18 брюмера на развалинах представительного режима, который республиканские нотабли пытались установить с помощью Конституции III года, во Франции установилась диктатура в лице Бонапарта. Но ей не оставалось ничего другого, как принять социальное наследие десяти лет революции: если Бонапарт и управлял как властелин, то он управлял к выгоде нотаблей.

Социальный фундамент или сила вещей

Революция яростно добивалась, в том числе и при Директории, уничтожения земельной аристократии и ее привилегий. Феодальные права и десятины были отме-

нены без выкупа, имущество духовенства и эмигрантов было продано, продажа должностей — упразднена и их оплата производилась обесцененными ассигнатами. Не могло быть речи о возврате к прежнему: всякая стабилизация предполагала признание такого положения вещей. Однако все уничтожить не удалось: аристократия не была полностью и окончательно разорена. Многие дворяне пережили революцию, не потерпев большого ущерба, и сохранили свои поместья. Правда, теперь это были поместья буржуазного типа, освобожденные от «феодализма». С другой стороны, фиктивные разводы и покупка через подставных лиц позволили эмигрантам сохранить или получить обратно свои земли. Так уцелела определенная часть аристократии, которая, несмотря на потерю своих титулов, сохранила отчасти свой традиционный престиж.

Буржуазия коренным образом изменилась, изменилось ее внутреннее равновесие. На смену традиционному преобладанию в ее рядах приобретенных состояний пришло преобладание новых богачей, дельцов и предпринимателей, руководителей производства и обмена. Буржуазия старого порядка, то есть буржуазия, связанная со старой экономической и социальной системой, в значительной мере разделила судьбу аристократии. Буржуа — владельцы сеньорий, жившие *по-дворянски* на разные доходы от земель, пострадали от отмены повинностей и феодальных прав, в то же время арендная плата погашалась обесцененными ассигнатами до принятия закона от 2 термидора III года (20 июля 1795 года), предписывавшего вносить половину арендной платы зерном. *Служилая* буржуазия, как и дворянство мантии, была разорена отменой продажи должностей. Буржуа свободных профессий были задеты уничтожением сословия адвокатов и упразднением академий и университетов, согласно декрету от 8 августа 1793 года. Крупная деловая буржуазия пострадала от закрытия Откупного ведомства косвенных налогов и упразднения акционерных обществ, согласно декрету от 24 августа 1793 года, от закрытия Биржи, исчезновения «Кэсс д'эсконт», а также в результате таксации и регламентации, ограничивших во II году прибыль. Вспомним еще о катастрофических последствиях инфляции: охотнее, чем в коммерческие и промышленные предприятия, старая буржуазия вкладывала свои накопления в ипотеч-

ные ссуды и ценные бумаги государственных займов. В III году падение ассигната позволило должникам освободиться от своих долгов, уплатив их обесцененными бумажными деньгами. То, каким образом решил Камбон во времена Конвента вопрос о постоянных и пожизненных долгах, банкротство двух третей, или ликвидация Рамеля при Директории, нанесли буржуазии новые удары. Все эти факты объясняют присоединение значительной части буржуазии старого порядка к контрреволюции, вследствие чего она разделила судьбу аристократии. Однако, поскольку ее состояние заключалось главным образом в земельных владениях и движимое имущество занимало еще незначительное место в ее достоянии, эта буржуазия, если она не эмигрировала, сохранила большую часть своего имущества. Когда буря прошла, она стала вновь получать доходы. Но после десяти лет потрясений она жаждала покоя.

Однако тем временем появилась новая буржуазия, которая тоже стремилась наслаждаться недавно приобретенным богатством. Спекуляция на ассигнатах и их обмене, скупка и перепродажа национальных имуществ, военные поставки, эксплуатация завоеванных стран — все это давало деловым кругам новые возможности для расширения своих предприятий. Несомненно, в революционный период развитие капитализма шло медленно, размеры предприятий часто оставались скромными, преобладал торговый капитал. Тем не менее возникло несколько крупных фирм, в частности в текстильной промышленности: например, компания «Ришар—Ленуар» в Париже, «Бован» — в Пасси, «Лашоветьер» — в Бордо, «Жаннет» — в Амьене. Появились крупные промышленники — Перье, так называемый Милорд, в Дофине, Буайе-Фонфред в Тулузе. Но эти новые огромные состояния были обязаны своим происхождением не столько промышленному производству, сколько спекуляции и военным поставкам. Многочисленные компании пользовались слабостью правительства Директории, чтобы грабить государство: компания «Ланшер» и компания «Бодэн» специализировались на поставках продовольствия, компания «Фелис» — на поставках обмундирования, компания «Моннерон» — на перевозках. Тут тоже ничего не изменится: грабеж будет продолжаться и при Консульстве и при Империи. Таким образом, буржуазия обно-

вилась, включив в свою среду «новых богачей», законченным типом которых остается финансист Уврар. Подлинные авантюристы нового общества, эти люди своим предпринимательским духом, любовью к риску вдохнули новую энергию в правящий класс.

Стоявшим на более низкой ступени буржуазной лестницы многочисленным торговцам и в несколько меньшей степени ремесленникам обстоятельство позволили расширить свое дело, увеличить предприятия, округлить состояние и таким образом перейти из народа в ряды буржуазии; здесь опять-таки основным фактором продвижения по социальной лестнице часто была спекуляция. Из этого среднего слоя новый правящий класс стал вскоре вербовать чиновников государственной администрации, а также представителей свободных профессий.

Городские народные слои мало выиграли от революции. Несмотря на некоторое повышение заработной платы, условия их жизни ухудшились вследствие продолжавшейся безработицы, дезорганизации институтов благотворительности, закрепленного законом более низкого положения, которое было санкционировано, в частности, цензовой системой и законом Ле Шапелле от 14 июня 1791 года, запрещавшим коалиции и стачки: мир наемного труда был отдан на милость новых руководителей экономики.

Не все крестьянство извлекло одинаковую выгоду из аграрных реформ революции. Только крестьяне-собственники выиграли от отмены десятины и реальных феодальных прав, а также от налогового равенства. Арендаторы и издольщики, безземельные крестьяне выиграли только от отмены серважа и личных прав. Благодаря установленным правилам продажи национальных имуществ крестьянская собственность укрепилась к выгоде тех, кто уже был собственником, богатых земледельцев (*laboueurs*), фермеров из районов крупного земледельческого хозяйства. Бедное крестьянство, хотя ему и не удалось получить землю в собственность, все же в основном сохранило свои традиционные права. Революционные собрания не посмели непоправимо разрушить деревенскую общину, упразднив общинные владения и общинные права пользования. Прекращение такой практики разрешалось, но не навязывалось насильно. В этой области революция пошла лишь на компромисс, все зна-

чение которого можно измерить, если сравнить развитие английского сельского хозяйства с развитием французского сельского хозяйства. Упорное сопротивление феодальной аристократии, делавшее невозможным какой-либо компромисс с революционной буржуазией, вынудило последнюю пощадить крестьянство, даже бедное. Крестьянство в целом всегда одобряло революцию за то, что она искоренила в их деревнях господство аристократии. Тем не менее вопреки внешней видимости аграрная революция осталась умеренной по своим последствиям и, как сказал Жорж Лефевр, «консервативной». Отныне сильное меньшинство крестьян-собственников, привязанных к новому порядку, примкнуло к буржуазии, разделив ее консервативный выбор.

После десяти лет потрясений различные черты нового общества еще окончательно не определились, но уже ясно наметились. Изменить их был не в силах один человек, даже если он был гениален: деятельность первого консула, а затем императора не выходила за рамки революционного наследия. Стремление к порядку, проявляемое имущими классами — прежними богачами, которые хотели уберечь то, что им удалось сохранить, или новыми богачами, которые надеялись мирно пользоваться своим недавно приобретенным богатством, — облегчило стабилизацию консульской власти. И вот одновременно с созданием институтов, утверждавших ее главенство, начался процесс слияния различных элементов нового господствующего класса: омолодившейся буржуазии и присоединившейся аристократии вместе с зажиточным крестьянством, дабы отождествить нацию и собственность в рамках цензовых институтов.

Присоединение аристократии было облегчено благодаря изменению настроения в рядах эмиграции. Покинув Францию из привязанности к исконным ценностям, из чувства чести или классового эгоизма, долго произнося с презрением слова *нация* и *патриоты*, эмигранты, испытав все невзгоды изгнания, вновь узнали Францию и привязались к новой родине, которая не была больше «моей верой» и «моим королем, а превратилась в «родную землю» и «усопших». По мере того как изгнание затягивалось, воспоминания и сожаления сосредоточивались вокруг родной земли. Лишенные всех земельных владений в результате их конфискации, эмигранты обна-

ружили теперь их сентиментальную ценность. Честь, преданность особе короля уступили место тоске по родине, нежным и грустным воспоминаниям детства. Уехав космополитами, эмигранты обнаружили осязаемую реальность родины, которой они лишились. Эта новая тема разворачивается в «Скорбях» [Овидия. — *Ред.*] и «Сожалениях» [Дю Белле. — *Ред.*], которые получали все большее распространение среди эмигрантов и предшествовали «нежным воспоминаниям» Шатобриана. «Чтобы обрисовать томление души, которое испытываешь вдали от родины, — писал в 1802 году автор «Гения христианства», — народ говорит: у этого человека тоска по родине. Это и в самом деле тоска, от которой можно излечиться, только возвратясь на родину».

Политическое присоединение подготовлялось в то же время на основе земельной собственности. По мнению бывшего члена Учредительного собрания Мунье, опорой нового режима должна быть собственность. В 1795 году он замечает, что «большинство французов вздыхают теперь по порядку, покою, личной безопасности и уважению к собственности». В письме к Гентцу от 4 марта 1798 года он пишет: «Я не вижу теперь иного средства спасения, как только обрести опору в собственности». Источник собственности изменился, и, как констатирует Мунье, это приводит к новой стабильности, к которой следует присоединиться. В том же 1798 году появилось сочинение умеренного монархиста, будущего префекта и барона Империи Фьевэ «Приданое Сюзетты, или История госпожи де Сантер, рассказанная ею самой». В нем превозносились моральные ценности старого порядка и крестьянской Франции, аристократов осторожно призывали поступиться некоторыми предрассудками, скрыто ставился вопрос об эмигрантах, слегка критиковались поставщики и спекулянты. Но если упомянутый роман предлагал людям, тосковавшим по прошлому, «нечто такое, что возвращало их к прежней жизни», то он также призывал их принять настоящее, он подготовлял будущее. Малле дю Пан выдвинул в «Меркюр британник» от 25 января 1799 года в качестве главного условия присоединения «принятие мер защиты индивидуальной свободы и собственности».

Итак, после десяти лет революции аристократическая эмиграция и имущая буржуазия объединялись. Вопреки всему тому, что могло противопоставить их друг другу,

Они пришли теперь к согласию, идя неведомыми путями привязанности к родной земле и земельной собственности, чтобы отождествить землю Франции с французской отчиной, не заботясь более о тех, кто, не будучи собственником, не мог облечь свой патриотизм в конкретную форму территориального понятия. В результате преобразования земельной собственности революция фактически еще сильнее привязала имущих к земле. Отмена феодальных прав и церковной десятины, приобретение национальных имуществ лишили крестьян-собственников всякого революционного пыла, вырыли между ними и массой безземельного крестьянства пропасть, укрепили их консервативную солидарность с городской буржуазией. Отечество — абстрактное понятие в 1789 году, таившее в себе больше надежд, чем реальности, превратилось для буржуазии и зажиточного крестьянства благодаря их вновь приобретенной или расширившейся собственности на землю в конкретное понятие, обрело осязаемую форму: это земля, находящаяся в их полном владении. Патриотизм, лишившийся своего социального и политического содержания 1789 года, материализовался в земельной собственности. Идя совсем другим путем — путем возврата к ценностям, подсказанным инстинктом и чувством, более сильным, чем ее исконные предрассудки, — эмигрировавшая аристократия тоже конкретизировала идею отечества и отождествляла ее с землей, подготавливая свое присоединение к нации собственников.

В этой области, как и в других, дело, творимое Бонапартом, не могло не отвечать чаяниям и тех и других. Укрепляя общество на земельной основе, созданной революцией, Бонапарт включил вернувшихся эмигрантов в новую социальную иерархию и, усилив принцип власти, заставил их приспособиться к новому порядку, учрежденному сначала против них. Широко открыв эмигрантам границы сенатским решением (сенатус-консульт) от 6 флореаля X года (26 апреля 1802 года), Бонапарт заявил о своем желании «укрепить мир внутри страны при помощи всего, что может сплотить французов и успокоить семьи». Ничто в такой степени, как гарантия собственности, не способно было успокоить семьи и сплотить буржуазную Францию, равно как и Францию аристократическую. Так в конце концов была достигнута одна из целей, которую деятели 1789 года поставили перед революцией.

Сколь бы ни была определяющей сила вещей, но после брюмера Бонапарт занимает в истории центральное место: не потому, что он меняет ее ход, а потому, что его гений оставляет в ней свой след.

Наполеон Бонапарт родился в Аяччо 15 августа 1769 года. По-видимому, самым древним из известных его предков был некий Франсуа Бонапарт, прибывший в Аяччо из Тосканы в начале XV века; сама фамилия Бонапарт упоминается во Флоренции еще в XIII столетии; что касается имени Наполеон, то его по семейной традиции давали второму сыну. В XVIII столетии Бонапарты принадлежали к кругу деревенских нотаблей (*principali*), социальной группе, укрепившейся в предыдущем веке благодаря брачным союзам между дворянскими семьями (фактически это попросту было «деревенское дворянство») и купеческими семьями. К середине XVIII века эти нотабли, тяготившиеся генуэзским господством, стремятся стать в главе общества и навязать такой экономический порядок, который вопреки традиционным общинным правам пользования благоприятствовал бы аграрному индивидуализму. Присоединение острова к Франции не причинило им вреда. Происхождение и торговая деятельность Бонапартов представляются вполне достоверными. Не менее достоверно их желание подняться по социальной лестнице и их притязания на дворянское достоинство, на котором яростно настаивал отец Наполеона — Карло. Присоединившись к новым хозяевам острова, он обеспечил семье Бонапартов покровительство губернатора де Марбёфа. Стипендиат в королевском коллеже Отёна в 1779 году, затем в Бриенском королевском училище, в 1784 году Бонапарт перешел в Парижскую военную школу; в сентябре 1785 года он был выпущен в звании младшего лейтенанта артиллерии: ему было тогда 16 лет. Сначала в Валансе, потом в Оксонне, потом опять в Валансе он вел образ жизни незаметного гарнизонного офицера, бедного и безбудущего.

Патриот в 1789 году, но патриот корсиканский, он участвовал во время своих многочисленных посещений Корсики, в 1789 — 1793 годах, в местной политической жизни, которой руководил Паоли. Но в глазах Паоли он,

как Бонапарт, был подозрителен, и в июне 1793 года ему пришлось покинуть Корсику, когда Паоли порвал с Конвентом и призвал англичан. Находясь в июле 1793 года в чине капитана в Итальянской армии, он был послан в Авиньон для организации обозов с порохом; Бонапарт становится искренним монтаньяром и якобинцем. В форме диалога он написал сочинение «Ужин в Бокере», которое было напечатано в Авиньоне в августе 1793 года за счет государственного казначейства. В нем *военный*, то есть он сам, ведет беседу с горожанином из Нима, с фабрикантом из Монпелье и с коммерсантом из Марселя. Ему надо убедить марсельца, сторонника жирондистов в том, что «дело Горы — это дело национальное», что Конвент — это «центр объединения», что надо спасти «рождающуюся Республику, окруженную самой чудовищной из коалиций, которая грозит задушить ее в колыбели». С Корсикой и химерами независимости острова покончено; Бонапарт присоединился к революционной нации. Его соотечественник Саличетти в качестве представителя в миссии поручил ему 17 сентября 1793 года командование артиллерией при осаде Тулона; его роль была в некоторых отношениях решающей; 19 декабря город был взят, а 22-го Бонапарт стал бригадным генералом. Ему покровительствовал представитель в миссии при Итальянской армии Огюстен Робеспьер. Он расхваливал «выдающиеся заслуги гражданина Бонапарта» в письме от 16 жерминаля II года (5 апреля 1794 года) к своему брату Максимилиану.

Термидор поставил все под вопрос. Весть о событиях достигла Ниццы 18 термидора (5 августа 1794 года). На следующий день Бонапарт был смещен представителями в миссии со своего командного поста и заключен, как сторонник Робеспьера, в Форт-Карре в Антибе. Освобожденный 3 фрюктидора (20 августа), он был восстановлен в своей должности. Однако этот эпизод оставил в его душе некоторую горечь, о чем свидетельствует его письмо от 27 термидора (14 августа): «С тех пор как мне кажется, что я потерял уважение свободных людей, совесть моя поддерживает мое душевное спокойствие, но сердце мое в смятении, и я знаю, что с холодным умом, но горячим сердцем невозможно решиться долго жить под подозрением». Теперь карьера Бонапарта натолкнулась на противодействие Обри, вернувшегося жирондиста, докладчика по военным вопросам в Конвенте, который

резко критиковал «его преждевременное производство и его необузданное честолюбие». Однако в марте 1795 года Бонапарту предложили командовать артиллерией Западной армии. Он отказался. Новый отказ последовал в июне, когда его назначили пехотным генералом в ту же армию.

Гражданин уступает дорогу авантюристу, который ищет своего пути. Пережитые в термидоре невзгоды как бы разбили преемственность его политической линии. Вскоре для Бонапарта не существовало иного правила, кроме собственного честолюбия. Несколько месяцев он бедствовал. Вандемьер помог ему вновь очутиться в седле. «Все идет здесь хорошо,— писал он 19 вандемьера госпоже Клари, —роялисты побеждены, но Вам нечего опасаться, что возродится терроризм; мы питаем к нему такое же отвращение, как и Вы». Это значило определить политическую линию республиканских нотаблей от термидора до брюмера. Если его роль в этот день (5 октября 1795 года) стоила ему клички «генерал Вандемьер», то отныне благодаря Баррасу его продвижение по службе было обеспечено: 16 октября он получил чин дивизионного генерала, а 26-го был назначен главнокомандующим Внутренней армии. С этого времени начинается любовная связь Бонапарта с Жозефиной Таше де Ля Пажери, которая была на 6 лет старше его; вдова виконта де Богарне, гильотинированного в 1794 году, женщина, по отзывам Барраса в его «Мемуарах», уже не первой молодости, но еще очаровательная и по-прежнему ловкая. Первое письмо к «нежной и несравненной Жозефине» относится к 28 октября 1795 года. Это была страстная любовь, о характере которой не оставляют никакого сомнения письма, написанные во время Итальянской кампании,—их невозможно цитировать. «Трудно поверить,— пишет Жорж Лефевр,—чтобы Бонапарт не знал о ее [Жозефины] связи с Баррасом и чтобы ему не помогло влияние, которое она сохранила». 2 марта 1796 года Бонапарт был назначен главнокомандующим Итальянской армии вместо Шерера; 9-го он вступил в гражданский брак с Жозефиной, а два дня спустя покинул Париж, чтобы направиться на свою главную квартиру в Савону, на генуэзском побережье.

Итальянская кампания сыграла решающую роль в эволюции Бонапарта. Впервые в его руках вся полнота власти — военной и гражданской, финансовых и дипло-

матических полномочий. Война кормит государство, и главнокомандующий постепенно избавляется от гражданского контроля. «Посредством широкой и искусной политики», как утверждал Дезе, он создал себе клиентуру, в частности «путем значительного продвижения офицеров, главным образом молодых, используемых, насколько возможно, на высших должностях». Бонапарт — республиканец и спартанец исчезает. Этот спартанец терпит в своем окружении поставщиков и спекулянтов — Галлера (Haller), которого он назначает казначеем армии, Амлена (Hamelin), которого ему представляет Жозефина, не преминувшая получить комиссионные. Этот республиканец разучился повиноваться. «Я больше не умею повиноваться», — заявляет он по возвращении в Париж. Египетская авантюра еще более усилила эти тенденции, укрепив его опыт управления людьми и вещами. Она, в частности, позволяет отметить некоторые постоянные черты, усилившиеся при Консульстве: разумеется, склонность к личной власти, но также и стремление прибегать к помощи нотаблей, использовать в своих политических целях религиозный фактор, внимательное отношение к руководству экономикой. Уже проступал облик просвещенного деспота.

На следующий день после брюмера блеск личности тридцатилетнего Бонапарта тем более ярок, что его окружают такое ничтожество, как Роже Дюко, и такой слабовольный человек, как Сиейес. Худощавый, плохо причесанный, такой, каким его изобразил Давид, довольно неряшливо одетый, нервный, Бонапарт доказал свой военный талант на полях сражений, свои качества администратора и государственного деятеля в созданных им проконсульствах в Италии и Египте. Он якобы ничего не понимал в финансовых проблемах и плохо разбирался в экономических вопросах, как утверждали вслед за Шапталем Годен и Моллиен в своих мемуарах. В действительности же переписка Наполеона с его министром казначейства Моллиеном раскрывает неизвестную сторону наполеоновского гения — финансовую. Во всяком случае, записи постановлений Государственного совета свидетельствуют о том, что Наполеон очень быстро усвоил эти вопросы. Сознывая свою неосведомленность, он восполнял этот пробел ясным, всегда бдительным умом и постоянной готовностью действовать.

Диктатура в той или иной форме все время была характерна для Франции начиная с объявления войны в 1792 году. Возврат к выборам через определенные промежутки времени, присущий представительному строю, оказался несовместимым с потребностями ведения большой национальной войны, поэтому, чтобы избежать выборов, прибегали к разным средствам. Конвент монтаньяров отложил введение в действие Конституции 1793 года до заключения мира; термидорианский Конвент сохранил свой состав при помощи декрета о двух третях; Директория 18 фрюктидора и 22 флореала кассировала выборы и привела Республику к диктатуре. Но поскольку Конституция III года еще сохраняла силу и война продолжалась, диктатура правительства каждый год ставилась под вопрос. Сиейес придумал исправить систему выборов путем кооптации, следуя примерам, поданным Конвентом декретом о двух третях и Директорией чистками в фрюктидоре и флореале. Посредством Конституции VIII года брюмерианцы превратили свою власть в несменяемую.

Концентрация и стабилизация исполнительной власти, составлявшие другое требование ревизионистов, тоже давно уже казались неизбежной необходимостью. Конвент монтаньяров добился этого, учредив Революционное правительство; термидорианский Конвент сам предоставил Директории посредством Конституции III года значительные полномочия; наконец, в особенности после фрюктидора, правительственная практика их явно расширила. Назначение правительством административного персонала и судей, расширение власти правительства, полицейский произвол — все это были черты, которые со времени Директории предвосхищают Конституцию VIII года. Оставалось отменить выборность и коллегиальность исполнительной власти, а также принизить значение законодательной власти и довести ее до полного бессилия.

Конституционные проекты, изложенные Сиейесом Буле (из Мёрта), Дону и Рёдереру, не представляли точно разработанного плана. В их основе лежали два главных принципа: кооптация установленных органов власти среди нотаблей, назначаемых теоретически суверен-

ным народом, учреждение должности великого электора, назначаемого пожизненно, который должен назначить двух консулов — одного для руководства внешними делами и другого — для управления внутренними. Этот проект отражал одновременно как твердое желание установить диктатуру нотаблей, бывшую главным стремлением брюмерянцев, так и боязнь личной диктатуры.

Бонапарт принял первую часть проекта Сиейеса, но изменил вторую. Он собрал у себя комиссию, которой было поручено разработать конституцию, принял всеобщее голосование, списки нотаблей и кооптацию, но заставил значительно расширить свою компетенцию, он наделялся чрезвычайной законодательной властью (*puvoir réglementaire*), а оба его коллеги пользовались лишь правом совещательного голоса. Конституция VIII года, сформулированная в девяносто пяти туманных статьях, «краткая и неясная», как того хотел Бонапарт, была представлена народу, который одобрил ее путем плебисцита 3 млн. голосов против 1562.

3 Исполнительная власть возлагалась на трех консулов, назначаемых Сенатом на десять лет и могущих быть переизбранными. Вместе с Бонапартом консулами были назначены Камбасерес и Лебрен. Фактически вся полнота власти была сосредоточена в руках первого консула, который, сам не неся ответственности, назначает министров и должностных лиц, обладает законодательной инициативой и чрезвычайной властью, обеспечивающей осуществление законов; он пока еще не обладает только правом заключения мира и объявления войны. «Сиейес, — вскоре сказал Бонапарт Лафайету, — набросал только контуры... Надо было наполнить их где-то содержанием, и я внес его в управление».

Законодательная власть была поставлена в зависимость от исполнительной и ловко сведена на нет путем разделения функций обсуждения и вотирования между тремя собраниями. Законодательная инициатива принадлежала первому консулу, причем им же назначенный Государственный совет должен был готовить законопроекты. Обсуждение законов поручалось Трибунату в составе 100 членов в возрасте не менее 25 лет, который должен был довольствоваться выражением своего мнения «за» или «против»; вотировать законопроекты «тайным голосованием и без всякого обсуждения» поручалось Законодательному корпусу в составе 300 *немых*.

После этого первый консул либо издавал закон, либо передавал его для суждения об его конституционности охранительному Сенату из 60, а затем из 80 членов, в возрасте не менее 40 лет, пожизненных и назначаемых путем кооптации. Поскольку члены Трибуната и Законодательного корпуса назначались Сенатом, который сам в большей своей части назначался консулами, правительство, то есть Бонапарт, держало в своих руках оба конца цепи, ни за одно звено которой не могло ухватиться всеобщее избирательное право.

Теоретически провозглашенный народный суверенитет выражался во всеобщем избирательном праве. Но помимо плебисцитов, когда народ открыто голосует по какому-либо конституционному вопросу, говоря «да» или «нет», избирательное право сводилось к внесению «в каждом коммунальном округе» в *список доверенных* десятой части граждан, «наиболее пригодных для управления государственными делами», то есть всего около 600 тыс. человек по всей стране. Граждане, числящиеся в коммунальных списках доверенных, в свою очередь назначают десятую часть своего состава для образования департаментских списков доверенных (всего около 60 тыс. нотаблей), из числа которых «должны назначаться должностные лица департаментов». Наконец, из того же расчета одной десятой части своего состава нотабли департаментов составляют «третий список, включающий граждан этого департамента, подлежащих избранию на национальные общественные должности». Списки доверенных, окончательно составленные в IX году, так и не были использованы, так как правительство назначало представителей и должностных лиц по своему усмотрению.

Несмотря на кое-какие критические высказывания, брюмерянцы все это одобряли, особенно группа идеологов. Кабанис в своем сочинении «Некоторые соображения о социальной организации вообще и о новой конституции в частности», появившемся в «Декад философок» от 10 нивоза VIII года (31 декабря 1799 года), выразил свое удовлетворение тем, что конституция не доискивалась, «в чем состояли права человека прежде, чем сложилось человеческое общество». Самое важное, чтобы конституция соответствовала способностям и потребностям человека — так вот, главным условием этого является сила и стабильность правительства. 30 фримера

(21 декабря) «Декад философик» отмечал «признаки стабильности», которые сулит «этот новый общественный договор». Это гавань, «где Франция, уставшая от стольких бурь, может наконец укрыться и найти приют от новых потрясений».

Конституция была быстро введена в действие. Вновь нарушив законный порядок, ее стали применять даже еще до ее одобрения 4 нивоа VIII года (25 декабря 1799 года). Новые политические кадры набирались главным образом среди умеренных, присоединившихся монархистов или раскаявшихся якобинцев. Второй консул Камбасерес был в прошлом членом Конвента, принадлежавшим к Болоту, хорошим юристом; третий консул, Лебрен, роялист по своим взглядам, был специалистом в управлении финансами. В Государственный совет, разделенный на пять секций (финансов, военная, морского флота, внутренних дел, гражданского и уголовного законодательства), формирование которого Бонапарт оставил за собой, он назначил 3 нивоа VIII года (24 декабря 1799 года) 29 советников; это были брюмерянцы или бывшие фейяны, вообще деятели 1789 года, администраторы, юристы, ученые, военные. Сиейес руководил назначением первых 29 сенаторов, которые вместе с двумя выбывшими консулами составили абсолютное большинство в 31 голос. Он заставил ввести в Сенат бывших членов революционных собраний, генералов (Келлерман), ученых (Бертолле, Лаплас, Монж), идеологов (Дестют де Траси, Вольней). Сенат в свою очередь избрал 100 членов Трибуната: фактически он одобрил списки, составленные Сиейесом, в которых фигурировали 66 членов Советов времен Директории; особенно хорошо была представлена группа «Декад философик». Таким же образом был сформирован Законодательный корпус: из 300 его членов 277 входили в состав прежних собраний и, как правило, были людьми безвестными и нейтральными, за исключением конституционного епископа Грегуара.

При выборе министров руководствовались той же заботой о равновесии, как и при выборе консулов: в министерство внутренних дел был назначен Люсьен Бонапарт, в министерство иностранных дел — Талейран, в военное — Бертье, полиции — Фуше, финансов — Годен и Моллиен, пришедшие из Генерального контроля финансов. Все это были либо деятели старого по-

рядка, либо деятели революции, теперь примирившиеся между собой. Совета министров вообще не было, все решал в конечном счете Бонапарт. 30 плювиоза VIII года (19 февраля 1800 года) он обосновался в Тюильри, где, заняв один из кабинетов, вел вместе со своим секретарем Бурьенном огромную работу. Из организации времен Директории он сохранил государственный секретариат, который превратил в настоящее министерство, доверив его Маре, служившему посредником между первым консулом и его министрами. «Какому революционеру не внушит доверия такой порядок вещей, при котором Фуше будет министром? Какой дворянин не будет надеяться преуспеть в жизни при бывшем епископе Отенском? Один охраняет меня слева, а другой справа. Я открываю широкую дорогу, по которой могут идти к своей цели все».

Под эгидой Бонапарта аристократия старого порядка и революционная буржуазия примирились между собой при режиме нотаблей.

При государственной реорганизации Бонапарт руководствовался не столько определенной системой взглядов, сколько соображениями своевременности. Надо было прежде всего укрепить авторитет правительства, организовать власть первого консула. Действительно с IV года в административной области было сделано довольно много, почва для деятельности Консулата во многих отношениях была уже подготовлена.

Наиболее срочной была финансовая реформа. Финансовые трудности ускорили ход революции, свели на нет усилия Директории. Первоочередной задачей было укрепление централизации управления финансами, уже восстановленной Рамелем в VII году. Законом от 3 фримера VIII года (24 ноября 1799 года) была создана администрация прямых налогов (с целью более правильного установления подлежащих обложению сумм) с главным управлением, департаментскими управлениями, штатом контролеров и инспекторов, которым поручалось распределение налогов. Взимание налогов, согласно закону от 27 вантоза VIII года (18 марта 1800 года), было вновь передано в руки государства: главного казначея в департаментах, особого сборщика в округах, финансовых инспекторов в городах, где податные списки превышали 15 тыс. франков. Законом от 5 вантоза

XI года (25 февраля 1803 года) взимание налогов было централизовано.

Законом от 6 февраля VIII года (27 ноября 1799 года) была создана амортизационная касса во главе с Моллиеном. Получая, в частности, обеспечение в звонкой монете, вносимой главными казначеями, или датацию в 10 млн., эта касса среди прочих своих задач должна была поддерживать ренту путем покупок на бирже, а также служила резервом для покрытия бюджетного дефицита и военных расходов.

Тем не менее ощущалась потребность в банковской организации, в особенности для облегчения учетных операций (выдачи ссуд коммерсантам под векселя, подписанные их клиентами). Уже существовала основанная в 1796 году «Кэсс дэ конт куран» Перрего и Рекамье; в 1797 году была основана «Кэсс д'эсконт дю коммерс». 24 плювиоза VIII года (13 февраля 1800 года) «Кэсс дэ конт куран» была преобразована во Французский банк с капиталом в 30 млн. в акциях по 1000 франков каждая. Бонапарт подписался на 30 акций. Двести наиболее крупных акционеров выбирали пятнадцать управляющих и трех цензоров, составлявших генеральный совет банка, управляющие назначали из своего состава трех человек, на которых возлагалось действительное руководство операциями. Французский банк, являясь частным банком, основанным объединением финансистов, фактически ускользал из-под контроля государства, доверившего ему, однако, часть своих фондов. 24 жерминаля XI года (14 апреля 1803 года) Французский банк получил исключительное право эмиссии на пятнадцать лет; выпускаемые им банковские билеты были в крупных купюрах — по 500 франков, — причем капитал банка был одновременно доведен до 45 млн. франков.

Приведение в порядок бюджета шло медленно, несмотря на восстановившееся доверие имущих классов. В 1800 году бюджет вообще не был составлен. Консульское государство перебивалось со дня на день: делались займы у банкиров, устраивались лотереи, распространялась система поручительства, залогов, создавались конторы (биржевых маклеров, оценщиков на аукционах...). В IX году положение улучшилось. В 1802 году бюджет был сведен приблизительно в сумме 500 млн. франков. Но после разрыва в XI году Амьенского мира пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам. В XII году вновь об-

наружился дефицит (поступления — 769 млн. франков, расходы — 800 млн. франков).

Совокупность финансовых реформ довершила денежная реформа. Франк был объявлен денежной единицей с 1795 года, но новая система не вошла в силу. Закон от 7—17 жерминаля XI года (28 марта—7 апреля 1803 года) установил денежную систему на основе соотношения 1:15¹/₂ между золотом и серебром, утвердил франк весом в 5 граммов серебра с пробой ⁹/₁₀, признал серебро главным металлом, предназначенным для чеканки монеты, но сохранил применение двух металлов (биметаллизм). Впервые во Франции действительная стоимость денег стала равна их номинальной стоимости. Франк, выпущенный в жерминале, был триумфом металлических денег, обладающих собственной неизменной ценностью; это была классическая система, просуществовавшая до первой мировой войны. Однако из-за недостатка запасов серебра чеканилось слишком мало новой монеты, чтобы она могла заменить старую.

Административная реформа сопровождалась укреплением центральной власти, именно эта реформа и дала первые результаты. Закон от 28 плювиоза VIII года (17 февраля 1800 года), по которому был докладчиком Шапталъ, лишил местные органы всякой власти, передав ее представителям центрального правительства. Выборность местных властей была отменена: генеральный совет департамента (в составе 16—24 членов), окружной совет (из 11 членов, округом был заменен прежний революционный округ — дистрикт) назначались первым консулом по списку департаментских нотаблей; муниципальный совет — префектом по списку коммунальных нотаблей. При этих советах, обладавших чисто совещательными функциями, вся власть была сосредоточена в руках представителей правительства, иерархии чиновников. Первый консул назначал мэров в коммунах с числом жителей более 5 тыс., супрефектов в округах, префектов в департаментах. «Управление возлагается исключительно на префекта». Ему отводилась также политическая роль: он должен был следить за общественной умонастроением, не допускать никакой коллективной деятельности клуба или партии, добиваться воцарения, по словам секретаря министерства внутренних дел Бенью, «великого политического покоя и великого внутреннего движения», то есть усиленной экономической

деятельности. По словам оратора Трибуната, выступившего перед Законодательным корпусом, речь шла о том, чтобы «придать действиям правительства единство, силу и быстроту, приведя в движение в каждом департаменте волю единого двигателя».

Люсьен Бонапарт и Беньо чаще всего с одобрения Бонапарта с особой тщательностью подбирали префектов. Большинство их отбирали из среды прежних умеренных революционных деятелей, исключение было сделано только для такого человека, как Жанбон Сент-Андре, бывшего члена Комитета общественного спасения, правда посланного в аннексированный департамент Мон-Тоннер. Среди префектов было 25 бывших членов Конвента, 6 бывших членов Советов времен Директории — все они имели административный опыт. Корпус префектов, большей частью унаследованный от революции, сильно способствовал престижу консульской администрации, а затем администрации Империи. Префекты в свою очередь обеспечивали господство нотаблей. Если это ослабляло местную автономию, то в местные собрания вводились коммерсанты, собственники, «люди порядка», умеренные нотабли, часто заседавшие в местных органах власти конституционного периода: здесь 1800 год смыкался с 1790-м. «Правительство сочло необходимым, — говорилось в мотивировочной части закона от 18 плювиоза, — дать департаментским и окружным советам право выражать свое мнение о положении и нуждах жителей. Для правительства, которое является другом справедливости и свободы, важно знать, чего хочет народ, и, главное, черпать об этом сведения из истинного источника... Где может быть этот источник, если не в собраниях собственников, избранных среди нотаблей по всей стране?»

Судебная реформа привела иерархию судов в соответствие с новыми принципами власти. Эту задачу выполнил закон от 27 вантоза VIII года (18 марта 1800 года). Выборность судей была отменена, Бонапарт сам назначал всех членов судебной иерархии, отбирая их по соответствующим спискам нотаблей. Оплата и перевод судей на более высокие должности были доверены государству, следствием чего вопреки провозглашению принципа несменяемости судей явилось превращение судей в чиновников. Ведомство гражданского судопроизводства было восстановлено, что усилило власть государства. За-

кон упорядочил судебную иерархию в том же плане, что и иерархию других правительственных ведомств. В области гражданского права была принята следующая организация: мировой судья в кантоне, суд первой инстанции в округе и, что было новостью, апелляционный суд (29 апелляционных судов на всю Францию). В области уголовного права мировой суд превращается в простой полицейский суд; суд первой инстанции и апелляционный суд наделяются уголовной компетенцией; уголовный суд располагается в главном городе департамента. Высшей инстанцией является кассационный суд и верховный судья (министр юстиции, которым с 1802 по 1813 год был Ренье). При подборе судей еще широко прибегали к бывшим революционным деятелям, но формирование судов сопровождалось некоторыми осложнениями. Выбор ряда лиц оказался особенно неудачным. Некоторые распоряжения еще подвергались критике, в частности со стороны «Декад философизма», который восстал против выбора присяжных исключительно среди департаментских нотаблей; последние «таким образом образуют своего рода корпорацию, облеченную исключительным правом судить других граждан за уголовные преступления».

Административная и судебная реформы VIII года отличались значительной широтой; их можно сравнить только с деятельностью Учредительного собрания, которую в некоторых своих аспектах они напоминали: это, в частности, главенство нотаблей, но также унифицированный и рациональный характер системы. Бонапарт, стремясь укрепить свою личную диктатуру, еще брал за образец революционную централизацию II года. Но то, что было всего лишь временным средством, он превратил в орудие личной власти и в идеал управления

Знаменательно, что эта перестройка революционных институтов в авторитарном направлении сопровождалась широкими полицейскими мерами. С 27 нивоза VIII года (17 января 1800 года), «принимая во внимание, что часть газет, печатающихся в департаменте Сена, служит орудием в руках врагов Республики», правительство оставило в Париже всего 13 газет из 73. «Все газеты, которые будут печатать статьи, противные должному уважению к общественному договору, народному суверенитету и славе армии, будут немедленно закрыты». Газеты, издание которых допускалось, будут занимать-

ся «исключительно вопросами науки, искусства, литературы, торговли, объявлениями и извещениями». К концу 1800 года выходило всего лишь девять газет, из которых «Монитор» стала официальным органом. Цензура печати хотя и не была официально восстановлена, тем не менее применялась Фуше, тогда как в театре цензуру восстановил Люсьен Бонапарт. Легальная оппозиция становилась невозможной.

Однако сохранение Консульства и расширение полномочий Бонапарта зависели не от оппозиции, а от исхода кампании 1800 года.

2. Всеобщее умиротворение

(1800 — 1802 годы)

Чтобы окончательно утвердить свою власть над нацией, Бонапарт должен был победить и продиктовать мир. Поскольку казалось, что восстановление мира должно привести к восстановлению свободы, оппозиция ожидалась, что вызвало новые репрессии со стороны Бонапарта. Военная диктатура усилилась в ущерб власти нотаблей.

Восстановление мира (1800 — 1802 годы)

Бонапарт деятельно подготовлял весеннюю кампанию 1800 года. Дипломатия Консульства изолировала Австрию, добившись нейтралитета Пруссии и оторвав Россию от коалиции.

Итальянская кампания началась в апреле 1800 года австрийским наступлением. Но 15—23 мая «резервная армия» под командованием Бонапарта перешла Альпы через Большой Сен-Бернарский перевал, достигла в июне Милана, угрожая австрийским тылам. Повернув свои дивизии к юго-западу, Бонапарт 14 июня 1800 года одержал победу при Маренго. Об этой доставшейся дорогой ценой победе первый консул в приукрашенном виде поспешил сообщить в Париж.

Кампания на германском театре военных действий, прекращенная в июле в связи с перемирием, возобновилась осенью. Бонапарт хотел самолично нанести решающий удар в Италии, бывшей его излюбленным театром военных действий. Ему в этом помешала одержанная 3 декабря 1800 года блестящая победа Моро при Гогенлиндене, принудившая Австрию заключить мир.

По Люневильскому договору от 9 февраля 1801 года Австрия подтвердила свой отказ от Бельгии, согласилась на границу по Рейну, признала дочерние республики; Венецию она сохранила. Таким образом континентальный мир был обеспечен. Но честолюбие Бонапарта уже увлекало его за пределы естественных границ; его господство распространялось на большую часть Италии, откуда он намеревался изгнать Австрию. Умиротворение на континенте рисковало превратиться не более чем в передышку.

Однако Англия понимала, что она не в состоянии ничего предпринять на континенте, где Бонапарт только что добился своего избрания президентом Итальянской республики (январь 1802 года). Переговоры, которые продолжались несколько месяцев и закончились подписанием Лондонского прелиминарного договора (октябрь 1801 года), определялись желанием Англии оградить свои торговые интересы и свои колониальные завоевания, тогда как Бонапарт стремился добиться признания новых вассальных республик. В конце концов переговоры, которые вели Жозеф Бонапарт и Корнуоллис, привели к заключению Амьенского мирного договора (25 марта 1802 года). Франции возвращались ее колонии, Антильские острова и торговые конторы в Индии. Англия компенсировала себя аннексией Цейлона, отобранного у Голландии, и острова Тринидад, отобранного у Испании. Она обещала эвакуировать Мальту и Египет, но не признала ни естественных границ Французской республики, ни вассальных республик.

Тем не менее Бонапарт осуществил главное желание нации, принудив Европу к миру и сохранив естественные границы, завоеванные революцией. Молчаливо был установлен раздел: Франции принадлежала гегемония на континенте, Англии — владычество на морях и господство в колониальных странах. Но могло ли удовлетвориться этим честолюбие Бонапарта?

Победа и мир увеличили популярность Бонапарта. «С 18 брюмера, — писал Карно 3 мая 1804 года, — началась эпоха, может быть единственная в анналах мира, когда под свободу можно было подвести прочные основы, одобренные опытом и разумом. После Амьенского мира Бонапарт мог выбирать между республиканской системой и монархической системой: он мог бы сделать все, что бы он захотел». Ликвидация оппозиции и расширение полномочий Бонапарта подчеркивали тайные стремления первого консула.

Фактически оппозиция обнаружилась с самого начала установления нового режима. Нотабли, правда, занимали все места и преобладали во всех собраниях, но они ничего более не решали. Оппозиция в первую очередь выявилась в Трибунате, куда входило много идеологов, выдвинувших Дону на пост председателя. На первой сессии Трибуната, открывшейся 2 января 1800 года, первое правительственное предложение касалось способа «создания закона»: правительство, определив продолжительность и срок дебатов, намеревалось диктовать свою волю и превратить дебаты в простое чтение и таким образом свести на нет единственный национальный орган, где происходило обсуждение законов. Бенжамен Констан в своей речи от 15 нивоза VIII года (5 января 1800 года) выступил против правительственного проекта, указывая на опасность режима порабощения и молчания. «Несомненно, между властями Республики желательное установление гармонии, но независимость Трибуната не менее важна для этой гармонии, чем конституционная власть правительства: без независимости Трибуната не будет ни гармонии, ни конституции, а только порабощение и молчание — молчание, которое услышала бы и которое осудила бы вся Европа».

Бонапарт дал волю своему гневу, особенно против Бенжамена Констан, «человека, который хочет все спутать и который хотел бы вернуть нас к 2 и 3 сентября [1792 года]». Оппозиция притаилась; щедро вознагражденный, но утративший всякий вес Снейес уехал в деревню. Трибунал и Законодательный корпус превратились не более чем в жалкое подобие обсуждающих законы собраний, им разрешалось только критиковать и

отвергать какие-нибудь незначительные законы, которые правительству было угодно представить на их рассмотрение. По конституции Трибунал должен был получать и передавать петиции. 12 плювиоза VIII года (1 февраля 1800 года) Бенжамен Констан предложил рационально организовать их рассмотрение и истолкование; таким образом Трибунал стал бы «в зависимости от предлагаемых мер палатой, дающей одобрение или отвергающей, и палатой, способствующей усовершенствованию». Это предложение нашли неуместным, Констан обвинили в желании вырыть народу пропасть, которая поглотила бы свободу.

И все же «Декад философик» — орган идеологов и умеренных республиканцев — защищал принцип существования оппозиции. «Когда правительство так сильно, как наше, разумная и умеренная оппозиция играет охранительную роль. Она доказывает нации и иностранцам, что никакого угнетения нет, что существует национальный дух, и она служит для его создания» (20 нивоза VIII года) [10 января 1800 года]. Все статьи «Декад», посвященные прениям на первой законодательной сессии (нивоз — флореаль VIII года), обнаруживают стремление сотрудничать с правительством; но журнал также внимательно следит за намерениями правительства, разоблачая малейшую тенденцию, которая кажется ему реакционной или деспотической. «Очевидно, стремятся нейтрализовать партии, потушить страсти, положить конец революции; это намерение поддерживается всей Францией, уже уставшей, может быть слишком уставшей от потрясений и бурь, которым она будет обязана своей свободой и лучшим порядком вещей» (10 прериала VIII года — 30 мая 1800 года). Оппозиция идеологов становится более ожесточенной в течение лета 1800 года.

Роялистская оппозиция оказалась более грозной, несмотря на свои внутренние раздоры. В то время как одни вели переговоры (королевский совет, сформированный в Париже, передал Бонапарту два письма претендента, оставшиеся без ответа), другие устраивали заговоры. Лион, Тулуза и особенно Бордо оставались главными очагами роялистских интриг. На Западе с VII года возобновили свои действия шуаны. Они были очень быстро подавлены в первые месяцы 1800 года — всех захваченных с оружием в руках расстреливали на месте. По словам хроникера из Шинона, «столь сурового зако-

На еще не было со времен правления Робеспьера». Однако Бонапарт остерегался превращать репрессии в систему, прибегая к ним от случая к случаю. В то же время он хотел обезоружить контрреволюцию проявлением широкой терпимости к неприсягнувшим священникам и осуществлением благоприятных для эмигрантов мер: 12 вантоза VIII года (3 марта 1800 года) список эмигрантов был объявлен закрытым в том виде, какой он имел на 4 нивоза (25 декабря 1799 года).

До Маренго общественное мнение было несколько встревожено: казалось, что в случае поражения новый режим будет поставлен под угрозу, все зависело от победы Бонапарта. Снова зашевелились брюмерианские нотабли; вновь появился Сиейес; зашла речь о новом первом консуле, о директории: «Я хотела, чтобы Бонапарт был разбит, — писала позднее госпожа де Сталь, — ибо это была единственная возможность остановить наступление тирании». У роялистов возродились надежды; в июне из Англии прибыл Кадудаль, чтобы подбодрить шуанов. Победа и тенденциозное сообщение о ней, которое Бонапарт заставил распространить, укрепили его власть. 2 июля 1800 года он вернулся со славой в Париж, как вестник скорого мира, но, как он сам признал, «постарев душой»: он узнал интриги и готовое на все предательство.

Некоторые лица из окружения Бонапарта, чтобы обеспечить стабильность режима, толкали его к монархии и наследственной власти. Так поступал Талейран и группа бывших фейянов, присоединившихся к Республике, но остававшихся в душе монархистами. Бонапарт — это «превосходный промежуточный король», писал Жубер своей приятельнице Полине де Бомон, однако при условии, «что небо избавит его от этих господ», то есть от брюмерианцев. Фонтан, которого госпожа де Сталь не без основания упрекала в роялистских взглядах, был допущен к частным беседам с Бонапартом после произнесенного им 20 плювиоза VIII года (9 февраля 1800 года) *Надгробного слова Вашингтону*. 10 брюмера IX года (1 ноября 1800 года) он опубликовал «Сравнение между Цезарем, Кромвелем и Бонапартом», которое Люсьен Бонапарт, бывший министром внутренних дел, велел разослать префектам. Однако Фуше, еще сохранивший кое-что от своего прежнего якобинства, оставался в то время враждебным этим проектам. Так же к ним от-

носилась и Жозефина, которая была бездетна и боялась, как бы принцип наследственности не привел к разводу. Бонапарт считал эти интриги монархистов преждевременными; впавший в немилость Люсьен был заменен в министерстве внутренних дел Шапталем. В тот момент первый консул считал достаточным расширить свои полномочия. Повод для этого ему дали заговоры.

Несомненно, якобинское движение было создано искусственно. В сентябре — ноябре 1800 года один за другим были раскрыты три сомнительных заговора (не были ли это полицейские махинации?..), повлекшие за собой три ареста 14 сентября, четыре ареста 10 октября, в том числе Топино-Лебрёна, бывшего присяжного Революционного трибунала, два ареста 8 ноября. Правительство вынашивало план высылки якобинцев, когда появление на арене роялистов дало ему более удобный предлог.

Действительно, нанести удар позволила более реальная деятельность роялистов. Кадудаль послал нескольких шуанов из Бретани в Париж. 3 нивоза IX года (24 декабря 1800 года) вечером на улице Сен-Никез Карбон, Лимоелан и Сен-Режан взорвали адскую машину на пути следования первого консула, направлявшегося в оперу. 22 человека было убито и 56 ранено. Бонапарт, оставшийся невредимым, обвинил якобинцев, заявив через день после этого в Государственном совете: «Нужна кровь».

По мнению Бонапарта, против якобинцев надо было принять меры не *по причине*, а *под предлогом* этого события: если якобинцы и не несут ответственность за это покушение, то они совершали и хотели совершить другие. Покорный Фуше представил консулам 11 нивоза (1 января 1801 года) проскрипционный список с именами 130 человек, большей частью известных республиканцев. «Не все они были застигнуты с кинжалом в руке, — говорилось в его докладе, — но общеизвестно, что все они способны его отточить и за него взяться». 15 нивоза (5 января) Сенат одобрил постановление об их высылке, накануне подписанное первым консулом, как «меру, охраняющую конституцию». Осужденные на ссылку, треть которых, однако, спас Фуше, были немедленно отправлены на Сейшельские острова; они не были возвращены оттуда даже после ареста и осуждения ис-

тинных виновников покушения — Карбона и Сен-Режана, арестованных в январе и гильотинированных 21 апреля 1801 года. Сенатус-консулт от 15 нивоза IX года (5 января 1801 года) ознаменовал собой начало новой конституционной практики: он был первым из тех актов, посредством которых Бонапарт впредь издавал законы без участия собраний — процедура, позволившая ему ревизовать в своих интересах Конституцию VIII года, которая не предусматривала никакого способа ее пересмотра.

Не меньшую оппозицию вызвал закон от 18 плювиоза IX года (7 февраля 1802 года). Надо было положить конец разбою. Кадудаль вновь оживил деятельность шуанов в Бретани; почти везде действовали банды *поджаривателей*, пополнявшиеся вследствие обнищания деревни поденщиками, лишившимися средств к жизни, нищими и бродягами. Против шуанов в мае 1801 года были брошены три войсковые колонны под командованием Бернадота; к концу года движение шуанов было ликвидировано; Кадудаль вернулся в Англию. Закон от 18 плювиоза IX года разрешил первому консулу создать для борьбы с разбоем особые уголовные трибуналы в департаментах (он выбрал 32 департамента), полугражданские, полувоенные; они судили без присяжных, и их решения не подлежали обжалованию; они могли приговаривать ко всем степеням наказаний, включая смертную казнь. Речь шла не только о том, чтобы положить конец разбою (безопасность внутри страны, бесспорно, возросла), но и о том, чтобы держать в повиновении массу бедного люда, который дороговизна хлеба, наступившая вследствие двух плохих урожаев, толкала на голодные бунты, а именно этого больше всего боялся Бонапарт.

Подобные чрезвычайные меры привели к оживлению оппозиции в собраниях: брюмерианские нотабли хотели, чтобы власть была сильной, но произвола они не хотели. 5 плювиоза IX года (25 января 1801 года) Бенжамен Констан выступил против проекта учреждения особых трибуналов, считая его *неконституционным*. «Его редакция неясна: многие статьи непонятны; он охватывает все правонарушения; он уничтожает институт присяжных заседателей; он предаёт обвиняемых в преступлениях любого рода произволу особого трибунала и правительственного комиссара... Такой проект не отвечает намерениям правительства. Как сказал его собственный оратор,

правительство не хотело покрыть всю Францию траурным крепом; оно хотело подавить разнузданность немногих людей, чтобы сохранить свободу всем». Поэтому оно не может желать проекта, который, будучи направленным против немногих разбойников, угрожал бы всем гражданам. Речь Генгене, произнесенная 11 плювиоза (31 января 1801 года), была еще более резкой. Оратор с ужасом отвергал идею создания суда, состоящего из пяти восьмых из «преданных приверженцев правительства»; он находил тиранической власть, предоставляемую правительственному комиссару, который один решал, было ли убийство *предумышленным*, было ли собрание *крамольным*, и в зависимости от этого направлял обвиняемого либо в обыкновенный суд, либо в особый трибунал. В конце концов закон был принят 49 голосами против 41 в Трибунате и 192 голосами против 88 в Законодательном корпусе. Это привело Бонапарта в ярость: «Их там двенадцать или пятнадцать метафизиков, всех их надо вышвырнуть вон; это паразиты на моей одежде, но я их стряхну». Слова первого консула, направленные против идеологов, были приведены официальными и роялистскими газетами под названием «*Замечания*». Там обвинялись «необузданные умы, кстати и некстати применяющие абсолютные принципы абстрактной метафизики», устанавливающие «по прихоти своих страстей самые противоположные системы». «Их двенадцать или пятнадцать, а они считают себя партией. Безрассудные и неумные, они выдают себя за проповедников».

Кризис IX года подтвердил разрыв между первым консулом и республиканскими нотаблями, которые привели его к власти. В политической системе Бонапарта не было места для оппозиции. Еще в 1797 году в письме от 19 сентября из своей штаб-квартиры в Пассариано Бонапарт объяснял Талейрану, что народ, не являющийся сувереном, может нуждаться в гарантиях против власти, но что они бесполезны и бессмысленны, когда правительство является воплощением самого народа. Мыслима ли, повторяет он в январе 1802 года, по словам Рёдерера, оппозиция против суверенного народа? Трибуны там, где нет патрицьев? И опять в «Замечаниях», против оппозиции идеологов в Трибунате: «Кем они недовольны? Первым консулом. Действительно, против него запускали адские машины, точили кинжалы, устраи-

вали бессильные заговоры; прибавьте сюда, если хотите, сарказмы и нелепые предположения двенадцати или пятнадцати метафизиков с туманными мыслями. Всем этим врагам он противопоставит *французский народ*».

Плебисцитарная демократия Бонапарта была несовместима с представительным режимом, таким, каким его представляли себе нотабли, когда народ передает свой суверенитет, но отнюдь от него не отказывается, когда правительство является его уполномоченным, а не его воплощением, когда оппозиции принадлежат функции информации и контроля. В своей речи от 11 плювиоза Генгене утверждал, что режим, установленный Конституцией VIII года, был «демократическим, представительным, выборным»; именно во имя представительного строя против власти одного человека французский народ «совершил революцию и взялся за оружие».

Эти идеи, дорогие меньшинству республиканских нотаблей, были тогда чужды массе французского народа. Поэтому парламентская оппозиция не находила в стране никакого отклика. В 1801 году плохой урожай, вздорожание продуктов питания (зимой фунт хлеба стоил в Париже 18 су, а в деревне и в маленьких городах — до 7 су) привели к возобновлению народных волнений: к бунтам на рынках, к скоплению групп голодающих с неизбежными грабежами и пожарами, внушавшими страх имущим. Они все более цеплялись за Бонапарта, хранителя общественного порядка. Кризис достиг своего апогея летом X года (1802 года). Страх социальных потрясений еще раз оказал влияние на политическую эволюцию: он в свою очередь способствовал расширению полномочий Бонапарта и объявлению его пожизненным консулом.

3. Социальная стабилизация и усиление диктатуры (1802 год)

Весною 1802 года обратная эволюция режима внезапно ускорилась. Режим изменился за два месяца. 3 мая 1804 года в своей речи против установления империи

Карно вынужден был заявить: «Мы видели, как быстро создавался один за другим целый ряд явно монархических институтов, но при появлении каждого из них торопились успокоить встревоженные умы относительно судьбы свободы, уверяя их, что эти институты были задуманы только для обеспечения ей самого высокого покровительства, которого можно было бы для нее пожелать». 18 жерминаля X года (8 апреля 1802 года) был принят закон о религиозных культах. 6 флореаля (26 апреля) сенатус-консультум была объявлена амнистия эмигрантам и возвращение им их неотчужденного имущества. 11 флореаля (1 мая) было вынесено решение о создании лицеев, а 29 (19 мая) — об учреждении Почетного легиона. 30 флореаля (20 мая) в колониях было восстановлено рабство. Наконец, с 18 по 24 флореаля (8—14 мая 1802 года) произошло превращение власти Бонапарта в пожизненный консулат. Консульская Республика превращалась в монархию.

Именно в 1802 году был заложен фундамент режима Империи и усилено преобладание нотаблей. «Все разрушили, надо создавать заново, — заявил Бонапарт в Государственном совете. — Есть правительство, власти, но вся остальная нация, что она такое? Песчинки... Мы разобщены, лишены системы, лишены единства, лишены связи». Это была критика индивидуалистического общества, вышедшего из революции. Еще более недвусмысленны следующие слова Бонапарта: «Надо предвидеть будущее, надо бросить на почву Франции несколько глыб гранита». Речь идет о создании *социальных корпораций (corps sociaux)*, промежуточных или корпоративных групп, — связанных с властью выгодами и почестями, — которые взамен обеспечат ей повиновение народных масс, экономически угнетенных и политически не играющих никакой роли. Этого, очевидно, нельзя достигнуть путем возвращения к старому порядку. «Я не могу, — констатирует Бонапарт в сентябре 1802 года, — возродить дворянство, которое более не существует». Зажиточная буржуазия и присоединившаяся аристократия составляют основу системы: общественная иерархия может быть основана только на богатстве (от термидоринской Республики до Июльской монархии не существует в этом важном вопросе никакого нарушения преемственности). Государственная служба усиливает эту цепную структуру: офицерский корпус, корпус чиновников

с их иерархией, судьи, высшая администрация — все они зависят от одного властелина. Что касается «таланта», которому революция открыла путь к преуспеванию и который идеологи при помощи образования хотели ассоциировать с богатством в деле руководства государством, то Бонапарт смотрит на него с некоторым недоверием и часто ограничивает его рамками профессиональной сферы.

Религиозная реакция и конкордат

Чтобы довести до конца внутреннее умиротворение и прочнее утвердить свою власть, Бонапарт считал необходимым отнять у контрреволюции одно из ее важнейших орудий — религию. Для достижения этого надо было добиться присоединения к новому режиму римской католической церкви и неприсягнувшего духовенства, то есть отказаться от отделения церкви от государства. «Пятьдесят епископов-эмигрантов, получающих деньги от Англии, руководят сегодня французским духовенством. Нужно разрушить их влияние. Для этого необходим авторитет папы». Не следует впадать в ошибку относительно сокровенных чувств Бонапарта: его отношение к религии чисто утилитарное. Стремясь поставить римскую церковь под свою власть («держать в руках руководителей при помощи их интересов»), он хочет превратить ее в орудие политического и социального господства, присоединить к своему режиму старую аристократию и контрреволюционную буржуазию, чувствительных к религиозному возрождению, и укрепить социальную иерархию. В январе 1800 года в разговоре с роялистом д'Андины Бонапарт заявил: «Религия — я ее восстановлю, но не для вас, а для себя». И еще: «Общество не может существовать без неравенства состояний, а неравенство состояний не может существовать без религии». 18 апреля 1801 года он пишет своему брату Люсьену, в то время послу в Мадриде. «Если нет культа, нет и правительства; умелые завоеватели никогда не ссорились со священниками. Их можно сдерживать и одновременно использовать».

Религиозное возрождение становилось все более явным, начиналась последняя фаза «сражения с философами». До тех пор, за исключением нескольких месяцев

перед фрюктидором, нападки на «философию» и революцию исходили извне. «Размышления о французской революции» (1796) Жозефа де Месгра, «Теория политической и религиозной власти в обществе» (1796) виконта де Бональда почти не были известны во Франции. В 1800 году наступление разворачивается шире. Роялистская ежедневная газета братьев Бертен «Журнал де Деба» начала 3 плювиоза VIII года (23 января 1800 года) кампанию против философских идей и республиканских институтов — это все едино. Новая газета «Меркюр де Франс», основанная Фонтаном в мессидоре, с первого же номера начинает шумную атаку против идеи прогресса, обрушившись, в частности, на появившийся в VIII году труд госпожи де Сталь «О литературе, рассматриваемой в ее связи с социальными институтами». В брюмере IX года Жоффруа возобновляет издание «Анне литтерер» Фрерона. Если все эти авторы еще скрывают свои роялистские симпатии, то они афишируют свои католические чувства и свое отвращение к «философским» идеям; они подчеркивают консервативный характер нового режима и превозносят здравые идеи и прочные институты старого порядка. С лета 1800 года те, кого «Декад» называет «апостолами предрассудков», добиваются большого успеха. Религиозная полемика становится особенно оживленной в 1801 году: она развернулась вокруг повести Шатобриана «Атгала» (Шатобриан, поняв, к чему клонится дело, готовил свой «Гений христианства», появившийся в 1802 году) и вокруг «Новых святых» — сатиры М.-Ж. Шенье против наиболее прославленных «святош» — Шатобриана, Жоффруа, Лагарпа, госпожи де Жанлис. В то время как подготавливался конкордат, «Декад» разоблачал *мятежных* священников, как «язву государства», и указывал на опасность «возрождения религиозного чувства». Некоторые враги общественного спокойствия, говорится в статье от 20 прериала IX года (9 июня 1801 года), хотели бы воскресить теологические вопросы, но «злые лицемеры выставляют себя в смешном виде, стараясь вернуть нас в XII век». Все было напрасно. Вскоре идеологам пришлось перейти к обороне. Они ничего не могли поделать против конкордата.

Переговоры с папой начались в Италии в июне 1800 года. Пий VII проявил добрую волю, несмотря на

сопротивление кардиналов, которым трудно было вести переговоры с революцией. В ноябре 1800 года кардинал Спино прибыл в Париж; с французской стороны переговоры вел аббат Бернье — вандеец, присоединившийся к новому режиму. Один пункт вызвал особые споры. Папа намеревался добиться провозглашения католицизма государственной религией, что повлекло бы отмену свободы совести и светского характера государства. По совету Талейрана первый консул признал католицизм только религией большинства французов. Переговоры затягивались. Когда Франция оккупировала Папскую область, переговоры вступили в более активную фазу, сначала они велись в Риме, а затем в Париже, куда в июне 1801 года прибыл кардинал Консальви. 28 мессидора IX года (17 июля 1801 года) был подписан конкордат. Он содержал ряд взаимных уступок.

Папство признает, что католическая религия является лишь «религией огромного большинства французских граждан», но консулы рассматривают ее как «особое вероисповедание». Оно согласно на изменение церковных округов в соответствии с административным делением, установленным революцией. Оно предоставляет первому консулу назначение епископов, но «Его Святейшество дарует канонические правила в соответствии с формами, установленными для Франции до перемены правительства». «Епископы, прежде чем приступить к выполнению своих обязанностей, принесут непосредственно первому консулу присягу в верности, которая была принята до перемены правительства». Формула молитвы была уточнена: «*Domine, salvam fac Rempublicam. Domine, salvos fac consules*» («Господи, оберегай Республику. Господи, оберегай консулов»). Папство отреклось от неприсягнувшего духовенства; оно заявило, что не хочет «никоим образом тревожить новых владельцев отчужденного церковного имущества».

Правительство Республики обеспечивало «соответствующее жалованье епископам и священникам» (количество последних определялось соотношением один священник на один мировой суд); оно разрешало восстановление капитулов и семинарий, признавало за епископами право, которого они не имели при старом порядке, назначать приходских священников («их выбор мог пасть только на лиц, угодных правительству»). Прави-

тельство возвращало церкви неотчужденные церковные здания; оно отступалось от конституционного духовенства и переставало интересоваться черным духовенством, которое переходило под прямую опеку папы.

Проведение в жизнь конкордата сопровождалось некоторыми затруднениями. В качестве своего легата папа направил в Париж кардинала Капрану. Бонапарт поручил ведомство культов Порталису, ярому католику, который руководил введением в действие конкордата в благоприятном смысле для интересов церкви. Прежде всего надо было сформировать новый епископат. Конституционные епископы изъявили покорность. Из 46 неприсягнувших епископов 36 отказались признать конкордат и остались верными церкви старого порядка; в некоторых епархиях они основали против конкордата раскольническую Малую церковь. В конце концов было назначено 12 прежних конституционных епископов и 16 неприсягнувших; им были приданы 32 вновь рукоположенных епископа.

Надо было еще заставить принять конкордат собрания, куда входили старые революционеры и идеологи, откровенно враждебные конкордату. Не менее сильна была оппозиция в армии, где оставались еще живы республиканские настроения. По совету Талейрана введение в действие конкордата было задумано таким образом, чтобы дать некоторое удовлетворение этой оппозиции.

Этому намерению отвечали *Органические статьи католического культа*, опубликованные 18 жерминаля X года (8 апреля 1802 года). Составленные без ведома папы, они были проникнуты галликанским духом. «Никакая булла, папское послание, рескрипт... ни другие предписания Римской курии не могут быть получены, обнародованы и напечатаны без разрешения правительства»; точно так же и решения иностранных синодов, «даже решения церковных соборов». «Никакой национальный или архиепископский собор, никакой епархиальный синод не сможет состояться без обязательного разрешения правительства». Декларация 1682 года, ознаменовавшая при Людовике XIV победу галликанской церкви, будет преподаваться в семинариях. Внешние проявления культа были строго регламентированы. Одежда: «Все духовные лица будут одеты *по француз-*

скому обычаю и в черное; епископы смогут добавить к этой одежде пастырский крест и лиловые чулки». Что касается звона колоколов, то «епископ будет договариваться с префектом»; звонить в колокола по другому поводу, кроме богослужения, нельзя «без разрешения местной полиции». Папа протестовал, но тщетно.

Органические статьи протестантского культа, опубликованные 18 жерминаля X года (8 апреля 1802 года), отмечали, что католицизм больше не пользуется привилегиями, принадлежавшими ему при старом порядке; протестантская религия была официально признана. Эти статьи предусматривали организацию кальвинистских и лютеранских консисторий, назначали содержание пасторам. Это была хартия протестантизма. Конкордат вместе с органическими статьями, как бы единый закон, был одобрен Законодательным корпусом 18 жерминаля X года (8 апреля 1802 года). Десять дней спустя, в день пасхи, он был объявлен в соборе Парижской богоматери под звуки «Те Деум» во время церемонии, устроенной в ознаменование одновременно «всеобщего мира [Амьенского] и мира церковного».

Бонапарт достиг своих целей. Доклад о положении Республики констатирует в феврале 1803 года, что «галликанская церковь возрождается благодаря свету и согласию и уже чувствуются счастливые изменения в политических нравах. рекрутский набор проводится в таких местах, где одно лишь упоминание об обязательной военной службе возбуждало умы, а служить отечеству — это часть религии». В своих «Размышлениях об основных событиях Французской революции», опубликованных в 1818 году, госпожа де Сталь была вынуждена подчеркнуть значение конкордата для политической эволюции Консульства. Первый консул «знал, что если духовенство вновь обретет политическое значение, то его влияние будет лишь способствовать интересам деспотизма; а он как раз и хотел подготовить для себя путь на трон». Восстановление традиционной религии содействовало усилению личной власти. Оно было воспринято идеологами как поражение. Самым значительным откликом «Декад» на это событие (весной 1802 года) были три статьи Генгене против злободневной книги «Гений христианства». Автор утверждал в них, что христианские верования и христианское богослужение несомне-

стимы с существующим идеалом общества разумных людей. Для этих людей конкордат означал полное отступление от моральной и социальной программы.

„Организация нации“

Организация среднего образования в форме лицеев имела целью обеспечить кадрами *социальные корпорации*, первым примером которых явился Почетный легион, в то время как общественные установления системы определялись Гражданским кодексом.

Народное образование представляло для Бонапарта «первое орудие управления». И еще: «Из всех наших институтов наиболее важный — это народное образование. От него зависит все — настоящее и будущее». По сути дела, подразумевается настоящее и будущее государства. Созданные в 1795 году *центральные школы* не могли нравиться Бонапарту, поскольку они представляли собой попытку положить в основу среднего образования не только современные естественные науки, но и «философский» дух и республиканскую доблесть. С 1800 года «Декад» выступил в их защиту, понимая, что спор о школах выходил далеко за рамки простого вопроса об организации школ: достижения и ценности «философии» и революции были поставлены под угрозу. Эта кампания не прекращалась вплоть до 1802 года. Исчезновение центральных школ в конце концов явилось для группы идеологов серьезным поражением, его смягчало только неудовольствие противной партии, которой не удалось добиться восстановления коллежей старого порядка.

Закон от 11 флореаля X года (1 мая 1802 года), подготовленный Фуркруа, оставлял в ведении коммун, как и при старом порядке, начальные школы с преподавателями, которых оплачивали семьи учеников; правда, с разрешения государства вновь появились братья христианских школ, добившиеся в XII году основания своего института в Лионе. Средняя школа должна была готовить чиновников и офицеров. Закон заимствовал элементы двух предшествовавших систем: гуманитарное обучение в коллежах и обучение естественным наукам в центральных школах, интернат и дисциплину первых

и штатских учителей вторых. В основу обучения в лицейх, учреждавшихся из расчета один на округ апелляционного суда, была положена латынь и математические науки; в них была введена военизированная дисциплина (ношение формы, хождение под звуки барабана, распределение учащихся по отделениям). Как выразился один современник, это была «военно-монашеская» система. В лицей было принято 6400 стипендиатов, из них 2400 — сыновья чиновников и офицеров. Бедные исключались из числа получающих стипендию, которая служила приманкой для мелкой и средней буржуазии, рассчитывавшей, отдав своих сыновей на государственную службу, увидеть их восхождение на более высокую ступень социальной иерархии. Поскольку свободное образование не было отменено, сразу же возникли католические средние школы для мальчиков. Их конкуренция с лицеями не замедлила вылиться в конфликт, который в конце концов побудил Бонапарта установить монополию на образование с целью усилить свой контроль над формированием молодежи.

Почетный легион был основан законом от 29 флореаля X года (19 мая 1802 года). «Это начало организации нации», — заявил Бонапарт в Государственном совете. А 25 флореаля (15 мая) Рёдерер сказал в своем докладе Законодательному корпусу: «Это политический институт, который учреждает в обществе посредников, благодаря которым действия властей верно и благожелательно воспринимаются общественным мнением, а общественное мнение доходит до властей». Подвергнутый придирчивому обсуждению в Государственном совете, закон был принят Законодательным корпусом лишь 166 голосами против 110. Почетный легион состоял из 15 когорт по 250 членов в каждой, отобранных самим Бонапартом среди нотаблей, штатских и военных; каждой когорте были переданы национальные имущества, приносящие доход в 200 тыс. франков, что позволяло выплачивать жалованье каждому легионеру в зависимости от его чина и обеспечивать различные преимущества (квартиру, дома для ушедших в отставку). Будучи при своем возникновении, можно сказать, настоящей милицией режима, а не национальным орденом (Почетный легион не имел тогда никакого отличительного знака), новый институт, казалось воскрешавший различия старо-

го порядка, вызвал резкую оппозицию. Понадобилось представить его как организацию, которая призвана «служить укреплению революции». Отсюда и присяга «посвятить себя служению Республике, сохранению в целостности ее территории, защите ее правительства, ее законов и той собственности, которая санкционирована ими; бороться всеми средствами... с любой попыткой, направленной на восстановление феодального режима, возрождение прав и привилегий, бывших его атрибутами; наконец, содействовать всеми силами сохранению свободы и равенства». Тем не менее основание Почетного легиона являлось первым посягательством на эгалитарные принципы революции.

Гражданский кодекс был краеугольным камнем всего здания и юридическим памятником новому обществу. Подготовленный комиссией, учрежденной 24 термидора VIII года (12 августа 1800 года), в которую входили Биго де Преамене, Мальвиль, Порталис и Тронше, проект кодекса был напечатан 1 плювиоза IX года (21 января 1801 года). В своем докладе правительству Порталис подчеркнул принципы, какими руководствовалась комиссия. «Хорошие гражданские законы — это источник добрых нравов, защита собственности и гарантия мира — общественного и в частной жизни». «Законы должны щадить обычаи... В нынешние времена мы слишком полюбили перемены и реформы; если в области установлений и законов века невежества служили ареной злоупотреблений, то века философии и просвещения слишком часто являлись ареной крайностей». «Наша задача состояла в том, чтобы связать нравы с законами и распространить семейное начало, которое столь благоприятно, что бы об этом ни говорили, на гражданский дух... Именно посредством малого отечества, которым является семья, привязываются к великому отечеству; хорошие отцы, хорошие мужья, хорошие сыновья как раз и являются хорошими гражданами».

Проект, который обсуждался на 102 заседаниях Государственного совета, вызвал некоторое противодействие, особенно со стороны идеологов и их друзей в Трибунате. Об этом свидетельствует статья, помещенная в «Декад философок» от 20 плювиоза X года (10 января 1802 года), которая протестует против восстановления некоторых наказаний, связанных с поражением в пра-

важ, в том числе гражданской смерти, отмененных Учредительным собранием: гражданская смерть, лишавшая осужденного его имущества и его гражданских прав, казалась «Декад», как и большинству Трибуната, чудовищной карой. Обсуждение этого вопроса возобновилось, однако, только в 1803 году, когда Бонапарт избавился от оппозиции в собраниях. К этому времени всякая критика со стороны «Декад» прекратилась. Журнал не пытался обратить внимание на то, насколько во всем, что касается развода, положения женщины, родительской власти, наследования, прав незаконнорожденных детей, проектируемый кодекс был менее либерален, чем революционное законодательство. Несомненно, в условиях развернувшейся контрреволюционной кампании (сочинение Бональда о «Разводе» появилось в 1801 году) идеологи считали, что проект — это еще меньшее зло. В статье от 30 флореаля XI года (20 мая 1803 года) «Декад» защищал развод «в том виде, в каком он сохранен в Гражданском кодексе». Новый кодекс был наконец обнародован 30 вантоза XII года (21 марта 1804 года) под названием *Гражданский кодекс французов*, позднее он получил название *Кодекса Наполеона*. Он примирял в интересах буржуазии концепции старого права, писаного и обычного, с концепциями нового права, возникшего из декретов революционных собраний.

Вдохновляемый революцией, Гражданский кодекс санкционирует исчезновение феодальной аристократии, провозглашает принципы 1789 года: свободы личности, равенства всех перед законом, свободы совести и светского характера государства, свободы труда. Поэтому он и предстал в глазах Европы как символ революции и способствовал везде, где его ввели, утверждению основных черт современного общества. Уточним, что Гражданский кодекс закреплял цензурную организацию политической жизни: «Каждый француз будет пользоваться гражданскими правами» (статья 8), но «осуществление гражданских прав зависит от гражданства, которое приобретается и сохраняется только в соответствии с конституционным законом».

Вдохновляемый буржуазией, Гражданский кодекс интересуется главным образом собственностью, определяемой в духе 1789 года как естественное право, предшествовавшее образованию общества, как «право пользоваться и распоряжаться вещами самым неограничен-

ным образом, лишь бы только его не использовали так, как это запрещено законами и постановлениями». По мнению Порталиса, который 26 нивоза XII года (17 января 1804 года) докладывал Законодательному корпусу раздел «О собственности», принцип этого права заложен в нас: «Он отнюдь не является результатом соглашения между людьми или какого-нибудь позитивного закона; он заключен в самой нашей натуре». Фактически Гражданский кодекс проявляет наибольший интерес к земельной собственности. Он выражает, кроме того, традиционную концепцию законной семьи, которая рассматривается главным образом с точки зрения имущества. «Незаконнорожденные дети не являются наследниками» (статья 756). Гражданский кодекс придает очень большое значение брачному контракту, вопросам наследования. Власть отца семьи над детьми и женой, ослабленная революцией, укрепляется: «муж обязан защищать свою жену, жена обязана повиноваться своему мужу» (статья 213); власть над детьми принадлежит одному лишь отцу; он один распоряжается имуществом семьи, так же как имуществом своих малолетних детей. Однако Гражданский кодекс не отказывается ни от одного из основных завоеваний революции: свобода завещания ограничивается, право наследования подвергается регламентации, раздел отцовского наследия оставляется в силе.

О тех, кто ничем не владеет, не говорилось ни слова. «Не будем пытаться быть более гуманными, чем природа, ни более разумными, чем необходимость,— заявил Порталис, докладывая раздел «О собственности». — Происхождение неравенства среди людей нельзя приписывать праву собственности... Различия между ними порождаются случайностями и событиями». Впрочем, было бы ошибкой «опасаться злоупотреблений богатством и общественными различиями, которые могут существовать между людьми. Гуманность, благотворительность, сострадание — все добродетели, семена которых брошены в сердце человеческое, предполагают наличие этих различий и имеют своей целью смягчать и компенсировать неравенства, которые ими [этими различиями] порождаются и составляют картину жизни».

Во имя права собственности и его неизбежного следствия — экономической свободы наемный труд был оставлен на полное усмотрение хозяев. Для рабочего не

признавалось даже юридическое равенство, поскольку в вопросах заработной платы верили только хозяину, достаточно было его простого заявления. Закон от 22 жерминаля XI года (12 апреля 1803 года), взяв за основу закон Ле Шапелле, подтвердил запрещение коалиций и стачек. 9 фримера XII года (1 декабря 1803 года) было принято постановление, вводившее обязательные *рабочие книжки*, которые ставили рабочего в полную зависимость от властей, без этой книжки рабочий не мог быть принят на работу. «*Всякий рабочий, передвигающийся с места на место без таким образом оформленной книжки, будет считаться бродягой и может быть задержан и наказан, как таковой*». Работающий по найму оставался гражданином с урезанными правами. Комментируя это постановление, циркуляр министра внутренних дел, разосланный префектам, утверждал: «*Давно уже требовали мер, способных пресечь злоупотребления, возникающие в рабочих мастерских... Делая рабочую книжку обязательной, хотели не только дать рабочему возможность представить доказательство своего поведения и своей честности; еще преследовали намерение дать тем, кто его нанимает, своего рода гарантию его надежности*».

Пожизненный консулат (1802 год)

Авторитарная эволюция режима вызвала в X году оживление оппозиции одновременно и в собраниях и в армии. Она была немедленно подавлена, и почва расчищена для усиления власти первого консула.

Трибунат продолжал проявлять признаки независимости. Он критиковал некоторые стороны проекта Гражданского кодекса; 4 января 1802 года правительство взяло его обратно, как и все другие законопроекты, «убедившись, что еще не наступило время, когда эти важные дискуссии будут вестись в обстановке спокойствия и единства намерений, которых они требуют»; правительство выжидало возможности иметь дело с более послушным собранием. «В конституции имеется, — заявил Бонапарт еще в августе 1800 года, — очень скверная статья расхода: это четыре миллиона франков на

Трибунат. К чему нужно учреждение, насчитывающее сто человек, которое бесполезно и нелепо, когда все идет хорошо, и вносит сумятицу, когда что-нибудь не ладится, поистине сеет смуту?» 7 января 1802 года Государственный совет, мнения которого запросили, объявил, что можно провести первую замену пятой части представителей, предусмотренную в X году. Поскольку конституция не уточняла способа определения выбывающих, покорный Сенат 46 голосами против 13 постановил, что он сам отберет тех, от кого правительство хотело избавиться. Таким образом Законодательный корпус подвергся чистке и из Трибуната было исключено два десятка оппозиционеров, и в том числе главный штаб идеологов: Бенжамен Констан, Шенье, Дону, Генгене. Назначенный в Трибунат Люсьен Бонапарт предложил 11 жерминаля X года (1 апреля 1802 года) регламент, согласно которому Трибунат был разделен на три секции, обсуждавшие законопроекты при закрытых дверях. Оппозиция была обречена на полное бессилие.

Усилилось недовольство в армии. Мир привел к тому, что оставшиеся без дела генералы стали заниматься политическими интригами. «Нет ни одного, кто бы не считал, что у него такие же права, как у меня», — говорил Бонапарт. В войсках сохранился определенный республиканский дух. Весной 1802 года возбуждение усилилось, участились тайные сборища в окружении Моро, который все еще находился в нерешительности, и Бернадота, начальник штаба которого генерал Симон был 20 мая арестован за распространение в армии прокламаций. Это «Воззвание к французским армиям их товарищей» свидетельствует о сильной враждебности к Бонапарту. «Солдаты! У вас нет более отечества, Республика более не существует, и ваша слава померкла. Тиран завладел властью... Какова была цель вашей борьбы за Республику? Уничтожить все дворянские и религиозные касты, установить совершенное равенство. Вы достигли своей цели, но от вашего творения ничего не осталось. Со всех сторон вернулись эмигранты; лицемеры-священники получают от тирана жалованье...» В республиканизме если не солдат, то, во всяком случае, генералов, конечно, можно сомневаться. Быстро задушенный «заговор пасквилянтов» послужил для первого консула поводом немедленно избавиться от этой военной оппозиции, отправив главных оппозиционеров

на командные должности в отдаленные департаменты или в колонии либо назначив их на дипломатические посты: Брюна — в Константинополь, Ланна — в Лиссабон. «Преимущество, бесспорно, принадлежит штатским», — заявил Бонапарт в Государственном совете 4 мая 1802 года.

Путь был свободен. 16 флореаля X года (6 мая 1802 года) об Амьенском мире было объявлено в собраниях. Трибунат по предложению своего председателя Шабо высказал пожелание, «чтобы генералу Бонапарту, первому консулу Республики, было дано яркое свидетельство признательности нации». 18 флореаля (8 мая) Сенат ограничился тем, что переизбрал на десять лет «гражданина Наполеона Бонапарта»; имя Наполеон впервые появилось в официальном документе. Бонапарт подхватил эту инициативу, ответив согласием, но при том условии, что свои новые полномочия он получит от народа; он продиктовал проект постановления относительно обращения к французскому народу по вопросу о том, следует ли Наполеону Бонапарту быть *консулом пожизненно*. Трибунат и Законодательный корпус, хотя пересмотр конституции находился вне их компетенции, одобрили проект плебисцита. По всей республике в течение трех месяцев проводилось открытое голосование. После этого «выражение воли народа» было передано Сенату, который ограничился одним подсчетом голосов; он насчитал всего лишь 8374 голоса *против* и более 3,5 млн. голосов *за*. 14 термидора X года (2 августа 1802 года) Сенат объявил Наполеона Бонапарта пожизненным консулом.

Органический сенатус-консулт конституции, продиктованный Бонапартом, был принят без обсуждения два дня спустя, 16 термидора X года (4 августа 1802 года). Первый консул получал право представить Сенату своего преемника, когда он это сочтет уместным или по завещанию. Франция шла к наследственной власти. Заключение договоров о мире и союзе, право помилования, исключительное право назначения второго и третьего консулов, кандидатов в Сенат — все это значительно расширяло полномочия Бонапарта. Сенат получал право регламентировать посредством *органических сенатус-консултов* «все то, что не было предусмотрено конституцией и что необходимо для ее функционирова-

ния»: таким образом, установить империю можно было без труда. Посредством своего обычного сенатус-консульта Сенат мог приостановить применение конституции, «когда этого требуют обстоятельства», отменить решения суда, «когда они посягают на безопасность государства», мог распустить Законодательный корпус и Трибунат. Только правительству, то есть Бонапарту, принадлежит инициатива принятия сенатус-консултов, которые должны подготавливаться *Личным советом*, члены которого назначались Бонапартом для каждого заседания. Рост власти Сената компенсировался путем подчинения: хотя он продолжает формироваться путем кооптации, один лишь первый консул имел право представления списка его новых членов; учреждение *особых сенаторских пожалований* (*sénatoreries*) по одному на каждый судебный апелляционный округ, сопровождавшихся назначением щедрой ренты из доходов от национальных имуществ, служило наградой для наиболее покорных. Законодательный корпус утратил право регулярного созыва заседаний; состав Трибуната был сокращен до 50 безмолвных членов, Государственный совет, права которого были урезаны в пользу Личного совета, превращался в административный орган.

Как утверждал Корнюде, выступавший в качестве докладчика перед Сенатом, «демократический принцип, который является обязательным элементом всякого свободного правления», был сохранен, «но он более удачно согласован». Так, *списки доверенных лиц* были аннулированы и заменены *избирательными коллегиями*. *Кантональное собрание*, образуемое всеми проживающими в кантоне гражданами, представляло кандидатов на должности в мировых суды и муниципальные советы по списку, состоявшему из ста лиц, плативших наибольший налог; оно назначало пожизненных членов *окружной избирательной коллегии* и *департаментской избирательной коллегии*, последних по «списку из 600 граждан, платящих наиболее высокие налоги по податным спискам лиц, облагаемых поземельным налогом, налогом на движимое имущество и предметы роскоши и торгово-промышленным налогом». Эти коллегии представляют кандидатов на вакантные места в окружных советах и в департаментских генеральных советах, а также в национальных собраниях, Трибунале, Законодательном корпусе, Сенате. Таким образом, выборы были сведены

к минимуму, власть нотаблей, как ни ограничена была уступка, увеличилась благодаря применению цензовой системы. «Принципы нашего нового избирательного права, — заявил 3 жерминаля XI года (24 марта 1803 года) Люсьен Бонапарт, — не опираются более на химерические идеи, а на самую основу гражданского общества, на собственность, которая внушает стремление к сохранению общественного порядка». Избирательные коллегии были одним из тех промежуточных, посреднических органов, которые, по мнению Бонапарта, были необходимы «для связи высших государственных властей с нацией». В ходе дискуссии в Сенате он заявил: «Между народом и властями непременно нужны промежуточные корпорации».

•

Дело первого консула увенчалось экономическим процветанием, что окончательно связало с ним имущие слои. Правительство Бонапарта, несомненно, воспользовалось изменением конъюнктуры и общей тенденцией к повышению. Между тем восстановление мира и общественного спокойствия повлекло за собой быстрое возобновление деловой активности, которой правительство благоприятствовало, желая усыпить политическое сопротивление и исполнить желания нотаблей. Выставка, организованная Шапталем в марте 1801 года, подчеркивала успехи французской промышленности. Были предприняты большие работы, столь сильно способствовавшие славе первого консула: через Альпы были проложены дороги (дорогу через Симплон в Милан начали строить в 1802 году, в том же году была открыта дорога из Майнца в Страсбург), строились каналы и порты, в то время как бульвары, набережные и мосты придали новый облик столице. По традиции просвещенного деспотизма Бонапарт укреплял свою власть, способствуя процветанию имущих классов и создавая ореол престижа, который придают искусства.

В то же время присоединение контрреволюции к новому режиму пошло быстрее. Уже готовилось слияние старой родовой аристократии с новой денежной аристократией. Вернувшиеся эмигранты назначались в важные государственные учреждения («Только эти люди и умеют служить»), а вышедшие из низов генералы, такие, как

Ланн и Жюно, женились на аристократках. Возобновилась облегчавшая такое слияние светская жизнь. В Тюильри и в Мальмезоне составилась новый двор, который оживляли присоединившиеся к режиму аристократы и преуспевшие в жизни парвеню. Исчезло республиканское обращение на «ты»; возвращались к манерам и одежде старого порядка, к этикету, к праздникам и балам, к той «сладости жизни», которой, по словам Талейрана, отличались последние годы существования монархии.

К концу 1802 года относительно тайных стремлений властелина не могло быть никаких сомнений: он хотел покончить с Республикой. С 15 августа 1802 года день рождения Наполеона стал национальным праздником; в 1803 году на монетах появилось изображение Наполеона, хотя изображение Республики не исчезло. Увеличивалось число монархических символов, хотя это еще не привело к исчезновению республиканских эмблем. «С того момента, когда французскому народу было предложено голосовать по вопросу о пожизненном консулате, — заявил Карно 3 мая 1804 года, — каждый мог легко догадаться о существовании здесь задней мысли и мог предвидеть последующую цель».

ВОЙНА И ИМПЕРИЯ

(август 1802 года — декабрь 1804 года)

Мир, с трудом достигнутый в Амьене и позволивший Бонапарту упрочить свою диктаторскую власть, длился недолго. Честолюбие первого консула и желание Англии сохранить безраздельное владычество на морях ускорили возобновление военных действий. Война в свою очередь позволила Бонапарту сделать последний шаг по пути к монархии.

1. Разрыв Амьенского мира

(1802 — 1803 годы)

Амьенский мир не устранил многих трудностей Английское правительство Аддингтона искренне намеревалось проводить политику мира, и это вопреки воинственной позиции некоторых тори. Но деловой мир колебался между миром и войной. Мир наносил ущерб многим интересам, монополия торговли со странами Балтийского моря, с Германией, а главное, монополия торговли колониальными товарами рисковала ускользнуть из рук Англии. Возвращение завоеванных колоний влекло за собой сокращение торговли, которое для одной лишь Голландской Гвианы исчислялось в 10 млн ливров. В то же время английские торговцы надеялись на то, что вновь откроется французский рынок, а также рынки в оккупированных или контролируемых Францией странах, англичане хотели, чтобы мир был основан на выгодных для них торговых отношениях.

Экономическая политика Бонапарта недолго оставляла им эту надежду. Следуя традициям просвещенного

деспотизма, первый консул уделял большое внимание экономическим проблемам. Не из желания улучшить судьбу народных масс, а в основном по политическим причинам, ибо процветающая экономика благоприятствовала здоровым финансам, приводила к исчезновению безработицы, к изобилию продуктов питания и, следовательно, к сохранению порядка. Взгляды Бонапарта в области экономики были близки взглядам Кольбера. Сторонник меркантилизма Бонапарт считал, что обилие металлических денег является признаком богатства; поэтому Франция должна беречь свои ценные металлы, сокращая импорт и получая их извне либо путем экспорта, либо путем завоеваний. Поэтому Бонапарт старался поощрять производство. Национальный рынок был унифицирован путем обязательного применения десятичной системы. В 1801 году было основано Общество поощрения национальной промышленности, в 1802 году были учреждены торговые палаты, а в 1803 году — промышленные палаты. Но дальше по пути регламентации Бонапарт не пошел, так как промышленники энергично противились всякому ограничению экономической свободы.

Из системы Кольбера Бонапарт главным образом позаимствовал таможенные покровительственные пошлины, которых к тому же требовали интересы промышленности. В частности, интересам хлопчатобумажной промышленности противоречило установление даже умеренных пошлин, которые все равно поставили бы их под удар английской конкуренции. Бонапарт не снял установленного Директорией запрета на английские товары. В мае 1802 года он обложил колониальные товары, фактически все они были английскими, пошлиной, которая была на 50% выше цен на товары, поступавшие из французских владений. Англичане примирились бы с разумным протекционизмом, который, ограждая интересы французской промышленности, открыл бы все же для их товаров континентальный рынок. Но Бонапарт мало-помалу склонялся к их запрету как орудию войны: английская экономика и английские финансы, основанные главным образом на кредите, казались ему крайне уязвимыми. Восторжествовала идея запрета. Внешняя торговля Франции с 553 млн в 1799 году дошла до 790 млн в 1802 году. Английские капиталисты поняли, что экономическая война продолжается, и ст-

реклись от мира, который не приносил им никаких выгод.

Еще больше Англию тревожила колониальная политика Бонапарта. Колониальные товары составляли один из главных предметов оптовой торговли; Бонапарт вознамерился вернуть Франции этот источник богатства, взяв обратно Антильские острова. Генерал Леклерк высадился в Сан-Доминго, в то время как Ришпанс вновь оккупировал Малые Антильские острова. Но восстановление рабства, официально санкционированное законом от 30 флореаля X года (20 мая 1802 года), дабы обеспечить интересы влиятельных колонистов из окружения Бонапарта, вызвало в Сан-Доминго восстание. Армия, опустошаемая желтой лихорадкой, быстро слабела; Порт-о-Пренс капитулировал в 1803 году; остров сахара был потерян. Луизиана, относительно которой Бонапарт одно время строил обширные проекты, в мае 1803 года была продана за 80 млн. Соединенным Штатам. Начиная Бонапарта в колониях потерпели неудачу, что могло только радовать англичан. Но вскоре англичане почувствовали, что им грозит опасность в их собственных владениях. В 1802 году Себастиани был послан в Египет, а затем в Сирию; одновременно усилились французские интриги в Турецкой империи, были подписаны соглашения с пашой Триполи, с тунисским беем, а затем и с алжирским деем. В 1803 году Декан направился с сильной эскадрой в Индию. Из всех этих фактов английское правительство должно было сделать вывод, что Бонапарт собирается возобновить борьбу в Египте («Теперь, чтобы его вновь завоевать, было бы достаточно 6 тыс. французов», — писала «Монитор» 30 января 1803 года) и в Индии. Чтобы обезопасить себя, Англия удерживала Мальту, нарушая тем самым Амьенский мирный договор.

Континентальная политика Бонапарта и его непрерывные захваты в Европе тоже не способствовали успокоению Англии. Из Голландии, ссылаясь на то, что условия мира не были выполнены, Бонапарт отказался вывести войска. Швейцарии он навязал *акт о посредничестве* от 19 февраля 1803 года. Каждый из девятнадцати кантонов получил свою особую конституцию, чаще всего цензовую, и сохранил свою автономию; центральное правительство было ослаблено. Швейцарская конфе-

дерация подписала с Францией договор об оборонительном союзе сроком на пятьдесят лет.

В Германии урегулирование вопроса о возмещениях, обещанных князьям, имевшим владения на левом берегу Рейна, позволило распространиться французскому влиянию. Регенсбургский сейм *главным постановлением* от 25 февраля 1803 года признал территориальные изменения, навязанные Германии Францией с согласия Пруссии и Австрии; фактически крупные государства, Пруссия, Бавария, Вюртемберг, увеличивались за счет духовных княжеств, мелких государств и вольных городов. Из 51 вольного города осталось только шесть; уцелел всего лишь один духовный курфюрст — Майнца, перебравшийся в Регенсбург. Добыча досталась Пруссии (которая, потеряв на левом берегу Рейна 125 тыс. подданных, получила взамен 500 тыс. в Вестфалии), а также Баварии, Вюртембергу, Бадену, выигравшему от концентрации, и, наконец, Австрии. Главное постановление было настоящей катастрофой для католической церкви, потерявшей 2,5 млн. подданных. Курфюрстов-католиков оставалось всего 4 на 6 протестантов; протестантам принадлежало, таким образом, большинство в коллегии князей. Влияние Австрии уменьшилось в Южной Германии, тяготевшей теперь к Франции, в то же время Пруссия видела, как с восстановлением мира убывает ее влияние в Северной Германии.

Если в Италии Бонапарт вывел войска из неаполитанских портов и папских владений, то он аннексировал в 1802 году остров Эльбу, а затем Пьемонт и оккупировал Парму после смерти ее герцога. Будучи уже президентом Итальянской республики с января 1802 года, он навязал Лигурийской республике конституцию, равнозначную протекторату.

Англия с раздражением наблюдала за развитием французской экспансии, но была бессильна. Ее недовольство в особенности вызвали аннексии в Италии. «Англия хочет такого положения на континенте, каким оно было во время заключения Амьенского мира, и ничего больше», — заявил лондонский кабинет. Англия ждала, что следующие один за другим захваты Бонапарта восстановят континентальные державы против Франции. «Наша политика должна состоять в старании сделать из этой агрессии основу будущей оборонитель-

ной системы совместно с Россией и Австрией». Восточная политика Бонапарта, беспокоившая также Россию, привела к сближению этой державы с Англией.

Английское правительство не хотело без возмещения эвакуировать Мальту, к чему ее обязывал Амьенский договор; Бонапарт упорствовал, требуя эвакуации; в феврале 1803 года у него произошли бурные объяснения с английским послом. 15 марта английское правительство потребовало сохранения Мальты на десять лет за Англией в виде компенсации за территориальные приобретения Франции; 26 апреля, уверенное в поддержке России, оно предъявило французскому правительству ультиматум; 12 мая 1803 года английский посол покинул Париж. Война возобновлялась и ставила все под вопрос. Хотя инициатива исходила от Англии, которая перестала колебаться с тех пор, как она могла надеяться на помощь России, непрерывные территориальные захваты Бонапарта делали войну неизбежной. «Первый консул, — заявил Бонапарт Тибодо, — не похож на тех королей божией милостью, которые смотрят на свои владения, как на наследственные. Ему нужны блестящие подвиги и, следовательно, война».

2. Конец Республики

(1804 год)

Первым результатом войны для Бонапарта внутри страны явилось восстановление монархии. Поскольку инициатива разрыва, который он сумел сделать неизбежным, исходила от Англии, его престиж не пострадал; «Монитор» могла прямо обвинять Англию в желании восстановить старый порядок, уничтожить дело революции и вернуть Францию к ее прежним границам. Такое убеждение еще более усилилось в общественном мнении вследствие поддержки, которую английское правительство оказывало козням роялистов.

В августе 1803 года Кадудаль высадился в Нормандии и направился в Париж, вскоре за ним последовал Пишегрю, в то время как в западных районах страны вновь появились роялистские банды. Заговорщики попытались установить связь с Моро, недовольство которого было известно, но он отказал им в своей помощи.

В феврале 1804 года двое арестованных, подвергнутых пыткам, рассказали о предстоящем приезде «принца» и о переговорах с Моро, которого после этого заключили в тюрьму. Вскоре были арестованы сначала Пишегрю, а затем Кадудаль; тем временем тайный агент сообщил о пребывании герцога Энгийенского в Эттенгейме, в Бадене, бывшем нейтральной страной. Предполагая, что это тот самый принц, приезда которого ждали, Бонапарт распорядился похитить его в ночь с 14 на 15 марта 1804 года и предать военному суду; утром 21 марта он был расстрелян во рву Венсенского замка не как заговорщик, а как «эмигрант, которому за границей платили деньги за то, чтобы он вторгся во Францию». Приговоренные к смертной казни заговорщики, большей частью знатного происхождения, были помилованы; двенадцать — и среди них Кадудаль — казнены. Пишегрю нашли в камере удушенным. Моро, сначала оправданный, был приговорен к двум годам тюрьмы, а затем изгнан из Франции. Режим на короткое время вновь приобрел террористический характер. «Я в восторге, — заявил один член Трибуната, некий Кюре, — что Бонапарт устроил себе Конвент». *Казнь, или убийство*, герцога Энгийенского завершила разрыв с роялистами.

Англо-роялистский заговор ускорил восстановление монархии. Окружение Бонапарта и сам Фуше, старавшийся войти в милость (министерство полиции было восстановлено, и в июле 1804 года Фуше был назначен на пост министра), побуждали Бонапарта воспользоваться удобным случаем: наследственная власть обескуражила бы заговорщиков, надо было позволить первому консулу «завершить свое дело, сделав его таким же бессмертным, как его слава». Сенат высказал мнение, что «было бы уместно видоизменить институты», однако Государственный совет, когда запросили его мнение, выдвинул возражения против принципа наследственной власти. 10 флореаля XII года (30 апреля 1804 года) в Трибунате Кюре потребовал, чтобы Сенату передали «пожелание, которое является пожеланием всей нации...: 1. Чтобы Наполеон Бонапарт, ныне первый консул, был провозглашен императором и в качестве такового на него было возложено управление Французской республикой. 2. Чтобы императорское досто-

инство было объявлено наследственным в его семье. 3. Чтобы те наши институты, которые только намечены, были окончательно установлены».

Во время последовавшей в Трибунате дискуссии Жобер 12 флореаля (2 мая 1804 года) подчеркнул преэминентность по отношению к 1789 году: «Нация не восстанавливает феодальный трон... Революция твердо держится принципов, которые ее породили». «В силу вещей, в такой же мере, как и в силу принципов, мы приходим к наследственной власти, потому что она служит опорой великого общества и потому что она совместима с существованием великих институтов, которые одни только могут обеспечить ей ее собственную длительность и в то же время должны гарантировать общественную свободу и равенство прав». Излагая мотивы этого предложения в Сенате 26 флореаля (16 мая), член Государственного совета Порталис высказался более определенно: «Только установив наследственную власть новой династии, мы сможем уничтожить в зародыше химерические надежды старой династии, придать новому порядку вещей прочный характер, которого не могла бы обеспечить выборная система». Против этого предложения в Трибунате возвысил голос один лишь Карно: «Какую бы услугу ни оказал своему отечеству гражданин, существуют пределы для признательности нации, диктуемые разумом. Если этот гражданин восстановил общественную свободу, если он принес спасение своей стране, то будет ли наградой преподнести ему в виде жертвы именно эту свободу?» Принятое Трибуналом пожелание было одобрено Сенатом.

Конституция XII года, текст которой выработывался с 16 по 18 мая, была провозглашена в форме сенатус-консульта от 28 флореаля XII года (18 мая 1804 года). «Управление Республикой поручается императору, который получает титул императора французов». «Императорское достоинство передается по наследству в прямом, естественном и законном потомстве Наполеона Бонапарта от мужчины к мужчине в порядке первородства при исключении женщин навечно». Согласно статье 4, Наполеон мог усыновлять детей или внуков своих братьев. Эта конституция знаменовала собой еще один этап в создании новой аристократии путем учреждения званий шести высших сановников и высших офицеров Империи, в том числе восемнадцати маршалов; декрет

от 24 мессидора XII года (13 июля 1804 года) должен был упорядочить старшинство административных органов. Статья 53 предусматривала присягу императора: «Клянись охранять целостность территории Республики; уважать и заставлять уважать законы, касающиеся Конкордата и свободы вероисповедания; уважать и заставлять уважать равенство прав, политическую и гражданскую свободу, неприкосновенность проданных национальных имуществ». Органы государственной власти не подверглись большому изменению, хотя Наполеон присвоил себе право назначать сенаторов в неограниченном числе. Предусматривался плебисцит, но не по поводу титула императора, а по вопросу наследственной власти. Его результаты были оглашены в ноябре 1804 года: «против» было подано всего лишь около 2,5 тыс. голосов из общего числа более чем 3,5 млн. участвовавших.

Коронация подчеркнула, что Наполеону было недостаточно народного одобрения — он хотел утвердить новую наследственную власть путем восстановления божественного права. После бесконечных колебаний, надеясь добиться взамен кое-каких уступок, Пий VII согласился приехать в Париж, чтобы возглавить церемонию коронации. Но 2 декабря 1804 года Наполеон сам возложил на себя корону в соборе Парижской богородицы и короновал Жозефину. Пышная и холодная церемония коронации, которую запечатлел Давид, и последовавшие за нею празднества оставили народ равнодушным. Интересы нового монарха были уже отделены от интересов нации.

Агония Республики и провозглашение Империи в конечном итоге представляли собой не внезапное изменение, а скорее завершение эволюции, которое еще стремились замаскировать политической фразеологией. Согласно статье 140 конституции, Наполеон был императором французов «милостью божией и в силу конституций Республики». В 1804 году торжества устраивались не только 14 июля, но и 22 сентября — в день годовщины Республики. Формула «В силу конституций Республики» фигурировала еще, но в последний раз в декрете от 28 мая 1807 года. Только после Эрфуртского свидания осенью 1808 года декретом от 22 октября сло-

ва «Французская республика» были заменены словами «Французская империя», которые начиная с 1 января 1809 года должны были выбиваться на оборотной стороне монет.

Движение по пути к монархии началось еще задолго до нарушения мира в 1803 году. Но на первых порах Бонапарт шёл к диктатуре, проявляя осторожность и лицемерную гибкость. Возобновление войны ускорило развитие событий. Фактически вся эволюция истории вела к такому концу. Внутренняя контрреволюция и война привели к провалу попытки конституционной монархии, а затем — либеральной республики, внутренняя необходимость способствовала концентрации власти и диктатуре ради сохранения завоеваний 1789 года и укрепления социального господства буржуазии нотаблей.

Несомненно, честолюбие Бонапарта, подогреваемое его личным окружением, а также пассивностью многих удовлетворенных существующим положением людей, выходило за пределы этой необходимости. Перейдя естественные границы и сделав войну неизбежной, порвав с Республикой и законностью, Бонапарт ставил перед собой цели, чуждые целям нации, на которую отныне давил тот «свинцовый свод», о котором говорит Мишле

Но какова бы ни была с тех пор эволюция к деспотизму, Наполеон не мог ни стереть неизгладимую печать происхождения своей власти, ни перейти границы, определенные историей. Говоря о своем возвышении, он сказал Фонтану «Я поднял корону из грязи, и народ возложил ее на мою голову; пусть же уважают его действия!» Нельзя было лучше подчеркнуть революционную преемственность режима Империи. В глазах аристократической Европы Наполеон оставался солдатом революции, уточним — революции нотаблей, именно как солдат революции нотаблей он наложил свою печать на эпоху. Так определяются неизбежные границы для роли этого великого человека в истории.

Однако, если не говорить о Консульстве и Империи как ее развязке, Первая республика занимает особое место в истории современной Франции. Несомненно, с 1792 по 1804 год она обретала различные противоречивые обличья, и все же следует подчеркнуть их логическую преемственность. Эволюция к личной власти находилась в зародыше с тех пор, как революция стала вести

войну, Робеспьер предсказал это в январе 1792 года. Поскольку внешняя и гражданская войны продолжались непрерывно, а буржуазия не хотела прибегнуть к помощи народа из страха перед социальной демократией, неотвратимая необходимость толкала Республику нотаблей к усилению исполнительной власти. Но с течением времени становится ясно, насколько Республику нотаблей затмевает трагическое величие Республики II года: в глазах истории Первая республика остается Республикой 93-го года.

Несмотря на конечное поражение, попытка II года более ста пятидесяти лет являлась пророческим примером. Рожденная Просвещением, она предстает перед нами как гигантское усилие с целью организации нации на более разумных и более справедливых началах. Но мы бы исказили историю, если бы забыли о том энтузиазме и вере, которые сопутствовали рождению в муках этого нового общества: они вдохновляли борцов 10 августа, солдат Вальми, Жеммапа и Флерюса. Девяносто третий год остается символом борьбы за свободу и независимость. Вот почему вдохновляющее воспоминание о Неделимой Республике вечно живет в сознании людей нашего столетия.

О Первой республике (1792—1804 годы) не существует ни одного общего труда, обычно в нашей историографии доводят изложение только до 18 брюмера, настолько живуча легенда, созданная во времена Консульства. Вот почему приходится ссылаться на работы, посвященные либо революции, либо наполеоновской эпохе. Отметим все же труд, охватывающий весь этот период, а именно: А. Аулард, *Histoire politique de la Révolution française* (1901), который ставит своей целью осветить историю демократии за период с 1789 по 1804 год.

Из всей богатейшей библиографии, касающейся эпохи революции, мы здесь остановимся только на важнейших работах, которые являются выдающимися в историографии Французской революции, появившихся в XIX веке, выделяются благодаря своим в этой области.

Из всей совокупности исторических трудов о Французской революции, появившихся в XIX веке, выделяются благодаря своим литературным достоинствам работы Мишле (1847—1853) *Труд Токвиля* (A. de Tocqueville, *L'Ancien Régime et la Révolution*, 1856, новое издание с введением Ж. Лефевра вышло в 1952 году) отличается глубоким знанием периода, но не дает последовательного изложения. Труд Тэна (Taine, *Les origines de la France contemporaine*, 1876—1893) характеризуется ярко выраженной антиреволюционной тенденциозностью.

Изучение истории революции получило новый толчок в конце XIX и в начале XX века. См.: А. Аулард, *Histoire politique de la Révolution française*, 1901, и особенно J. Jaugés, *Histoire Socialiste*, t. I—IV, 1901—1904, новое издание под редакцией А. Матьеза, 1922—1924, было вновь переиздано в 1939 году; Ph. Sagnac, *La Révolution, 1789—1792*, и G. Pariset, *La Révolution, 1792—1799* (Paris, 1920, t. I et II “L’Histoire de la France contemporaine” под редакцией Э. Лависса), А. Mathiez, *La Révolution française*, 1922—1927, 3 vol., coll. “A. Colin”; продолжением этой работы служат книги: G. Lefebvre, *Les Thermidiens* (1937, 4-е пересмотренное издание вышло в 1960 году) и “Le Directoire” (1946, 3-е пересмотренное издание вышло в 1958 году).

Особо следует отметить книгу G. Lefebvre, *La Révolution française* (1951, t. XIII de la coll. “Peuples et Civilisations”, 3-е пересмотренное издание было выпущено А. Собоулем в 1963 году), и все работы того же историка, начиная с “Paysans du Nord pendant la Révolution française” (1924, переиздание в 1959 году) и кончая “Etudes sur la Révolution française” (1954, переиздана в 1963 году). Блестящий очерк дает нам Э. Лабрусс в “Le XVIIIe Siècle. Révolution intellectuelle, technique et politique (1715—1815)”, par R. Mousnier et E. Labrousse avec la collaboration de M. Bouloiseau (1953, t. V. “L’Histoire générale des civilisations”, под редакцией М. Крузе), А. Soboul, *Précis d’histoire de la Révolution française*, 1962.

По вопросам библиографии см.: P. Caron, *Manuel pratique pour l’étude de la Révolution française* (1912, и пересмотренное издание 1947 года), L. Villat, *La Révolution et l’Empire 1789—1815*. I: *Les Assemblées révolutionnaires, 1789—1799* (1936, t. VIII de la coll. “Clio”); J. Godechot, *Les Révolutions (1770—1799)*, 1963, t. 36 de la coll. “Nouvelle Clio”.

Что касается наполеоновской эпохи, то лучшей работой остается работа G. Lefebvre, *Napoléon*, 1936, t. XIV de la coll. “Peuples et Civilisations”, 5-е издание пересмотрено и выпущено А. Собоулем в 1965 году. См. также: Е. Тарле, *Наполеон*, и более позднюю работу: Е. Терсен, *Napoléon*, 1959. Общий обзор дан также у F. Ponteil, *Napoléon 1er et l’organisation autoritaire de la France*, 1956.

По вопросам библиографии см.: L. Villat, *La Révolution et l’Empire, 1789—1815*. II: *Napoléon, 1799—1815*, 1936, t. VIII de la coll. “Clio”; J. Godechot, *L’Europe et l’Amérique à l’époque napoléonienne (1800—1815)*, 1967, t. 37 de la coll. “Nouvelle Clio”.

ВВЕДЕНИЕ

ОСНОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ

(август 1792 года — январь 1793 года)

1. Значение событий 10 августа

Помимо основных работ, перечисленных выше, особенно А. Олара «*Политическая история*», см.: Mortimer-Ternaux, *Histoire de la Terreur*, t. III, Paris, 1863; Ph. Sagnac, *La chute de la royauté*, Paris, 1909; F. Braesch, *La Commune du 10 août*

1792. Etude sur l'histoire de Paris du 20 juin au 2 décembre 1792, Paris, 1911; A. Mathiez, Le Dix Août, Paris, 1931.

2. Свержение монархии

О первых заседаниях Конвента см. в основном упомянутую выше книгу А. Олара, вторую часть.

3. Жирондисты и монтаньяры

См. главным образом: A. Mathiez, Girondins et Montagnards, Paris, 1930 и "De la véritable nature de l'opposition entre les Girondins et les Montagnards", "Annales révolutionnaires", 1923, p. 177.

4. Партии и голова короля

См: Ed. Seligman, La justice en France pendant la Révolution, t. II: 1791—1793, Paris, 1913; P. de Vaissière, La mort du roi, Paris, 1910; и особенно A. Soboul, Le procès de Louis XVI, Paris, 1966.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА (1793 — 1795 годы)

I ПЕРВОЕ БАНКРОТСТВО ЛИБЕРАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ (январь — июнь 1793 года)

1. Кризис революции (январь — март 1793 года)

Следует обращаться к основным трудам о революции. При этом необходимо уточнять общую картину, систематически прибегая к региональной и локальной истории, особенно когда это

касается периодов кризиса или в тех случаях, когда четко выступают различия между отдельными областями; никаких попыток синтеза этих различий в истории революционной Франции до сих пор не было сделано.

Относительно дороговизны жизни и натиска народа см. в основном: A. Mathiez, La vie chère et le mouvement social sous la Terreur, Paris 1927, G. Rudé, Les émeutes des 25—26 février 1793 à Paris, "Annales historiques de la Révolution française", 1953, p. 33, F. Duhem, François-Joseph L'Ange, 1743—1793, "Annales historiques de la Révolution française", 1951, p. 38.

О поражении и измене Дюмурие см.: A. Chuquet, Les guerres de la Révolution, t. V La trahison de Dumouriez, Paris, 1890 и "Dumouriez", Paris, 1914, A. Mathiez, Danton et la paix, Paris, 1919.

Из обширной литературы по Вандее упомянем E. Gabory, La Révolution et la Vendée, Paris, 1925—1928, 3 vol (написана в благоприятном для мятежников духе), и особенно сборник документов Ch-L. Chassin, Études documentaires sur la Révolution française. La préparation de la guerre de Vendée, 1789—1793, Paris, 1892, 3 vol; "La Vendée patriote, 1793—1800", Paris, 1893—1895, 4 vol., а также "Les pacifications de l'Ouest, 1794—1800", Paris, 1896—1899, 3 vol., и общий обзор L. Dubreuil, Histoire des insurrections de l'Ouest, Paris, 1929, 2 vol.

2. Конец Жиронды (март — май 1793 года)

По этому периоду не существует ни одной работы, которую можно было бы сравнить с упомянутой выше книгой Ф. Бреша, которая обрывается декабрем 1792 года. Среди трудов общего характера следует упомянуть: D. Guérin, La lutte des classes sous la première République. Bourgeois et "bras nus", 1793—1797, Paris, 1946, 2 vol. (точка зрения спорная); и особенно A. Soboul, Les sans-culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire, 2 juin 1793—9 thermidor an II, Paris, 1958.

О событиях 31 мая—2 июня 1793 года см.: Mortimer-Ternaux, Histoire de la Terreur, t. VII, Paris, 1869; H. Wallon, La révolution du 31 mai et le fédéralisme en 1793, t. I, Paris, 1886; P. Sainte-Claire Deville, La Commune de l'an II. Vie et mort d'une assemblée révolutionnaire, Paris, 1946.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ

(июнь — декабрь 1793 года)

Помимо трудов общего характера, следует использовать также уже упомянутые работы Д. Герена и А. Соболя.

1. Умеренные, монтаньяры и санкюлоты

(июнь — июль 1793 года)

О попытках примирения и о Конституции 1793 года см. уже цитированную работу А. АULARD, Histoire politique de la Révolution, 2e partie, chap. IV, а также: А. MATHIEZ, La Constitution de 1793, "Annales historiques de la Révolution française", 1928, p. 428.

О федералистском мятеже (общий его обзор) см. уже упомянутую работу Валлона (т. II); особое внимание следует обратить на исследования региональных и локальных движений: С. RIFFATERRE, Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793, Lyon, 1912, et Lyon—Paris, 1928, 2 vol.; E. HERRIOT, Lyon n'est plus, Paris, 1937—1940, 4 vol.; Н. GOODWIN, The federalist movement in Caen during the French Revolution, "Bulletin of the John Rylands Library", 1960; P. NICOLLE, Le mouvement fédéraliste dans l'Orne en 1793, "Annales historiques de la Révolution française", 1936, p. 481; 1937, p. 215; 1938, p. 12, 289, 385; G. GUIBAL, Le fédéralisme en Provence en 1793, Paris, 1908.

Об отпоре революционных сил в Париже см.: Н. CALVET, Un instrument de la Terreur à Paris: le Comité de salut public ou de surveillance du département de Paris, Paris, 1941; об отпоре в департаментах см.: P. CARON, Rapports des agents du ministre de l'Intérieur dans les départements, 1793 — an II, Paris, 1913, et 1951, 2 vol.; R. COBB, Les armées révolutionnaires, Instrument de la Terreur dans les départements, avril 1793 — floréal an II, Paris — La Haye, 1963, 2 vol. О продовольственном кризисе и о социальном движении. помимо уже упомянутых работ Матьеза и Соболя (А. MATHIEZ, La vie chère...; А. SOBOUL, Les sans-culottes parisiens en l'an II...), см.: М. DOMMANGET, Jacques Roux, le curé rouge, Paris, 1948; о применении первого максимума см.: введение Ж. Лефевра к "Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues pendant la Révolution" (t. I, Lille, 1914), и "Etudes

orléanaises" t. II: Subsistances et maximum, 1789 — an IV, Paris, 1963; о скупке см.: Н. CALVET, L'accaparement à Paris sous la Terreur. Essai sur l'application de la loi du 26 juillet 1793, Paris, 1933.

2. Комитет общественного спасения и народный натиск

(август — сентябрь 1793 года)

Об образовании Революционного правительства, помимо уже упомянутых работ, см.: P. MAUTOUCHET, Le gouvernement révolutionnaire, Paris, 1912 (документы); А. COCHIN et Ch. CHARPENTIER, Les actes du gouvernement révolutionnaire, 23 août 1793 — 27 juillet 1794, Paris 1920—1926, 3 vol.; А. SOBOUL, Robespierre et la formation du gouvernement révolutionnaire, 27 juillet — 10 octobre 1793, "Annales historiques de la Révolution française", 1958, p. 282. О великом Комитете общественного спасения см.: R. R. PALMER, Twelve who ruled, Princeton, 1941; М. BOULOISEAU, Le Comité de salut public, 1793—1795, Paris, 1962.

О движении санкюлотов, которое по традиции называют «эбертистским» и которое Д. Герен в упомянутой выше работе считает «пролетарским», см. в основном: А. SOBOUL, Les sans-culottes parisiens en l'an II...; W. MARKOW и А. SOBOUL, Die sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschishte der Volksbewegung, 1793—1794, Berlin, 1957 (с предисловием Жоржа Лефевра). Об общественном мнении в Париже см.: P. CARON, Paris pendant la Terreur. Rapports des agents secrets du ministre de l'Intérieur, du 23 août 1793 au 11 germinal an II (31 mars 1794), Paris, 1910—1964, 6 vol. (пятый том вышел под редакцией А. Кальве, шестой — М. Эда).

О всенародном ополчении см. общий обзор у: А. SOBOUL, Les soldats de l'an II, Paris, 1959.

О событиях 4 и 5 сентября 1793 года см.: А. MATHIEZ, La vie chère..., chap. X; А. SOBOUL, Les sans-culottes parisiens..., chap. III de la deuxième partie.

3. Организация якобинской диктатуры общественного спасения

(октябрь — декабрь 1793 года)

О терпоре см.: E. CAMPARDON, Le tribunal révolutionnaire de Paris, Paris, 1866, 2 vol.; H. WALLON, Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris avec le journal de ses actes, Paris, 1880 —

1882. 6 vol. О терроре в департаментах см. общий обзор: Н. Wallon, Les représentants en mission et la justice révolutionnaire en l'an II, Paris, 1885—1889, 5 vol; P. Caron, Rapports des agents du ministre de l'Intérieur dans les départements, 1793—ан II. Ввиду очень большого различия в применении террора в отдельных областях необходимо использовать региональные исследования. См., в частности: Gaston-Martin, La mission de Carrier à Nantes, Paris, 1924.

О дехристианизации см.: А. Aulard, Le culte de la Raison et le culte de l'Être suprême, 1793—1794, Paris, 1892; А. Mathiez, La Révolution et l'Église, Paris, 1910, chap. III, и его же работу «Les origines des cultes révolutionnaires», 1789—1792, Paris, 1904. Кроме того, необходимо использовать региональные исследования Л. Madelin, Fouché, 1759—1820, Paris, 1900, chap. V; М. Dommanget, La déchristianisation à Beauvais et dans l'Oise, Paris, 1922. Относительно культа мучеников свободы см. уже упомянутую работу А. Соболя о санкюлотах (главу V) и его же статью «Sentiment religieux et cultes populaires sous la Révolution: saintes patriotes et martyrs de la liberté», «Annales historiques de la Révolution française», 1957, p. 193.

О первых победах см.: А. Chuquet, Les guerres de la Révolution, t. VIII: Wissembourg, Paris, 1893; t. IX: Hoche et la lutte pour l'Alsace, Paris, 1893; t. X: Valenciennes, Paris, 1894; t. XI: Hondschoote, Paris, 1895; О мобилизации материальных ресурсов см.: С. Richard, Le Comité de salut public et les fabrications de guerre sous la Terreur, Paris, 1922. О чистке кадров см.: général Herlaut, La républicanisation des états-majors et des cadres de l'armée pendant la Révolution, «Annales historiques de la Révolution française», 1937, p. 385, 537.

III

ВЕЛИЧИЕ И КРУШЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

(декабрь 1793 года — июль 1794 года)

1. Борьба фракций и торжество Комитета общественного спасения

(декабрь 1793 года — апрель 1794 года)

О «заговоре иностранцев» и о деле Ост-Индской компании см. в основном: А. Mathiez, Etudes robespierristes, t. II: La Conspira-

tion de l'étranger, Paris, 1918, chap. I et II; «Un procès de corruption sous la Terreur. L'Affaire de la Compagnie des Indes», Paris, 1920; «Robespierre terroriste», Paris, 1921.

О наступлении «снисходительных», помимо уже упомянутых работ общего характера, см. издание «Vieux Cordelier», осуществленное А. Кальве по заметкам А. Матьеза (Париж, 1936).

О контрастности крайних см. уже упоминавшиеся работы о народном движении, в частности: А. Soboul, Les sans-culottes parisiens..., chap. VI de la première partie.

Относительно вантозского кризиса и падения фракций см. особенно работу Матьеза (А. Mathiez, Robespierre terroriste, Paris, 1921), в которой содержится критический анализ записок Робеспьера, направленных против дантонистов. О вантозских декретах см. указанные ниже исследования, посвященные социальной демократии.

2. Якобинская диктатура общественного спасения

По вопросу о Революционном правительстве к уже упомянутым трудам следует добавить: Р. Caron, De l'étude du gouvernement révolutionnaire, «Revue de synthèse», 1910, p. 163; А. Mathiez, Le gouvernement révolutionnaire, «Annales historiques de la Révolution française», 1937, p. 97. Для Парижа см.: М. Eude, La Commune robespierriste, «Annales historiques de la Révolution française», 1933, p. 412; 1934, p. 323, 528; 1935, p. 132, 495; 1936, p. 289; для департаментов см.: Н. Wallon, Les représentants en mission... и особенно региональные исследования, например: А. Richard, Le gouvernement révolutionnaire dans les Basses-Pyrénées, Paris, 1922. О революционных комитетах см.: J. D. Siroich. The revolutionary committees in the departments of France, 1793—1794, Cambridge, Mass., 1943; R. B. Rose, The revolutionary committees of the Paris sections in 1793, «Bulletin of the John Rylands Library», 1952, p. 88. О клубах и народных обществах в департаментах см.: Н. Chobaut, Le nombre des sociétés populaires du Sud—Est en l'an II, «Annales historiques de la Révolution française», 1926, p. 450; Н. Soanen, Les sociétés populaires du Puy-de-Dôme, Ibid., 1927, p. 578; О клубах и народных обществах в Париже см.: А. Soboul, Les sans-culottes parisiens..., chap. V de la deuxième partie.

О силе принуждения и терроре, помимо уже упомянутых трудов Кампардона и Валлона, см., в частности: Агне Ordning, Le

Bureau de police du Comité de salut public. Étude sur la Terreur, Oslo, 1930; J. L. Godfrey, Revolutionary justice. A study of the organisation, personnel and procedure of Paris Tribunal, 1793—1795, Chapel Hill, North-Carolina, 1951; о прериаальском законе см.: Н. Calvet, Une interprétation nouvelle de la loi de prairial, "Annales historiques de la Révolution française", 1950, p. 305; G. Lefebvre, Sur la loi du 22 prairial, Ibid., 1951, p. 225; об общих итогах террора см.: D. Greer, The incidence of the Terror. A statistical interpretation, Cambridge, Mass., 1935. О подозрительных см. общий обзор: L. Jacob, Les suspects pendant la Révolution, 1789—1794, Paris, 1952; автор оценивает их число в 70 тыс. человек, в то время как А. Матъез считал вначале, что их было 300 тыс., а позднее — 90 тыс. Чтобы правильнее оценить все разнообразие применения террора в департаментах, надо обратиться к региональным исследованиям. См., например: L. Jacob, Joseph Lebon (1765—1795). La Terreur à la frontière, Nord et Pas-de-Calais, Paris, 1933, 2 vol.

Об управлении экономикой см.: Procès-Verbaux de la Commission des subsistances, Paris, 1924—1925, 2 vol.; A. Mathiez, La vie chère...; C. Richard, Le Comité de salut public et les fabrications de guerre. О применении максимума см.: G. Lefebvre, Études orléanaises, t. II: Subsistances et maximum, 1789—an IV, Paris, 1963, о максимуме заработной платы см.: A. Soboul, Problèmes du travail en l'an II, "Annales historiques de la Révolution française", 1956, p. 236; G. Rudé et A. Soboul, Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor, Ibid., 1954, p. 1. О внешней торговле см.: G. Lefebvre, Le commerce extérieur en l'an II, "La Révolution française", t. LXXVII, 1925, p. 132, 214.

Что касается социальной демократии, то спор шел в основном о вантозских декретах. См по этому вопросу: A. Mathiez, La Terreur, instrument de la politique sociale des robespierristes. Les décrets de ventôse sur le séquestre des biens des suspects et leur application, "Annales historiques de la Révolution française", 1928, p. 193; G. Lefebvre, Questions agraires au temps de la Terreur, Paris, 1932, 2e éd., 1954.; A. Soboul, Les sans-culottes parisiens..., chap. I de la troisième partie. Для знакомства с региональными исследованиями, посвященными данному вопросу, см.: R. Schnerb, L'application des décrets de ventôse dans le district de Thiers, "Annales historiques de la Révolution française", 1929, p. 24; "Les lois de ventôse et leur application dans le département du Puy-de-Dôme", Ibid., 1934, p. 403.

О национальной армии см. общий обзор: P. Caron, La défense nationale de 1792 à 1795, Paris, 1912; A. Mathiez, La victoire en

l'an II. Esquisses historiques sur la défense nationale, Paris, 1916; A. Soboul, Les soldats de l'an II, Paris, 1959.

3. 9 термидора II года (27 июля 1794 года)

Относительно победы на фронтах см.: L. Jouan, La campagne de 1794—1795 dans les Pays-Bas, t. I La conquête de la Belgique, mai—juillet 1794, Paris, 1914. О политическом кризисе см.: A. Mathiez, La division dans les Comités gouvernementaux à la veille du 9 thermidor, "Revue historique", t. CXVIII, 1915, p. 70, и его же "Les séances des 4 et 5 thermidor aux deux Comités de salut public et de sûreté générale, "Annales historiques de la Révolution française", 1927, p. 193; G. Lefebvre, La rivalité du Comité de salut public et du Comité de sûreté générale, "Revue historique", t. CLVII, 1931, p. 336.

О политических и социальных аспектах кризиса в парижских секциях см.: A. Soboul, Les sans-culottes parisiens..., chap. VI de la troisième partie.

О начале и провале восстания см.: E. Hamel, Thermidor, Paris, 1891; L. Barthou, Le 9 thermidor, Paris, 1912; A. Soboul, Les sans-culottes parisiens..., p. 996—1024.

IV

БУРЖУАЗНАЯ РЕАКЦИЯ И КОНЕЦ НАРОДНОГО ДВИЖЕНИЯ

(июль 1794 года — май 1795 года)

Помимо основных уже указанных работ, см.: A. Mathiez, La réaction thermidorienne, Paris, 1929; G. Lefebvre, Les thermidoriens, Paris, 1937; 4 éd., 1960 По политической и социальной истории этого периода см. две превосходные публикации: R. Fios, La réaction thermidorienne à Lyon, 1795, Lyon—Paris, 1957; K. D. Tønnesson, La défaite des sans-culottes Mouvement populaire et réaction bourgeoise en l'an III, Oslo—Paris, 1959. Что касается документов этого периода, см.: A. Aulard, Paris pen-

дant la réaction thermidorienne et sous le Directoire, Paris, 1898—1902, 5 vol (донесения полиции и выдержки из газет).

1. Наступление термидорианской реакции

О распаде Революционного правительства см, помимо уже указанных выше работ А Олара, Мотуше и других М Bouloiseau, Les comités de surveillance d'arrondissement de Paris sous la réaction thermidorienne, "Annales historiques de la Révolution française", 1933, p. 317, 447, 1934, p. 233, 1936, p. 42, 204.

О политическом конфликте и о преследовании якобинцев и санкюлотов см в основном вышеупомянутую работу К. Д. Теннессона, главы III, IV и V.

О реакции в области нравов см J Turquan, La citoyenne Tallien, Paris, 1898; A. Marquiset, Une merveilleuse Madame Hamelin, Paris, 1911.

О реакции в области религии и об амнистии вандейцам, помимо уже указанных трудов о Вандее, см A Mathiez, Le régime des cultes sous la première séparation, в "La Révolution et l'Église", Paris, 1910, abbé Boussoulade, L'Église de Paris du 9 thermidor au Concordat, Paris, 1950

2. Экономический кризис и денежная катастрофа

Отсылаем читателя к основным трудам об ассигнатах, см: J. Mogini-Comby, Les assignats, Paris, 1925; S. E. Harris, The assignats, Cambridge, Mass, 1930 О продовольственной проблеме см главным образом введение Ж. Лefевра к "Documents relatifs à l'histoire des substances dans le district de Bergues, 1789 — an IV", t. I, Lille, 1914; G. Lefevre, Etudes orléanaises, t. II, Paris, 1963, chap. III. о социальном кризисе в деревне см P Massé, Les amortissements de rentes foncières en l'an III dans la région de Bonneuil — Matours: essai de psychologie sociale, "Annales historiques de la Révolution française", 1961, p. 349.

3. Последние народные восстания (жерминаль и прериаль III года)

О волнениях в жерминале в департаментах см R Cobb, Les journées de germinal an III dans la zone de ravitaillement de Pa-

ris, "Annales de Normandie", 1955, p. 233; R. Cobb et G. Rudé, Le dernier mouvement populaire de la Révolution à Paris. Les journées de germinal et prairial an III, "Revue historique", t. CCXIV, 1955, p. 250; E. Гарле, Жерминаль и прериаль, М., 1959, и особенно упоминавшееся выше произведение К. Д. Теннессона. О мучениках прериала см: F. Thénard et R. Guyot, Le conventionnel Goujon, Paris, 1908; A. Galante Garrone, Gilbert Romme. Storia di un rivoluzionario, Turin, 1959; "Gilbert Romme (1750—1795) et son temps", Paris, 1966. О репрессиях см: R. Cobb, Note sur la répression contre le personnel sans-culotte de 1795 à 1801, "Annales historiques de la Révolution française", 1954, p. 23; и особенно упомянутую работу К. Д. Теннессона, гл. XIV.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕСПУБЛИКА НОТАБЛЕЙ (1795 — 1799 годы)

I

ТЕРМИДОРИАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ (1795 год)

См. работы о термидорианской реакции, указанные в начале предыдущей главы.

1. На следующий день после прериала (май — июль 1795 года)

О белом терроре работ общего характера не имеется; см. работы местного или регионального характера; лучшей из них является указанная выше работа R. Фуос, La réaction thermidorienne à Lyon, 1795. О Киброне см. указанные выше работы о Вандее Л. Дюбрёйя и Э. Габори; их можно дополнить работой Th. de Clostmaeuc, Quiberon, Paris, 1898.

2. Победоносный мир (1795 год)

О термидорианской дипломатии и договорах 1795 года см. работы общего характера и A. Сорел, L'Europe et la Révolution fran-

çaise, Paris, 1885—1904, t. IV. О финансовых условиях мира с Голландией см. G.-B. Manger, Recherches sur les relations économiques de la France et de la Hollande pendant la Révolution française, Paris, 1923.

Об армии и войне III года см.: Bourdeau, Les armées du Rhin au début du Directoire, Paris, 1902; F. Vermale, La désertion dans l'armée des Alpes après le 9 thermidor. «Annales révolutionnaires», 1913, p. 506, 643; а также: A. Soboul, Les soldats de l'an II, Paris, 1959.

3. Организация власти буржуазии

О Конституции III года см. вышеуказанный труд Олара (A. Aulard, Histoire politique...), третью часть; M. Deslandres, Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870, t. I: De la fin de l'Ancien Régime à la chute de l'Empire, 1789—1815, Paris, 1932

О первых шагах нового режима см.: A. Lajusan, Le plébiscite de l'an III, «La Révolution française», t. LX, 1911, p. 5, 106, 237.

О восстании 13 вандемьера см.: H. Zivy, Le 13 vendémiaire an IV, Paris, 1898; G. Rudé, Les sans-culottes parisiens et les journées de vendémiaire an IV, «Annales historiques de la Révolution française», 1959, p. 332.

II

ВТОРИЧНОЕ БАНКРОТСТВО

ЛИБЕРАЛЬНОЙ РЕСПУБЛИКИ

(октябрь 1795 года — сентябрь 1797 года)

Новых капитальных трудов по общей истории Директории не существует; см. общие работы о революции; дополнительно к ним см.: L. Sciout, Le Directoire, Paris, 1895—1897, 4 vol., труд, крайне враждебный Директории, основанный главным образом на мемуарах Ларевельера-Лепо и Барраса (La Revellière-Lereaux, Mémoires, Paris, 1895, 3 vol.; Barras, Mémoires, Paris, 1895—1896, 4 vol.); A. Aulard, Histoire politique..., troisième partie; A. Mathiez, Le Directoire du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V, труд опубликован Годшо на основании рукописей автора (Paris,

1934); G. Lefebvre, Le Directoire, Paris, 1946, 3e ed., 1958; J. Goodwin, The French executive Directory: a revaluation. «Histoire», t. XXII, 1937, p. 201. О религиозном вопросе, помимо указанных выше трудов, см.: A. Mathiez, La Théophilanthropie et le culte décadant, Paris, 1904; его же «Le culte privé et le culte public sous la première séparation, 1795—1802», Paris, 1907. Классическая монография в рамках департамента принадлежит M. Reinhard, Le département de la Sarthe sous le régime directorial, Saint-Brieuc, 1935. Более новые работы: J.-R. Suratteau, Le département du Mont-Terrible sous le régime du Directoire, 1795—1800, Paris, 1965; P. Clémentot, Le département de la Meurthe à l'époque du Directoire, s. l., 1966.

1. Крах внутренней стабилизации (1795 — 1797 годы)

Об установлении Директории и о политической борьбе см. работы общего характера, указанные в начале этой главы и посвященные истории данного периода; дополнительно см.: J. Bourdon, Le mécontentement public et les craintes des dirigeants sous le Directoire, «Annales historiques de la Révolution française», 1946, p. 218; а также статьи Ж. Сюратто: J. Suratteau, Les élections de l'an IV, Ibid., 1951, p. 374; 1952, p. 32; «Les élections de l'an V aux Conseils du Directoire», Ibid., 1958, p. 21; и «Les élections de l'an VI» (диссертация, рукопись, 1966 год).

О конце бумажных денег см. указанные выше работы об ассигнатах Ж. Морини-Комби и С. Э. Гарриса; о продовольственном кризисе в IV году см. указанные выше работы Ж. Лефевра; о некоторых социальных последствиях см.: E. et J. de Goncourt, Histoire de la société française sous le Directoire, Paris, 1885, фактически описан главным образом Париж и светская жизнь в анекдотическом плане; о военных поставщиках и спекуляции см.: J. Stern, Le mari de Mademoiselle Lange: M.-J. Simons, Paris, 1933.

О Бабефе и «Заговоре во имя равенства» см.: «Pages choisies de Babeuf», с введением и критической библиографией M. Домманже (Paris, 1935); Ph. Buonarroti, Conspiration pour l'Égalité, dite de Babeuf, Paris, 1957; A. Mathiez, Le Directoire..., указ. выше работа, гл. VIII—X; A. Galante Garrone, Babeuf e Buonarroti, Turin, 1948; A. Saitta, Filippo Buonarroti, Roma, 1950—1951, 2 vol.; G. Lefebvre, Les origines du communisme de Babeuf; перепечатана в «Études sur la Révolution française» (Paris, 1954; 2e éd., 1963);

«Babeuf et Buonarroti. Pour le deuxième centenaire de leur naissance», Nancy, 1961; Cl. Mazauric, Babeuf et la conspiration pour l'égalité, Paris, 1962; «Babeuf et les problèmes du babouvisme», Paris, 1963, сборник с предисловием А. Собоуля; В. Далин, Грахх Бабеф накануне и во время Великой французской революции (1785—1794), М., 1963.

2. Завоевательная война (1796 — 1797 годы)

Об истории международных отношений во время Директории, помимо трудов общего характера, см. главным образом: R. Guyot, Le Directoire et la paix de l'Europe, Paris, 1911.

Об армии при первой Директории см.: J. Godechot, Les insurrections militaires sous le Directoire, «Annales historiques de la Révolution française», 1933, p. 129, 193; его же: «Les commissaires aux armées sous le Directoire. Contribution à l'étude des rapports entre les pouvoirs civil et militaire», Paris, 1937, 2 vol.

О Бонапарте в Италии см.: G. Ferrero, Aventure. Bonaparte en Italie, Paris, 1963, и последующую полемику. P. Muret, G. Ferrero, historien de Bonaparte, «La Révolution française», 1937, p. 221; Ibid. 1938, p. 1, 21.

3. Наступление роялистов и переворот в фрюктидоре (1796 — 1797 годы)

О наступлении роялистов см. общий обзор: J. Godechot, La contre-révolution. Doctrine et action, 1789—1804, Paris, 1961.

О выборах V года и о реакции см.: A. Meunier, Les coups d'État du Directoire, t. I: Le 18 fructidor an V, Paris, 1928; Th. Aubin, Le rôle politique de Carnot depuis les élections de germinal an V jusqu'au coup d'État du 18 fructidor, «Annales historiques de la Révolution française», 1932, p. 37; J. Suratteau, Les élections de l'an V aux Conseils du Directoire, Ibid., 1958, p. 21.

О государственном перевороте 18 фрюктидора, помимо указанной выше работы А. Менье, см.: Ch. Ballot, Le coup d'État du 18 fructidor. rapports de police et documents divers, Paris, 1900. О Кампоформийском договоре см.: R. Guyot, Le Directoire et la paix de l'Europe, Paris, 1911.

III РЕСПУБЛИКА ДИРЕКТОРИИ МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЕЙ И ДИКТАТУРОЙ (сентябрь 1797 года — ноябрь 1799 года)

1. Репрессии и реформы (1797 — 1798 годы)

О «терроре Директории» см. указанные выше работы о 18 фрюктидора. О 22 флореала VI года см.: A. Meunier, Les coups d'État du Directoire, t. II. Le 22 floréal an VI et le 30 prairial an VII, Paris, 1928. О реформаторской деятельности второй Директории см.: C. Bloch, Les contributions directes, Paris, 1915, сборник документов; R. Schnerb, La dépression économique sous le Directoire après la disparition du papier-monnaie, «Annales historiques de la Révolution française», 1934, p. 27; O. Festy, Les essais de statistique économique pendant le Directoire et le Consulat, «Annales historiques de la Révolution française», 1953, p. 161.

2. Вторая Директория и Европа

О «Великой нации» и дочерних республиках см. в основном: J. Godechot, La Grande Nation. L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde, 1789—1799, Paris, 1956, 2 vol.; об экспедиции в Египет см.: A. de La Jonquiére, L'Expédition d'Égypte, Paris, 1900—1907, 5 vol. Об армии в VII году см.: G. Vallée, La conscription dans le département de la Charente, 1798—1807, Paris, 1937.

3. Последний революционный кризис (1799 год)

О событиях 30 прериаля см. указанную выше работу А. Меуниера, Les coups d'État du Directoire, t. II. О законах, проведенных якобинцами, см.: A. Meunier, Les coups d'État du Directoire, t. III. Le 18 brumaire an VIII et la fin de la République, Paris, 1928, le chapitre I. О реакции и контрреволюции, помимо указанной выше работы Ж. Годшо, см.: E. Daudet, Histoire de l'émigration. Les émigrés et la seconde coalition, 1797—1800, Paris, 1887. О 18 брюмера см.: A. Vandal, L'avènement de Bonaparte, t. I. La genèse du

Consulat. Brumaire, Paris, 1903, вышеуказанный труд А Меупиер, Les coups d'Etat du Directoire, t. III Le 18 brumaire an VIII; см. также А Аулард, Etudes et leçons, t. II (Paris, 1898) Les causes et les lendemains du 18 brumaire, p. 187; t. III (Paris, 1901): Bonaparte et les poignards des Cinq-Cents, p. 271; t. VII (Paris, 1913): Les derniers Jacobins, p. 84.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ РЕСПУБЛИКА БОНАПАРТА (1799 — 1802 годы)

КОНСУЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА ДИКТАТУРА И СТАБИЛИЗАЦИЯ (ноябрь 1799 года — август 1802 года)

См. труды общего характера, посвященные этому периоду, а также биографии Наполеона, указанные в начале приводимой библиографии.

1. Организация диктатуры (1799 — 1800 годы)

См. в особенности: А Аулард, Histoire politique de la Révolution française, Paris, 1901, IV partie; А Вандаль, L'avènement de Bonaparte, t. II, Paris, 1905; Ж Годешот, La contre-révolution... Об обществе, вышедшем из революции, работ общего характера не имеется; о последствиях революции в области общественных отношений см. работы: Г Лефевр, La Révolution française, А Соубоу, Précis..., указанные в начале приводимой библиографии.

О Конституции VIII года см.: М Десландрес, Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870, t. I, Paris, 1932, Ж Бурдон, La Constitution de l'an VIII, Rodez, 1941 (новые документы и оригинальные взгляды на ее подготовку). О государственной реформе и о Государственном совете см. в основном: Ш Дюранд, Etudes sur le Conseil d'Etat napoléonien, Paris, 1949, и другие публикации того же автора; об организации и деятельности органов власти см.: Ш Дюранд, L'exercice de la fonction législative de

1800 à 1914, Aix-en-Provence, 1955; об администрации в целом см.: Ф Понтейл, Napoléon Ier et l'organisation autoritaire de la France, Paris, 1956; об администрации префектур имеется несколько хороших монографий: Е Дежан, Un préfet du Consulat: Beugnot, Paris, 1897; Р Дюранд, L'administration des Côtes-du-Nord sous le Consulat et l'Empire, Paris, 1925, 2 vol.; о полиции см.: Е д'Аутериве, Napoléon et sa police, Paris, 1943; о финансах см.: Р Стурм, Les finances du Consulat, Paris, 1902; о реорганизации правосудия см.: Ж Бурдон, La réforme judiciaire de l'an VIII; а также «Les premières nominations judiciaires», Rodez, 1941, 2 vol.

2. Всеобщее умиротворение (1800 — 1802 годы)

О восстановлении мира см.: А Сорель, L'Europe et la Révolution française, Paris, 1869—1888, 6 vol., t. VI; Е Дриault, Napoléon et l'Europe, t. I: La politique extérieure du Premier Consul, Paris, 1910; Н Фугийет, La Révolution française et l'Empire napoléonien, Paris, 1954; «l'Histoire des relations internationales», t. IV, под редакцией П Ренувена.

О кризисе IX года, помимо трудов общего характера, см. указанную выше работу Ж Годешот, La contre-révolution...; Р Кобб, Note sur la répression contre le personnel sans-culotte de 1795 à 1801, «Annales historiques de la Révolution française», 1954, p. 23.

3. Социальная стабилизация и усиление диктатуры (1802 год)

О реакции в области религии и конкордате см.: аббэ Ж Вуссоладе, L'Eglise de Paris du 9 thermidor au Concordat, Paris, 1950; А Латрелье, L'Eglise catholique et la Révolution française, t. II: L'ère napoléonienne et la crise européenne 1800—1815, Paris, 1950. Основными работами по-прежнему являются: Булау де ла Меурте, Documents sur la négociation du Concordat et sur les autres rapports de la France avec le Saint-Siège, Paris, 1891—1905, 6 vol.; и «Histoire de la négociation du Concordat», Paris, 1920. О сопротивлении «Декад философий» см.: Ж Китчин, Un journal «philosophique»: La Décade, 1794—1807, Paris, 1965. О протестан-

тизме см.: D. Robert, Les Églises réformées de France, 1800—1830, Paris, 1961.

Об «организации нации» работ общего характера нет. О народном образовании см.: A. Aulard, Napoléon et le monopole universitaire, Paris, 1911; M. Gontard, L'enseignement primaire en France de la Révolution à la loi Guizot, 1789—1833, Paris, 1959. О Гражданском кодексе см.: Ph. Sagnac, La législation civile de la Révolution française. La propriété et la famille, 1789—1804, Paris, 1899; его же: «Le Code civil. Livre du centenaire», Paris, 1904, 2 vol.; M. Garaud, Histoire générale du droit privé français, de 1789 à 1804, t. I: La Révolution et l'égalité civile, Paris, 1953; t. II. La Révolution et la propriété foncière, Paris, 1959.

О пожизненном консулате см. указанные выше обзорные работы Олара и Вандаля. Дополнительно см.: Ph. Sagnac, Le Consulat à vie, «Revue des Études napoléoniennes», t. XXIV, 1925, p. 133, 193.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВОЙНА И ИМПЕРИЯ

(август 1802 года — декабрь 1804 года)

1. Разрыв Амьенского мира

(1802 — 1803 годы)

См. указанные выше труды по вопросу о всеобщем умиротворении. Об экономической политике Бонапарта трудов общего характера нет. См.: E. Tarlé, Napoléon Ier et les intérêts économiques de la France, «Revue des Études napoléoniennes», t. XXVI, 1926, p. 117; G. Dionnet, Le néo-mercantilisme au XVIIIe siècle et au début du XIXe, Paris, 1901. О колониальной политике см.: J. Saintoyant, La colonisation française pendant l'époque napoléonienne, Paris, 1931; A. Gésaire, Toussaint Louverture. La Révolution française et le problème colonial, Paris, 1960.

2. Конец Республики

(1804 год)

См. указанные выше труды, в особенности труды Олара и Вандаля; дополнительно см.: Boulay de la Meurthe, Correspondance du duc d'Enghien et documents sur son enlèvement et sur sa mort, Paris, 1904—1913, 4 vol